

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 10(19) / 2015

ЧАСТЬ 3

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природо-ресурсного права (Москва, РФ);

Игнатъева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);

Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);

Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);

Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);

Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);

Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;

Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);

Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)

Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);

Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)

Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Международные индексы:

Ответственный редактор:

Главный редактор:

Завальский Яков Андреевич (Россия), доктор психологических наук, профессор

Международный редакционный совет:

Научный редактор: Игнатьев Сергей Петрович (Россия), доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь редакции: Давыдова Наталия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент.

Арсеньев Дмитрий Петрович (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией

Бычковский Роман Анатолиевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, МГППУ

Ильченко Федор Влериевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии

Кобзон Александр Владимирович (Россия),

доктор педагогических наук, профессор

Панов Игорь Евгеньевич (Россия),

доктор технических наук, профессор

Петренко Вадим Николаевич (Казахстан),

доктор психологических наук, профессор

Прохоров Александр Октябринович (Казахстан),

доктор педагогических наук, профессор

Савченко Татьяна Николаевна (Белорусь),

кандидат психологических наук, доцент

Стеценко Марина Ивановна (США),

Ph.D., профессор

Строганова Татьяна Александровна (Украина),

доктор педагогических наук, профессор

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович

Верстка: Кислюк Влада

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Жуков Д. С., Лямин С. К., Барабаш Н. С.</i> ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ИСТОРИИ НАУКИ6	ЧЕРНОВИКОВ А. С. ПУШКИНА23
<i>Бокова Я. М.</i> ИЗ ИСТОРИИ ИНАКОМЫСЛИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ».....11	<i>Кузнецов В. Н.</i> ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СЕВЕРО- ЗАПАДА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....28
<i>Жук А. А.</i> СИНГАПУР В 1965-1963 ГГ.: ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ.....14	<i>Нестеров А. И.</i> ПОЯВЛЕНИЕ МЕЩАНСТВА В РОССИИ.....31
<i>Запорожцева О. А.</i> КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУСТАРНИКА ЖЕЛТИННИК ПОМЕЩИКОМ РЕБРОВЫМ.....16	<i>Поварницын Б. И.</i> «СИТУАЦИИ» ДЛЯ «ЗАКОНОВ».....36
<i>Иванов В. В.</i> ПРОБЛЕМА ВЬЕТНАМЦЕВ В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ИНДОКИТАЕ 1975–1964 ГГ.....18	<i>Рогачёв В. Е.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР В ВОПРОСАХ ОСВОЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ИСПАНИИ XVI- XVII ВВ.).....38
<i>Копылова И. А.</i> ПРИЧИНЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В ТУНИСЕ.....21	<i>Тулешова У. Ж.</i> SECTARIAN DENOMINATIONS IN KAZAKHSTAN: EXTENT, ROLE IN SOCIETY AND INFLUENCE TO CHANGE OF SOCIAL VIEWS (XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY).....40
<i>Королев В. В.</i> ТАЙНА НАДПИСЕЙ НА ПОЛЯХ	<i>Шапорева Е. Д., Шеметова Т. А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ КОНСУЛЬСТВ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1924-1917 ГГ.....44

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ермишина Н. Д.</i> ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЙ ЗАПАДНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ.....46	<i>Слобцова С. И.</i> МАСКУЛИННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....54
<i>Османкина Г. Ю.</i> ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ МИФОЛОГЕМЫ В КАНОНЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ИСКУССТВА.....49	<i>Солдатенкова О. В.</i> ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СВЕТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВИЗАНТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ.....57
<i>Романова А. П.</i> АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА МОНСТРА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ДИХОТОМИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ».....52	<i>Якушенков С. Н.</i> ОТ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ К КУЛЬТУРНОМУ ОСОЗНАНИЮ ¹60

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- Бурмин Л. Н., Барич-Бурмина В. Ю.*
АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ И СИСТЕМ ДЛЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ВЕДЕНИЯ ГОРНЫХ
РАБОТ.....63
- Дербенцева А. М., Дудкин Р. В., Брикманс А. В.*
ПОЧВЫ И РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ВЫХОДОВ
КАРБОНАТОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО
СКЛОНА БАРАБАШСКОЙ СВИТЫ64
- Дручинин С. С.*
ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО
ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА: ОТ ОТВОДА ЗЕМЕЛЬ
МОНАСТЫРЯМ ДО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ.....68
- Иголкина Г. В.*
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
МАГНИТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
С РАССЛОЕННОСТЬЮ МОЩНЫХ
ИНТРУЗИЙ ТРАППОВ И ДОЛЕРИТОВ.....71
- Каменских С. В.*
ОПТИМИЗАЦИЯ СОСТАВА
БУРОВОГО РАСТВОРА В УСЛОВИЯХ
СЕРОВОДОРОДНОЙ АГРЕССИИ77
- Рябинина О. В., Пономаренко Е. А.*
ОСОБЕННОСТИ РЕАКРЕАЦИОННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ ОСТРОВА ОЛЬХОН (ОЗЕРО
БАЙКАЛ).....79
- Ширяев А. Б., Логачев Ю. Л.*
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА КРЕПЛЕНИЯ СТВОЛА
СКВАЖИНЫ ПРИ ЦЕМЕНТИРОВАНИИ
ОБСАДНЫХ КОЛОНН В УСЛОВИЯХ
ИЗМЕНЕНИЯ СЕЧЕНИЯ СТВОЛА
СКВАЖИНЫ.....83

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Болибекова М. М.*
О ФОРМАХ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОГО
СКАЗУЕМОГО В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ...89
- Воробьева А. Н.*
МИР ШУКШИНА: РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ.....92
- Головинова П. А., Кудряшов И. А.*
ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЯМЫХ
И КОСВЕННЫХ ЭКСПРЕССИВНЫХ
АКТОВ В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО И
ИЛЛОКУТИВНОГО МОДУЛЕЙ.....95
- Еранцева М. А.*
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ
СЛОВАРЯ КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ
Э.Д.ХИРША КАК СРЕДСТВО
АККУМУЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО ФОНА В
ЛЕКСИКЕ.....98
- Илюкина Л. В.*
НАИМЕНОВАНИЯ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ
ИЗДЕЛИЙ В НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ
ГОВОРАХ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....102
- Кошкина С. С.*
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ
СРЕДСТВА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ
СКАЗКЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ И ИХ
ВИДОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ.....105
- Мартынова Н. А., Садертдинова И. И.,
Тарасов Д. А.*
ТЕРМИНОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА.....109
- Пацкин М. Ю.*
ЮМОР В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ.....111
- Попова Т. Г.*
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
С ПОЗИЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ
СВЯЗЕЙ.....112
- Редькина Ю. К.*
СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА
УНИВЕРСИТЕТА НА ЕГО ОФИЦИАЛЬНОМ
САЙТЕ.....115
- Русакова М. В.*
К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ
СВОЕОБРАЗИИ ЛЕГЕНДЫ О МОКАЙМЕ
ИЗ «САМАРКАНДСКИХ» ЛЕГЕНД А.М.
ГОРЬКОГО.....117
- Рябкова Н. И., Сметанин С. Е.*
О ГИПЕРТЕКСТОВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ:
НОВЕЙШИЕ ЯВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ
И УСТНОЙ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ.....120

<i>Садовникова И. И.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГИДРОНИМОВ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА.....	123	<i>Тарвердиева С. Е.</i> ФЕМИНИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА .	137
<i>Семенова Е. М.</i> ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ АРХЕТИПИЧНОЙ МЕТАФОРЫ: ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД.....	125	<i>Федорова Н. Н.</i> СЕМАНТИКА ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАССКАЗЕ В. МАКАНИНА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННЫЙ».	139
<i>Ленец А. В., Сергеева Д. С.</i> ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	129	<i>Халина Н. В.</i> ЭЙДЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПЕТР I, А.Д. МЕНШИКОВ, М.В. ЛОМОНОСОВ, ЕКАТЕРИНА II, Е.Р. ДАШКОВА.....	141
<i>Степанова З. М., Усяев А. Н.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ POUR + СЛОЖНЫЙ ИНФИНИТИВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	133	<i>Якобадзе Д. З.</i> СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АННОТАЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНАЛОГИЧНЫМ ТИПОМ ТЕКСТА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	144
<i>Тарасова В. В.</i> РЕАГИРОВАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ В КИТАЙСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	135		

АРХИТЕКТУРА

<i>Миллер К. А., Легаев В. Р., Ишкин Е. С.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАХЕОМЕТРИЧЕСКОЙ СЪЕМКИ ПРИ ОБСЛЕДОВАНИИ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ.....	148
---	-----

ВОЕННЫЕ НАУКИ

<i>Военкова (Вологжанина) Н. И.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО- ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (ОПК) РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	15
---	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ИСТОРИИ НАУКИ

Жуков Дмитрий Сергеевич.

Канд. ист. наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов.

Лямин Сергей Константинович

Канд. ист. наук Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов

Барабаш Наталья Сергеевна,

Канд. фил. наук, ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, г. Москва.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена метафорам в научном мышлении и в языке науки. Представлена модель генезиса и функционирования метафор. Эта модель позволяет объяснить устаревание и эволюцию метафор в истории науки, а также предположить перспективы развития нового типа метафор. Рассмотрена трансформация древнейших базовых гносеологических метафор (образов здания, пути, родства, тайника, темноты, света), а также влиятельных онтологических метафор Нового времени (метафора космоса, механистическая и органистическая метафоры). Показано, что в новейшее время появляются и распространяются искусственные метафоры, не имеющие реального прототипа.

Статья подготовлена по материалам научно-исследовательской работы, выполненной ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ по заданию № 2015/Н7 Министерства образования и науки РФ на выполнение работ в рамках государственного задания в сфере научной деятельности по теме № 3256.

ABSTRACT

The article is devoted to the metaphors as in the scientific thinking as in the language of Science. It has been offered the model of the metaphors genesis and functioning. Such model let us to explain the metaphors obsolescence and their evolution in the history of Science as well as to make an assumption about the perspectives of the emergence of new types of the metaphors. There has been considered a transformation of the basic ancient Gnoseological metaphors (such images as the Edifice, the Way, the Kinship, the Sanctuary, the Dark, the Light) and some influential metaphors of the New time (the metaphor of the Cosmos, the mechanistic and organic metaphors). Moreover, it has been shown that in the Contemporary period of time the metaphors which have no actual prototypes appear.

This article was prepared based on the research work carried out by the SRI FRCEC within the state tasks in the sphere of scientific activity (the task № 2015/Н7 Russian Ministry, the project number is 3256).

Ключевые слова: метафора, язык науки, история науки

Keywords: metaphor, language of Science, history of Science

ВВЕДЕНИЕ

Эта статья посвящена истории метафор как неизменных элементов научного мышления и языка науки. Мы построили довольно простую модель генезиса и функционирования метафор и попытались показать, что она позволяет описать историческое прошлое научных метафор и представить перспективы их эволюции.

Дж. Лакофф и М. Джонсон (George Lakoff and Mark Johnson) дают такое определение метафоризации: “The essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another.” [Lakoff and Johnson 1980, p. 5]. Исследователи рассматривают метафору не просто как важный, а как ключевой инструмент мышления: “If we are right in suggesting that our conceptual system is largely metaphorical, then the way we think, what we experience, and what we do every day is very much a matter of metaphor.” [Lakoff and Johnson 1980, p. 3].

Метафора репрезентует в нашем сознании и языке некоторую сложную сумму фактов. Это образ реальности.

Метафоры стали главным средством отображения мира, как минимум, в рамках научного мировоззрения. Процесс познания непосредственно связан с конструированием и реконструированием, комбинированием и рекомбинированием умозрительных эссенций – метафор. Мы не можем мыслить иначе как посредством абстракций; а абстракции, по большей части, это метафоры.

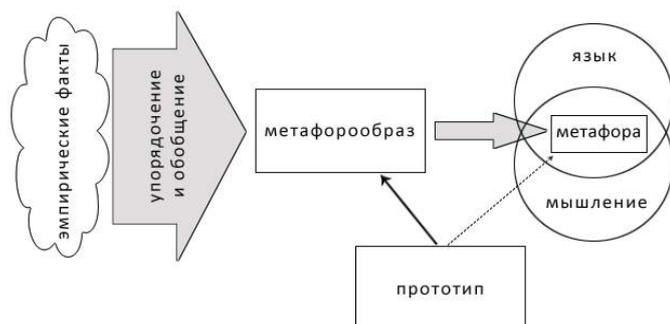
Метафоры в структуре научного знания являются предметом для огромного числа исследований. Значимая роль метафор в конструировании смыслов приводит к столь же значимой роли метафор в языке науки. (Adúriz-Bravo, Revel Chion, and Pujalte 2014; Brown 2003; Darlan 2003; Eisenberg 1992; Malinowski and Thielmann 2015; Martin and Veel 1998). К. Ривес обращает внимание на неизбежность использования метафор для формулирования моделей, теорий, для научной коммуникации и обучения. (Reeves 2005). Исследователи обнаруживают метафоры в научных текстах по всем дисциплинам – например, в физике (Amin et al. 2012), медицине (Langslow 1999), биологии (Keller 1995), информатике

(Osenga 2013). Конечно, метафоры весьма часто изучаются в контексте когнитивных процессов. (Amin, Jeppsson, and Haglund 2015). Но этот контекст не единственно возможный. Множество авторов фокусируют внимание на научном образовании, которое всегда подразумевает освоение студентами и дискурса, и смыслов, и, в конечном счёте, метафор, с помощью которых конструируется и то и другое. [Amin 2015; Hsu and Roth 2014; Espinet et al. 2012].

МОДЕЛЬ МЕТАФОРИЗАЦИИ

Построим простейшую модель генезиса и функционирования научной метафоры (рисунок 1).

Рисунок 1. Структура метафоризации

В ходе любого научного исследования происходит упорядочение, обобщение и некоторое упрощение исходного эмпирического материала. Такое упрощение является частым эффектом абстрагирования.

Метафорообраз выражает полученное таким образом абстрактное знание. Это ядро метафоры как таковой. Метафорообраз происходит от некоторого реального прототипа. Прототип существует объективно, а метафорообраз – intersубъективный феномен, представление множества людей о прототипе. Конечно, метафорообраз и его прототип могут существенно отличаться и/или эволюционировать вне зависимости друг от друга.

Метафорообраз – способ презентации абстрагированного массива фактов через ассоциацию этого массива с реальным объектом.

Так, в выражении «сознание – это отражение объективного мира» слово «отражение» не подразумевает реальное отражение. «Отражение» в данном случае – элемент метафорообраз с вполне обыденным прототипом – зеркалом.

Сам прототип это обычно общеизвестный и относительно легко понимаемый (наглядный, обыденный) объект. Поэтому метафорообразы имеют один существенный недостаток – они склонны становиться независимыми от фактов. Ведь метафорообразы имеют реальные прототипы, никак с этими фактами не связанные. Нередко метафорообразы подменяют реальность: не факты определяет выбор метафоры, а уже имеющаяся метафора влияет на восприятие фактов.

Подобные процессы характерны для старых метафор, которые с течением времени входят в противоречие со своей расширяющейся эмпирической базой и с изменяющейся научной картиной мира. Однако привычные метафоры способны «бороться за жизнь», утверждая свою истинность посредством искажения фактов. Отказ от привычных метафор, кроме того, нарушает принцип экономии мышления.

Метафоры обладают ещё одним свойством: зачастую мы используем их, не осознавая этого, и усваиваем, не фиксируя свой познавательный опыт.

Метафоры глубоко интегрированы в понятийный аппарат различных дисциплин. И это обстоятельство отражается в соответствующих научных дискурсах, которые наполнены явными или завуалированными метафорами.

ДИНАМИКА МЕТАФОР

Взаимосвязанные метафоры объединяются в своего рода метафорические миры, под сильным влиянием которых находится наше научное мировоззрение. Наше знание о реальности можно уподобить не столько многотомной энциклопедии, сколько альбому простых детских рисунков.

Эмпирические наблюдения позволяют исследователю воспринимать довольно узкую профессиональную область в неметафоризированном виде. Но одновременно с критикой метафор идёт конструирование метафор. Исследование сопровождается, таким образом, двумя противоположными процессами. Конечно, мы не можем поступать иначе: избавление от метафоризации сродни избавлению от абстрактного мышления.

Наиболее авторитетные современные интерпретации научных революций включают отсылки к метафорам. Смена парадигм – это, помимо прочего, разрушение и создание метафорических миров. В некоторые моменты давление эмпирики приводит к распространению убеждения, что те или иные метафоры одряхтели и лишь вводят в заблуждение. Эвристический потенциал метафоры ограничен. Отличие метафорообраз от реального прототипа может быть колоссально велико, но не бесконечно. И, конечно, не имеет смысла ожидать от прототипов, чтобы те соответствовали всё новым и новым открывающимся фактам и их новым интерпретациям.

Господство различных мировоззрений, научных парадигм и даже исследовательских школ базируется на специфических лишь для них метафорах, позволяющих извлечь из окружающего мира некое дополнительное знание.

Так, древние греки уподобляли познание диалогу, а точнее – спору, столкновению мнений. Это в целом соответствовало духу стихийной диалектики, одним из метафорообразов которой являлась война.

Одна из основных гносеологических метафор Нового времени – модель (уменьшенная, вещественная или умозрительная копия реального объекта, учитывающая его важнейшие черты и освобождённая от ненужных деталей). Поэтому распространяется убеждение, что познать объект это значит собрать (физически или теоретически) его работающую модель.

Обе эти метафоры жёстко привязаны к своим эпохам, они обусловлены историческим контекстом. И в последующие эпохи они принципиально трансформировались. Софистический спор превратился, в конечном счёте, в идеальную речевую ситуацию Хабермаса. А механистические модели, такие как модель маятника, сменились странными аттракторами в фазовом пространстве.

Итак, метафоры могут появляться, исчезать, трансформироваться. Кроме того, метафоры могут быть систематизированы в виде иерархии: от общих метафор к детальным. Всякая детальная метафора основывается на метафорообразе, который является частью метафорообраза общей метафоры. Например, общая метафора вселенной как механизма

(например, часового) порождает ряд детальных метафор: например, сцепление шестерней (причинно-следственная связь), движение маятника (периодичность), завод пружины (потенциал) и т.п.

Извлечения из истории гносеологических метафор

Мы попытались выявить и описать некоторые базовые метафоры, сыгравшие выдающуюся роль в истории научной мысли. Мы хотели бы подчеркнуть их функциональную, а не художественную роль.

Те метафоры, о которых пойдёт речь ниже, являются весьма древними. Во всяком случае, можно утверждать, что они имели место в античности. Но скорее всего момент их возникновения следует соотносить со временем появления самого человека. На это указывает тот факт, что соответствующие прототипы могли наблюдаться человеком в природе с самых ранних времён. Неудивительно, что на способ познания мира оказали огромное влияние вещи, которые человек постоянно видел вокруг себя: вода и огонь, свет и тьма, реки и горы и т.п.

Многие из древнейших гносеологических метафор продолжают функционировать в нашем сознании, определяя не только строй речи, но и способ мышления. Древнейшие метафоры содержат широко распространённые и наиболее устойчивые структуры, связанные с познавательной деятельностью человека.

Метафора здания

Здание довольно часто имеет фундамент и этажи (уровни). Каждый уровень опирается на предшествующий, а все они, в конечном счёте, опираются на фундамент. Это обуславливает существующее представление о том, что имеются некие идеи, на которых основана истинность и/или действительность всех остальных идей. В научных трудах нередко можно встретить выражения: «ненадёжный фундамент догадок», «лежит в основе», «служат базой», «математические основания физики», «опирается на следующие доводы» и т.д. и т.п.

С образом здания сопряжён образ строительства, которое начинается с закладки фундамента, от прочности которого зависит долговечность знания. Возможно, именно благодаря этой метафоре в гносеологии особое внимание уделяется истинности исходных положений. Эти положения должны быть безупречны. Но сколь бы прочен ни был фундамент, его можно разрушить.

Отрицание истинности фундаментальных идей, означает разрушение всего здания / всей системы следствий. В данном случае метафора, казалось бы, не совсем верно описывает реальность. Ведь известно, что в истории человеческой мысли нередко из ложных посылок делались истинные выводы. Так, ложная теория теплорода позволила получить некоторые адекватные представления о термодинамике. Однако метафора, на самом деле, предусматривает и такую ситуацию: под здание можно подвести новый фундамент.

Метафорообраз многоуровневого здания подталкивает исследователей упорядочить, структурировать своё знание именно в виде иерархии: иерархии причин и следствий, частных и общих теорий.

Описанные примеры далеко не исчерпывают всех возможностей образа строения. Мы могли бы долго размышлять о фасаде, крыше, ремонте (капитальном и косметическом), опорах, перекрытиях, и т.д. А ведь есть такие специфические строения как мосты, тоннели, плотины.

Но какова связь между зданием, в котором мы находимся в данный момент, и нашими представлениями о процессе и специфике познания? Непосредственной связи, конечно, не существует. Однако мы вряд ли смогли бы изложить суть метафоры здания, не опираясь на саму метафору здания.

Наша мысль конструируется в зависимости от образа, который сопутствует человеку в его историческом и интеллектуальном развитии.

Метафора пути и восхождения

В современном мире с развитыми коммуникациями перемещение в пространстве зачастую не является для человека событием, требующим обострённой рефлексии. Но ещё пару столетий назад любое путешествие было для человека весьма драматичным эпизодом его жизни.

Метафорообразом здесь является перемещение в пространстве от одной точки к другой. Пространство может преодолеваться не только по горизонтали, но и по вертикали (подъёмы и спуски). Ведь речь идёт не о геометрическом пространстве, а о реалистичной «местности», на которой могут встречаться препятствия, пути на которой могут быть извилистыми и труднопроходимыми.

Всякий путь имеет начало, исходную точку, которую в гносеологии мы отождествляем с «отправной точкой» размышлений, с исходными положениями. Например, «мы исходим из того, что параллельные прямые не пересекаются».

Если процесс познания подобен пути, то таковой процесс наделён всеми признаками последнего. Так, дорог к цели может быть множество. Это даёт представление о поливариантности познания. Причём, разные пути могут обладать самыми разнообразными характеристиками – они сходятся и расходятся, могут быть длиннее и короче, труднее и легче, некоторые из них вообще уводят в сторону от цели и т.п. Отсюда высказывания типа «расходиться с общим мнением», «сводить к закону природы», «наиболее верный путь» и др.

Путь может быть разделён на этапы – отрезки, качественно отличающиеся друг от друга, но расположенные в определённой последовательности. Кроме того, путник нуждается в указателях направления, чтобы преодолеть путь.

Метафора пути, очевидно, генетически связана с метафорой восхождения / спуска. Но в вертикальном перемещении есть особенность: если вы останавливаетесь и не закрепляетесь на достигнутом, вы можете скатиться вниз: например «докатиться до метафизики» или «закрепить и утвердить авторитет направления».

Метафора пути, конечно, подверглась некоторой эрозии в ситуации постмодерна, поскольку в современном мире расстояния исчезают в восприятии человека. Но постмодерн усвоил и развил другой аспект этой метафоры: поливариантность истины как множественности путей, не сходящихся к единой цели.

Метафора порождения и родства

Рождение стало одной из первых метафор для обозначения причинно-следственных связей: «теория обязана своим происхождением фактам».

Свойства явления, как и признаки человека, могут быть врождёнными и приобретёнными. Данная метафора указывает на первостепенное значение именно врождённых свойств, на их непреходящий характер.

Метафора порождения также содержит в себе антитезу «бесплодность-плодотворность» («бесплодный труд», «плодотворное решение»). Эта антитеза необходима для обозначения соотношения причины и следствия, усилий и результата («гора родила мышь»).

С метафорой порождения тесно связана метафора родства, которая обычно используется для обозначения сходства и несходства, а также для обозначения генетической связи между явлениями. Эта метафора может также указывать на преемственность и быть связана с понятием наследования.

Посредством метафоры родства объекты (явления, события, понятия) могут группироваться в гомогенные группы – роды (совокупности родственников). По сути, на этой метафоре основана любая классификация, предполагающая выявление степени родства между объектами. Сама метафора предполагает, что схожие черты возникли благодаря наличию у тех или иных объектов общего предка. Метафора подталкивает типизировать объекты, что позволяет делать обобщения. Разделение свойств на индивидуальные и родовые (общие) и лежит в основе аристотелевского представления об определении.

Конструирование некоторых древнейших метафор – это череда выдающихся открытий древнего общества, соразмерных с изобретением колеса. Трудно представить, каким великим рывком для человечества было приобретение хотя бы примитивных представлений о причинно-следственных связях и о родах/типах вещей.

Метафоры тайника, темноты и света

Тайник, очевидно, является прототипом для метафорообразов тайны. Нечто скрытое, но важное и истинное ассоциируется с внутренней сущностью. А внешний вид ассоциируется с маскировкой, призванной ввести в заблуждение, скрыть истину.

Данная метафора, в отличие от метафоры пути, предполагает скачкообразность познания. Открытие, проникновение в тайны природы трактуется в данном случае как обнаружение (нередко неожиданное) скрытых смыслов: «обнаружить истинные причины», «открыть новые свойства» и т.д. Разгадка тайны требует от человека «проницательного ума» то есть умения проникать сквозь внешнюю ложную оболочку.

По своим функциональным свойствам к метафоре тайны близка метафора освещения. Именно свет позволяет обнаружить тайное – то, что находилось в темноте. Свет – любимая поэтами метафора познания. Хотя сама по себе метафора света структурно бедна, недетализирована. Гносеологическая ценность этой метафоры заключена в расширении освещённого пространства – круга света вокруг костра: мы можем «пояснить мысль», «пролить новый свет», «выяснить новые особенности» и «осветить проблемы».

Мы сфокусировали своё внимание лишь на некоторых, наиболее распространённых древнейших гносеологических метафорах. Можно было бы также сказать, например, о метафоре роста («развитие математики», «детство астрономии»), метафоре границы («познать понятие, значит ограничить его – определить»), метафоре ремесла («инструмент мышления»), метафоре войны («завоюют себе авторитет»), «столкновение мнений») и многих других.

Прототипы всех этих метафор «стары как мир», и именно это обстоятельство делает их наиболее фундаментальными.

Ведь метафорообразы этих метафор понятны, очевидны всем людям в независимости от эпохи и места на земном шаре. Можно сказать, что эти метафорообразы весьма удобны для образования конвенциональных гносеологических норм и представлений. В самом деле, людям намного легче понять друг друга, ссылаясь на метафоры с общепонятными прототипами. И довольно трудно прийти к согласию по поводу сложных и эксклюзивных теоретических построений. В той мере, в которой социум нуждался во взаимопонимании, он нуждался в выработке единой системы гносеологических и онтологических метафор.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Онтологические метафоры описывают общую структуру бытия и поэтому используются в науке как средство репрезентации результатов исследований в разных дисциплинах. Онтологические метафоры, кроме того, напрямую воздействуют на формирование понятий. Грань между гносеологическими и онтологическими метафорами весьма условна.

Мы попытаемся представить несколько классических метафор, которые господствовали в Новое время. Создание и разрушение этих метафор означало революцию науке. Но, даже перестав играть роль главного компонента доминирующей парадигмы, эти метафоры продолжают жить до сих пор в огромном количестве образов.

Метафора космоса

Успехи астрономии конца Средневековья и начала Нового времени создали новую научную картину мира. Сформировалось новое представление о космосе как совокупности небесных тел, упорядоченно взаимодействующих по законам небесной механики.

Неудивительно, что космос породил целую галерею образов, которые стали основой научных представлений о явлениях мезо- и микромира. Так, Ньютон уподоблял любые объекты (даже микроскопические) космическому пространству. Составление номенклатуры этих тел и выявление законов их взаимодействия означало разъяснение сущности бытия.

В начале XX века утверждается планетарная модель атома Резерфорда. Модель Резерфорда закончила развитие космической метафоры, окончательно уподобив микрокосмос макрокосмосу. Но в тот момент, когда метафора достигла пика развития, она устарела. Произошла научная революция – и квантовая механика увидела существенное различие между микромиром и макромиром.

Механистическая метафора

В XVIII веке наряду с метафорой космоса активно развивается и завоёвывает доминирующее положение механистическая метафора.

Вселенная представлялась грандиозным механизмом, состоящим из отдельных взаимосвязанных узлов. Этот механизм, как и всякий другой, был функционально диверсифицирован, целесообразен и рационален. Важнейшее качество работающего механизма – однозначность причинно-следственных связей и порядка взаимодействия его элементов. Наиболее яркое выражение механистическая метафора получила в рамках лапласовского детерминизма. Всеобщая обусловленность представлялась как цепь или совокупность шестерней, передающих движение.

Познание мира приравнивалось к познанию причинно-следственных связей между деталями механизма. А для этого механизм необходимо было «разобрать» и «собрать» – то есть провести анализ и синтез.

Механизму уподоблялись, в частности, человек и общество. Целесообразность существования человека определялась его ролью в функционировании механизма. Возникли идеи человека-винтика и регулярного государства.

Существовало представление о правильной работе механизма, которое выражалось в понятиях типа «естественный порядок вещей». Закономерность работы механизма исключала случайности и вариативность развития.

Механистическая метафора соблазняла исследователей перспективой исчерпывающего разъяснения законов функционирования мироздания. А глубокое знание устройства механизма позволяло управлять им, чинить его и даже совершенствовать. Так возникали просветительские идеи рационального переустройства общества.

Механизм мира представлялся автономным – независимым, в частности, от бога как его конструктора. Хотя для запуска механизма и требовался первотолчок, божественное вмешательство.

Несмотря на то, что сегодня механистическая метафора в целом устарела, многие частные элементы реальности по-прежнему объясняются посредством этой метафоры.

Органистическая метафора

В XIX веке в связи с успехами биологии и позитивизма на авансцену вышла органистическая метафора. Она представляла мир как открытый к внешним влияниям развивающийся организм, состоящий из взаимосвязанных органов и тканей. Одним из разработчиков органистической метафоры был Спенсер. Общество, государство, как и вся природа, с его точки зрения, – это организм, законы развития которого идентичны законам эволюции Дарвина. Безраздельная вера XIX века в прогресс получила естественнонаучное обоснование.

Так возникали представления о наличии некоторых внутренних закономерностей развития, свойственных объектам. Влияние внешней среды в совокупности с внутренним потенциалом формировало и социальные, и физические системы. Дифференциация и специализация функций способствовала интеграции объектов и вела к повышению эффективности. А это и был прогресс, конкурентное преимущество как для кольчатых червей, так и для людей или империй.

Вместе с тем, органистическая метафора убеждала, что возможны патологические отклонения, нежизнеспособные мутации, тупиковые ветви эволюции. Конкуренция и отбраковка неэффективных видов, в конце концов, были обнаружены не только в биологических, но и в социальных и физических системах. В рамках органистической метафоры было допустимо соединение уникальности отдельного объекта/события и всеобщей универсальной закономерности.

Органистическая метафора была несомненным шагом вперед по сравнению с механистической. Но усвоение этой метафоры требовало, как минимум, поверхностного знакомства с «Происхождением видов». В новейшее время неклассическая и постнеклассическая наука сконструировали существенно более изощренные, но куда менее обыденные метафоры.

ИСКУССТВЕННЫЕ МЕТАФОРООБРАЗЫ

Уже к началу XX века исследователи в разных областях знания испытали потребность сформулировать такие метафоры, которые мало зависели бы от консервативных и примитивных обыденных прототипов. Конструирование метафорообразов, не связанных или слабосвязанных с какими-либо реальными прототипами, постепенно становится главным способом метафоризации в физике, а затем – и в других естественных науках. Это позволило расширить когнитивный потенциал метафоры – то есть сделать метафору более гибкой, способной к развитию и адаптации к усложнившемуся научному знанию.

Таким образом, связь между прототипом и метафорообразом (рисунок 1) распадается, потребность в прототипе отпадает. А сам метафорообраз возникает не как отражение прототипа, а как результат соглашения в исследовательской коллаборации.

Такие искусственные метафорообразы имеют преимущество перед естественными, поскольку описывают исключительно исходные эмпирические факты, слабее подталкивают исследователя к упрощению реальности и не содержат паразитарных представлений, возникших под влиянием реальных свойств прототипа.

Уже в начале XX века физики отказались от построения наглядных моделей своих теорий, убедившись, что принципы микромира и макромира не имеют аналогий среди объектов мезомира. В социальных науках процесс отказа от простых обыденных уподоблений затянулся. Вместе с тем, метафоры в социальных науках развивались в направлении нарастания абстрактности, то есть приближались к искусственным метафорам. Например, государство сначала рассматривалось как машина, затем – организм, и наконец – как система.

Мы можем привести фрактал в качестве примера искусственной метафоры, которая широко используется в естественных и социальных науках в последние десятилетия. Фрактальные структуры, изначально описанные и сгенерированные как геометрическая абстракция, ныне обнаружены во многих реальных системах. Новая метафора позволяет иначе обобщить имеющиеся данные, иначе представляет функциональные связи между фактами, иначе моделирует системную динамику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафора является важнейшим, если не основным, инструментом научного мышления, построения научных теорий, понятий. Этот факт не раз был замечен исследователями. Символично высказывание К. Риваса (C. Reeves): “Just like the rest of us, scientists cannot escape metaphor. Either they employ metaphors intentionally, to explain and illustrate natural phenomena or they use them unconsciously because some metaphors are so firmly entrenched that they go unnoticed. Whether they are used consciously or unconsciously, metaphors affect all of us by subtly shaping and limiting our view of the world. [Reeves 2005, p. 36]

В естественных науках эволюция метафор привела к вытеснению искусственных метафор и практически полному вытеснению естественных. Социальные науки не менее (если не более) нуждаются в сознательных усилиях по конструированию метафорических репрезентаций. Мы хотели бы подчеркнуть, что изучение научных метафор, законов их

образования и эволюции могло бы привести к существенно-му повышению точности социального знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Adúriz-Bravo, Agustín, Andrea Revel Chion, and Alejandro P. Pujalte. "Scientific Language." In *Encyclopedia of Science Education*, edited by Richard Gunstone, 1–4. Springer Netherlands, 2014. doi: 10.1007/978-94-007-6165-0_262-1.
2. Amin, Tamer G. "Conceptual Metaphor and the Study of Conceptual Change: Research Synthesis and Future Directions." *International Journal of Science Education* 37, no. 5–6 (April 1, 2015): 966–91. doi: 10.1080/09500693.2015.1025313.
3. Amin, Tamer G., Fredrik Jeppsson, and Jesper Haglund. "Conceptual Metaphor and Embodied Cognition in Science Learning: Introduction to Special Issue." *International Journal of Science Education* 37, no. 5–6 (April 13, 2015): 745–58. doi: 10.1080/09500693.2015.1025245.
4. Amin, Tamer G., Fredrik Jeppsson, Jesper Haglund, and Helge Strömdahl. "Arrow of Time: Metaphorical Construals of Entropy and the Second Law of Thermodynamics." *Science Education* 96, no. 5 (September 1, 2012): 818–48. doi: 10.1002/sce.21015.
5. Brown, Theodore. *Making Truth: Metaphor in Science*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2003.
6. Darlan, Steven. *Understanding the Language of Science*. Austin: University of Texas Press, 2003.
7. Eisenberg, Anne. "Metaphor in the Language of Science." *Scientific American* 266, no. 5 (1992): 144–144. doi: 10.1038/scientificamerican0592-144.
8. Espinet, Mariona, Mercè Izquierdo, Josep Bonil, and S. Lizette Ramos De Robles. "The Role of Language in Modeling the Natural World: Perspectives in Science Education." In *Second International Handbook of Science Education*, edited by Barry J. Fraser, Kenneth Tobin, and Campbell J. McRobbie, 24:1385–1403. Springer International Handbooks of Education. Springer Netherlands, 2012. doi: 10.1007/978-1-4020-9041-7_89.
9. Hsu, Pei-Ling, and Wolff-Michael Roth. "From Authoritative Discourse to Internally Persuasive Discourse: Discursive Evolution in Teaching and Learning the Language of Science." *Cultural Studies of Science Education* 9, no. 3 (September 1, 2014): 729–53. doi: 10.1007/s11422-012-9475-2.
10. Keller, E.F. *Refiguring Life: Metaphors of Twentieth Century Biology*. NY: Columbia University Press, 1995.
11. Lakoff, George, and Mark Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
12. Langslow, D.R. "The Language of Poetry and the Language of Science: The Latin Poets and 'Medical Latin.'" *Proceedings of the British Academy* 93 (1999): 183–225.
13. Malinowski, Bernadette, and Winfried Thielmann. "'Primitive Purity and Shortness': The Language of Science in Science and Literature." *Anglia* 133, no. 1 (2015): 148–71. doi: 10.1515/ang-2015-0010.
14. Martin, J.R., and Robert Veil, eds. *Reading Science: Critical and Functional Perspectives on Discourses of Science*. London: Routledge, 1998.
15. Mattheissen, C.M.I.M. "Construing Processes of Consciousness: From the Commonsense Model to the Uncommonsense Model of Cognitive Science." In *Reading Science: Critical and Functional Perspectives on Discourses of Science*, 327–57. London: Routledge, 1998.
16. Osenga, Kristen. "The Internet Is Not a Super Highway: Using Metaphors to Communicate Information and Communications Policy." *Journal of Information Policy* 3 (2013): 30–54.
17. Reeves, Carol. *The Language of Science*. Abingdon: Routledge, 2005.

ИЗ ИСТОРИИ ИНАКОМЫСЛИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Бокова Яна Михайловна

Студентка 2 курса магистратуры направления «Отечественная история», Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются причины и особенности проявления оппозиционных настроений среди советского студенчества в период хрущевского десятилетия.

ABSTRACT

The article examines the causes and manifestations of opposition views among Soviet students in the period of the Khrushchev decade.

Ключевые слова: «оттепель», молодежь, студенчество, новое поколение, инакомыслие, свободомыслие, Хрущев, «крамольные» высказывания, критика, XX съезд КПСС, дискуссии, неформальные молодежные объединения, подпольные кружки.

Keywords: «thaw», youth, students, new generation, dissent, freedom of thought, Khrushchev, "seditious" statements, criticism, XX Congress of the CPSU, discussions, informal youth associations, underground circles.

В период «оттепели» в Советском Союзе произошли кардинальные изменения, которые затронули не только политическую, социально-экономическую и культурную жизнь страны, но и сферу молодежной политики. Новые руководители стали уделять более пристальное и повышенное внимание воспитанию юношества и молодежи – будущих строителей коммунистического общества. Считалось, что советские юноши и девушки будут жить при коммунизме, поэтому новому обществу требовались «новые люди», которые сочетали бы в себе духовное богатство, ум и физическое совершенство. Партийные структуры и Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) трепетно следили, чтобы с юных лет человек впитывал и развивал в себе коммунистические идеалы, не уклонялся от общественных работ и комсомольских инициатив. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин в 1957 году говорил, что задача комсомола состоит в том, чтобы «укоренить в молодежи глубокие идеи, вечную любовь к Родине, пролетарский интернационализм, любовь к труду, коллективизму, товариществу» [1, с. 12].

Но молодежь в период хрущевского десятилетия, в частности наиболее образованная и активная ее часть – студенчество, значительно отличалась от своих отцов, слепо веривших официальным постановлениям «верхов». Формирование нового поколения пришлось на 1950-е – первую половину 1960-х гг., когда в стране произошли серьезные политические и социокультурные сдвиги, приведшие к ревизии прошлого. Мировоззрение и мировосприятие молодежи складывалось в бурные по накалу борьбы и страстей годы хрущевской «оттепели». Молодое поколение не знало того чувства страха, которое испытывали взрослые в сталинскую эпоху. Тяжелое военное и послевоенное детство приучило их к самостоятельности, научило понимать ценность человеческой жизни. Крупицы свободомыслия и разномыслия в сознании определенной части молодежи зарождались под воздействием современной им советской действительности. Амнистия заключенных, рассказы политкаторжан о незаконных арестах и ужасах лагерной жизни, разоблачение Берии, наведение порядка в стране, прекращение массовых репрессий будоражили сознание студенчества. Рост образованности среди юношества, культурный контакт с Западом в результате частичного открытия «железного занавеса», знакомство с европейской литературой, искусством, кино, увеличение каналов информации значительно обогатили и раскрепостили внутренний мир молодежи.

Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев призывал молодых людей, в частности студентов, к активному участию в общественной работе, к борьбе с отдельными недостатками, к инициативе и самостоятельности. На деле подобные заявления приводили к столкновениям и конфликтам между партийными структурами и комсомольскими организациями ряда вузов. Подрастающее поколение восприняло популистские призывы Хрущева слишком широко. Это проявилось в открытом несогласии молодого поколения с отдельными действиями властей, с текущей работой комсомола и др. Так, студенты-филологи из Московского государственного университета (МГУ) на одном из комсомольских собраний заявили, что «комсомол перестал быть политической организацией, что в стране существует социальное неравенство, нет свободы печати, что вера в коммунизм и в партию серьезно подорваны в народе» [2, с. 459]. На фило-софском факультете МГУ в 1955 году студенты позволяли

себе следующие высказывания: «ЦК имеет ошибки, а рядовые коммунисты имеют право критики снизу этих ошибок»; «Надо партию чистить путем установки партмаксимума. Возможно известное сопротивление со стороны мазуриков. Но сломать можно. Тогда молодежь заменит эту часть коммунистов» [3, с. 95]. Подобные критические заявления настаивали и пугали не только партийные структуры, но и университетских преподавателей.

Власть различными путями боролась с молодыми «вольнодумцами». Воспитательные беседы, увещания, проработки, исключение из вузов и комсомола – основные средства подавления инакомыслия в студенческой среде. Однако молодежь не собиралась молчать, когда их друзей и единомышленников за смелые и честные суждения выгоняли из университетов. Студенты составляли петиции и прошения о восстановлении отчисленных свободолобцев.

Инициативы и новации, проводимые в стране под руководством первого секретаря, изменения во внутренней и внешней политике, вызывали в среде образованной молодежи живой интерес, стремление разобраться в существующих проблемах. Пытливые студенты не довольствовались сухими лекциями по общественным и гуманитарным дисциплинам, «не по теме» расспрашивали о противоречиях в ЦК КПСС, о демократии, о заработной плате высших советских руководителей. Сухие, пространственные ответы вузовских преподавателей не удовлетворяли студентов. Это повлияло на формирование собственного миропонимания и независимого взгляда на многие вещи. Невозможность получить правдивую и объективную информацию рождала разочарование в официальных ценностях и сомнение в правоте политических лидеров и правильности политического курса. Замалчивание острых проблем, неспособность партии открыто заявить о существующих ошибках подтолкнули некоторую часть советского студенчества на путь инакомыслия. Однако инакомыслие в середине 50-х – первой половине 60-х гг., как правило, ограничивалось только критикой отдельных недостатков и не отрицало преимуществ социализма, не выходило за рамки марксизма. Сомневающиеся студенты открыто говорили об отсутствии в стране свободы слова и мнений, забвении роли Советов, недопустимом вмешательстве партии в научный и творческий процесс. Не все думали таким образом: многие молодые люди продолжали искренне верить всему, что говорили партия и правительство. Но определенная часть студенчества, причем не только из столичных вузов, самостоятельно анализировала состояние дел в стране, не доверяя официальным трактовкам и постулатам.

Доклад «О культе личности и его последствиях», зачитанный Н. С. Хрущевым на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, осудил роль Сталина в развертывании в Советском Союзе массовых репрессий и незаконий. Это эпохальное событие многих заставило переосмыслить судьбу страны, ее историческое прошлое и настоящее. Доклад посеял в умах студентов надежду на возможность очищения и оздоровления партии от старых наслоений, надежду на демократизацию режима. Активная молодежь была готова поддержать новый курс и мероприятия в духе XX съезда. Некоторые юноши и девушки после окончания университетов стали вступать в ряды партии, пытаясь реформировать ее изнутри. Они верили, что с вытеснением карьеристов и бюрократов страна заживет по-новому. Но не все придерживались подобного течения мыслей. Тем более что недогово-

ренность и неполнота доклада были очевидны. Хрущев не только обошел стороной рассмотрение серьезных истоков и причин формирования культа личности, но и умолчал о собственной причастности ко всему происходящему в сталинскую эпоху. Радикально настроенная молодежь стала искать причины того, что произошло со страной. Так, юный инакомыслящий Владимир Буковский вопрошал: «Нам уже успели внушить, что коммунизм – самое передовое учение, а Сталин – воплощение этих идей. И вдруг Сталин оказался убийцей и тираном... Что же тогда такое эти передовые идеи, если они породили Сталина? Что же тогда партия, если она, выдвинув Сталина, не могла его остановить?.. Система та же, и люди те же. Даже никто не наказан, никого не судили» [4].

После XX съезда университеты и институты захлестнули студенческие дискуссии, споры и беседы. Зачастую они носили стихийный, несанкционированный характер. Но даже если проходили с согласия вышестоящих органов, как правило, выходили из-под контроля. На диспутах поднимался широкий круг тем – проблемы международного характера, роль комсомола в организации воспитания и досуга подрастающего поколения, вопросы литературы и искусства и др. Критические настроения студентов вызывали беспокойство у начальства. «Крамолу» искореняли жестоко. Известно, что в годы политической «оттепели» репрессии не прекратились. В 1956-1957 гг. за высказывания, признанные партией антисоветскими, некоторые граждане, в том числе и студенты, заплатились свободой. Однако это не помешало расцвету неформального молодежного общения, созданию кружков самообразования и проведению семинаров. Подобные самодельные неполитические студенческие союзы были созданы во многих крупных вузах Советского Союза. Их члены издавали нелегальные газеты, бюллетени, журналы, в которых наряду с вопросами науки и культуры поднимались некоторые дискуссионные проблемы. Так, известно, что старшекурсники механико-математического факультета МГУ в конце 1955 – начале 1956 года издавали «Литературный бюллетень» [5, с. 4-5], студенты Вильнюсского университета – рукописный журнал «Фиговый листок», студенты Ленинградского университета участвовали в создании журнала «Голубой бутон», в Ленинградском технологическом институте студенты выпускали газету «Культура» [6, с. 282]. Партийные вузовские структуры пресекали подобные инициативы: организаторы студенческого самиздата наказывались, созданные материалы изымались, выпуски газет и журналов запрещались.

Дальнейшая радикализация настроений студенчества была связана с вводом советских войск в Венгрию (ноябрь 1956 г.) для подавления «венгерской революции». Этот политический акт рассеял иллюзии интеллигенции в возможности демократизации и либерализации советского режима. Советские танки на улицах Будапешта вновь продемонстрировали имперское, тоталитарное мышление высшего политического руководства. Открытые оппозиционные выступления студенчества охватили вузы Ленинграда, Москвы, Казани, Саратова, Свердловска. Так, студенты Ленинградского института имени М. Горького говорили, что СССР также нужна очистительная революция. Студентка Горного института Лидия Гладкая в те дни распространяла по вузам северной столицы стихотворение собственного сочинения: «Там честная кровь заливает асфальт, там русское «стой!», как немецкое «хальт!»» [7, с. 186].

Апогей оппозиционных настроений в студенческой среде пришелся на конец 1956 года. В докладных записках Отдела науки, вузов и школ все чаще поднимался вопрос о росте нездоровых настроений, политически вредных суждений, «о неудовлетворительном состоянии идейно-воспитательной работы в ряде высших учебных заведений» [5, с. 6]. Комитет госбезопасности начал интенсивную борьбу с любыми проявлениями инакомыслия. Новый поворот власти в сторону репрессий был закреплен в декабрьском 1956 г. закрытом письме ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов».

Оппозиционно настроенная молодежь начала искать единомышленников. В Советском Союзе появились неформальные политические организации, кружки и группы, объединявшие «вольнодумцев». Подпольность, критика современного политического курса и правящей элиты, разработка политических программ – характерные составляющие молодежных неформальных объединений. Их членами являлись студенты, старшеклассники, молодые специалисты. Как правило, «революционеры» желали облагородить режим, придать социализму человеческий облик. Для этого они обращались к трудам К. Маркса, В. И. Ленина. В их работах они искали ключ к разрешению многих проблем.

Сегодня известны следующие молодежные студенческие объединения периода хрущевской «оттепели»: группа молодого математика Революта Пименова из Ленинграда, киевская группа А. Фельдмана и А. Парташникова, ленинградский «Союз революционных ленинистов» под руководством студента Виктора Трофимова, кружок студентов и выпускников филфака Ленинградского госуниверситета под руководством Михаила Молоствова, кружок студентов из Горького «ОИД» («Общество идейных друзей») и др. Наиболее подготовленной теоретически и организационно была группа молодых историков – аспирантов, научных сотрудников и начинающих преподавателей из МГУ. Лидером марксистского кружка, просуществовавшего с мая по август 1957 года, был аспирант кафедры истории КПСС Лев Краснопецев. В состав группы входили Л. А. Рендель, М. А. Чешков, В. В. Меньшиков, Н. Г. Обушенков, Н. Н. Покровский и др. Цель группы, по словам Л. Краснопецева, состояла в распространении правды о положении в Советском Союзе и в разработке вопросов теории социализма [8, с. 112]. Молодежные политические объединения просуществовали недолго: почти все были ликвидированы в 1956-1957 гг.

Виток репрессий, аресты разномыслящей молодежи, осознание невозможности что-либо изменить в стране рождали скрытую оппозицию. Большинство предпочитало молчать и держать свою точку зрения при себе. Многие студенты в 1960-е и последующие годы уклонялись от участия в коллективных мероприятиях, отмалчивались на комсомольских собраниях. Более даровитые молодые люди целиком «уходили» в науку, отстраненную от идеологии, некоторые посвящали все свободное время спорту, творчеству, неформальному общению, другие отдавали все силы семье. Это настораживало членов партийных организаций, с уст которых в период «застоя» постоянно звучали слова о пассивности, аполитичности и равнодушии молодого поколения.

Таким образом, в период хрущевской «оттепели» сформировалось новое молодое поколение, которое имело собственный, независимый взгляд на многие проблемы советской действительности. Нежелание партии признать

крупные ошибки и недостатки, замалчивание острых политических и социальных проблем толкнули студенчество к самостоятельному поиску ответов на интересующие их вопросы. Нередко это способствовало формированию оппозиционных настроений. XX съезд КПСС и подавление «венгерской революции» закрепили в сознании советской молодежи глубокое сомнение в правильности политического курса. Разгон неформальных молодежных объединений, групп и кружков, арест активных инакомыслящих, новый виток репрессий «выбили» «вольномудцев» из привычной колеи. Основная же часть студенчества, потеряв интерес к общественно-политической деятельности, в последующие годы переключила свое внимание на науку, спорт, литературу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шелепин А. Н. Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди молодежи. Доклад на VII пленуме ЦК ВЛКСМ 26 февраля 1957 года. М.: Молодая гвардия, 1957.
2. Цит. по: Герасимова О. Г. Общественно-политическая жизнь студенчества в эпоху «оттепели»: МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс] // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей / отв. ред. М. В. Друзин. СПб., Киев, Минск: Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт истории Украины НАН Украины, Белорусский гос. ун-т, 2008. URL: http://hisstrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/09/c7de766bbcd36f34fdd61909a8864ec21e950205.pdf (дата обращения: 12.10.2015).
3. Таранов Е. «Раскачаем Ленинские горы!» Из истории «вольномудства» в Московском университете (1955-1956 гг.) // Свободная мысль. 1993. № 10.
4. Буковский В. И возвращается ветер ... - Нью-Йорк: Хроника, 1978 [Электронный ресурс] // Воспоминания о Гулаге и их авторы: База данных. Авторы и тексты / Сахаровский центр. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=5414> (дата обращения: 30.09. 2015).
5. Студенческое брожение в СССР (конец 1956 г.) // Вопросы истории. 1997. №1.
6. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: Олма-Пресс, 2002.
7. Цит. по: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
8. «Дело» молодых историков (1957-1958). Встреча участников в редакции журнала // Вопросы истории. 1994. № 4.

СИНГАПУР В 1963-1965 ГГ.: ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Жук Артур Александрович

аспирант кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются события, происходившие в истории входившего в состав Малайзии Сингапура, в 1963-1965 гг. Автором выделяются основные политические, экономические и социальные проблемы взаимоотношений правительства Малайзии и Сингапура. Описываются личностные взаимоотношения Ли Куан Ю с Тунку Абдул Рахман Путра аль-Хаджем. На основе исследования автором доказывается вынужденная необходимость выхода Сингапура из состава Малайзии.

ANNOTATION

The article analyzes the events that took place in history of Singapore, when it was part of the Malaysia in 1963-1965. The author points out the main political, economic and social problems of mutual relations of the government of Malaysia and Singapore. It describes the personal relationships of Lee Kuan Yew with Tunku Abdul Rahman Putra Al-Haj. On basis of the research the author proved the need by force of secede Singapore from Malaysia.

Ключевые слова: Сингапур, Малайзия, Индонезия, Ли Куан Ю, Тунку Абдул Рахман Путра аль-Хадж, ОМНО (Объединенная малайская национальная организация), Малайзийское объединение солидарности.

Keywords: Singapore, Malaysia, Indonesia, Lee Kuan Yew, Tunku Abdul Rahman Putra Al-Haj, UMNO (United Malays National Organization), Malaysian Solidarity Convention.

16 сентября 1963 г. Сингапур вошёл в состав Малайской федерации. В последствии это привело к трагическим событиям для жителей Сингапура и Малайзии, которые привели к отделению Сингапура. Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, вспоминал: «Мы полагали, что в интересах будущего Сингапура нам следовало воссоединиться с Малайей, поэтому в сентябре 1963 года мы вошли в состав единого государства, – Малайзии. Но не прошло и года, как в июле

1964 года Сингапур стал ареной расовых столкновений между малайцами и китайцами. Мы попали в ловушку и оказались вовлеченными в тяжелую борьбу с малайскими экстремистами из правящей Объединенной малайской национальной организации (ОМНО – United Malay National Organisation)» [1, с. 5].

Ли Куан Ю видел в объединении с Малайзией спасение для своей страны. Объединение давало устойчивость в экономике и защищённость от внешних угроз.

В XX в. в мире широкий размах приобрели националистические идеи и в 1960-х гг. Юго-Восточная Азия ощущала эти веяния. Во время объединения Сингапура и Малайи стали наблюдаться несущественные противоречия на национальной почве. Это было связано с тем, что большинство жителей Сингапура были китайцы. Националистическая Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) использовала каждый удобный случай для разжигания вражды между малайцами и китайцами. Понимая это, Ли Куан Ю и его соратники создали Малайзийское объединение солидарности (Malaysian Solidarity Convention), целью которого было создание «Малайзии для малазийцев». Однако, несмотря на все усилия, кровопролития избежать не удалось.

Личные взаимоотношения Ли Куан Ю с премьер-министром Малайзии – Тунку Абдул Рахманом Путра аль-Хаджем сначала складывались хорошо, однако со временем из-за настойчивости Ли Куан Ю в требованиях необходимости политических уступок для китайцев, они изменились в худшую сторону.

Объединение с Сингапуром поставило перед Тунку дилемму: трудолюбивые китайцы приносили Малайзии доходы, но они же представляли угрозу для политической власти малайцев, поскольку количество китайского населения превалировало над малайцами.

Ещё одним фактором, повлиявшим на дальнейшую судьбу объединения Сингапура в составе Малайзии, стал конфликт последней с Индонезией. Конфронтация нанесла серьёзный ущерб экономике страны, особенно Сингапуру и Пинангу. Оба субъекта являлись крупными торговыми портами, через которые вывозили из Индонезии различные сырьё (нефть, олово, копру). Также Сингапур был своего рода перевалочным пунктом для торговцев из других стран, которые перепродавали эти товары. Прекращение торговли с Индонезией стоило Сингапуру почти 9% его национально-го дохода [2, с. 149].

Острым являлся вопрос о распределении доходов Сингапура. Когда выработывались условия вхождения Сингапура в Малайзию, было определено, что 60% доходов будут оставаться в распоряжении Сингапура, а 40% — поступать центральному правительству. Почти с самого начала существования Федерации центральное правительство пыталось пересмотреть условия соглашения и получить не 40%, а 60% доходов Сингапура [2, с. 152].

Сингапур прилагал усилия для сохранения единства с Малайзией, для этого 9 мая 1965 г. была создана конвенция малайзийской солидарности. На ней присутствовали крупные оппозиционные партии Малайзии, в том числе и Партия народного действия. Суть требований к федеральным властям Малайзии состояла в предоставлении прав гражданам Сингапура и другим штатам федерации. Собранные представители партий требовали равенства на всей территории Малайзии для всех граждан вне зависимости от национальности. Этот акт был резко встречен властями Малайзии, однако имел своё значение, поскольку 6 июня 1965 г. был проведён митинг, показывающий актуальность деятельности оппозиции и поддержку населения [3].

Обострившаяся политическая, экономическая и социальная ситуация вынуждала действовать. К августу 1965 г. Тунку Абдул Рахман Путра аль-Хадж пришёл к выводу, что отношения между малайцами и китайцами нормализовать не удастся. Он отправил письмо Ли Куан Ю, в котором говорил о необходимости выхода Сингапура из состава Малайзии.

В средствах массовой информации Тунку обратился к народу: «Нам пришлось отделиться от Сингапура. Это была самая тяжёлая обязанность из всех, которые я выполнил за 10 лет на посту премьер-министра» [4].

Таким образом, Сингапур, пытаясь спастись от тяжёлых экономических и социальных испытаний, и угроз в неспокойном XX в., попытался обрести стабильность и защищённость в лице Малайзии, однако трудности, возникшие после объединения, не дали стране такой возможности. Политические разногласия как в Сингапуре, так и в Малайзии усугублялись внешней угрозой со стороны Индонезии, что добавляло экономические неприятности. Все эти факторы повлияли на принятие решения о выходе Сингапура из состава Малайзии и начала его независимого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ли Куан Ю. Сингапурская история. Из «третьего мира» – в первый. М., 2005. – 420 с.
2. Тюрин В.А. История Малайзии. Краткий очерк. М., 1980. – 188 с.
3. Malaysian Solidarity Convention is formed // URL: <http://eresources.nlb.gov.sg/history/events/86267d39-af24-45be-a49d-3c7e2906d61d> (дата обращения: 24.10.2015).
4. Discovery. История Сингапура. // URL: <http://serialu.net/discovery-istorija-singapura/> (дата обращения: 22.10.2015)

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУСТАРНИКА ЖЕЛТИННИК ПОМЕЩИКОМ РЕБРОВЫМ

Запорожцева Ольга Алексеевна

Магистрант 2 курса

Гуманитарного института

Северо-Кавказского федерального университета
г. Ставрополь

АННОТАЦИЯ: в данной статье автор показывает личность А. Реброва как краеведа и знатока своего дела в области хозяйства, также описывается значение кустарника желтинник для промышленности в Кавказской области.

ABSTRACT: the author shows in this article the personality A. Rebrova as local historian and the expert on the matter in area of economy, value of a bush a zheltinnik for the industry in the Caucasian area is also described.

Ключевые слова: кустарник желтинник, чернильные орешки, Моздоко-Кизлярский округ, оброчное содержание.

Keywords: bush zheltinnik, ink nutlets, Mozdoko-Kizlyarsky district, quitrent contents.

В Кавказской области в 1846 году произрастал в большом количестве кустарник желтинник, который употребляли на юге России в качестве краски, тем самым заменяя чернильные орешки. На окраску использовали лист и корни желтинника. Что касалось цены на рынке, то в Астрахани в 1841 году лист желтинника продавался по 1 рублю серебром за пуд, а корни его продавались втрое дороже, так как их добыча приводила к гибели растения. Неоднократно Департаментом мануфактур поднимался вопрос: что выгодно – чернильные орешки или желтинник? Для сравнения можно привести два примера. Так, в Бельгии использование желтинника для окрашивания сукон было запрещено, так как считалось вредным, а вот в Южной России использование желтинника было настолько распространено, что повлияло на уменьшение привоза из Персии чернильных орешков. [1, лл. 1-1 об.]

В это время в Кавказской области многие брали земли в оброчное содержание с целью выращивать кустарник желтинник. Например, в Моздоко-Кизлярском округе еще в 1842 году было отдано 19.194 десятины 319 ½ сажень в оброк на 9 лет купцу Манвелову с платой по 6115 рублей серебром в год. Согласно свидетельству кавказского инспектора межевания казенных земель о том, что помимо упомянутого участка, имелось много других земель, которые с выгодой могли бы быть отдаваемы в оброк для добывания желтинника. [1, л. 1 об.]

Выяснением условий произрастания желтинника, а также мер к возможному развитию промышленности, связанной с этим кустарником в Кавказской области, занялся исправляющий должность начальника области генерал-лейтенант Заводовский. [1, л. 3]

Н. Заводовским были отправлены три предписания. Первое, от 13 февраля за № 1259, направлялось в Кавказскую палату Государственных имуществ. В нем предлагалось сообщить генерал-лейтенанту Заводовскому о местах в данном ведомстве, на которых произрастал кустарник желтинник; какую выгоду от него получала казна и жители; польза кустарника; какие меры, согласно местным условиям, принимали для дальнейшего развития промышленности желтинника в Кавказской области. [1, л. 3]

Второе предписание направлялось господину наказному атаману Кавказского линейного казачьего войска. В этом

предписании Н. Заводовский просил уведомить о произрастании желтинника на территории данного войскового ведомства; какая от него выгода и какие условия можно предпринять для развития данного кустарника на территории Кавказской области. [1, лл. 3-3 об.]

Третье предписание было отправлено главному приставу магометанских народов. В этом предписании были аналогичные требования, касающиеся кустарника желтинник, только уже на территории ведомства магометанского управления. [1, л. 3 об.]

Так как все эти три ведомства запаздывали с ответом, генерал-лейтенантом Заводовским было послано еще одно предписание от 4 марта за № 499 помещику Реброву. В нем Н. Заводовский писал: «нужным считаю, в особенности, обратиться к Вам, Милостивый Государь, как опытному хозяину-старожилу». Эта просьба была связана с тем, что А. Ребров являлся знатоком местных особенностей края, составителем «Обозрения земель Кавказской губернии в отношении свойства их, состояния и звания населяющих оную обитателей», был известным самоучкой - опытным в таких отраслях хозяйства, как шелководство, виноградарство, садоводство, овцеводство. Его научные труды издавались в журналах в Москве, поэтому его считали краеведом. От помещика требовалось сообщить свое мнение, поделиться своими знаниями и навыками по выращиванию кустарника желтинника в Кавказской области. [1, л. 4]

2 мая 1846 года А.Ф. Ребровым был дан ответ Н. Заводовскому. В своем письме помещик писал: «По сведениям, кои имел я в 1819 году, когда по Высочайшей воле, произведено мною первое обозрение земель тогдашней Кавказской губернии, и приведено в ближайшую известность ея население, хозяйство и промышленность, участки травы желтинника, произрастающей по буграм сыпучих песков, были в числе оброчных статей: они и тогда занимали два участка». [1, л. 5]

Что касалось этих двух участков, то один из них располагался в Моздокском уезде в урочище под названием Степановы Бугры, кряж которого тянулся между дач Моздокского полка по карангайским кочевым землям. В этом участке на территории 5134 десятины земли и произрастал желтинник, а сама земля состояла в оброке у моздокских жителей Туманова и Яралова. [1, л. 5]

Другой участок располагался в Кизлярском уезде в песчаных буграх, именуемых аккетеры (или енкетеры), занимающие территорию от 9 на восток до 40 верст в длину, и от 7 до 9 верст в ширину. [1, л. 5]

Оба участка, общая территория которых составляла 20.342 десятины земли, состояли в оброке у Туманова и Ярлова с годовой платой за них 8150 рублей ассигнациями. [1, л. 5 об.]

Что касалось самого растения, то первоначально его листья использовали для окрашивания в желтый цвет сафьянных кож, часть которых выделывали на небольших заводах в Моздоке и Кизляре, часть в Астрахани и часть в Казани, а то, что не раскупалось в этих городах, привозили на продажу на нижегородскую ярмарку. [1, л. 5 об.]

Далее помещик Ребров писал: «Было время, что держатели терпели невыгоды от сей статьи, по причине замены ея для изделий орешками чернильными, подвозимыми из Персии, пока время и опыты не убедили заводчиков, что едкое свойство орешков вредит товару... После того вновь требования на траву желтинник увеличились». [1, лл. 5 об. - 6]

Оставалось неизвестным теперь то, что оба ли участка находятся у одного держателя или же порознь. Но у армянина Манвелова желтинника собиралось в год свыше 30 пудов. Для его срезки держателем использовался труд караногайцев, которые им были приговорены кочевать на этой земле и охранять произрастающий на ней желтинник. Они же служили работниками, которые занимались резкой, сушкой и очищением листа. Число рабочих составляло 360 человек. Интересен сам процесс обрабатывания желтинника. Резать ветви кустарника начинали в Иванов день – 24 июня. Далее рабочие собирали листья в кучи для того, чтобы они высохли на солнце и удобно могли обиваться от ветвей. Затем эти листья ссыпали в большие мешки, в так называемые халвары, то есть большие чучалы, которые потом зашивали и сдавали хозяину, получая от него 20 копеек серебром, от 10-12 рублей ассигнациями за провоз желтинника сухопутно до Астрахани. Временем отправки желтинника в Астрахань считался – конец августа - сентябрь, так как необходимо было поспеть к приходу товаров с нижегородской ярмарки, которые далее везли в Кизляр, Моздок и Екатеринбург, для дальнейшей перевозки в Закавказье. [1, лл. 6 – 6 об.]

Интересны приблизительные расчеты о доходе казны за десятину от 20-30 копеек серебром = 1 рубль 5 копеек ассигнациями. При низком урожае желтинника до 30000 пудов, а при высоком до 50000 пудов, каждая десятина давала от 1 ½ до 2 ½ пудов. Отсюда следовало, что держатель платил за каждый пуд от 12 ½ до 20 копеек серебром. За сбор и уборку желтинника платил по 20 копеек серебром, а за провоз до Астрахани платил 11 ½ копеек серебром. Расходы же на мешки, на приказчиков, на наем магазинов в Астрахани и прочее составляли с пуда до 20 копеек серебром. В общем хозяину обходился пуд около 1 рубля 1 ½ копейки серебром. Таким образом, держатель получал от каждого пуда чистой прибыли до 1 рубля 70 копеек ассигнациями. [1, лл. 6 об. - 7]

Эти приблизительные расчеты показали, что разведение и использование в промышленности желтинника, могло

приносить хороший доход, если этот кустарник не будет заменен иным красильным растением сходным по красильным качествам. [1, л. 7]

Что касалось использования корня желтинника, то оно было не введено в употребление, так как его добывание вредило самому растению. [1, л. 7]

Далее А.Ф. Ребров писал о предполагаемой территории распространения кустарника желтинник: «Одно представляется здесь неразъясненным, что подобные разбугорья пересыпных песков, начав от Степановых Бугров, тянутся чрез аккетеры на восток по направлению почтового кизлярского тракта, а потом рассыпавшись по степи на разные отроги на северо-востоке лежат близ морских берегов, лежащих на дороге к Астрахани, и оттоль на север вверх по Волге, но нигде более, кроме вышепоименованных не представляют видов подобной порости». [1, л. 7 – 7 об.]

Но имелось в Кавказской области еще одно растение такого же рода, которое давало от листьев желтую краску. Это растение произрастало по каменистым крутым высотам реки Подкумка, выше станицы Есентукской. Цвет этого растения при окрашивании, в отличии от желтинника, был ярко выраженный, но собирался он в ничтожных количествах и употреблялся азиатами на окрашивание в желтый цвет мешин – бараньих и козлиных шкур. [1, л. 7 об.]

Необходимо было принять во внимание и то, чтобы держатели не истребляли корней желтинника, что могло привести не только к уменьшению дохода, но и истреблению самого растения. [1, л. 8]

Далее Алексей Ребров писал: «Представляемые для образца корни с ветвями добытые в разных участках: одни с длинными правильными прутьями из Бугров Степановых, есть те, где менее бывает сбора из растущих редко кустов; другие же более корявые и кажется близкие к уничтожению растительности из бугров аккетеры. Те и другие для повторения опыта посадил я на песковатых местах в своей даче, будут ли они свободно произрастать». [1, л. 8]

Алексей Федорович Ребров был краеведом своего времени, помещик-опытник, который неоднократно на практике показывал успехи во всех отраслях своего хозяйства. Помещик Ребров был самоучкой, но его безвозмездное стремление показать многим помещикам свой опыт и свое умение, приводили некоторых опытных, вдвое старше него, помещиков в удивление, и им было непонятно, как самоучка мог такого добиться. Умение описывать и запоминать пригодились помещику и на этот раз. Как мы видим в данной статье, А. Ребров смог наиболее подробно описать произрастание, территорию, использование кустарника желтинник и его значение для промышленности в Кавказской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), Фонд 79. Общее управление Кавказской области. Опись 2. Дело 1409.

ПРОБЛЕМА ВЬЕТНАМЦЕВ В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ИНДОКИТАЕ 1975–1964 ГГ.

Иванов Валерий Владимирович

Канд. ист. наук, доцент кафедры истории и юриспруденции, Амурский Гуманитарно-Педагогический Государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре.

АННОТАЦИЯ: *Статья посвящена проблеме беженцев из Индокитая в период вьетнамской войны. Проблема беженцев стала следствием вооруженного конфликта во Вьетнаме, а позже – в Камбодже и Лаосе в 1954–1980-е гг. стала важнейшей проблемой для правительств Вьетнама, Таиланда, США и других стран, а также для международного сообщества.*

Ключевые слова: *Индокитай, вьетнамская война, беженцы, США.*

ABSTRACT: *The article deals issue of refugees from Indochina during Vietnam war 1964–1975. The problem of refugees displaced by military conflict in Vietnam, and later in Cambodia and Laos, from 1954 to the 1980s became a significant issue for the governments of the Vietnam, Thailand, United States and other countries, also for the international community.*

Key words: *Indochina, Vietnam war, refugees, USA.*

В настоящее время ни для кого не является сенсацией, что нарастающий массовый приток беженцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока в 2011–2015 гг. имеет катастрофические последствия для стран Европы. Основной причиной этой проблемы, приобретающей глобальный характер, считается интервенция США в Ираке и Афганистане, вмешательство НАТО в ливийские события (2011 г.), гражданскую войну в Сирии. Вопрос о беженцах не нов, но весьма актуален. Одним из ярких примеров трагедии миллионов людей, ставших вынужденными переселенцами, стали последствия военного вторжения США и их союзников в Индокитае в 1960–1970-е гг. Хронологию проблемы вьетнамских беженцев во второй половине XX в. можно условно разделить на четыре этапа:

1954–1955 гг. – массовые миграции с севера на юг Вьетнама.

1960–1973 гг. – ширококомасштабные миграции населения Южного Вьетнама, ряда горных племен Лаоса.

1975 г. – массовая эмиграция из Южного Вьетнама в сопредельные государства.

Вторая половина 1970–1990-е гг. – нелегальная эмиграция из Вьетнама в страны Юго-Восточной Азии.

Первые тревожные признаки проблемы беженцев отчетливо проявились в середине 1950-х гг. Окончание колониальной войны в Индокитае 1946–1954 гг. привело к предоставлению Францией независимости Вьетнаму, Лаосу и Камбоджи. Вьетнам оказался разделенным по 17-й параллели. На севере образовалась прокоммунистическая Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ), на Юге – Республика Вьетнам, ориентированная на бывшую метрополию и США. По условиям Женевского соглашения по Индокитаю 1954 г. около 100 тыс. уроженцев Юга – участников коммунистических повстанческих отрядов были вынуждены переселиться в ДРВ [15, р.65]. Ханой выполнил это условие, т.к. рассчитывал со временем объединить под своим контролем Север и Юг.

В это же время президент Республики Вьетнам Нго Динь Дьем для укрепления своего положения в 1954–1955 гг., развернул широкую кампанию по переселению католиков из Северного Вьетнама на Юг. Массовый переезд христиан, в большей степени, объяснялся небезосновательными опа-

сениями стать жертвой репрессий коммунистов, лишиться накоплений и имущества. В результате, более 700 тыс. чел. католиков выехали на Юг. Вместе с ними эмигрировали более 300 тыс. бывшие военнослужащие колониальной армии, чиновники. В результате массового переселения численность христианского населения Юга достигла 1,5 млн. чел. [16, р.62].

Приток переселенцев с Севера серьезно осложнил и без того нестабильную экономическую ситуацию в Южном Вьетнаме. Сайгон старался в максимально короткие сроки решить проблемы беженцев с трудоустройством и жильем. Бывших чиновников и военных, принимали на государственную службу [16, р.62-63]. Правительство предоставило крестьянам-переселенцам земельные участки и небольшие денежные ссуды.

Мероприятия администрации Нго Динь Дьема по адаптации беженцев серьезно обострили аграрный вопрос и проблему межэтнических отношений в Южном Вьетнаме. Более 400 тыс. католиков из ДРВ расселились в дельте Меконга [16, р.63]. Большинство из них получили земли, принадлежавшие кхмерским общинам. Около 100 тыс. переселенцев приобрели пахотные участки и угодья на Центральном плато (Тэйнгуен), ранее принадлежавших горцам [16, р.63]. Эти шаги Сайгона привели к росту недовольства этнических меньшинств. Кроме того, массовое переселение католиков серьезно обострило взаимоотношения христиан и буддистов.

Вторая волна массовых миграций в Южном Вьетнаме была вызвана гражданской войной, развернувшейся в первой половине 1960-х гг. и последовавшей за этим интервенцией США в Индокитае. Существенное влияние на положение, в первую очередь, крестьянства оказывали процессы, связанные с массовыми миграциями населения Юга, вследствие эскалации вооруженного конфликта. Многие аграрии были вынуждены оставить свои деревни, оказавшиеся в эпицентре военных действий. Только в 1970–1974 гг. было уничтожено более 3 тыс. деревень; около 1 млн. чел. погибло [12, р.178]. В результате, в период 1964–1972 гг. беженцами стали 4,8 млн. чел. (25-30 % населения); из них 2 млн. лишились крова [12, р.178].

Наряду с естественным потоком беженцев из зоны военных действий, значительная часть крестьян принудительно переселялась американскими и сайгонскими войсками в районы, находившиеся под контролем правительства. В дальнейшем беженцы размещались в специальных лагерях, больше напомиавших места заключения, либо оседали в городах. По оценкам американских ученых к 1975 г. 12 млн. южновьетнамцев (почти 50 % населения страны) покинули постоянные места проживания [13, р.470]. Данный курс объяснялся стремлением Сайгона лишить коммунистические силы Южного Вьетнама поддержки крестьянства. Социальные последствия этого шага правительства имели фатальные последствия.

Миграции стали одним из главных факторов высоких темпов урбанизации Южного Вьетнама – в 1960-е гг. городское население увеличилось с 15-20 % до 50 % [6, с.245]. По данным американских специалистов, к 1972 г. 60 % граждан Юга проживали в городах [13, р.600]. В результате, это привело к росту социальных проблем: безработица, обеспечение продовольствием, преступность. По данным исследователей США, к 1972 г. только в городах Южного Вьетнама было 800 тыс. детей-сирот, работавших чистильщиками обуви, мойщиками машин, уличными торговцами. Согласно официальной статистики, 500 тыс. женщин, занимались проституцией [13, р.600-601]. Многие беженцы легко вовлекались в криминал.

На оказание помощи беженцам США ежегодно выделяли 30 млн. долл. [12, р.178]. Однако основные объемы гуманитарных грузов не доходили по назначению, а становились собственностью администрации провинций, армейского командования. Гражданские и военные чиновники, реализовали по рыночным ценам продовольствие, медикаменты.

Вывод войск США из Южного Вьетнама в 1969–1973 гг. кардинально изменил военно-политическую обстановку в пользу коммунистических сил в Индокитае. Правительство ДРВ не отказалось от своей основной цели – свержения проамериканского режима на Юге, создания единого вьетнамского государства под руководством Ханоя. В марте 1975 г. коммунистические Народные Вооруженные Силы Освобождения (НВСО) Южного Вьетнама и северовьетнамские войска (Вьетнамская Народная Армия, ВНА) развернули наступательные действия в северных провинциях Юга.

Сайгонская армия, потерпев ряд крупных поражений в Тэйнгунен, отступала в южные районы страны. Вместе с войсками уходили сотни тысяч гражданских лиц, опасавшихся репрессий коммунистов. В марте 1975 г. президент Южного Вьетнама Нгуен Ван Тхьеу отдал приказ – отвести войска и эвакуировать гражданское население из городов Плейку и Контум в Туйхоа по дороге № 7В [1, с.748]. Эта коммуникация представляла, по сути, труднопроходимую тропу, заросшую джунглями, некоторые участки которой были заминированы. Мосты на дороге № 7В были взорваны.

Генералы сайгонской армии Као Ван Виен и Донг Ван Кюен признавали: «Когда первый конвой покинул Плейку, люди были встревожены возможной эвакуацией... Они отслеживали поведение семей военнослужащих и подразделений; если, вследствие наступления противника, войска и семьи военных уходили, население поступало таким же образом. Что касается врага, он был, на самом деле, застигнут врасплох внезапной передислокацией. Однако он немедленно бросил свои подразделения в погоню. Опять войска ВНА превратили дорогу 7В в «Дорогу Ужаса» [10, р.280].

Беженцы, среди которых было немало больных и раненых, нуждались в продовольствии и медикаментах. Нередко они становились жертвами южновьетнамских военных; тысячи погибли в результате артобстрелов, бомбежек, подрывах на минах, нападений мародеров. Многие беженцы, не выдержав тяжелого перехода, умерли от истощения, болезней. Из 400 тыс. гражданских лиц до Туйхоа добрались только 100 тыс. чел. [1, с.749].

Весной 1975 г. не менее трагические события развернулись в Хюэ и Дананге – крупных портах Южного Вьетнама. По оценкам австралийских исследователей, только из Куангчи 150 тыс. чел. бежали в Хюэ – древнюю столицу Вьетнама [11, р.588]. Эта цифра постоянно увеличивалась.

К середине третьей декады марта войска ВНА начали штурм Хюэ. Город был наводнен дезертирами, беженцами. Число последних превысило 400 тыс. [12, р.294] В Хюэ не работали учреждения, транспорт; процветала «черный» рынок. Приток беженцев сопровождался небывалым ростом цен на продовольствие, медикаменты, жилье. Нередко стремление местных спекулянтов нажиться на человеческом горе доходило до абсурда. По свидетельству очевидцев, стакан воды стоил 2 долл. [12, р.295] Эвакуация гражданского населения из Хюэ не была организована и превратилась в беспорядочное бегство, в ходе которого многие беженцы погибли.

Трагедия в Хюэ повторилась в Дананге, где к 28 марта скопилось 120 тыс. чел. гражданских [13, р.60]. Командующий I корпусной тактической зоной сайгонской армии генерал Нго Куанг Чьонг приказал жителям города немедленно эвакуироваться. Многие горожане подверглись насильственному переселению. Для многих из них это закончилось трагически.

Уроженец Дананга, торговец Чьонг Ман был арестован и вместе с другими горожанами помещен в трюм баржи № 240, которую буксировал эсминец ВМС Южного Вьетнама. Чьонг Ман вспоминал: «При посадке на баржу упали и утонули около пятидесяти человек – главным образом – дети. Когда баржа удалилась от берега примерно на 20 километров, сайгонские солдаты бросили людей в открытом море. Три дня и три ночи более тысячи человек, среди которых свыше шестисот детей, оставались без пресной воды и пищи, были предоставлены воле ветра и волн. У нас не оставалось надежд на спасение, если бы случайно не подобрали нас моряки Армии освобождения» [3, с.307].

21 апреля 1975 г. президент США Дж. Форд отдал категорический приказ эвакуировать всех американских граждан из Южного Вьетнама. Слухи о готовящейся эвакуации иностранных посольств и, в первую очередь – Соединенных Штатов, стали причиной беспорядков в Сайгоне. С 12 апреля американское посольство осаждали толпы людей, желавших покинуть страну. В городе процветала спекуляция документами, валютой. 27 апреля виза на выезд из страны и билет на самолет стоили 16 тыс. долл., 28 апреля – в 2 раза больше, 29 апреля – 50 тыс. долл. [8, с.13] Однако авиабилетов уже невозможно было купить даже на черном рынке.

Для вьетнамцев процедура выезда в США получила наименование «Виза по талонам» [8, с.13]. В первую очередь документы получали те, кто сотрудничал с американскими спецслужбами. Затем визы предоставлялись чиновникам, военным. Весной 1975 г. президент Дж. Форд выделил из своего фонда средства на осуществление операции «Baby

Lift» по эвакуации из Южного Вьетнама в Америку 2 тыс. детей-сирот [13, p.198].

В конце апреля 1975 г., войска ВНА и НВСО вышли на ближние подступы к южновьетнамской столице, эвакуация из Сайгона приняла массовые масштабы, а потом превратилась в паническое бегство. С аэродромов десятки военных и гражданских самолетов с беженцами на борту ежедневно стартовали в Таиланд, Филиппины. Ситуация осложнилась тем, что 24 апреля посольства многих государств были закрыты. Около посольства США происходили душераздирающие сцены. Десятки тысяч чиновников, военных, члены их семей добивались получения виз на въезд, осаждали комплекс зданий. Подразделение морской пехоты США, несшее охрану, было вынуждено применять силу, чтобы сдерживать толпы беженцев.

До 26 апреля 1975 г. функционировал столичный аэропорт Таншоннят, но после того как взлетно-посадочные полосы стали подвергаться обстрелам артиллерии ВНА, его закрыли. Единственным местом спасения сторонников сайгонского режима стал Вунгтау, в гавани которого стояли военные корабли США. Так как автомобильную трассу до побережья уже перекрыли части НВСО, добраться в порт можно было только по воздуху. Взлетно-посадочные площадки в Сайгоне превратились в арены кровавых столкновений; тысячи беженцев ожесточенно дрались за места в вертолетах. Воспользовавшись хаосом и полной беспомощностью властей, в городе свирепствовали банды гангстеров, совершавших грабежи и убийства.

В Сайгоне распространялись слухи о репрессиях, которые последуют после победы коммунистов. Например, утверждалось, что все католики будут арестованы и отправлены в ДРВ; незамужние католички будут насильно выданы замуж за северовьетнамских солдат-инвалидов; девушки и молодые женщины, носящие маникюр, будут поголовно изнасилованы бойцами НВСО [9, p.38]. Распространение таких нелепых дестабилизировало и без того напряженную обстановку в южновьетнамской столице.

В течение последних дней апреля 50 тыс. южновьетнамцев выехали из страны на самолетах, около 70 тыс. – на судах, моторных лодках [14, p.464]. Многих спасли корабли 7-го флота США. Однако само по себе бегство из Вьетнама создавало новые проблемы. Первые послевоенные годы значительный процент беженцев находился в специальных лагерях в Филиппинах, Гонконге, Таиланде. Содержание в них вынужденных переселенцев сопоставимо с лагерями для перемещенных лиц в середине 1940-х гг. Беженцы страдали от плохого питания, недостатка лекарств, теплых вещей. Впоследствии, 190 тыс. беженцев из Вьетнама осели в США, 40 тыс. чел. прибыли на постоянное место жительства в Канаду [14, p.464].

В 1975–1980-е гг. проблема беженцев из стран Индокитая вновь обострилась для многих стран Юго-Восточной Азии. Более 1,5 млн. вьетнамцев по разным причинам были вынуждены покинуть страну [13, p.470]. Всего в 1975–1980-х гг. из стран Индокитая выехало около 2 млн. чел. [16, p.63]. По мере обнищания и дальнейшего ужесточения жизни усиливалось бегство граждан бывшего Южного Вьетнама морским путём в Малайзию, Таиланд, Гонконг. Таким образом, возникла целая категория вьетнамских беженцев, именуемых «лодочные люди».

По данным исследователей США, 10-50 % эмигрантов погибли при эвакуации [13, p.470]. Многие из них стали

жертвами филиппинских и тайских морских пиратов. Суда различных стран, встречавшие дрейфовавших в море беглецов из Вьетнама, отказывались принимать их на борт [10, p.288]. Немногочисленные «счастливики» попадали в лагерь для беженцев, рассредоточенные по всей Юго-Восточной Азии. Пребывание в них нередко заканчивалось трагедией для эмигрантов. Тысячи беженцев погибли от плохого питания, водоснабжения, острой нехватки медикаментов.

В 1979 г. США предприняли меры по спасению «лодочных» людей. Корабли американского 7-го флота, курсировавшие в Южно-Китайском море, получили приказ спасать беженцев. Вьетнам осудил действия США, обвинив их в нарушении своего суверенитета. 20 июля 1979 г. в Женеве начала работу международная конференция по проблеме беженцев в Юго-Восточной Азии. В работе форума приняли участие представители десятков стран, включая СССР, США, Вьетнам, КНР, Кампучию, Таиланд, Филиппины и др. [4, с.5] Обсуждение проблемы беженцев, фактически, превратилось в политическую дискуссию [5, с.5]. Представитель СРВ при ООН Ха Ван Лау, выступая перед членами Совета мира США, утверждал, что «среди беженцев много чиновников марионеточных сайгонских режимов, паразитические элементы, наживавшиеся на кровавой войне...» [7, с.5]. Представители Америки и КНР, со своей стороны, обвинили Вьетнам в эскалации проблемы «лодочных людей». [5, с.5] Основным результатом форума стало оказание ООН помощи в создании новых лагерей для беженцев, разработке мер по борьбе с пиратством и защитой беженцев.

Победа коммунистических сил в Южном Вьетнаме имела трагические последствия для некоторых горных народов, проживавших на плато Тэйнгвен. Во время вьетнамской войны многие из них вступили в вооруженные отряды FULRO (Front Unife pour la Lutte des Races Opprimes, Объединенный фронт угнетенных рас) и сражались на стороне США и их союзников [2, с.128-129]. В 1970–1980-е гг. десятки тысяч горцев, спасаясь от репрессий властей, были вынуждены бежать в Бирму, Таиланд. Другие продолжали партизанскую войну против правительства Вьетнама.

К началу 1990-х гг. положение последних групп FULRO, лишенных всякой поддержки, стало безнадежным: они жили в пяти поселках, отрезанных от внешнего мира. В 1992 г. после переговоров с представителями UNTAC – Временной администрации от ООН в Камбодже отряды FULRO сложили оружие. США предоставили бывшим союзникам статус беженцев и поселили в Северной Калифорнии. [2, с.130] В конце 1990-х гг. около миллиона вьетнамских эмигрантов проживало в Соединённых Штатах, главным образом, в Филадельфии [13, p.470].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946–1975): Монография. М.: Изографус, Изд-во ЭКСМО, 2002. – 816 с.
2. Иванов В.В. Малые народы Вьетнама в период интервенции США (1964–1965 гг.) // Россия и АТР. 2009. № 1. С.124-131
3. Ильинский М. Вьетнамский синдром. Война разведок. М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 672 с.
4. Конференция в Женеве // Правда. 21.07.1979. С.5.
5. Кто раздувает «проблему» беженцев // Правда. 09.07.1979. С.5.

6. Новакова О.В. Цветов П.Ю. История Вьетнама. Ч.2. М.: Изд-во МГУ, 1995. – 272 с.
7. Отпор клеветникам.//Правда. 13.07.1979. с.5.
8. Скворцов В. Лавина с гор.// Вокруг света. 1976. № 2. С.7-13.
9. Chanda N. Suddenly last spring.//Far Eastern Economic Review. 12.09.1975. P.35-39.
10. Gilmore L.D. Giangreco D.M. Eyewitness Vietnam. Firsthand Accounts from Operation Rolling Thunder to the Fall of Saigon. N.Y.: Sterling Publishing Co., Inc., 2006. – 304 p.
11. Ham P. Vietnam: the Australian War. Harper Collins Publishers, 2007. – 814 p.
12. Herring G.C. America's Longest War. The United States and Vietnam, 1950–1975. N.Y.: Mc. Graw-Hill. Inc., 1996. – 354 p.
13. Kutler S.I. Encyclopedia of the Vietnam War. N.Y.: Simon and Schuster Macmillan, 1996. – 711 p.
14. Maclear M. Vietnam: The Ten Thousand Day War. London.: Eyre Methuen Ltd, 1981. – 492 p.
15. Neale J. A People's History of the Vietnam War. N.Y.: The New Press, 2003. – 309 p.
16. Olson J. Roberts R. Where the Domino fell. America and Vietnam 1945 to 1990. N.Y.: St. Martin's Press, 1991. – 321 p.

ПРИЧИНЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В ТУНИСЕ

Копылова Ирина Александровна

магистрантка 2-го курса, КубГУ, г. Краснодар

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению внутренних экономических, политических и социальных факторов в Тунисе, совокупность которых способствовала усилению народного недовольства, вызвала массовые демонстрации, послужившие началом революционных событий в Тунисе и других государствах арабского мира, которые получили название «арабской весны». Автор приходит к выводу о том, что совокупность внутренних проблем Туниса предопределила вероятность нагнетания критического отношения населения к власти и режиму Бен Али, не предпринимавшему достаточно действенных попыток по налаживанию острой внутренней ситуации в стране.

ABSTRACT

The article covers consideration of intrinsic economic, political and social causes in Tunisia. The range of these promoted to explosion of popular discontent, arouse mass disorders which became the start of revolutionary actions under the name of the "Arab Spring". Author comes to the conclusion that the scope of inner problem of Tunisia has predetermined the intensification of negative public opinion to the authority of the State because of lack of necessary reforms and changes in the Tunisian society.

Ключевые слова: Тунис, режим Бен Али, «арабская весна», демонстрации, революционные события.

Keywords: Tunisia, Ben Ali regime, "Arab Spring", mass demonstration, revolutionary actions.

Государство Тунис – одно из наиболее стабильных и обеспеченных государств регионов Северной Африки и Ближнего Востока, в конце 2010 г. неожиданно столкнулось с новыми внутривнутриполитическими угрозами. Как известно, именно Тунис стал «первенцем» революционных событий «арабской весны», которая вовлекла многие государства региона в полосу народных демонстраций и протестов, смены политических режимов и гражданских войн. Но почему именно Тунис, привлекающий множество туристов и инвесторов, известный как устойчивое государство арабского мира, как в политическом, так и в экономическом плане, оказался первым эпицентром народного недовольства; приблизиться к ответу на этот вопрос можно рассмотрев некоторые внутренние причины, приведшие к массовым демонстрациям в Тунисе в декабре 2010 г.

Действительно, «арабская весна» в Тунисе явилась результатом совокупности многих политических, экономических, социальных факторов. Но наиболее острые, подтолкнувшие тунисцев к демонстрациям, явно выделяются экономические причины. Как известно, именно попытка самосожжения молодого безработного тунисского торговца, стала той побудительной силой, которая вывела негодую-

щих людей на улицы, требующих снижения цен на товары, увеличения рабочих мест, борьбы с коррупцией, проведения реформ.

Во-первых, для Туниса весьма важна проблема достаточно высокого уровня безработицы населения, превысившего «14% в конце 2010 г.» [5], которая сильно обострилась из-за большого количества безработной квалифицированной молодежи. «Молодые выпускники ВУЗов столкнулись с проблемой невостребованности и ненужности своему государству, которое дает всем бесплатное образование, но работы не гарантирует» [4, с. 16]. В связи с этим в тунисском обществе происходило обесценивание высшего образования, наличие которого не гарантировало ни высокооплачиваемую работу, ни достойное социальное положение, что, естественно, побуждало население, особенно молодое, наиболее активное, к желанию перемен, большей подвижности общества. Данная ситуация во многом возникла из-за отсутствия своевременных экономических преобразований и реформ.

Во-вторых, очень важен фактор, связанный с высоким уровнем коррупции в государствах Североафриканского региона, в частности в Тунисе. К тому же, коррупция здесь

отягчена четко сформированной клановой властной структурой, которая концентрировала в своих руках государственное достояние. Правивший до революции Тунисом клан президента Бен Али и его супруги Лейлы Трабелси владел практически всеми крупными и наиболее важными и доходными секторами экономики. «Ни один крупный контракт с иностранцами не проходил мимо них. Близость к президенту или его окружению открывала доступ к получению кредитов из государственных банков, уходу от налогов и другим злоупотреблениям» [2, с. 80]. Народ был возмущен экономическим положением, как уже было сказано, коррупция и безработица находились на весьма высоком уровне, а власть не стремилась к реальному улучшению ситуации. «О хищничестве этого клана судачили в Тунисе даже простые обыватели: «Жадная Лейла прибирала к своим рукам все что душе угодно: могла с легкостью конфисковать в свою пользу и часть национально лесопарка, и приглянувшуюся ей виллу и т. п.» [1, с. 82]. Естественно, что тунисцы с ненавистью относились к такой деятельности режима Бен Али и хотели его свержения.

В-третьих, неравномерное распределение экономических благ внутри страны, а соответственно, и формальное разделение страны на обеспеченный север (нефтедобыча, туристическая отрасль) и бедный юг, а также тенденция урбанизации и роста численности населения в городах, характерная для государств Североафриканского региона, усиливают проблему безработицы. На фоне отсутствия экономических преобразований, разумной государственной поддержки населения возникают все новые экономические осложнения, такие как увеличение цен на продовольствие, консервация и «застой» нерешенных экономических проблем.

Помимо экономических причин, подтолкнувших тунисское общество к открытому недовольству государственной властью, необходимо учесть и связанные с ними социальные трудности населения. Во-первых, демографическая ситуация в государствах Североафриканского региона характеризуется высоким естественным приростом населения, который в связи отсутствием благоприятных экономических преобразований вызывает ряд народнохозяйственных трудностей. «Для демографической ситуации в арабском мире характерно большое количество молодежи, которая, действуя совместно с фактором интенсивной урбанизации, производила в совокупности особенно мощное дестабилизирующее воздействие. При этом такая молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах – политических центрах» [3, с. 58]. Здесь оказываются верными слова С. Хантингтона, что «молодежь – это олицетворение протеста, нестабильности, реформ и революции» [8, с. 72]. Неудивительно, что сложившаяся внутри Туниса ситуация привела к весьма серьезной политической дестабилизации, особенно в условиях потери властью своего авторитета на фоне экономических проблем.

Во-вторых, как известно, арабский мир – территория ислама, монотеизма и более традиционных взглядов, но, учитывая присутствие в Тунисе представителей других религиозных течений, было не исключено и взаимное недоверие граждан. Примечательно, что исламский фактор значительно активизировался в ходе революционных событий «арабской весны», возможно, этому способствовало падение авторитета светской власти, утрата доверия населением к лидеру государства, в частности к президенту Туниса.

«Широкие мусульманские массы обратились к более близким по духу и менталитету, сугубо религиозным ценностям, ведь ислам был и остается общей идейной основой культуры и общественного устройства стран Ближнего Востока и Северной Африки, он пронизывает все сферы их жизни, определяет ее особенности» [6, с. 14].

Что же касается политической составляющей, повлиявшей на свержение режима Бен Али, то, с одной стороны, противниками, пусть и неявными, политики клана Бен Али – Трабелси явилась военная и экономическая элита Туниса, которая, естественно, не могла быть довольна монополизацией ключевых секторов экономики в руках членов семьи президента, которые, вероятно, предпочли не выпускать капиталы за пределы своего семейного круга. Нараставшие экономические трудности внутри страны послужили веским поводом для демонстрации несостоятельности президента, коррумпированности его режима, а также вероятности установления наследственной власти в Тунисе (из неизвестных источников появлялась информация о предполагаемом приемнике Бен Али, его зяте Шакер аль-Метери в качестве нового президента страны). Естественно, что такое положение дел в будущем вызывало недовольство в тунисском обществе, которое опасалось сохранения прежних порядков, отсутствия необходимых реформ, а также, здесь уже взволнованные народные массы выдвигают не только экономические требования к лидеру государства, но и политические.

Таким образом, политические причины, оказавшие деструктивное влияние на режим Бен Али, явились симбиозом раздраженности верхушки тунисского общества и негодованием основной массы населения страны, которые и предопределили судьбу действовавшего режима. Но политические требования тунисских демонстрантов, стремление к свободе слова, свободе собраний, политическому плюрализму, честным и открытым выборам стали скорее следствием, нежели причиной народного недовольства. «Везде было слышно слово «демократия», но если спросить людей, что это такое, то окажется масса различных трактовок этого термина. Каждый понимает ее по-своему. И это – политический факт. Поэтому стремление не к «демократии», а, скорее, к «справедливости» явилось сильнейшим побудительным мотивом революционных событий» [7].

Итак, можно утверждать, «арабская весна», возникшая в Тунисе, стала результатом совокупности широкого спектра внутренних проблем, которые тяжким бременем ложились на население. Люди, уставшие от политического давления со стороны несменяемого президента и его богатейшего клана, экономического дисбаланса среди слоев населения и отсутствия экономических возможностей для достойной жизни большинства населения страны, требовали перемен, сначала экономических, а затем и политических, но решение столь сложных и глубоких проблем в обществе, которые накапливались не один десяток лет, нельзя осуществить одной лишь сменой лидера страны. Действительно, несмотря на позитивные преобразования в Тунисе, у населения страны оставалось недоверие к новым формирующимся властным структурам государства, политическим лидерам и их деятельности.

Рассмотрение причин, спровоцировавших в Тунисе массовые демонстрации населения, революционные настроения, которые трансформировались в опасное, широко-масштабное и, вероятно, неожиданное явление «арабская

весна», приводит к предположению о том, что Тунис оказался первой жертвой скорее случайно, нежели преднамеренно. В государствах Североафриканского и Ближневосточного регионов существуют подобные, а иногда наиболее острые проблемы, чем в самом Тунисе, но именно в этой стране оказался человек, отчаявшийся получить какие-либо гарантии от своего президента и правительства, и его протест стал символом всего режима Бен Али, для которого население страны – лишь инструмент достижения личной власти и богатства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Видясова М. Ф. Куда идет тунисская «революция»? Обозреватель – OBSERVER. №10. 2011. – 79-96 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N10_2011/079_096.pdf (дата обращения: 11. 10. 2015).
2. Кашина А. А. «Жасминовая революция» в Тунисе. Обозреватель – OBSERVER. №7. 2011. – 74-82 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N7_2011/074_082.pdf (дата обращения: 9.10. 2015).
3. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М.: ЛКИ/URSS, 2012. – 464 с.
4. Лаумулин М. Т. «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия. Алматы: КИСИ, 2011. – 236 с.
5. Уровень безработицы в странах мира. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iformatsiya.ru/tab1/569-uroven-bezraboticy-v-stranax-mira.html> (дата обращения: 18.10. 2015).
6. Федорченко А. В., Крылов А. В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов. Аналитические доклады. М.: МГИМО – Университет, 2012, №3. – 84 с.
7. Филатов С. Ближний Восток: «Идеальный шторм». Международная жизнь. №2. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/664> (дата обращения: 21. 10. 2015).
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. – 576 с.

ТАЙНА НАДПИСЕЙ НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВИКОВ А. С. ПУШКИНА

Королев Виктор Владимирович

Канд. ист. наук, член Союза писателей России, г. Екатеринбург

АННОТАЦИЯ

Александр Пушкин, великий русский поэт, оставил немало тайн. В статье дается версия разгадки некоторых надписей, зашифрованных поэтом в его черновиках.

ABSTRACT

Alexander Pushkin, the great Russian poet, has left many mysteries. The article gives a version of the explanation of some of the inscriptions in the his drafts, encrypted by the poet.

Ключевые слова: Пушкин, поэзия, тайна, шифр, версия.

Keywords: Pushkin, poetry, mystery, cipher, version.

ВВЕДЕНИЕ

С одной стороны, историк, как и любой ученый, должен использовать только проверенные факты, а не домыслы. И при этом ссылаться на источники. Особенно если речь идет о творчестве великого Пушкина. С другой стороны, писатель имеет право высказывать свое мнение, свою версию. Особенно если речь идет о творчестве поэта. Тем более что разгадки пушкинских тайн, как верно подметил В. Козаровецкий, требуют незашоренного мышления и научной смелости [1]. Потому и открытий у дилетантов не меньше, чем у академических пушкиноведов-филологов. А если ниже чьи-то авторские находки остались незакавыченными, в этом, поверьте, не было ни корысти, ни умысла нарушить этику публикаций в научном журнале.

Часть I

«ХОЧЕШЬ ЛИ ТЫ МЕНЯ ЛЮБИТЬ?»

Одних только писем А.С. Пушкина разным адресатам известно около восьмисот. Более чем на 900 страницах знаменитых тетрадей, в которых поэт записывал свои гениальные стихи, насчитывается около двух тысяч (!) его рисунков. И каждая строчка, каждая буква бесконечно дорога для нас. Даже если это какие-то пометы, малопонятные надписи в черновиках.

В книге «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» [2] опубликованы практически все мелкие записи, заметки, пометы, подсчеты великого поэта. Такие издания – великое благо, потому что в Пушкинский Дом просто так не зайдешь и оригиналы, черновики поэта не помотришь. А тайн там хранится немало. Например, мало кто знает, что на обороте черновика «Я помню чудное мгнов-

венье...» Пушкин отозвался об Анне Керн, мягко говоря, небрежно, а грубо говоря – отозвался очень даже грубо...

Впрочем, не об этом речь. Намного важнее попытаться расшифровать те пометы на полях, что сделаны более двухсот лет назад рукою гения и которые до сих пор никем не разгаданы. Не собираюсь говорить, что тоже люблю Пушкина и готов прикоснуться к тайне («*Любить – это значит, прикоснуться к тайне, но прикоснуться – отнюдь не означает постичь ее*». Помните афоризм Платона?) Нет, просто хочу предложить свою версию...

Тайна есть: зашифрованная запись в одной из тетрадей поэта (известно почти два десятка таких тетрадей), инвентарный номер Пушкинского Дома за № 2367, лист 26. Надпись сделана непосредственно под черновым текстом стихотворения «Иностранке» («На языке тебе невнятном») и, вероятно, она как-то связана с этим стихотворением. Дата указана совершенно точно. Выглядит это так: *veux tu m'aimer 18/19 Mai 1824*. А чуть ниже: *pl. v. D'*.

Первая фраза переводится с французского однозначно: «Хочешь ли ты меня любить?» Вопросительный знак у Пушкина отсутствует. Что означает вторая, зашифрованная строка, пушкиноведы объяснить не могут.

Сто сорок лет назад Анненков в своей работе «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» [3] прочитал как «Point de D», а по поводу последней буквы спросил: «Не Дегиль ли?» Дегиль – бывший французский офицер, который жил в Кишиневе и с которым у Пушкина был конфликт в 1821 году. Предположение Анненкова кажется маловероятно, так как черновик «Иностранки» сделан спустя три года, уже в Одессе.

Что означают эти зашифрованные буквы – *pl. v. D'*? Начинать надо, разумеется, с текста стихотворения и, главное, со времени его создания. О чем или о ком думал Пушкин в ночь с 18-го на 19-е мая 1824 года – это невозможно понять, пока не узнаем, с кем он встречался в тот день. И, наверное, не ошибемся, если начнем с женщин. Даже само название стихотворения направляет нас по этому пути. Так что – вперед!

Впрочем, стоп – есть первая подсказка. В комментариях, где специалисты Пушкинского Дома признаются, что тайна зашифрованной пометки на полях еще не разгадана, имеется сноска: «Впервые опубликовано как *pl. v. D*».

Не знаю, как у вас, но у меня сразу появилась версия. Если это посвящение (что следует из названия стихотворения), то, скорее всего, последняя буква – это имя или фамилия. Но одно дело, когда просто D, а когда D с апострофом? Да еще на французском языке – это определенно говорит о приставке, свидетельствующей о знатности рода. Д Артаньян – хоть и бедный был, но дворянин как-никак. Может, это не D, а «де»? И тогда понятно, что Анненков пошел по неправильному пути, прочитав шифр как *Point de D*: там не могло быть два «de»!

Дальше – больше. Массу вариантов я перебрал, пока вдруг не мелькнула шальная мысль, что *pl.* – это никакой не «плюральный», а... целых два слова, слитые Пушкиным в одно. Тут же откуда-то из подсознания выплыло название знаменитого когда-то французского шоколада – «*Pour la Clo*». «Для Клотильды» назывался шоколад. Французы ласково сократили имя до «Кло».

«Пур ля» – «для кого»? Вот что значат эти две соединенные Пушкиным буквы! Теперь осталось выяснить, для кого же именно предназначалось стихотворение, написанное в

ночь на 19 мая 1824 года, кого спрашивал при этом: «Хочешь ли ты меня любить?»

Вариантов очень много: Пушкин в период южной ссылки был по уши в любви. Но меня интересовали в первую очередь женщины, фамилия которых могла начинаться на «де». Перебирал всевозможные варианты – и вдруг... Неужели это связано как-то с Дерibasом, знаменитым основателем Одессы, фамилия которого в то время писалась как «де Рибас»? Тогда придется начинать, что называется, от печки и заглянуть в историю, которая произошла за сто лет до пушкинского стихотворения, посвященного «Иностранке».

«НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ» ОТЕЦ ЕКАТЕРИНЫ II И ЕЕ «КУМА»

Иван Бецкой (1704–1795) был незаконнорожденным сыном генерал-фельдмаршала князя Трубецкого, сокращенную фамилию которого и получил. Родился в Стокгольме, получил прекрасное образование. Уйдя с военной службы, он долго путешествовал по Европе, а 1722–1728 годы провел «для науки» в Париже, где к тому же состоял секретарем при русском после. Там и началась история, получившая продолжение спустя сто лет.

Где и когда произошла его первая встреча с 17-летней принцессой Иоганной-Елизаветой Ангальт-Цербстской, до сих пор неизвестно. В «Записках» Николая Греча читаем:

«*Отец будущей российской императрицы Екатерины II, принц Ангальт-Цербстский, был комендантом в Штеттине и жил с женою в разладе. Она (урожденная принцесса Гольштинская) проводила большую часть времени за границею, в забавах и в развлечениях всякого рода. Во время пребывания ее в Париже в 1728 году сделался ей известным молодой человек, бывший при русском посольстве, Иван Бецкой, прекрасный собою, умный, образованный. Вскоре по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербстской, она отправилась к своему мужу в Штеттин, и там 21 апреля 1729 года разрешилась от бремени принцессою Софией-Фридерикой-Августой, в святом крещении Екатерина Алексеевна. Связь Бецкого с принцессою Ангальт-Цербстской была известна в то время, все при дворе знали, что императрица Екатерина Великая – наполовину русской крови» [4].*

В 1729 году Бецкой вернулся в Россию. Был близок ко двору императрицы Елизаветы Петровны. В 43 года вышел в отставку и надолго выехал за границу. После переворота 1762 года, в котором он, кстати, не принимал участия, Екатерина приблизила постаревшего Ивана Бецкого к своему двору, одарила немалыми капиталами и поручила руководство всеми учебными и воспитательными заведениями. В дела государственные Бецкой не вмешивался и влияния на них не имел.

Еще в 1744 году, когда принцесса Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская со своей 15-летней дочерью прибыли в Петербург для знакомства и сватовства с наследником российского престола Петром Федоровичем, она встречалась со многими вельможами. Позднее, вспоминая об этом в своих записках, Екатерина II напишет о том, что ее родительница была счастлива видеть таких-то и таких-то людей, «но более всего камергера Бецкого».

Новая государыня была очень похожа лицом на Бецкого. Известно также, что он был один из немногих, к кому императрица ездила в гости, и когда приезжала в дом на Миллионной улице и оставалась с ним наедине всегда целовала ему руку. В те времена так было принято в отношениях меж-

ду родителями и детьми. 30-го августа 1795 года императрица провела у постели умирающего Бецкого ночь и горько плакала, когда тот умер.

Бецкой не был женат, но имел внебрачную дочь Анастасию, которая стала любимой камеристкой государыни, была с ней запросто и даже называла на людях «кумой». Ей было уже далеко за тридцать, когда она в 1776 году вышла замуж за Осипа (Иосифа) Рибаса, офицера армии неаполитанского короля, который поступил на русскую службу и участвовал в операции по захвату самозванки – княжны Таракановой. Именно граф А. Г. Орлов-Чесменский и порекомендовал Рибаса государыне, занятой в тот момент как раз поисками гувернера для своего сына Алеши, нажитому от Григория Орлова.

Понятно, что честолюбивый неаполитанец женился на «сестре» императрицы исключительно из-за богатого приданого и будущей карьеры. Он не прогадал. По завещанию отца Анастасии досталось 80 тысяч рублей серебром, 40 тысяч ассигнациями, дома в Санкт-Петербурге и много чего еще.

А муж ее быстро стал адмиралом и у себя на родине получил родовую приставку «де». У них родились две дочери: Софья и Екатерина, крестницей которых вызвалась быть сама императрица. Дочь Софья (1794–1827) в 19 лет выйдет замуж за князя М. М. Долгорукова (их внучка, кстати, станет морганатической супругой Александра II) и надолго покинет Россию. Весной 1824-го Софья Осиповна приедет в Одессу – город, который основал ее отец и в котором жил в то время Пушкин.

ГРЕЧАНКА ОСТАВИЛА ПОЭТА С НОСОМ

Теперь вернемся к таинственной надписи на черновике стихотворения «Иностранке». Посмотрим еще раз текст:

На языке, тебе невнятном, / Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном / Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну, / В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану / Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая, / Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему, / Его страстей не понимая.

Говорить, что стихотворение посвящено давнему другу Пушкина, можно лишь с определенной долей сомнений – в те времена так часто обращались друг к другу. В комментариях специалистов утверждается, что стихотворение «Иностранке» посвящено Калипсо Полихронии, с которой Александр Сергеевич познакомился в Кишиневе в июне 1821-го. В то лето он набросал несколько ее портретов, а в 1822 году появилось и обращенное к ней послание «Гречанке». Пушкинисты считают, что и «Иностранке» также посвящено Калипсо.

Вот как пишет о ней Ф. Ф. Вигель в своих воспоминаниях:

«В Кишиневе проживала не весьма в безвестности гречанка-вдова, называемая Полихрония, бежавшая из Константинополя. При ней находилась молодая дочь, при крещении получившая мифологическое имя Калипсо. Она была не хороша собой, высока ростом, худоцава, и черты у нее были правильные; но природа с бедняжкой захотела сыграть дурную шутку, посреди приятного лица прилепив огромный ястребиный нос.

...Она многим нравилась, только не мне. Исключая турецкого и греческого, хорошо знала она еще языки арабский,

молдавский, итальянский и французский. Ни в обращении ее, ни в поведении не видно было строгости...

Любопытство мое было крайне возбуждено, когда Пушкин представил меня сей деве и ее родительнице. В нем же самом не заметил я и остатков любовного жара, коим прежде горел он к ней. Воображение пуще разгорячено было в нем мыслию, что лет пятнадцати будто бы впервые познала она страсть в объятиях лорда Байрона, путешествовавшего тогда по Греции».

Наблюдательный Вигель подметил две важные детали: то, что для Пушкина Калипсо была интересна из-за ее любовной связи с Байроном; и то, что чувства поэта к гречанке очень быстро угасли. Тогда вопрос – может, эти угаснувшие чувства Пушкина сама Калипсо и пыталась вернуть рассказами о том, что с лордом Байроном «цаловалась»?...

Ответа у меня не было, тем более что большинство исследователей считают, что юная гречанка навсегда покорила сердце поэта, что именно она была много лет его Музой.

Теперь я думаю, что они не правы. Да, почти во всех источниках говорится, что в черновике стихотворение было озаглавлено «Гречанке», потом зачеркнуто, а позже Пушкин назвал его «Иностранке». И тут появляется вторая подсказка, косвенно говорящая, что мы на правильном пути. Всегда надо внимательнее смотреть оригиналы, обращая внимание на мельчайшие детали! На самом-то деле в черновом варианте стоит «Гр...», а не «Гречанке». Но ведь эти две буквы «Гр» могут обозначать совсем другое, допустим, «графине».

Кстати, а была ли она на самом деле гречанкой? Может, просто знала «Историю одной гречанки» модного тогда аббата Прево?

Вигель пишет, что Калипсо знала французский язык – откуда же тогда «на языке тебе невнятном»? Пишет, что уже не было никакой страсти к ней у Александра Сергеевича. А все воспоминания барона Ф. Ф. Вигеля отличаются точностью, беспристрастностью и даже некоторым самобичеванием. И он пишет, что Калипсо ловко воспользовалась антипатией, которую питали к ней с матерью молдавчане, и выдала себя за жертву, брошенную английским лордом.

О Калипсо вышло немало книг и даже сняты фильмы. Но только один человек сказал правду. Эрнест Симмонс в статье «Байрон и греческая девушка», посвященной Калипсо, доказал, что она не была прототипом Лейлы в байроновском «Гяуре» и не могла быть любовницей лорда. Байрон прожил два месяца в Константинополе, где, как утверждали мать и дочь Полихронии, Калипсо познакомилась с ним. Но английский поэт оказался в турецкой столице в 1810 году, а в это время Калипсо было всего шесть-семь лет.

Так что в Кишиневе она ловко обманула Пушкина, узнав о его поклонении перед английским собратом. И Пушкин это понял. Посвятил ей стихотворение «Ты рождена воспламенять воображение поэтов», занес в свой знаменитый «донжуанский список» – и всё. Послание «Иностранке» адресовано не Калипсо. Не ей он написал «Хочешь ли ты меня любить?» Тогда – кому?

КАК ВАС ТЕПЕРЬ НАЗЫВАТЬ?

На мой взгляд, есть и третья подсказка, точнее – повод для размышлений и предположений. Те самые две буквы «Гр», которые все до сих пор читают, как «Гречанке».

И теперь самое время вернуться к весне 1824-го, когда 30-летняя Софья Осиповна Долгорукова приехала в Одессу

– город, который основал ее отец. И не фамилия ли по мужу г-жи Де Рибас заставила Пушкина написать букву «D»?

О ней не многое известно. Знаем лишь точно, что и Пушкин, и Воронцовы были в курсе истории ее деда – значит, и принимать ее надо с соответствующими почестями. Не как особу царских кровей, конечно, но то, что она приходится императрице Екатерине II чуть ли не «внучкой», – это граф Воронцов вынужден был учитывать.

По мужу Софья Осиповна была княгиня. По отцу – неаполитанской виконтессой. Может, отсюда буква «v»? Pour la vicomtesse D' – «для виконтессы де...» Поэт просто не знал, как ее правильно называть. Софья Долгорукова для одесского высшего общества была иностранкой. Она долго жила в Италии и по-французски говорит плохо. Но как же хочется молодому поэту спросить эту красивую неаполитанку: «Veux tu m'aimer»? – «Хочешь ли ты любить меня?»

Теперь все сходится! Думаю, что в доме одесского генерал-губернатора Софья Осиповна Долгорукова была принята, и именно там Пушкин увидел ее. Что было дальше – никто не знает. Известно лишь, что через три года Софья Долгорукова оставит мужа вдовцом. А великий Пушкин оставит нам чудесное стихотворение:

*На языке, тебе невятом,
Стихи прощальные пишу...*

Часть II ТРЕВОЖНАЯ ОСЕНЬ 1823-ГО

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ великого поэта В. М. ЛОБОВ (кстати, тоже не профессионал-филолог) пишет [5]:

«Таинственная надпись на черновике «Евгения Онегина» стоит у строфы IX второй главы, в которой было написано: *«Певцы слепого упоенья, / Напрасно шалостей младых / Передаете впечатленья / Вы нам в элегиях живых»*. Затем поэт кое-что зачеркнул и исправил, уточнив чувства, обурываемые им: *«Не пел порочной он забавы... / Он оскорблять гнушался нравы... / Как тот, чья жадная душа / Добыча вредных заблуждений / Добыча жадная страстей / Преследует в тоске своей / Картины прежних наслаждений / И свету в песнях роковых / Безумно обнажает их»*.

Речь здесь идет не обо всей IX строфе «Евгения Онегина», а о черновике к поэме, точнее – о таинственных пяти буквах слева на полях: «Q. S. F. O. Y.»

Фундаментальная электронная библиотека (ФЭБ) ЭНИ «Пушкин» так комментирует на стр. 298 раздела 17 шифрованную надпись на черновой странице «Евгения Онегина»: «*Q. S. F. O. Y. Запись в тетради № 2369, л. 262, на странице, где черновик VIII и IX строф второй главы «Евгения Онегина», писавшихся не ранее 22 октября и не позднее 3 ноября 1823 г. (напечатано впервые у Я. VI, 561). Смысл букв расшифровать не можем. Может быть, они имеют отношение к рисунку голов, находящимся на этой странице»* [6].

Понятно, что лучший способ разгадать тайную запись, – сесть надолго с оригиналом и вжиться в духовную атмосферу, в мысли, что одолевали великого поэта в тот период. Поскольку этого не дано, предлагаем свою версию. Но сначала – предыстория.

За два года до появления загадочных пяти букв, в 1821 г., движение декабристов в России вступило в новую фазу: на севере и юге страны параллельно создаются вполне зрелые

революционные организации, которые разрабатывают программы преобразования России.

Южное общество сложилось уже в феврале 1821 г. Фактическим вождем его стал Павел Иванович Пестель – сын сибирского генерал-губернатора, полковник. «Его крупная фигура главенствует над заговором», – писал о нем А. Герцен. «Суций Робеспьер», – назвал его следователь по делу декабристов Боровков. Все, кто знал Пестеля, восхищались его умом и силой воли. Именно Пестель составил манифест декабризма – знаменитую «Русскую правду».

Заметим, что еще до своей ссылки на юг Пушкин был участником одного из литературных обществ декабристов «Зеленая лампа» (филиала Союза благоденствия). В 1821 г. в Кишиневе поэт встречался и беседовал с Пестелем, а в 1822 г. он предупреждает В. Раевского, члена Южного тайного общества, о грозящем аресте (Пушкин жил в это время на квартире генерала Инзова).

Но нас в данном случае интересует только осень 1823-го, с 22 октября по 3 ноября... И, конечно, что было до этого – иначе не разгадать таинственных пяти букв «Q. S. F. O. Y.» Как сказал Ф. М. Достоевский более ста лет назад: «Пушкин унес с собой великую тайну. И мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Итак, в 1820 г. Пушкин в Южной ссылке знакомится с членами тайного общества М. Орловым, К. Охотниковым, В. Раевским, И. Якушкиным и другими. Князь Петр Вяземский писал: «Хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере».

Поэт часто бывает в Каменке, которая, как известно, была одним из штабов заговорщиков. Здесь – его друзья, здесь его знают и любят. Здесь он читает свои новые стихи. Здесь его стараются уберечь от «политики».

Известный факт: осенью 1823-го Пушкина не принимают на одном из собраний «политических» друзей. Ему явственно дают понять, что он здесь лишний. Поначалу такое недоверие и пренебрежение очень сильно ранит его. Он не может понять – почему? Он в депрессии, болеет, к нему зовут врача, который выписывает на латыни рецепты. Несколько дней поэт не выходит из дому, ничего не делает. Как странно! Еще вчера читали стихи, пили на брудершафт, говорили о будущем великой России. И пели хором гимн, что из Европы привез кто-то из друзей.

В этом гимне прославлялся героический генерал Рафаэль Риго. Его давно боготворили члены тайного общества. И вот уже полгода этот народный герой дерется с французами, защищая Испанию.

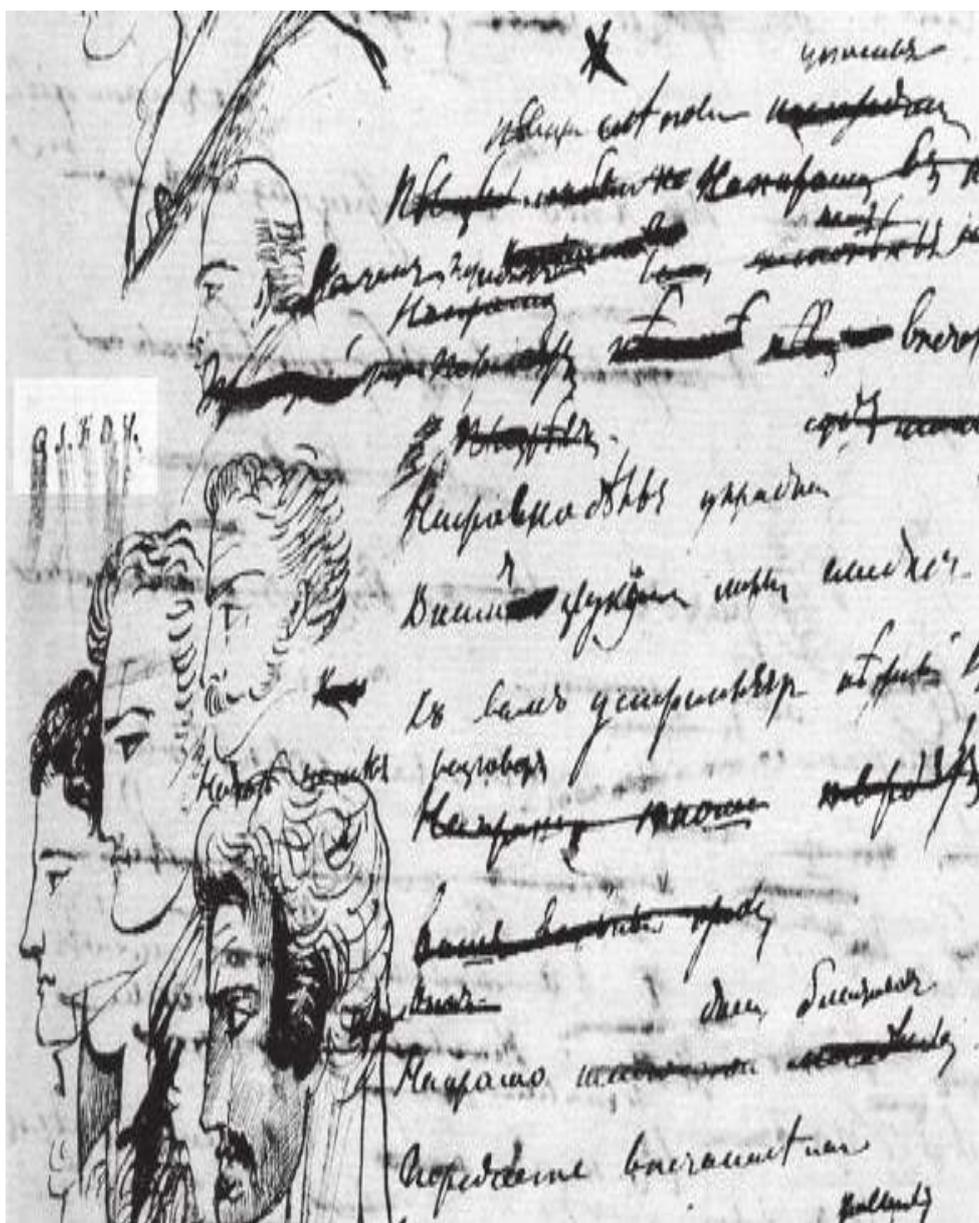
Солдаты! Родина зовет нас на бой!

Поклянемся ей победить или умереть!

Так пели они за общим столом. Возможно, слова были другие: переводы популярного республиканского гимна только-только появлялись, как и сама музыка. Имя Рафаэля Риго, который вскоре будет разбит и казнен, тогда у многих было на слуху.

Это было вчера. А сегодня будущие декабристы отвернулись от поэта. Почему? Сказать, что друзья просто берегли бесценный его талант – это значит, ничего не сказать. Нельзя забывать, что очень скоро друзья прямо скажут Пушкину, объяснят ему, что в ближайшее время наступят решительные действия, и его место – во «втором эшелоне».

Дело все в том, что Южное общество собиралось начать революционные действия уже в 1823 году: будущие дека-

бристы намеревались арестовать императора Александра I в Бобруйске во время смотра войск, а затем поднять полки и двинуться на Москву. Одновременно должны были поднять восстание и полки в Петербурге. Но ни Южное, ни Северное общества не были готовы, поэтому царь не был арестован в Бобруйске (приказ был отменен Пестелем), а Никита Муравьев заявил, что Северное общество пока будет заниматься только пропагандой. В 1824 г. переговоры руководителей Южного и Северного обществ будут продолжены.

А в октябре 1823-го Пушкин сидел в своей квартире и писал вторую главу «Онегина». И думал при этом о своих друзьях и о человеке, который был для них идеалом борца за свободу – о Рафаэле Риго. Кстати, рядом с буквами Q. S. F. O. Y. на полях пушкинского черновика нарисованы мужские профили. Левый крайний очень похож на испанского генерала, а правый – на Пестеля.

Полтора года спустя поэт напишет эпиграмму на Воронцова, где с хронологической точностью опишет, что случилось в те дни. На обеде, данном в Тульчине 1 октября 1823 г., Александр I получил письмо Шатобриана (министра иностранных дел Франции) об аресте Риго и сообщил всем об этом. Граф Воронцов тогда прокомментировал: «Какое

счастливое известие, ваше величество!». Присутствовавший на обеде декабрист Басаргин писал: «Эта выходка так была неуместна, что ответом этим он много потерял в общем мнении». Скорее всего, это тут же было сообщено Пушкину.

Пять букв – какого алфавита?

Но что это за буквы – Q. S. F. O. Y? Исследователь В. М. Лобов пошел «математическим» путем, пытаясь расшифровать загадку великого поэта. Он старательно выписал из французского словаря все слова, начинающиеся на эти пять загадочных букв. Потом убрал все, что не вписывается в жизнь поэта. Из оставшихся попытался собрать более-менее связанный текст. И вывел итог: это зашифрованное обращение Пушкина к отцу, в нем поэт не хотел обидеть папашу за скaredность, но выразил неудовольствие, что тот не шлет денег.

Никак не могу согласиться, что такой подход мог дать какие-либо аргументированные результаты. Ошибка, на мой взгляд, в том, что это, скорее всего, не французские слова. Тогда какие же?

Я подумал, что «политика» и восторг друзей перед испанским республиканцем значили для Пушкина в тот период значительно больше, чем денежные отношения с отцом. Но испанского языка он не знал. Тогда, может, это латынь? Очень хотелось надеяться, что это какая-либо поговорка либо идиома. Латинско-русский фразеологический словарь ничем не помог.

Впрочем, тут совершенно случайно вспомнилась медицинская фраза «Аква винтум квантум сатис» – «Добавить воды столько, сколько нужно». Эту фразу чуть ли не в каждом рецепте писали в своих сигнатурах эскулапы, особенно – популярные в то время гомеопаты. Не такой ли рецепт лежал перед глазами на столе у захворавшего Пушкина?

Но нет таких идиом в словаре. А вот отдельно перевод есть! Quantum satis – «столько, сколько потребуется». И вдруг – вот это уже становится интересным! – в одном старом словаре обнаружилась сноска: аббревиатура этого выражения (сокращенно Q.S.) в прежние времена нередко употреблялась в Европе для татуировки – как клятва.

Можно ли считать это первым шагом к разгадке таинственной надписи на полях пушкинского черновика? Пока нет. Все зависит от того, что скрывают три последующие буквы. Это могут быть три слова. Впрочем, не раз Пушкин в таинственных записях ставил точки там, где не надо, и наоборот. Так что это может быть и одно слово. Начнем с этого.

Foi. Во французском языке нет такого слова. Но есть очень близкое – Foi. Большая советская энциклопедия дает объяснение этому слову: «Фуа (фр. foi, от лат. fides – вера, верность), в средневековой Западной Европе клятва верности вассала сеньору».

Возможно, Пушкин, прекрасно знающий французский язык, не смог вспомнить, как по латыни пишется «фуа»? Как версия – очень даже вероятно. Добавим, что поэт не был марксистом, жил при крепостном праве, хоть и ненавидел

«барство дикое», но понятия не имел о теории революционной борьбы. Друзья, стихи – это намного дороже. Не принимают друзья в свои секретные политические игры – ну и пусть! Душой я все равно с ними! С теми, кто борется за свободу не только в России, но и во Франции, Испании... И вот моя клятва: «Столько, сколько потребуется – клянусь в вечной верности».

Вот, собственно, и все, что скрывается за таинственными пятью буквами на полях черновика «Евгения Онегина». Это – клятва верности великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина своим друзьям и идеалам свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козаровецкий В. А. Тайна Пушкина. «Диплом рогоносца» и другие мистификации – М.: Алгоритм-Книга, 2012. – 368 С.
2. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. – М.-Л.: Academia, 1935.
3. Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху / Сост. А. И. Гарусов. – Минск: «Лимариус», 1998. – 360 с.
4. Греч Н. И. Записки о моей жизни. – М.: «Захаров», 2002.
5. Лобов В. М. Прочтение сакральной надписи Пушкина «Q. S. F. O. Y.» в черновике «Евгения Онегина». / Инст-т древнеславянской и древнеевразийской цивилизации (Режим доступа: <http://www.runitsa.ru/publications/177>. Дата обращения: 20.10.2015).
6. Фундаментальная электронная библиотека / Русская лит-ра и фольклор (Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/rup/rup-2981.htm>. Дата обращения: 15.10.2015).

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Кузнецов Владимир Николаевич
кандидат ист. наук, доцент
Государственный университет
гражданской авиации
г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ.

В статье раскрываются особенности и тенденции развития столичного и провинциального предпринимательства Северо-Запада России в связи с общими и специфическими модернизационными факторами, показаны изменения структуры, количественных и качественных параметров делового мира во 2-й половине XIX века.

Ключевые слова: предпринимательство, деловой мир, общие и специфические факторы, модернизационные процессы, тенденции развития.

ABSTRACT.

The article describes the features and trends of development of the capital and provincial business in Northwest Russia in connection with the general and specific factors of modernization, shows the changes in the structure, quantity and quality of the business world in the 2nd half of the XIX century.

Keywords: entrepreneurship, the business world, the general and specific factors, the processes of modernization, development trends.

Развитие предпринимательства Северо-Запада России (включавшего в границах 1897 года г. Санкт-Петербург, Петербургскую, Новгородскую и Псковскую губернии) определялись комплексом общих и специфических модернизационных факторов. Не останавливаясь подробно на данном вопросе, раскрытом в работах автора [6,7], скажем лишь, что развитие предпринимательской (частнохозяйственной) деятельности, как и социально-экономическое и социокультурное развитие исследуемого региона, во второй половине XIX века во многом зависели от общих ситуационных факторов (государственной политики имперского правительства, мировых политических и экономических кризисы, хозяйственно-экономической конъюнктуры и т.д.). Среди наиболее важных специфических факторов, определявших своеобразие развития Северо-Западного региона не только в рассматриваемый период, но и значительно ранее, были: особенности географического положения, природно-климатической среды, социально-демографической структуры населения и менталитета основных социальных групп Петербурга и ближней провинции, а также удобные пути сообщения общегосударственного значения с развитой транспортной инфраструктурой.

При анализе вопроса о влиянии факторов на предпринимательство, следует иметь в виду, что модернизационные процессы, протекавшие в социальной сфере Северо-Запада России во второй половине XIX века, отражали общероссийские процессы, но их характер, интенсивность и формы зависели от местных географических, экономических и социокультурных условий. Причем влияние общих ситуационных и специфических местных факторов на отдельные количественные и качественные параметры северо-западного предпринимательства было неодинаковым и противоречивым. Первые создавали условия для развития делового мира в русле общероссийских тенденций, тогда как своеобразие развития его структурных элементов обуславливали местные специфические факторы, прежде всего, наличие в составе рассматриваемого региона Петербурга со всеми вытекающими из столичного статуса преимуществами. В частности, важным преимуществом для развития предпринимательства было наличие центральной власти и авторитетных местных учреждений, которые гарантировали столичным предпринимателям государственные заказы, подряды и другие льготы. В периодически возникающих форсмажорных обстоятельствах (войны, экономические кризисы), когда большинство провинциальных предпринимателей переживали трудности и разорялись, многие представители столичного делового мира, напротив, богатели на казенных подрядках и поставках [6, с.82].

Рассматривая особенности влияния специфических местных условий на структуру, деловое поведение и облик делового мира Северо-Западного региона, следует подчеркнуть своеобразие развития количественных и качественных параметров столичного и провинциального делового мира. Деловая практика петербургских предпринимателей, особенно верхнего («элитного») слоя, его образ жизни и менталитет, модернизировались быстрее, а изменения в этих сферах жизнедеятельности были более глубокими, чем в среднем и мелком предпринимательстве. Напротив, предпринимательская деятельность провинциальных предпринимателей, процесс трансформации его облика, образа жизни и делового поведения отставали от делового мира Петербурга по глубине, темпам и результатам развития.

Важно заметить, что влияние общих факторов на предпринимательство было значительно сложнее и многообразнее, чем это принято считать. Наиболее важными последствиями экономических кризисов второй половины XIX и начала XX вв., являлись, по мнению автора, не только справедливо отмеченные многими отечественными исследователями процессы: разорение и поглощение крупным бизнесом многих мелких и средних частных предприятий, рост численности крупных акционерных компаний и концентрация капитала, но и усиление процесса дифференциации в среде предпринимателей, выделение в столичном деловом мире высшего, «элитного» слоя с характерным для него светским буржуазным менталитетом, «европеизация» его облика и образа жизни.

Похожие, хотя и менее выразительные и меньшие по масштабам, чем в Петербурге, процессы, протекали и в провинциальном сегменте предпринимательства Северо-Запада России, вызванные, как было сказано, влиянием не столько общих факторов, сколько специфических местных условий. Так, например, благоприятное геополитическое и природно-географическое положение и преимущества столичного статуса обусловили возникновение у делового мира Петербурга известных из литературы отличий в его социально-демографической, профессиональной структуре, социокультурном облике [2, 4], тогда как предприниматели Новгородской, Псковской, ряда удаленных от столицы уездов Петербургской губернии как по форме, так и по сути, почти не отличались от других провинциальных отрядов предпринимательства «великорусских» губерний Российской империи. В то же время общие ситуационные факторы оказывали, хотя и не одинаковое, но все же заметное, воздействие на динамические и общекультурные характеристики (колебания численности, рост образовательного и профессионального уровня) столичных и провинциальных предпринимателей.

Дифференцированный подход к оценке влияния общих и специфических групп факторов на развитие северо-западного предпринимательства в пореформенный период позволило выявить две тенденции. С одной стороны, общие факторы обусловили синхронные изменения в фазах экономического падения (подъема) в численности, содержании предпринимательства и социальной структуре делового мира Северо-Западного региона, не выходящие, однако, за рамки общероссийских тенденций. С другой стороны, результатом воздействия местных факторов было возникновение в исследуемом районе большого разнообразия типов и групп предпринимательства, обусловленных особенностями региональной хозяйственно-экономической системы. Кроме того, специфические местные условия придавали определенное своеобразие составу, социальной структуре и содержанию деятельности северо-западного предпринимательства.

Кроме названных общероссийских тенденций в развитии северо-западного предпринимательства наблюдались характерные особенности, незамеченные или не оцененные в полной мере историками. Одной из них, по нашему мнению, было существование в исследуемом регионе двух неравноценных по численности и качественным характеристикам отрядов: многочисленного и многоликого делового мира Петербурга и, значительного меньшего по численности, но неоднородного по составу и структуре провинциального предпринимательства (делового мира Петербургской,

Новгородской и Псковской губерний). При этом внутри столичного предпринимательства выделялся верхний «буржуазный» слой в лице, известных из литературы представителей финансово-промышленной элиты, ориентированной на зарубежных инвесторов [2, с.25] и, добавим от себя, более близкий к провинциальному купечеству средний и низший слои предпринимательского класса. К сказанному следует также добавить, что и известная, довольно немногочисленная, пограничная прослойка среднего слоя предпринимателей в конце XIX века под воздействием модернизационных процессов по уровню и жизненным стандартам приближалась к «элите».

Другой особенностью развития северо-западного предпринимательства было то, что по мере расширения и модернизации транспортной инфраструктуры в пореформенное сорокалетие столичный деловой мир оказывал возрастающее влияние на развитие экономики и других сфер общественной жизни исследуемого района. Вместе с тем и провинциальное купечество по мере накопления капитала и укрепления экономических и социокультурных связей со столицей также расширяло рамки своего дела и переносило свою деятельность и место жительства в Петербург, продолжая и расширяя при этом свою промышленно-торговую деятельность в провинции.

Обращаясь к рассматриваемому в данной статье вопросу, следует иметь в виду, что деловой мир на протяжении всей первой половины XIX века не только являлся активным субъектом пореформенной модернизации экономики и других сфер общественной жизни, но и сам являлся объектом модернизации, под влиянием которой изменялись его количественные и качественные параметры. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные. Если в 1867 году в Северо-Западном регионе было выбрано 25889 гильдейских документов, в 1883 году их было уже – 26937, а в 1898 году – 29604. Примечательно, что количество свидетельств на мелочный торг увеличилось с 19704 в 1867 г., до 64547 в 1883 г. и достигло максимума 67412 в 1898 году [9, с.12-31]. Особенно большой прирост мелкого предпринимательства наблюдался в начале 1880-х гг. Причем в 1883 году он вырос по сравнению с 1867 года, на 4% , а в 1898 году по сравнению с 1883 года на 9.9%. Между тем мелочный торг после бурного роста в 3,2 раза в начале 1880-х гг. снизился до 4.4% к концу XIX века. Эти данные свидетельствуют об особой уязвимости мелкого бизнеса в специфических российских культурно-исторических условиях развития предпринимательства, радикально обновлявшегося под влиянием экономических кризисов, так и нарастающей в конце рассматриваемого периода концентрации капитала, поглощения мелких фирм средними и крупными предприятиями.

Примечательно, что большинство (от 74% в 1867 г. до 75% в 1898 г.) гильдейских свидетельств исследуемого района приходилось на долю Петербургской губернии. Правда, большая часть этих свидетельств выбиралась купечеством Петербурга, тогда как на столичную губернию приходилось в 1898 году, по нашим данным, около 7% [8, с.17]. Для сравнения по Псковской губернии этот же показатель составлял 15%, по Новгородской губернии – около 10%. Правда статистика промысловых документов не отражает точной численности торговцев и промышленников, так как реальное число предпринимателей не соответствует количеству документов, дававших право на занятие предпринимательством. Для

гильдейского купечества расхождение промысловой статистики с его численностью было вызвано тем, что количество гильдейских свидетельств было всегда меньше данных промысловой статистики, поскольку капиталистические предприятия, приобретая патенты для торгово-промышленной деятельности по высшим разрядам, одновременно получали и права на сословные свидетельства – по одному на каждое предприятие. Поэтому для анализа действительной численности предпринимателей следует привлекать и другие источники, в частности, данные статистических исследований. Однако при их анализе следует иметь в виду, что степень достоверности их в первые пореформенные десятилетия была значительно ниже, чем в последние два десятилетия XIX века. Кроме того следует учитывать различия в методике подсчета разных слоев предпринимательского класса в дореформенный и пореформенный периоды. Дело в том, что в составе дореформенного купечества учитывалось 3 гильдии, тогда как закон 1863 года «О пошлинах за право торговли и других промыслов» оставил только две гильдии. Вместо разряда торгующих крестьян были введены разряды «мелочный», «развозной» и «разносной» торг.

Под влиянием буржуазных реформ 1860-1870-х гг. и отмеченных выше изменений в торгово-промышленном законодательстве численность и структура купечества и других профессиональных групп делового мира претерпели большие изменения. Во второй половине 1860-х гг. на территории Северо-Запада России насчитывалось 46355 купцов. Из трех исследуемых губерний на первом месте по численности купечества шла столичная губерния (7764), последнее место занимала Псковская губерния (5756). Что касается количества купечества столичной губернии, то в ней насчитывалось 2984 купцов обеих гильдий. Таким образом, на долю трех северо-западных губерний приходилось около 36% от общей численности купечества исследуемого района [10, с.46-47]. Правда, за этими, внушительными на первый взгляд, показателями скрываются не сопоставимые по своим размерам масштабы деятельности столичных и провинциальных предпринимателей. Из литературы известно, что особенностью развития предпринимательства в Северо-Западном регионе в 1850-70-е гг., как и в стране в целом, являлся быстрый рост гильдейского купечества. По подсчетам автора, с 1847 по 1866 гг. численность купечества в Петербурге выросла в 2,5 раза, а в трех исследуемых губерниях – в 1,7 раза. Поэтому, если исключить из состава дореформенного купечества представителей 3-й гильдии, то численность купечества (владельцев средних и крупных предприятий) с 1847 по 1866 гг. возросла в Петербурге в 11 раз (с 2781 до 29851 чел.), тогда как в трех исследуемых губерниях более чем в 31 раз (с 532 до 16504 чел.) [5, с.434; 10, с.46-47; 11, с.18-27].

Характерной особенностью пореформенного развития гильдейского купечества было неравномерное в рамках исследуемого района изменение его удельного веса в составе населения. В связи с изменением налогового законодательства и других причин в конце XIX века численность гильдейского купечества на Северо-Западе, как и в других российских регионах, правда, не везде и не одинаково, но неуклонно снижалась. Однако, как удалось установить, указанная тенденция была характерна для провинциального купечества. По нашим подсчетам, общая численность северо-западного купечества вместе с семьями выросла с 24,7 тыс. чел. в 1858 году до 28,9 тыс. чел. в 1898 году. Однако

этот прирост был обеспечен в основном за счет столичного купечества.

Процесс сокращения численности купечества лучше всего прослеживается в погубернском разрезе. В Новгородской и Псковской губернии количество купцов сократилось соответственно до 3,1 и 2,7 тыс. чел., то есть в 2,6 и 1,9 раза. Что касается численности купечества Петербургской губернии (вместе с Петербургом), то оно выросло с 12,6 в 1858 году до 20,0 тыс. чел в 1898 году. На долю столичной губернии в 1897 году приходилось 2,6% [10, с.279].

Таким образом, предпринимательский класс Северо-Запада России претерпел во 2-й половине XIX века большие количественные и качественные изменения. Особенно высокими темпами развивалось крупное и среднее предпринимательство. Мелкое предпринимательство после бурного роста в начале 1880-х гг. начало численно сокращаться. Однако оно продолжала занимать видное положение в торговле, ремесленном и кустарном производстве, удовлетворяя потребности широких слоев крестьянства и городского мещанства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: Исторический справочник.- СПб.: Изд-во «Logos», 2000 – 584 с.
2. Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. - СПб. Искусство СПб., 1998 - 448 с.
3. Барышников М.Н., Османов А. И. Петербургские предприниматели во второй половине XIX – начале XX вв.: социальная структура, представительные организации, политические партии. – СПб.: Нестор, 2002 - 292 с.
4. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в.- 1914 г.). - М.: Наука, 1992. – 264 с.
5. Географическо – статистический словарь Российской империи /Семенов П.П. т.4 - СПб, 1873.
6. Кузнецов В.Н. Модернизационные факторы и тенденции экономического развития Северо-Западного района России: общее и особенное (вторая половина XIX века)//Научное мнение, 2012, № 1. С.38-46.
7. Предпринимательство и процессы модернизации Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Северо-Западного района) / В.Н.Кузнецов. – СПб.: Астерион, 2014. - 312 с.
8. Обзор Санкт-Петербургской губернии за 1898 год.- СПб., 1898.
9. Свод данных о торговых сборах в России на 1897 и 1898 годы. СПб., 1900.
10. Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 5. - СПб.: Изд.ЦСК МВД, 1866.
11. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852.
12. Статистические таблицы Российской империи за 1858 г. - СПб., 1858.

ПОЯВЛЕНИЕ МЕЩАНСТВА В РОССИИ

Нестеров Андрей Иванович

Канд. философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург.

АННОТАЦИЯ

В статье проведено исследование появления местечкового и городского мещанства на территории России. Прослеживается исторический путь становления мещанского сословия в России от еврейских местечковых образований в период Хазарского каганата. Киевской Руси и Польского королевства до Великой Октябрьской Социалистической революции 1917г. И образования у края России В.И. Лениным Украинской Советской Социалистической Республики. Производится сбор и предоставление нормативных документов и фактов, обуславливающих появление мещанского сословия в царской России.

Ключевые слова: *местечко, евреи, жида место, город, Украина, Россия, посадский люд, сословие, мещанство.*

ABSTRACT

In the article a study of the emergence of parochial and urban petty bourgeoisie in Russia. Traced the historical path of formation of a bourgeois class in Russia from the Jewish shtetl of the entity in the period of the Khazar Kaganate. Kievan Rus and the Kingdom of Poland before the great October Socialist revolution of 1917. And education at the edge of Russia V. I. Lenin, the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Is the collection and provision of regulatory documents and facts that lead to the emergence of a bourgeois class in tsarist Russia.

Keywords: *place, the Jews, the Jews of the place, town, Ukraine, Russia, Posad people, estate, the bourgeoisie*

События, происходящие сегодня в современной Украине на территории ранее, до образования В.И. Лениным Украинской Советской Социалистической Республики, находящейся у края России (отсюда Украина), заставляют задуматься о причинах и возможных последствиях угроз возрождения нацистского фашизма. Сегодня, после вооружённого захва-

та украинскими нацистами власти в феврале 2014 г. в Киеве, евреи (жиды), вместе с православным христианством, вновь подвергаются оскорблениям и физическому насилию за свою этническую принадлежность и вероисповедание. Убийство фашистско-украинскими нацистами «небесной сотни» на Майдане, сожжение этими нацистами десятков

мирных людей загнанных 2 мая 2014 г. в дом Профсоюзов в Одессе, постоянные факельные шествия нацистских молодчиков с призывами «убивать жидов и москалей», всё это пугает еврейских и русских обывателей сегодняшней Украины. Эти репрессивные действия фашистско-нацистских молодчиков в современной Украине приводят к тому, что многие жители этой страны, особенно коренное русско-еврейское население Юго-востока Украины, сегодня с каждым днём всё больше и больше завидует мирной и относительно благополучной жизни вернувшегося, обратно в Россию, крымского народа. Но почему радикально настроенные украинские нацисты выступают сегодня против жидов и москалей? С чем связаны эти события исторически? Когда появились на этих землях местечковые поселения евреев и почему их сегодня преследуют? Почему в Украине сегодня вновь развязана гражданская война между западными и восточными её жителями? Ответить на эти вопросы поможет данная статья о появлении украинского мещанства в России.

Со времён Киевской Руси и по сей день значение «місто» (место) на украинском языке означало и означает город. Соответственно жители городов Украины – мещане. Большинство городов Украины имеют своё происхождение как изначальные местечковые поселения евреев. Такая точка зрения согласуется с выяснением исторических данных о понятии «местечко». В еврейской энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, сказано о том, что образование значения «мещане» связано с созданием местечковых еврейских поселений – местечек. Где ««местечки» – особый род населённых мест, встречающихся на Кавказе, в Прибалтийском и Западном крае. Особенно многочисленны и типичны местечки в местах постоянного жительства евреев, т.е. губерниях, прежде находившихся в составе польского королевства. Здесь «местечки» с давних пор (начиная с XII в.) учреждались королями и магнатами, а в XIX столетии – и русским правительством, по ходатайству владельцев. По своему экономическому значению, по преобладанию среди жителей (преимущественно евреев) торгово-промышленных занятий, поселения эти приближаются к городскому типу. Жители местечек считаются мещанами». [3., 1894, Т.3А, С.666] Слово «мещанин» происходит от разговорной формы, обозначающей жителя местечка – местчанин или «мещанин». «Мещане каждого города, посада или местечка образуют особое мещанское общество – мещанство». [3., 1894, Т.24, С.657] Сегодня в научных кругах бытует мнение, что столица Украины Киев, изначальное, тоже была местечковым еврейским поселением, т.к. самыми старыми его постройками, относящимися к VII веку, признано считать «жидовские ворота». К тому же в Кембридже имеется письмо на иврите из местечка Киева датированное тоже VII веком, т.е. ещё до захвата Киева Рюриком.

История появления мещанства в России во многом связана с гонением и погромами еврейского народа из-за его вероисповедания. В период Киевской Руси евреи и славяне уживались вместе вполне нормально без особых конфликтов из-за веры и образа жизни. Но после захвата украинских земель Польшей. Проживавшие в XIV-XVI вв. украинские евреи уже подверглись гонению за ересь получившую название «жидовствующие». «В Польше еврейский ум получил одностороннее направление, изошряясь в изучении талмуда или погружаясь в тёмные воды мистицизма и каббалы» [3, Т.11, С.451]. Во второй половине XV в., вначале в Новгороде, а затем в Москве была попытка проникновения

в Московское государство ереси, под названием «жидовствующие». «Одним из первых её распространителей в Новгороде был мещанин Сахария, который приехал в 1471 г. из Киева» [3, Т.11, С.943]. Вероятнее всего, «жидовствующие» принадлежали к масонству, так как среди них был распространён мистицизм, который в русском православном народе считался союзом сатаны и антихриста – жидомасонством [5, С.430]. «Религиозно-философское мировоззрение этой группы «жидовски мудрствующих» можно определить как схоластический аристотелизм, сочетавшийся с элементами неоплатонической мистики и авторитетом ветхозаветной монотеистической библии. Антицерковные движения были подавлены православной церковью, утвердившей монопольное право на руководство духовной жизнью общества» [1, С.180-181]. Жидовствующие проповедовали её среди служилого сословия, купечества, в придворных великокняжеских кругах, среди некоторых представителей духовенства, а также посадского люда. В конце XV в.-нач. XVI в. жидовство из Киева распространялось в Москве и Новгороде. но было воспринято русской православной церковью как ересь и отвергнуто. Однако в Киеве это анти православное умонастроение (ересь) была сильно распространена.

После того, как в XIV-XVI вв. польские магнаты и шляхта захватили украинские земли, вслед за ними пришло на Украину и католическое духовенство, которое строило костёлы, закрывало православные церкви, и принуждало население переходить в католичество. Мещане-иудеи, жидовствующие и православные христиане подверглись нападкам и гонениям. Проповедуемая в Киеве религия теперь больше стала носить католический характер. «На Церковном соборе в Бресте в 1596 г. была провозглашена уния, окончательно закрепляющая соединение православной церкви с католической под властью Римского папы. Усилилось гонение на тех, кто не признавал унию. Украинский язык и культура предавались поруганию. Организаторы унии стремились ополчить украинский и белорусский народы. Эти действия встретили сопротивление угнетённого народа. За обиды и казачки, и всея Малые России, от поляков терпимые, запорожцы единодушно согласились на войну против панской Польши. В 1648 г. Богдан Хмельницкий вблизи Сечи собирает войско на войну с польской шляхтой. В него вошли запорожские казаки (в прошлом – крепостные крестьяне) и угнетённые украинские мещане. В октябре 1653 г. в Москве собрался Земский собор. Собор принял единодушное решение – принять Украину в состав России, «уважая не только единоверие малороссиян, многократные просьбы их о том, но и опасность, им предстоящую от поляков и литовцев, угрожающее иго – турецкое и татарское». В ответ на это действие 8 января 1654 г. в Переяславле была созвана Всенародная рада. «Собралось великое множество всяких чинов людей» – казаки, мещане, крестьяне, купцы, духовенство. На площадь вышел Хмельницкий. «Так будем же едины с народом русским навеки!» – провозгласил он» [2, С.273]. После воссоединения Украины с Россией количество городских жителей, именуемых мещанами, в Московском царстве значительно увеличилось.

В царствование Алексея Михайловича Романова (1647-1678 гг.), озаменованное «латентной европеизацией» и ростом моды на польские обычаи, термин «мещане» начинает вновь усиленно входить в политико-правовой оборот. Он издал царский Указ «О запрещении мещанам закладывать дворы свои, построенные в Мещанской слободе», датиро-

ванный 19 марта 1649 г. [4, С.120-175]. В этот период всё больше в Москве становится мещанское население из соседней Польши. «Вследствие войны с Польшей в Москве оказалось много пленных, мещан – имя, до сих пор неизвестное в Великой России; по Андрусовскому перемирию (1667 г.) они получили свободу, но пожелали остаться в Москве. Сперва их роздали в тягло по чёрным сотням и слободам, но в 1671 г. велено за Сретенскими воротами построить для них новую слободу, которая получила название Мещанской, и мещане взяты в ведомство Малороссийского приказа» [9, С.294]. Образованная в 1671-1672 гг. близ Москвы выходцами из Польши, находившимися на службе у Посольского приказа, Мещанская слобода (т.е. квалифицированные мастера, торговцы и «целовальники» при Посольском дворе) возникла уже тогда, когда основное место будущего мещанского сословия в России занимали ещё т.н. посадские люди.

В XIV-XVII вв. в Московском государстве происходит постепенная нивелировка правового статуса городского населения. К XV в. городское население утратило те права, которые оно имело в эпоху Киевского государства. Уже в Московском княжестве городское население получило особое название – посадский люд. Горожан всё меньше называли мещанами, больше – посадскими людьми. «В Московском государстве мещанами иногда именовались «чёрные градские люди», т.е. горожане, проживающие в посадах и слободах, занимавшие низшее место в среде городских жителей (мелочные торговцы, ремесленники, подёнщики), более известные под названием посадских» [3, Т.11, С.440]. В Московии к ним относили торгово-промышленный класс, который составлял главную массу городского населения Московского государства (особенно в центральных и северных городах). Селился такой народ обычно около крепостных укреплений посадов, отсюда и получив своё название – посадские обыватели. Значение «посадские» (люди) происходит от слова посад – поселение, состоявшее из лавок и дворов торгово-промышленных людей и обыкновенно группировавшегося вокруг городов (вокруг кремля, вокруг городских стен). В Русском государстве XV-XVI вв. посадские люди никаких прав на самоуправление не имели. Они управлялись или удельными князьями, или наместниками великого князя. Посадское население стало облагаться теми же налогами и повинностями, что и крестьяне, и, соответственно, городских людей, подобно крестьянам, стали относиться к разряду «чёрных» людей.

В России XVI-XVIII вв. дворянам часто вместо денежного жалования раздавали земли, на которой закрепляются крестьяне в селе, а в городах посадские приписываются к своему месту жительства. «В городе посадские также прикреплены, не смеют уйти под смертною казнию, должны сидеть, работать и платить ратным людям на жалованье, кормить воеводу» [9, С.317]. Закрепление проживания горожан на своих местах происходило постепенно. В 1613 г. велено было возвращать посадских людей, бежавших из Москвы, хотя до этого посадские люди переходили с одного посада в другой, и такие переходы признавались правительством. В 1619 г. состоялось постановление земского собора, по которому все ушедшие посадские люди подлежали возвращению на прежние места. То же решение подтверждалось частными указами и распоряжениями 1638 г. и 1642 г. с угрозой наказаний за неисполнение. В 1648 г. Указом было установлено обязательное возвращение на прежнее место жительства всех посадских людей. Введённое в 1649 г. по-

ложение «О земских участковых начальниках» прикрепляло посадских к своему месту жительства наравне с крестьянством. Посадские люди, «имеющие постоянное жительство в селениях, доколь не выбудут из оных, были подвержены крестьянскому общественному управлению и подчинены административно-карательной власти земских начальников. В законодательном уложении окончательно сформулировано прикрепление посадских людей к тому месту жительства, где их застал этот юридический акт. Указом 1658 г. переход из одного посада в другой стал, запрещён под угрозой смертной казни. То же стало проводить и законодательство Петра I, запрещающее купцам и ремесленникам, платящим подать и отправляющим повинности, оставлять под каким-либо предлогом посады и слободы» [3, Т.20, С.340]. Таким образом, посадские при закреплении их на своём месте жительства фактически становились мещанами – жителями на месте. Они, были закреплены за своим местом проживания, не имели юридического права без разрешения земских участковых начальников уйти из своего городского дома – местожительства.

Мещанское общество в слободе считалось иностранным, оно было другого, по сравнению с православным российским народом, вероисповедания и жило отдельно, отчуждённо, обособленно, по своим западным правилам, как чужестранцы, чужеземцы. Основным занятием мещан в слободах была розничная торговля привозными, западными товарами, на торговлю которыми они имели привилегированную монополию. Торговля ими велась даже тогда, когда для остальных она категорически запрещалась. «Ни один иноземец не может продавать своих товаров в розницу и ездить с ними по ярмаркам. В Москву и другие внутренние города пропускаются только те иноземцы, у которых будут государевы жалованные грамоты за красною печатью. Жиды в царствование Алексея Михайловича умели добыть себе такие грамоты за красною печатью; они приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссии от двора; так в 1672 г. шкловские евреи Самуил Яковлев с товарищами отпущены были из Москвы за рубеж для покупки венгерского вина» [9, С. 314]. Отношение к поселившимся в Москве мещанам слободы среди православного посадского населения было отрицательным. Православные жители Москвы относились к ним как к иноверцам и инородцам, проповедующим другую, чуждую русскому народу веру и навязывающим западную культуру, а также несправедливо получившим привилегию на торговлю иностранными товарами. Так получилось, что мещанство у русского народа изначально с появлением в Москве стало ассоциироваться с западничеством, еврейством, жидомасонством и торгашеством.

Следующим этапом становления иноземного сословия мещан стала прозападная организация российского общества при Петре I, когда все городские обыватели («регулярные граждане») получили общее наименование «мещане». В состав мещанского сословия вошли «гости», посадские люди и низшие служилые группы. Для включения в состав сословия мещан необходимо было записываться в городскую обывательскую книгу. Мещане по регламенту Главного магистрата 1721 г. были разделены на две гильдии и цехи. К первой гильдии были отнесены банкиры, знатные купцы («гости»), городские доктора, аптекари, лекари, шкиперы купеческих кораблей, ювелиры, иконники и живописцы; ко второй – все те, «которые мелочными товарами и харчевыми

редкими припасами торгуют», а также ремесленники: резчики, токари, столяры, портные, сапожники и им подобные [10, С.623]. Ремесленники, входившие в состав второй гильдии, подразделялись, в свою очередь, на цехи, созданные по профессиональной принадлежности. Во главе гильдий и цехов стояли старшины – альдерманы, которые заведовали не только сугубо сословными делами, но и выполняли функции, относившиеся к общему государственному управлению. При Петре I к мещанскому сословию приписывали не только бывших польских, украинских и белорусских мещан, а всех приезжих иностранцев (немцев, шведов и т.д.). Так и получилось, что арап Петра Великого до своей женитьбы был зачислен в мещанское сословие. Поэтому его знаменитый потомок – поэт А.С. Пушкин, вспоминая свою родословную, пишет о себе: «...я, братцы, мелкий мещанин ... так мне ли быть аристократом, я, слава Богу, мещанин» [7, Т.1, С.195].

30 июля 1767 г. Екатериной II был дан Наказ Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. Глава 16 называется: «О среднем роде людей». В статьях сказано: «В городах обитают мещане, которые упражняются в ремёслах, в торговле, в художествах и науках. Сей род людей, о котором говорить надлежит, и от которого государство много добра ожидает, если твёрдое на добронравии и поощрении к трудолюбию основанное положение получит, есть средний. Оный, пользуясь вольностью, не причисляется ни ко дворянству, ни к хлебопашцам. К сему роду людей причесть должно всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремёслах. Сверх того, всех тех, кои выходят будут, не быв дворянами из всех учреждённых училищ и воспитательных домов, какого бы те училища звания ни были, духовные или светские. Также приказных детей» [8, Т.18, №12949]. Так, к состоянию городских обывателей, под общим названием граждан, принадлежали: 1) почётные граждане; 2) гильдейское купечество (местное и иногороднее); 3) мещане или посадские; 4) ремесленники или цеховые; 5) рабочие люди. Надо отметить, что в городах губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилёвской, Киевской, Волынской и Подольской в общий состав городских обывателей вошли все однодворцы, вольные люди, граждане западных губерний на основании особо изданных на этот предмет правил. Мещане или посадские считались все в равной степени независимо от того, чем они занимались: торговлей или другими промыслами.

Екатерина II в своих указах, особенно в «Своде Законов», изменяет название «посадские обыватели» на западный манер, заменяя его термином «мещане». Манифест от 17 марта 1775 г. назвал мещанами всех посадских и слободских обывателей, которые не владели капиталом в 500 рублей и не могли быть записаны в купечество. Проведённая в 1775 г. податная реформа изменила социальное положение мещанства. По реформе граждане разделялись на привилегированных купцов трёх гильдий и непривилегированных мещан. Гильдейское купечество получило освобождение от уплаты подушной подати, право откупаться от рекрутской повинности денежным взносом, а чуть позже (в 1785 г.) купцы первых двух гильдий были избавлены также и от телесных наказаний и приобрели право ездить в карете парой. Мещане остались на прежнем положении посадских обывателей. Поэтому с указанного времени можно считать, что различия между купечеством и мещанством приобрели

социальный характер, перемещения из купечества в мещанство и наоборот стали относиться к вертикальной мобильности. Следует отметить, что непреодолимого барьера между отдельными группами граждан не было. Заплатив известную сумму, мещанин или цеховой мог стать купцом любой гильдии, а разорившийся купец, который не в состоянии уплативать гильдейский сбор с капитала, автоматически переходил в мещанство.

Окончательное оформление мещанского сословия происходит путём узаконенной Екатериной II грамотой на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. («Жалованная грамота городам»). В этой грамоте, касающейся управления городов, с 1785 г. мещанами назвались все городские обыватели («мещане вообще»), которые делились на 6 разрядов. Из них 4 разряда («настоящие городские обыватели», т.е. лица, имевшие в городе недвижимость, «цеховые граждане», «иногородние и иностранные гости» и «посадские») фактически составили сословие мещанства в узком смысле слова. Законодательно грамота закрепляла за мещанством право беспрепятственно заниматься мелкой торговлей и разного рода промыслами (содержать мастерские, лавки, трактиры и проч.) в городах, установила подсудность мещанства мещанскому суду, гарантировала определённые права («мещанин без суда не мог лишиться доброго имени или жизни, или имения»). Вместе с тем мещане подлежали телесным наказаниям (до 1863 г.). Сословный статус «мещане» объявлялся наследственным. «Городовое положение 1785 года» называет мещанами всех вообще представителей третьего сословия («среднего рода людей» или мещан, название есть следствие трудолюбия или добронравия, чем и приобрели отличное состояние). Они из тех городских обывателей, «которые не принадлежат ни к именитому гражданству, ни к купечеству, ни к цехам, а кормятся в городе промыслом, ручным ремеслом или работой» [3, Т.20, С.231-232].

В разделе «О городских обывателях, установлении общества гражданского, и о выгодах общества градского» определяется формирование мещанского общества. В ст. 51 говорится о том, что «в обществе градском мещанин быть может без капиталный и моложе двадцати пяти лет, но сидеть не должен, ни голоса иметь, ни выбран быть не может для тех должностей, кои наполняются обществом градским». Кроме этого, в ст. 56 говорится о городской мещанской книге («кто не внесён в городскую мещанскую книгу, тот не принадлежит к обществу градскому того города»). В каждом городе создавалось мещанское общество. Оно избирало на три года мещанскую управу, состоявшую из старосты, его помощника и нескольких «десятников», которые утверждались губернатором. Староста вёл списки лиц, состоявших в данном мещанском обществе, выдавал паспорта «на отлучку», ведал раскладкой и сбором податей. Мещанин, пожелавший перейти из одного мещанского общества в другое, а также в другое сословие, должен был получить от своего общества увольнительный приговор, в котором указывалось, что он не имеет долгов, недоимок по податям, не состоит под следствием, не оставляет на прежнем месте жительства не способных прокормить себя родственников, и что он получил согласие своего общества его отпустить. Для принятия в другое мещанское общество требовалось его предварительное согласие, для чего были необходимы рекомендации соседей по старому месту жительства. Увольнительный приговор заверялся мещанской управой и передавался в губернскую казённую палату. Существовала и

незначительная прослойка лиц (сироты и др.), которых приписывали к мещанскому сословию без согласия последнего. Эти лица в течение 5 лет со времени приписки обязаны были ходатайствовать согласие мещанского общества на окончательное и постоянное их причисление. Таким образом, «мещанство» – это понятие, которое со второй половины XVIII в. показывало официальный статус особого общества – сословия, проживающего в городах и занимающегося мелкой торговлей и ремесленным производством. Именно в таком смысле оно и было зафиксировано в метриках и паспортах миллионов жителей царской России.

В 1801 г. мещане получили право покупать ненаселённые земли, в результате чего во второй половине XIX в. размеры мещанских землевладений существенно выросли. Гильдейская реформа 1824 г. ввела мелочную регламентацию хозяйственной деятельности мещан, разделив их на торгующих и на посадских мещан. Установленные этой реформой новые размеры налогообложения оказались для мещан непосильными, и в 1826-1827 г. они были отменены в той части, которая касалась мелочного торгового и промыслового оборота. В 1863 г. подушная подать с мещан была заменена умеренным торгово-промышленным обложением. После этой меры и реформ 1860-1870-х гг. понятие «мещане» осталось в значении социального происхождения. Мещане получили широкий доступ к государственной службе с возможным правом приобретения личного дворянства за отличия и особые заслуги перед Отечеством. «В 1866 г. мещане европейской России были освобождены от подушной подати, взамен которой был введён налог с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках» [3, Т.24, С.657]. С изданием Закона о промысловом налоге (1898 г.), который распространялся и на мещан, их хозяйственная деятельность перестала зависеть от принадлежности к сословию. Сословие мещан в России было упразднено после Октябрьской революции 1917 г. Оно стало употребляться в переносном смысле – люди с мелкими частнособственническими интересами, ограниченным потребительским кругозором.

В последнее время, после проведения спец. службами США заранее спланированного вооружённого захвата власти в Киеве при помощи возрождённых из скрывающихся в США и Канаде гитлеровских пособников из подразделений «украинских националистов», Украина стала зоной гражданской войны. Цель, которую преследуют лидеры США (Маккейн, Дж. Байден) уже ясна и понятна – подчинить

Украину своему влиянию для того, чтобы убивать и грабить украинцев. Заставить Украину и НАТО развязать войну с Россией, чтобы вновь, как в период 2 мировой войны, наживаться на поставках оружия в Европу. США при том, что им никто не угрожает, собирают со своих налогоплательщиков огромные деньги на военные расходы, больше чем все остальные страны мира вместе взятые. К тому же ВПК США забирает по 2% ВВП с каждой страны входящей в НАТО. В США 2 Мировая война считается «хорошей войной», империалисты из США сказочно обогатились на ней, и теперь вновь хотят развязать 3 Мировую войну в Европе, чтобы ещё больше поработить и без того оккупированную их натовскими базами Западную Европу. Но европейцы благодаря своим памятникам помнят о десятках миллионов погибших во 2 Мировой войне и, не смотря на действия неонацистских молодчиков подготовленных спец. службами США для разрушения этих памятников, хотят мира, а не войны. Война обывателям Украины, России и европейских стран входящим в НАТО не нужна, она несёт убийство, разрушение и обнищание Европе. Надо сделать всё возможное, чтобы её не было!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Абрамов А.И. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. Под ред. А.И. Абрамова. М.: Наука, 1995.
2. Афанасенко Е.К. Вопросы истории. М.: Изд. Просвещение, 1967.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон А.И. Энциклопедический словарь. В 86 т. СПб., 1890-1907.
4. Коняев Н.М. Подлинная история дома Романовых. М.: Вече, 2005.
5. Мораморко М. Масонство в прошлом и настоящем. М.: Прогресс, 1990.
6. Нестеров А.И. Мы – мещанство!?!...Теория места общества. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН». 2013.
7. Пушкин А.С. Моя родословная. Соч. в 3-х т./А.С. Пушкин. М.: Художественная литература, 1985.
8. Полное Собрание Законов. СПб., 1830. Т.18. №12949.
9. Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.
10. Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIX века). Ростов-на-Дону, 2003.

«СИТУАЦИИ» ДЛЯ «ЗАКОНОВ»

Поварницын Борис Игоревич

д. и. н., профессор Пермского национального
исследовательского политехнического университета,
г. Пермь

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено понятие исторической ситуации и его применимость в качестве метода исследования в исторической науке и смежных с ней дисциплинах. Метод использования ситуаций рассмотрен на конкретном (историографическом) примере. Сделаны выводы о целесообразности применения данного метода.

Ключевые слова: историческая ситуация, историография, законы истории, советология.

ABSTRACT The article deals with the term of historical situation and its applicability as one of research methods in History and sciences related to it. Use of method of historical situations is shown through particular example (Historiography, the History of historical science). Some conclusions about usefulness of applying this method are made.

Key words: historical situation, historiography (history of historical science), laws of history, sovietology.

В 1970-е гг. пермский историк профессор Л. Е. Кертман ввел понятие конкретно-исторической ситуации [1, 2]. Оно не получило широкого распространения, но является, на мой взгляд, удобным и практичным инструментом исторического исследования. Под ситуацией понимается произвольно ограниченное исследователем во времени сочетание различных процессов общественной жизни (экономических, социальных, внутривластных и внешнеполитических, культурных в самом широком значении термина «культура», возможно, природных и т. п.). Каждый из этих процессов имеет свою динамику и свой (для временных рамок ситуации) уровень развития. Именно сочетание этих процессов и создает ситуацию. Разумеется, абсолютно одинаковых ситуаций быть не может, но бывают ситуации более или менее аналогичные друг другу. Их изучение, выделение в их рамках одних и тех же факторов, приводящих к близким результатам, позволяет (в будущем) нащупать контуры законов исторической науки, что и было главным исследовательским интересом Л. Е. Кертмана, а также уточнить источники и пределы многовариантности (альтернативности) исторического пути общества. В таком качестве схожие ситуации приблизительно аналогичны экспериментам в естественных науках.

Помимо изучения ситуаций, иллюстрирующих историческую науку как целое, Л. Е. Кертман считал возможным применить такой же подход в ее отдельных направлениях и во вспомогательных исторических дисциплинах [3, с. 25]. Ниже приводится попытка рассмотрения историографической ситуации, основанной на советских и американских исследованиях советской этнополитики, которые были проведены и результаты которых опубликованы в 1950-е – 1980-е гг. (с этой тематикой автор длительное время был связан в ходе подготовки диссертации). Общим для исследователей из обоих государств было придание «национальному вопросу» весьма высокой значимости как в прошлом, так и в настоящем и в будущем СССР.

Значимыми для изучения историографической ситуации являются следующие показатели (процессы). Собственно-историографическими являются объем накопленных знаний по исследуемой проблематике; состояние методологической и методической основ исследования; изменения в организации исследований и в составе исследовательских

кадров. Внешними по отношению к историографии можно считать общий методологический уровень развития науки, в первую очередь, дисциплин, смежных с историей; политика государства по отношению к наукам, в первую очередь, общественным; наличие и характер политического или социального «заказа» на исследования; степень идеологизации науки. Как и в любой ситуации, несоответствие друг другу конкретного состояния этих показателей порождает противоречие (или набор противоречий), разрешение которых и двигает научную дисциплину вперед.

Компонентами ситуации в отечественной историографии вопроса были следующие. Во-первых, имелась достаточно обширная источниковая база, представленная опубликованными официальными документами Советской власти и Коммунистической партии (в основном, их центральных органов), материалами официально опубликованной статистики, выборочными публикациями материалов различных «оппозиций» и «уклонов» 1920-х гг., материалами периодики. Часть этих документов была доступна некоторым исследователям в архивных оригиналах. К концу 1950-х годов, как одно из проявлений «оттепели», несколько расширилась доступность архивных материалов (хотя, при владении адекватным аналитическим аппаратом и навыками, исследователь вполне мог делать серьезные выводы и без них, только по опубликованным источникам и литературе). Во-вторых, существовали такие крупные центры исследований, как Центральный партийный архив, Институт Маркса-Энгельса Ленина, подразделения Академии наук СССР и их «дочерние» учреждения в союзных республиках. «Оттепель» создавала психологическую атмосферу более свободного научного поиска, конечно, в неназванных, но четко очерченных рамках. Некоторые составные части «десталинизации» (например, «реабилитация репрессированных народов») буквально подталкивали исследователей к изучению прошлого советской этнополитики. Хотя и в очень ограниченных масштабах, но появилась возможность научного обмена с западными коллегами.

Нужно признать, что сохранение старых и появление новых возможностей не очень сильно изменило ситуацию в отечественной научной литературе. Несомненным положительным новшеством «послесталинского» периода стало расширение использования местных материалов и изучение

местных сюжетов (в первую очередь, в масштабах союзных республик, менее и весьма неравномерно – автономных образований, весьма редко – областей и краев). Впервые были опубликованы крупные работы, освещавшие всю (по времени – на момент завершения исследования) советскую этнополитику. Хотя и очень сдержанно, но зазвучали упоминания об «ошибках» предыдущего периода (те-же этнические «депортации»). Однако сохранилось старое отношение к «национальным уклонам» и их лидерам, к «этнически-окрашенным» политическим движениям (басмачество, антисоветская партизанская борьба на Западной Украине и в Прибалтике). Неизбежным штампом осталось словосочетание «великий русский народ», хотя о его роли «старшего брата» говорить и перестали. Замалчивались дискуссии по «национальному вопросу» среди большевистской элиты на III Всероссийском Съезде советов, VIII, X и XII съездах Коммунистической партии, хотя материалы по этим сюжетам и были опубликованы. В качестве методологической основы исследований монополю сохранился окарикатуренный марксизм (впрочем, К. Маркс и Ф. Энгельс действительно мало и не очень плодотворно занимались «национальным вопросом»). Важнее всего то, что все прошлые партийные и государственные решения в «национальном вопросе» по-прежнему были вне критики. Все они официально интерпретировались как очередные логически обоснованные шаги по некогда раз и навсегда обоснованному и неизменному стратегическому пути.

Тем не менее, уже в 1960-е гг. стали появляться отдельные по-настоящему новаторские, творческие и глубокие исследования, первым по времени среди которых, видимо, следует считать монографию О. И. Чистякова о первых годах истории РСФСР (1966 г.) [4].

Для обществоведов США интересующий нас период начался не в 1953 и не в 1956 г., а в конце 1940-х, когда в качестве особого направления в рамках “political science” стала оформляться советология. Фактологическая основа ее была заложена «Смоленским архивом», «Гарвардским проектом» и несколькими менее известными и менее масштабными проектами. Американские исследователи весьма оперативно и грамотно воспользовались новыми появившимися источниками, вполне отдавая себе отчет в их фрагментарности и специфичности и вводя определенные поправки в свои выводы. В это же время появились первые обобщающие труды по советской истории, включавшие в себя и анализ этнополитики; некоторые из этих работ не потеряли значения и до сего дня (М. Фэйнсон, Э. Карр, З. Бжезинский, Р. Пайпс, очень близко к ним примыкал и хронологически первый в этом ряду И. Дойчер). Исследователи оперативно вводили в научный оборот публикующиеся в это время в СССР материалы ранее состоявшихся съездов Коммунистической партии и документы Советского государства, пользовались возможностью, хотя и ограниченно, работать в советских архивах. Плюсом для советологов была и возможность проводить сравнительные исследования (чаще всего сравнивая СССР с «другими империями»), а также применять методики и методологии иных общественных наук, например политологии. Следует помнить, что в СССР в это время была «буржуазная лженаука», практически все западные исследователи – «буржуазными фальсификаторами», а сравнение Союза с империей граничило с уголовным преступлением.

Уже на рубеже 1940-х и 1950-х гг. стали появляться новые исследовательские центры, некоторые из которых приобре-

ли в дальнейшем не только всеамериканское, но и всемирное научное значение. Среди них были и специализирующиеся на изучении отдельных народов СССР и связанных с ними территорий (например, Гарвардский институт украинских исследований). Обществоведы США играли ведущую роль в международных научных объединениях (Ассоциация изучения национальностей, Ассоциация советских и славянских исследований и многие другие), что облегчало трансграничный обмен материалами и идеями, проведение совместных исследований.

Работы конца 1940-х и 1950-х гг. задали в советологии весьма высокую «планку». Однако далее в советологии все больше и больше стал виден упадок. Упорный отказ от использования опубликованной советской статистики, в том числе материалов переписей населения, породил замкнутые круги взаимного цитирования и появления в отдельных частных направлениях советологии непререкаемых «гуру». Исторические исследования подгонялись под политологическую тоталитарную концепцию, что неизбежно искажало ход и исход работы ученого. В скобках хочу отметить, что эта концепция имеет не меньше прав на существование, чем любая альтернативная. Но всякая концепция во всякой науке всегда заметно усреднена и абстрагирована от текущей реальности, ее нельзя применять к анализу множества сравнительно частных процессов и событий. Кроме того, всякая концепция должна применяться в рамках своей науки – никто ведь не пытается применять учение о естественном отборе, скажем, в химии.

Становившиеся все более очевидными недостатки «тоталитарной монополии» в советологии привели к расколу исследовательских сил. Часть из них образовала так называемое реформистское течение, абсолютно неорганизованное, идейно разделенное и более или менее объединяемое только отрицанием догматов тоталитарной концепции. Другая часть занялась так называемыми “country studies” и “area studies” – работами иногда эмпирически очень насыщенными, но описательными и лишенными почти всякой аналитики. При этом, как и в Союзе, время от времени появлялись отдельные очень глубокие работы (например, «Восстанут ли нерусские?» А. Дж. Мотыля, которая достойно реализовала не только описательную и аналитическую функции науки, но и прогностическую, что в обществоведении большая редкость [5]).

В целом, к событиям конца 1980-х гг. и отечественное и американское обществоведение (на примере изучения этнополитики) подошли в равной мере неподготовленными, а в ходе этих событий испытывали сходное замешательство. Хотя общественные науки двух стран развивались в различных условиях, а факторы, формирующие ситуацию в исторических исследованиях, находились на разных ступенях своей зрелости и имели свои особенности, итог оказался практически одинаковым. Очевидно, на этот общий итог решающим образом повлиял какой-то один (или несколько) фактор, общий для двух стран. На мой взгляд, им была чрезмерная идеологизация науки, ведь, в конце концов, несмотря на «разрядку напряженности», идеологическую борьбу сверхдержав никто «не отменял». Таким образом, решающим для динамики данной историографической ситуации стал фактор, внешний по отношению к историографии, истории и к науке вообще – политика сверхдержав. В рамках собственно рассмотренной историографической ситуации, без задействования общенаучных и вненаучных

факторов, решение создавшихся проблем и противоречий найдено, очевидно, быть не могло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971, № 1, С. 55-68.
2. Кертман Л. Е. К. Маркс и проблема конкретно-исторических законов // Вопросы истории. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Маркса. Уфа: изд. Башкирск. Ун-та, 1969 – С. 5-14.
3. Кертман Л. Е. Историографическая ситуация // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: изд. Калининского гос. ун-та, 1980 – 110 с.
4. Чистяков О. И. Становление «Российской Федерации» (1917 – 1922). Изд. 2-е, репринт. М.: ИКО «Зерцало-М», 2003. – 352 с.
5. Motyl A. J. Will the non-Russians rebel? NY: Columbia univ. press, 1986. - 172 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР В ВОПРОСАХ ОСВОЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ИСПАНИИ XVI- XVII ВВ.)

Рогачёв Владимир Евгеньевич

Студент 1курса УГЛТУ, Лесное дело, г. Екатеринбург

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании сравниваются методы освоения Россией Сибири и колонизации Испанией стран Латинской Америки в XVI- XVII в.в., а также различные подходы к освоению новых территорий и отношение к коренному населению. Рассматриваются экономические, социальные и культурные последствия освоения этих территорий.

ABSTRACT

This study compared the methods of development of Siberia the Russian and colonization of Latin America by Spain in centuries XVI- XVII, as well as different approaches to the development of new areas and the indigenous population. We consider the economic, social and cultural consequences of the development of these areas.

Ключевые слова : освоение Сибири, колонизация Латинской Америки.

Keywords: development of Siberia, the colonization of Latin America.

В настоящее время вновь встаёт вопрос освоения сибирских пространств, которое не может быть осуществлено при помощи активно пропагандируемых сейчас западных методов. И только Россия, с её исключительным подходом, может окончательно закрепить за собой право распоряжаться судьбой Сибири, сохранив и приумножив все её сокровища.

Современное состояние коренного населения Латинской Америки крайне плачевно, потому что эти народности или исчезли совсем, или остались в очень незначительном количестве.

Наоборот, Сибирь в составе России развивается динамично, коренное население представлено различными народами, национальные культуры сохраняются и поддерживаются. Почему так различаются судьбы коренного населения на территориях, освоенных в новое время русскими и испанцами?

В данной представлены: 1) анализ имеющейся информации о колонизации Сибири и Латинской Америки; 2) сравнение методов освоения земель различными государствами; 3) оценка последствий освоения земель для коренных народов.

Целью работы является сравнительное исследование методов, применяемых при колонизации новых пространств, на примере России и Испании.

В Испании положение было благоприятным для освоения Америки. Страна была заинтересована в том, чтобы направить массу дворян-конкистадоров подальше от собственных границ, за океан, в неведомые земли. Кроме того, испанская промышленность нуждалась в новых рынках сбыта товаров [18]. Большие Антильские острова стали форпостом испанской колонизации Латинской Америки. На островах строились крепости, поселки для переселенцев из Испании, возникали плантации хлопка, сахарного тростника, пряностей, прокладывались дороги. Чтобы покрыть расходы на морские экспедиции, испанцы начали хозяйственное освоение новых земель. Порабощение и нещадная эксплуатация коренного населения Карибского бассейна, а также завезенные из Европы эпидемии привели к катастрофическому сокращению населения [9, с.271]. Рабочей силы не хватало, и с середины XVI в. в Америку стали ввозить африканских рабов. С 1510 г. начался новый этап завоевания Америки — колонизация внутренних областей континента. Конкистадоры покорили государства майя, ацтеков и инков – более развитые, чем племенные союзы сибирских народов.

На примере колонизации Латинской Америки можно проследить, как пагубно повлияли на исход противостояния испанским завоевателям разделение и обособленность местных племен и народов. Испанцы сохранили индейскую общину в Мексике, Перу и в ряде других районов, где имело плотное земледельческое население и они использовали различные формы трудовой повинности общинников в пользу государства для привлечения индейцев к работе на рудниках. Во главе общин сохранялись прежние старейшины, их семьи освобождались от налогов и повинностей, но должны были обеспечить своевременную уплату налогов и рабочую силу для рудников.

Однобокое развитие экономики в испанских колониях имело пагубное последствие для судеб коренного населения и будущего развития континента. Латинская Америка превратилась в сырьевой придаток западноевропейских государств.

До середины XVII в. происходило катастрофическое сокращение численности коренного населения. Во многих районах к 1650 г. оно сократилось в 10—15 раз по сравнению с концом XVI в., в первую очередь из-за отвлечения трудоспособного мужского населения на рудники на 9—10 месяцев в году. Это приводило к упадку традиционных форм земледелия, снижению рождаемости [9, с.368]. Важной причиной были частые голод и эпидемии, которые косили целые районы [19]. В условиях колонизации шло быстрое размывание индейских этнических групп и племенных общностей, вытеснение их языков испанским. Представители различных племен говорили на разных языках, и постепенно их главным языком общения становился испанский. Утрата языка означала утрату культуры, тогда как в русской Сибири языки местных народов сохранились до сих пор.

Следствием колонизации Испанцами Латинской Америки стали почти полное исчезновение коренного населения, экономическая деградация региона, столетия социального и культурного застоя.

Придя в Сибирь, русские увидели большое количество многочисленных племён, враждующих между собой. К приходу русских, к концу XVI века, в Сибири проживало около 240 тыс. человек, а к 1897 г., согласно Первой Всероссийской переписи населения, в Сибири жило 822 тыс. коренных жителей. Получается, что за 250 лет российского правления численность коренного населения выросла в 4 раза [5, 448].

Сибирские народы сильно различались между собой по языку, хозяйственному укладу и социальному развитию. Только Сибирские татары, разгромленные Ермаком, имели свою государственность [10]. Ермак позиционировал себя как освободителя местных народов от агрессии хана Кучума, он не нес насилия и поголовного убийства населения, наоборот, в русских традициях защищая коренных сибиряков от самоуправства татар [12].

«Поход Ермака лишён бесчеловечной жестокости испанской Конкисты. Казаки не отличались от конкистадоров в настойчивости, выносливости, боевом мастерстве, но не было у казаков склонности понапрасну истреблять «туземцев». Для них агаряне-татары и язычники вогулы и остяки оставались людьми. Для испанцев... индейцы настоящими людьми не были. Западные христиане сомневались, есть ли у них душа. Кортес и Писсаро обманом взяли в заложники

императоров Мексики и Перу. Ермак же Сибирское царство завоевал честно. А противник у него... был много серьезнее ацтеков и инков» [5, с.448].

Ещё Ломоносов писал, что «российское могущество прирастать будет Сибирью». В. Соловьев писал, исследуя русский характер: «**Чтобы не было какофоний наций, необходимо применить заповедь Иисуса Христа «Люби ближнего, как самого себя» также и к общению наций: «Люби все другие народы, как свой собственный»** [2, с.176]. Правительство поощряло заселение Сибири ссудами и податными льготами. В Москве освоение сибирских земель рассматривалось как задача первостепенной государственной важности [20].

Актуальность построения взаимоотношений на такой высоконравственной основе между народами существует и сейчас, так как современное Российское государство насчитывает около 140 различных народностей. Государствообразующим же народом является русский, он составляет 82% от всего населения России и является связующим звеном между всеми народами, населяющими нашу страну.

Сибирское освоение происходило так. Сначала эти края открывали и осваивали «охочие люди», то есть добровольцы, устремившиеся сюда в основном за пушниной, ценными металлами и просто за лучшей долей. А уже вслед за ними назначенные воеводы шли за первопроходцами, устанавливая свою власть и законы на новых землях [8, с.4-8]. «Татары и бухарцы, городские и подгородные, ознакомься с господствующими пришельцами вели себя откровенно и добродушно» [8, с.72].

Положительными последствиями вхождения народов Сибири в Россию были: прекращение междоусобных войн, приобщение к более передовой экономике и культуре, в частности, русские крестьяне принесли пашенное земледелие, а для некоторых народов Россия вообще стала единственным спасением [14]. Для России же Сибирь была и будет являться неотъемлемой экономической частью. Интерес к её освоению только нарастает. Ведутся исследования природных богатств этой территории. Сибирь имеет огромный потенциал, который лишь нужно умело и осторожно использовать [16].

Присоединение Сибири значительно расширило границы России и изменило ее политический статус в XVII веке, Россия стала многонациональным государством [17].

В последнее время у всех народов России просматривается усиление интереса к изучению своих культурных корней. Изучаются народные традиции, развивается народное творчество, идет взаимное культурное обогащение. Государство помогает малым народам сохранить свой язык, культуру. Все больший интерес к своим корням просыпается и среди русского населения. Корни эти глубоки и значительны, они дадут новую силу для дальнейшего роста и развития всех народов, населяющих Россию.

Благодаря нашим великим предкам сибиряки давно считают себя русскими, они слились воедино с нашим великим народом, став его неотъемлемой частью, как и бескрайние просторы на которых живёт множество народов, ставших русскими по духу после их примирения и воссоединения в состав великого Русского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Горинский, А.С. Преднаука и наука// Общие проблемы философии науки. Словарь. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С.206.
2. Мединский, В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. – Изд. 4-е. М.: Олма Медиа Групп, 2013. – 176с.
3. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия.. – М.:ОЛМА-ПРЕСС, 2005 / Автор-сост. В.Балезин. – 848с.
4. Резников К.Ю. Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири. – М.: Вече, 2012. – 448с.
5. Рерих, Н.К. Листы Дневника. Т.1. – МЦР, 1995 – 672с.
6. Русь многоликая. Думы о национальном. /А. Салтыков. Стержень российской духовности. – М.: Советский писатель, 1990. – 368с.
7. Словцов, П. А. «Историческое обозрение Сибири», период 4, 1842 г., с. 4–8, 75
8. Хемминг Джон, «Завоевание империи инков. Проклятие исчезнувшей цивилизации», Москва, издание Центрполиграф, 2003г, с. 368, 370–371

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ:

1. <http://cmm.univer.omsk.su/nou/bibliog/metod96/org1.html>
2. <http://nrsm.nsc.ru:8101/sibir/>
3. <http://www.coolreferat.com/>
4. <http://www.bestreferat.ru/referat-226159.html>
5. http://ucheba-legko.ru/lections/viewlection/otechestvennaya_istoriya/7_klass/rossiya_v_XVII_veke/prisoedinenie_i_osvoenie_sibiri_v_kontse_XVI-XVII_vv_
7. <http://xreferat.ru/18/2557-2-otkrytie-i-osvoenie-sibiri.html>
8. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=33627>
9. <http://www.istmira.com/karpovsp-istoriya-srednix-vekov-tom-2/1833-velikie-geograficheskie-otkrytiya-i-vozniknovenie.html>
10. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-444945.html?page=5>
11. http://his95.narod.ru/lec8_5.htm
12. <http://tur-plus.ru/sibir/sibir-1.htm>
13. http://ruskline.ru/analitika/2010/11/09/prisoedinenie_povolzhya_nachalo_osvoeniya_sibiri/
14. <http://mayax.ru/category/istoriya-indeycev/actekov/azteci-indeici-ameriki.html>

SECTARIAN DENOMINATIONS IN KAZAKHSTAN: EXTENT, ROLE IN SOCIETY AND INFLUENCE TO CHANGE OF SOCIAL VIEWS (XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY)

Тулешова Улжан Жангелдыновна

Магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры Всемирной истории, историографии и источниковедения, г. Алматы

ABSTRACT

Nowadays the definition “tolerance” is the most popular and at that times the most important notion. Only this definition can save peaceful relations all over the world. In this case, we must pay attention to religious and sectarians. It's no doubt, that religious tolerance has own historical roots. In this article will be described historical background and common situation of sectarian denominations of Kazakhstan. Denominations will be compared with each other in depending on historical foundation, extent and role in Kazakh society.

Keywords: Sectarian denomination, tolerance, extent, multiconfessional space

Eurasian steppe have been real way of historical cultural relations of many inhabitants with various faiths during many centuries. Nowadays, the age of globalization and also trying nations to retain own cultural-historical and religious identity, one of the most important task of humankind is to form tolerant relations between representatives of different religions. In addition, this issue has more urgency with world conflicts based in religious contrast.

The territory of Kazakhstan, in other words Eurasian steppe has been a religious melting pot from ancient time. Although whole picture of the world was changed, this area has preserved own particulars up to the present. Initially, before we proceed to discuss about situation and role of sectarian denominations in

Kazakhstan, it is necessary to review common religious situation in Kazakhstan and its historical background.

It is no coincidence that religious difference and special position of Kazakhstan concerned with its geographical location and historical events which took place there. The spread of many religions throughout Eurasian steppe mainly was realized by activities on the Silk Road from ancient time. Along the Silk Road were accomplished not only trade issues, but also historical dynamic of cultural interaction, exchange, and cultural conversion. In ancient Eurasian as in other primal societies, religion manifested itself mainly through rituals of daily life. In these rituals it is not difficult to note that religious viewpoints throughout Eurasia were influenced by different other religions such as Greek, Indian, etc. It is also attested by archeological remains.

Religions are not monolithic, fixed institutions existing each in their own realm of dominance, although often speak of “Christianism”, “the Islamic World”, and so on. In reality, religions are like organisms: They are born into this world at a point in time, they grow, develop, undergo diverse influences, and adapt to their environment. They quibble with their neighbors, experience periods of painful soul-searching, have good days and bad. At some point they may split like cells, each taking on a new life. Nothing could better illustrate the organic nature of religious traditions than the example of their experience along the Silk Road [1, p. 7-8]. Many religions extended throughout all over the Eurasian steppe at time of the Silk Road. The existence of trade routes and constant commercial activity linking diverse cultures from ancient times meant that religious ideas (like technology and other aspects of culture) could spread easily along trade networks which spanned Eurasia. Indeed, like running water finding open channels, this spread was probably inevitable [1, p. 8].

Zoroastrianism, Judaism, Buddhism, Christianity and Islam were spread in the territory of modern Kazakhstan through overland trade, the Silk Road. Then denominations of all of them also spanned Eurasian steppe mainly through trade relations. Apparently, each of them had own popularity and place in this area, but not all could survive their position up to the present. One of the specific features of this area is that all religious ideas obtain local characteristics. Denominations of Judaism, Christianity, Buddhism and Islam were adapted to local conditions, absorbed traditional religious viewpoints of native people. In order to that, only flexible denominations of above religions were popular among Eurasian people. For example, what made Mani's message (Manichaeism) so attractive to so many people was that he made every effort to “speak their language”. He did so literally but also figuratively, borrowing ideas, symbols, and religious terminology from every tradition in existence. Religious systems spread most effectively when they succeed in appropriating the mind-set and worldview of their target audience, making the “new” message seem merely a “perfection” of old truth, compatible with people's traditional understanding. Mani and his disciples were unparalleled masters of this technique [1, p.75]. It is important to emphasize that at the present many sectarian denominations try to spread their religious ideas also through this technique.

Christian denominations which were spread along the Silk Road mainly were considered as heresy in Europe, though they were popular among steppe people at the time. By the down of the Mongol period Christianity was certainly the most visible of the major religions amongst the steppe people. What Christianity meant to them, however, in another question. The sources indicate that the essential test of a Christian was baptism; but other practical activities of this religion among nomads were only Christianized forms of traditional practice [1, p. 71].

The extent of Islam was determined the future religious picture of Central Asia. The presence of Muslim rule and the increasing Muslim dominance of trade meant that Islamization came first in the urban areas along the Silk Road and only in later centuries spread to the countryside. The gradual Islamization of the nomadic Turkic peoples of Central and Inner Asia was a first directly tied to their increasing participation in the oasis-based Silk Road trade in the tenth century [2], accelerated by the political activities of three Turkic Muslim dynasties – the Qara-khanids, the Ghaznavids, and the Seljuks – and supplemented by the proselytizing efforts of Muslim missionaries [3]. In terms of religious culture, sixteenth-century Central Asia was one of the

most thoroughly Islamized areas of the Muslim world, more so than the Arab and Iranian heartlands of western Asia and Egypt, which retain significant non-Muslim minorities even to the present day. [1, p. 143]. Islam obtained dominance in territory of Kazakhstan from the time when Turkic states accepted it and has retained this position up to the present.

How we have mentioned above Christianity and its denominations extended from ancient time and had success amongst nomads several ages. But after Islamization of Turkic tribes denominations of Christianity such Nestorian and Manichaeism were weakened. Another manifestation of Christianity, Orthodoxy, came to Kazakhstan with annexation of Kazakh Horde to Russian Empire. Nowadays the Orthodoxy is the second large religion in Kazakhstan.

Establishment of the Soviet power in 1917, led to beginning of scale atheistic campaign, which had continued during seven decades. A struggle against religion became component of “cultural revolution”, declaring by the Soviet regime. If the tsarist power fought against Islam to convert Muslims into Orthodoxy, Bolsheviks tried to root out all reflections of religious views, including Christianity. A religion was considered as “opium of people”. Churches, mosques, monasteries were closed in administrable order and their buildings were handed over to open cinemas, clubs, also radio stations, feedings, stables etc. At that time were opened antireligious courses and universities [4]. So in period of the Soviet power any relations with religion were illegal and entailed serious consequences. In order to that situation religious literacy of Kazakhstan nations by the time of the independency was in low level.

After collapse of the USSR in Kazakhstan, as in all over post soviet space, took place a rebirth of religious ideologies, were marked tendencies to the change of identical criteria in mass consciousness. A religion becomes not only significant element of culture and lifestyle, senses and fates of Kazakhstan people, but also vital factor in the policy. An influence of political, social-economic, moral-ethnic, cultural conditions determine the development of religiosity in Kazakhstan. In the republic has been formed multiconfessional space, including all traditional religious faiths (Islam, Christianity) and new non traditional religious movements [5].

According to historical review of religious situation in Kazakhstan, which has been demonstrated above, religious viewpoints and attitude of local people to new faiths were changed under influence of historical, political and social alternations. These conditions determined popularity and survival of certain religious ideas amongst local people. In fact, this dynamic of religions in Kazakhstan hasn't change up to the present.

Today, the Republic of Kazakhstan is a striking instance of peaceful coexistence of over 40 confessions and denominations as well as 130 nationalities and ethnic groups. Today, the total number of religious associations reached 4,173 while in 1990 it comprised 670. The number of Islamic associations grew from 46 to 2,441. There occurred almost five-fold growth in number of the Russian Orthodox Church parishes (from 62 to 293), two-fold increase of the Roman Catholic Church associations (from 42 to 86), Evangelical Baptist Christians communities (from 168 to 362) and Seventh Day Adventists (from 36 to 66). The quantity of Jehovah's Witnesses associations increased from 27 to 78, and that of Protestant alliance of new trends jumped from 13 to 540. Religious associations own 3,129 cultic buildings, including 2,229 mosques, 258 Orthodox and 93 Catholic churches, 6 synagogues and over five hundred Protestant churches and prayer

houses. Currently 384 missionaries from over 20 foreign countries work in the Republic of Kazakhstan while in 1990 there were only 12 people [6]. In accordance with result of common national census in 2009 70, 2 % people of Kazakhstan are Muslims, 26 % - Christians, 0, 03 % - Jews, 0,1 % - Buddhists, 0,2 % - followers of other religions. Also 2, 8 % of population is considered as atheists. These indices show that many religious faiths which don't have any historical root in Kazakhstan last several decades have been spread very quickly. Probably, so that Kazakhstan is opened for any religious propaganda and tries to keep tolerant attitude to other religions. But how we can see above traditional religions in this territory can retain own dominance at the present. In spite of this statement, many of denominations of world religions are considered as illegal according to the last religious law of Kazakhstan [Law of 2011 "About religious activity and religious associations"], including several Islam and Christian denominations. But in this article we consider sectarian denominations of Christianity in order to their rapidly spreading and important difference with traditional religious ideas of local people. Considerable sectarian religions are not radical in Kazakhstan.

It is no coincidence that political, economic and social conditions of country always influence on religious ideas and changes of people. Since independent exist from 1991 the Republic of Kazakhstan has been affected by different forms of religions from outside, so that by that time the state hadn't own powerful religions. Probably, all religious organizations all over the world waited the collapse of the USSR. Like other countries of the Soviet Union, the government of Kazakhstan couldn't stop this social disintegration before declaration of its independency and acceptance of new religious law. During this transition period every member of society become an individual and demonstrated own interests where didn't exist any social values. These types of unreliable conditions accompanied with social isolation and economic unbalance for majority of people. At that time religions, no matter local or foreign, began to fill this gap of psychological fear and inner anxiety [7]. Protestantism and other religious groups, also Rome catholic church began own missionary activity on ground, consolidated by atheism and materialistic ideology. All religious groups initialized own influence through spread of literary, religious education and humanitarian help. At the time all of people, including Kazakhs and other nations, replied on this with curiosity and interest. Nowadays, though many ethnic Protestants had migrated, many denominations of Protestantism are extended very rapidly in Kazakhstan. It is important to consider each of them.

According to official statistics, Protestant Christian denominations surpass Orthodox or Roman Catholic congregations in number; at the same time it is improbable that Christian Protestants total more number of followers. According to the Government, in the republic there are 953 registered "nonconventional" Protestant Christian churches. [8].

Almost all Protestant communities turned into the multinational. They grow at the expense of representatives of the people for whom the Protestantism isn't traditional religion. Among Baptists now there are a lot of Russians, Ukrainians, Belarusians, Kazakhs, and Koreans. Thanks to it the number of Baptist churches grows in Kazakhstan, despite departure from the country of Germans, consisting majority of believers a long time. This is testified by statistics. For the beginning of 2011 in Kazakhstan, according to official figures, worked 362 religious associations and groups of evangelical Baptist Christians, thus 48 from them aren't registered by authorities. Especially rap-

id growth is noted among denominations, nonconventional for Kazakhstan, generally Pentecostal, Presbyterian and charismatic denominations [9].

In the country there are two Baptist groups: Council of churches of Evangelical Christians and Baptists ("Council of churches") and Union of Evangelical Christians and Baptists ("Union of Baptists"). In accordance with the government report about 232 registered groups involving into the Union of Baptists. The center of Council of churches of Evangelical Christians and Baptists is in Karagandy oblast, Saran town. Council of churches of Evangelical Christians and Baptists ("Council of churches") and Union of Evangelical Christians and Baptists ("Union of Baptists") don't have differences in religious dogma and rites. At the present time baptism lead very active missionary activity amongst local people. Particularly, propaganda is understandable for ordinary people and they don't see any danger in this movement. Now, especially in evangelical councils, preachers don't tell about idea of predestination, on the contrary, they emphasize that every man who recognized own depravity and turned to Christ, will gain salvation. Baptists in Kazakhstan have own spiritual education center, institute opened in 1995 in Almaty with target to prepare servants of churches. At this institute work republic and foreign preachers. In Almaty also works correspondence courses, which give initial biblical education. These courses accepted all people in spite of nationality, faith, education.

Similarly there is strengthening in the republic the Lutheran association Synod of Missouri. It gives big spiritual and financial help to Lutheran communities of the republic, actively extends church literature in the German, English and Russian languages. The new apostolic church works in the republic since 1991 thanks to vigorous missionary activity of the German preachers. Now, about 40 communities with an approximate number of 2500 people function. The Lutheran Church-Missouri Synod (LCMS), often referred to simply as the Missouri Synod, is a traditional, confessional Lutheran denomination in the United States. With 2.2 million members,^[2] it is both the eighth-largest Protestant denomination and the second-largest Lutheran body in the U.S., the largest being Evangelical Lutheran Church in America.

Presbyterian in Kazakhstan has rapidly strengthened too. But today, this denomination in Kazakhstan is considered as dangerous for local society. Presbyterians distinguish themselves from other denominations by doctrine, institutional organization (or "church order") and worship; often using a "Book of Order" to regulate common practice and order. The origins of the Presbyterian churches are in Calvinism. Many branches of Presbyterianism are remnants of previous splits from larger groups. Presbyterians place great importance upon education and lifelong learning. Continuous study of the scriptures, theological writings, and understanding and interpretation of church doctrine are embodied in several statements of faith and catechisms formally adopted by various branches of the church, often referred to as "subordinate standards". It is generally considered that the point of such learning is to enable one to put one's faith into practice; some Presbyterians generally exhibit their faith in action as well as words, by generosity, hospitality, and the constant pursuit of social justice and reform, as well as proclaiming the gospel of Christ.

There are in Kazakhstan also small communities of methodologists, whose emergence is caused by activity foreign, mainly Korean, preachers. The number of followers of this direction was

made by about 300 people of various nationalities. The Methodist movement is a group of historically related denominations of Protestant Christianity which derive their inspiration from the life and teachings of John Wesley. George Whitefield and John's brother Charles Wesley were also significant leaders in the movement. It originated as a revival within the 18th-century Church of England and became a separate Church following Wesley's death. Because of vigorous missionary activity, the movement spread throughout the British Empire, the United States, and beyond, today claiming approximately 80 million adherents worldwide. Methodism is characterized by its emphasis on helping the poor and the average person, it's very systematic approach to building the person, and the "church" and its missionary spirit. These ideals are put into practice by the establishment of hospitals, universities, orphanages, soup kitchens, and schools to follow Jesus's command to spread the Good News and serve all people.

The national Jehovah's Witnesses Religious Center reported that it had generally positive relations with the government and the freedom to conduct their activities. However, the group experienced some registration difficulties and alleged several incidents of harassment by local governments. Although local Jehovah's Witnesses organizations are registered at the national level, in Astana and Almaty, and in 13 (of 14) oblasts, the center has attempted unsuccessfully since 2001 to register in Atyrau Oblast. The Atyrau regional procurator's office maintained that the group has consistently failed to comply with registration laws. The group submitted its most recent application on March 6, 2007. According to the Jehovah's Witnesses, the MOJ suspended the registration process on March 16, and forwarded the documents to Astana for expert examination, as in previous applications. On May 6, Atyrau police and procurators disrupted a gathering of Jehovah's Witnesses, videotaped participants and seized worship materials. The procurator filed an administrative case against six Jehovah's Witnesses for conducting religious activities without registration. On June 4, the local court imposed fines on the participants. The Jehovah's Witnesses appealed the decision, but on June 25 the oblast level court rejected the appeal without explanation.

In March 2007 Jehovah's Witness centers throughout the country rented local halls and rooms for an April 2, 2007, religious ceremony, and distributed fliers inviting citizens to the event. However, in several cities, including Kyzylorda, Shaktinsk, Shymkent, and Taraz, the landlords called the Jehovah's Witnesses shortly before the event and canceled the reservation. The Jehovah's Witnesses alleged that the landlords were pressured by local government officials. In Semipalatinsk, the Jehovah's Witnesses and their guests arrived on April 2 to find their rented space surrounded by firefighters. A local government representative claimed that they needed a permit for the ceremony and denied them admission to their rented room. In each case, the Jehovah's Witnesses were able to hold their ceremony in oth-

er locations. No other religious groups reported similar instances of government interference in their public gatherings [10].

Viewpoints about sectarian denominations of Christianity in Kazakhstan are split two different groups. One of group considers these denominations nontraditional for Kazakh society and as danger for traditional culture and ethics, other group doesn't see in developing of Christian denominations any danger to society. In spite of these viewpoints, majority of Kazakhs treat toward these religious movements with suspicious. Relations between traditional and new religious movements in our country are very delicate. It should be noted that, despite the menacing progression in change of a religious situation and religious structure of the population, in general, the situation remains rather stable. The matter is that, at the moment the limiting factors interfering expansion of the negative scenario of development in the religious sphere are saving of "status quo" in the interfaith relations and preservation of a dominant position of faiths, traditional for Kazakhstan citizens, – Islam and Orthodoxy that promotes consolidation of religious unity of the population and it is still capable to make positive impact on preservation of religious balance and balance in the republic.

REFERENCE

1. Richard C. Foltz Religions of the Silk Road. – Macmillan, 1999.
2. Jiger Janabel The Islamization of Sourthern Qazaqstan in the Ninth and Tenth Centuries, paper presented at the American Historical Association annual conference, Seattle, WA, 9 January 1998.
3. Devin DeWeese Islamization and Native Religion in the Golden Horde, State College, PA: Penn State University Press, 1994.
4. Nurtazina N. Struggle against Islam. Religious policy of the Soviet power in Kazakhstan (20-40 years of XX century). - Almaty, 2008. – 36 p.
5. Косиченко А.Г., Нысанбаев А.Н., Кенисарин Д.А. и Мельник Е.В. и др. Ислам и христианство: возможности духовной консолидации народов Казахстана. – Алматы, 2001.
6. <http://www.religions-congress.org/>
7. Трофимов Я.Ф. Религия в Казахстан. - Алматы: Эділет-Пресс, 1996.
8. Трофимов Я.Ф., Иванов В.А. Религия в Казахстане. Справочник.- Алматы: Аркаим, 2003. С.62-63.
9. <http://e-history.kz/ru/contents/view/688>
10. Трофимов Я.Ф. Геополитические аспекты динамики изменения религиозной ситуации в Республике Казахстан. 22 сентября 2003 года. Справочно-информационный портал «Религия и СМИ». Адрес в Интернете <http://www.religare.ru/article6503>.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ КОНСУЛЬСТВ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1917-1924 ГГ.

Шапорева Екатерина Дмитриевна

Студентка 4 курса Алтайского государственного педагогического университета

Шеметова Тамара Алексеевна

Канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено изучению деятельности российских и других иностранных консульств в Синьцзяне (Западный Китай) в 1917-1924 гг. Иностранные консульства Великих держав, в частности России и Великобритании, учреждались на территории провинции не только для выполнения определенных консульских функций, но и для более эффективного осуществления своей региональной политики в отношении провинции.

ABSTRACT

The research is devoted to Russian and other foreign councils' activity in Xinjiang (West China) in 1917-1924. Foreign councils of Great Powers, particularly Russian and Britain ones, were established on the territory of the province not only to perform certain consular functions, but also to implement their regional policy more effectively.

Ключевые слова: Синьцзян, консульства, Советская Россия, Великобритания

Keywords: Xinjiang, councils, Soviet Russia, Britain

Актуальность представленной темы обусловлена укреплением сотрудничества двух крупнейших государств - России и Китая, в разное время оказавших значительное влияние не только на внутривосточную жизнь друг друга, но и на многие международные процессы, в связи с чем изучение истории дипломатических отношений этих стран приобретает особую значимость. Стоит также отметить, что вопросы, касающиеся деятельности российских и других консульств в Синьцзяне (Западном Китае), до настоящего времени не получили должного освещения. Некоторые сведения о работе иностранных консульств в провинции Синьцзян можно обнаружить в исследованиях В. В. Бармина [1], К. В. Бармина [2], В. А. Богословского и А. А. Москалева [3], В. В. Галиева [4], С. Б. Кожировой [5], А. А. Сизовой [6], Т. А. Шеметовой [7], однако проблема деятельности данного органа до сих пор является малоизученной.

Ко второй половине XIX века практически вся территория Синьцзяна находилась в зоне российского экономического влияния. Это влияние усиливалось по мере роста политической доминанты России в центрально-азиатском регионе и стало особенно проявляться в последней четверти XIX века [1]. Играя определенную роль в экономике Синьцзяна, а так же являясь ближайшим соседом провинции, Россия не могла оставаться в стороне от внутривосточных событий, протекающих в нем.

К 1917 году в Кашгарии, Джунгарии и Алтайском округе работали 4 консульских заграничных учреждения России. Данные консульства являлись центрами русской колонии в Синьцзяне. Они отвечали за все функции по защите интересов соотечественников – от предоставления поддержки и защиты в периоды политических неурядиц в Китае (антицинского и «боксерского» восстаний, накануне и во время Синьхайской революции и т. д.) до содействия устройству быта и развитию культурной жизни русских поселенцев [6]. К этому времени представители консульств имели богатый дипломатический опыт, множество полезных связей в торговых

и политических кругах, хорошо знали китайский язык и в целом отлично владели ситуацией.

Во время Первой мировой войны Российская империя значительно ослабила своё присутствие в провинции, а последовавшие затем Октябрьская революция и гражданская война заметно снизили ее влияние в данном регионе. Коренным образом изменилась работа государственных органов, включая внешнеполитическое ведомство. Большинство консулов царской России не признали советскую власть и начали сотрудничество с Временным, а затем с Омским колчаковским правительствами. В этом же направлении продолжили свою деятельность российские консульства в китайской провинции Синьцзян [7].

Вместе с этим между белогвардейским и большевистским правительствами началась борьба за влияние на местные органы управления: острая нехватка сырья, продовольствия и других ресурсов вынуждала каждую из противоборствующих сторон прилагать все возможные усилия для того, чтобы сделать руководство провинции своим союзником.

Воспользовавшись ослаблением своего «конкурента» - Царской России, влияние в Синьцзянской провинции усилила Британия. Ее консульство в Кашгаре активизировало свою антироссийскую работу как против большевиков, так и их оппонентов в гражданской войне.

В своей борьбе за Синьцзян английское консульство использовало политику лавирования между большевиками и белогвардейцами, в частности контактировало с консулами бывшего царского правительства, к этому времени продолжавшим свою деятельность уже в качестве представителей белогвардейских правительств. Однако значительных успехов английские дипломаты в этот период не достигли, о чем свидетельствует подписание 31 мая 1924 года, после окончательного разгрома белогвардейских войск Красной Армией, «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», которое упорядочило правовые отношения между двумя государствами и легализовало значительную часть статей,

заложенных в договор с Синьцзяном (в частности статью о консульских отношениях) [8]. Это позволило правительствам Синьцзяна и Советского Союза подписать договор о немедленном учреждении советских консульств в городах Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, а так же китайских консульств в Алма-Ате, Семипалатинске, Ташкенте, Зайсане и Андижане.

К концу 1924 года синьцзянские власти полностью вернули Советскому Союзу консульское и прочее имущество, принадлежавшее ранее России, что в дальнейшем значительно облегчило деятельность советских дипломатов и торговых представителей в Синьцзяне.

Таким образом, иностранные консульства России и Великобритании в рассматриваемый период учреждались на территории Синьцзяна не только для выполнения своих непосредственных функций, но и для более эффективного проведения региональной политики представляемых государств в этой китайской провинции. Деятельность российского консульства в рассматриваемый период была более успешной, так как в ходе дипломатических переговоров обе договаривающиеся стороны смогли найти компромисс и согласованные решения по многим вопросам. В дальнейшем полученный опыт сыграл большую роль в становлении и развитии советско-синьцзянских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян 1918-1941 гг. – Барнаул, 1998. – 214 с.
2. Бармин К. В. Политика Великих держав в Синьцзяне в 1918-1949 гг. Авторф, канд. Ист. наук. Барнаул, 2005. – 32 с.
3. Богословский В. А., Москалев А. А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). – М., 1984. – 265 с.
4. Галиев В. В. Особенности охраны российских консульств в Синьцзяне в начале XX века // Молодой ученый. — 2010. — №5. Т.2. — с. 93-97.
5. Кожирова С. Б. Российско-китайские торгово-экономические отношения в Синьцзяне 1851-1917. Авторф, канд. ист. наук. Алматы, 1997. - 20 с.
6. Сизова А. А. Социокультурная деятельность русских консульств в Западном Китае во второй половине XIX – начале XX в. // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества: материалы Научно-практической конференции. Екатеринбург, 2008. – с. 119-125. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/42/144275842083fc7dd84926d89e1e2e5ebaea0e1cad/ruschi_2008_27.pdf (дата обращения: 5. 09. 2015).
7. Шеметова Т. А. О характере деятельности российских консулов в Синьцзяне в 1918–1920 гг. (на примере Кульджинского округа) // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–23. – с. 5240-5244. [Электронный ресурс]. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10007457 (дата обращения: 20.09.2015).
8. Советско-китайские отношения 1917-1957 / Сборник документов. М., 1959.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЙ ЗАПАДНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ

Ермишина Надежда Дмитриевна

Кандидат исторических наук, профессор

Кафедры истории и культурологии

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается анализ культуры средневековой Европы с позиции дихотомии западного и восточного типов культуры. Характеризуется образ жизни средневекового европейского общества. Проводится анализ всех элементов и проявлений культуры в исследуемый период.

ABSTRACT

In the article the analysis of the culture of medieval Europe from the perspective of the dichotomy of Western and Eastern types of culture. Characterized by a lifestyle of medieval European society. The analysis of all elements and manifestations of culture in the study period.

Ключевые слова и выражения: *восточный и западный типы культуры, собственность на основные средства производства, социальный идеал.*

Keywords and phrases: *eastern and western types of culture; ownership of the basic means of production; a social ideal.*

Деление культуры на региональные типы является одним из способов типологизации культур. Самыми крупными и устойчивыми региональными типами культуры остаются западный и восточный типы. В культурологии понятие восточного и западного типов культуры имеет, несомненно, условное значение. Дихотомия Восток – Запад сложилась в глубокой древности. В настоящее время в период всеобщей интеграции намечается тенденция к универсализации национальных экономик, подчинению народных традиций общепринятым нормам. Однако и сейчас в культурологии применяется принцип определения типов культуры по региональному признаку. Это позволяет выделить основные черты культурного развития определённой эпохи или народа. В культурологии выработались общепринятые характеристики восточного и западного типов культуры: по политическому устройству общества, по особенностям экономического развития, по отношению общества к власти, по представлению о богах, по основным чертам в искусстве [2. С. 186-195].

Классическим примером восточного типа культуры являются крупнейшие регионы Древнего Востока – Египет, Китай, Месопотамия, Индия. Хотя территориально Египет располагается скорее к югу от Европы, чем к востоку. Тем не менее, по основным характеристикам египетская культура, начиная от Древнего царства до завоевания его Александром Македонским, представляет собой пример восточного типа культуры. В период античности сложился Западный тип культуры. В классическом варианте он представлен греческими городами-государствами и Римской республикой. С некоторыми изменениями основные черты культурного развития в этих регионах сохранялись в последующие века.

Несмотря на явные интеграционные процессы их можно выделить и в современных условиях.

Однако важно отметить, что основные черты западного и восточного типов культуры надо воспринимать лишь как тенденцию. Ведь в странах Европы могут наблюдаться восточные черты и, наоборот, в некоторых восточных государствах – западные. Например, стремление государств западного типа культуры к установлению республиканской формы правления следует понимать именно как стремление, а не как обязательное условие. После распада Римской империи в Европе стали создаваться варварские королевства с монархической формой правления. Но, уже начиная с XIII века на юге Европы, на Апеннинском полуострове отдельные города, такие как Венеция, Флоренция, переходят к республиканской форме правления. В XVI в. происходит буржуазная революция в северных испанских провинциях, создаётся Республика Северных объединённых провинций – Голландия. В следующие столетия предпринимается серия попыток установить республику в Англии, Франции.

В некоторых культурных типах западного общества могут встречаться черты, характерные для культуры Востока. Наиболее ярким примером является культура средневековой Европы. Целью настоящего исследования является определение основных черт культуры европейского средневековья.

При определении восточного и западного типов культуры важной характерной чертой является понятие пространства. В восточном мире оно делилось на сакральное и мирское. В западном типе культуры с древности сложились другие представления. В период античности, когда сформировались основные доминанты западного типа культуры, пространство представлялось единым космосом. Сакральное не выделялось в особый мир. По представлению античного

человека боги общались с людьми. Это отражено в греческой мифологии. Олимпийские боги спускались на землю, могли присутствовать среди людей не только духовно, но и физически, могли вступать в брак с людьми, отчего на свет появлялись герои – полубоги-полулюди. Однако в следующий период европейской истории, который принято называть средневековьем, такое общение человека с сакральным миром исчезло из менталитета. И дело не только в переходе от язычества к монотеизму. Изменилось само отношение к Богу. Он стал недостижим для человека. Если герои античности бросали вызов богам, соревновались с ними в силе, ловкости и смекалке, то идеал средневековья – человек, смиренно принимающий удары судьбы, посылаемые Богом. С Богом не спорили, ему не возражали. Такое понятие сакрального мира ближе к характеристике восточного типа культуры. И всё же следует отметить, что Бог в христианском средневековье представлялся человекоподобным, также как боги античности. Ведь по Библии Бог сотворил человека по образу и подобию своему, а Иисус Христос, как одна из ипостасей единого Бога, родился в облике человека и воспринимался как вочеловечившийся Бог. Такое представление о Боге характерно для западного типа культуры, так как при становлении этого типа в античной Греции и в Древнем Риме господствовало антропоморфное представление о богах. На Востоке же боги чаще всего изображались с зооморфными чертами или искажёнными человеческими – несколько рук и ног, наличие крыльев, сильно изменённая форма головы и т. д.

Особо надо отметить политическое устройство европейского средневековья. В этом отношении для Европы периода средних веков было свойственно тяготение к монархии. Стремление обществ западного культурного типа к установлению республиканской формы правления как бы приостанавливается именно в период средневековья. С V по XV века в Европе возникают, распадаются и вновь объединяются королевства. И, наконец, к концу средневековья начинают образовываться национальные государства. Кроме отдельных итальянских городов-республик все эти государства имели монархическую форму правления. Однако эту черту средневекового общества нельзя однозначно отнести к восточному культурному типу. На Древнем и средневековом Востоке характерным признаком политического устройства общества была деспотия, при которой правитель не только не подчинялся любому другому органу власти и опирался в своём правлении на военную силу, но и имел исключительное право на жизнь и имущество любого своего подданного. Однако в Западной Европе даже при сильном монархе его правление никак нельзя назвать деспотическим. Король не мог отобрать у феодала его феода, не мог казнить дворянина без суда, не распоряжался жизнью и имуществом вассалов своих вассалов.

Европейские средневековые государства отличаются от восточного типа культуры отношением их общества к своему правителю. На Востоке долгое время в правителе видели Бога. Египетские фараоны считались сыном солнечного бога, китайский император был сыном Бога Неба, цари Аккада, Ассирии и Вавилона в Месопотамии также объявляли себя богами. Такое отношение сохранялось в некоторых регионах Востока и в средневековье, а в Японии вплоть до второй половины XX века. В средневековых европейских государствах, несмотря на то, что власть короля считалась данной Богом, правитель государства воспринимался не бо-

гом, а человеком. Ему не отдавали божеских почестей, ему не посвящались храмы. Иконы создавались не в его честь, а в честь его божественного покровителя – святого, именем которого он был назван при крещении.

При характеристике восточного и западного типов культуры важно и их экономическое развитие. На Востоке долгое время не складывался внутренний рынок. Торговля развивалась в основном внешне. Также для восточных государств характерно отсутствие частной собственности на основные средства производства. В западном типе культуры в области экономики со времён античности укрепились рыночные отношения и частная собственность на средства производства. Однако средневековые европейские страны отличались натуральным характером хозяйства, отсутствием рыночных отношений вплоть до позднего средневековья, что придаёт экономике европейских стран этого периода восточные черты. Причём однозначно нельзя характеризовать особенности экономики европейского средневековья как черты восточного типа культуры. В средневековой Европе строго соблюдалась частная собственность на основные средства производства, каковыми являлись земельные владения феодалов. А это характерный признак экономики западного культурного типа.

Особенно ярко восточные черты культурного развития проявлялись в Европе в области искусства. В архитектуре и романский, и готический стили отвечали основным доминантам развития искусства восточного типа культуры – сакральности, монументальности, каноничности. Сакральность выражалась в том, что в средневековом обществе все виды искусства служили христианской церкви. Монументальность проявлялась в основном в архитектуре. Однако живопись и скульптура в средние века составляли с архитектурой единое целое и поэтому воспринимались также монументально. Также все художественные произведения должны были отвечать установленным канонам. В отличие от восточных обществ художественные каноны европейского средневековья были более динамичны, они менялись в течение всего средневековья. Однако они обязательно существовали и определяли архитектуру средних веков.

Сакральность литературных произведений проявлялась в их религиозной составляющей. Основными произведениями были Библия, жития святых, молитвословы, произведения христианских философов и поэтов. Когда к середине средневековья стали записываться легенды о доблестных рыцарях, создавались рыцарские куртуазные романы, их герои представлялись стойкими христианами, или были наказываемы Богом за какие-то прегрешения. Даже древняя кельтская легенда о короле Британии Артуре, возникшая, по всей видимости, до принятия христианства, со временем превратила его в доблестного рыцаря-христианина, сражавшегося с язычниками – германскими племенами [1]. В основе артуровских легенд лежат кельтские эпические сказания о прославленном вожде бриттов, в которых прослеживается связь Артура с языческим богом кельтов Браном. К XI веку эти легенды были переосмыслены и записаны с учётом сложившихся рыцарских традиций. Король Артур стал защитником христианских доблестей, а его рыцари Круглого стола совершали подвиги в поисках чаши Грааля, в которую предположительно собрал кровь Иисуса Христа его тайный последователь Иосиф Аримафейский.

Принцип каноничности также характерен для средневековой литературы. Все жития святых составлялись по уста-

новленному образцу. В рыцарских романах существовали определённые правила – подвиги, жертвование собой во имя долга и чести, обязательное наказание за совершённый грех, страдания от любви. Даже связанность большинства сюжетов о рыцарях поисками Грааля тоже является своего рода образцом, на основе которого средневековые авторы описывали приключения того или иного своего героя.

Наиболее ярко сакральность, монументальность и каноничность проявились в средневековой архитектуре. Основная часть построек периода средневековья относится к церковной архитектуре. Это, прежде всего, храмы и монастыри. Светские здания, в основном жилые помещения, конечно, сооружались, но они не были так прочны, практически не украшались, в их постройке не выдерживался определённый художественный стиль. Даже в укреплённых замках феодалов самым красивыми помещениями были храм или часовня.

Не вызывает сомнений монументальность романских и готических соборов. Храмы строились как фортификационные сооружения. К тому же церковная архитектура должна была возвеличивать церковь, королевство, город. В средневековой Европе храмы были самыми высокими ориентирами местности. Готические соборы создавались настолько величественными, что один город мог позволить себе постройку только одного храма. Его строили всем миром, часто в течение нескольких поколений [4].

Общепринятыми были каноны архитектурных сооружений. Храмы, построенные в средневековье, имели купол, обязательный алтарь в восточной части, с западной стороны две сторожевые башни, а также другие обязательные архитектурные детали. Архитектурные стили средневековья, и романский, и готический, сами по себе представляли своеобразные каноны. Готический храм имел в основании форму католического креста, тяжесть купола распределялась на специальные наружные упорные арки – аркбутаны. Канонам были также большие окна-витражи.

До последних веков средневековья в Европе отсутствовала светская живопись. Фрески, мозаика, иконы и витражи имели сакральный характер. Об этом говорит их библейская тематика, а также их месторасположение – внутреннее убранство храмов и монастырей. Монументальность в живописи выражена менее определённо: лишь большие поверхности стен в романских храмах, сплошь украшенные фресками или мозаикой, а также витражи в огромных готических окнах соборов выглядят монументально. Также для живописи средневековья характерна строгая определённость канонов: обратная перспектива, плоскостность изображений, нейтральный фон, определённый облик святых.

Сакральность, монументальность и каноничность характерны и для скульптуры средневековой Европы. Изображались святые, Дева Мария, распятие Христа. Скульптура украшала романские и готические соборы. Вместе с архитектурными деталями скульптура храмов воспринималась единым комплексом, поэтому выглядела монументально. Так же, как и в живописи, в скульптуре соблюдались строгие каноны. Они были разные для романской и готической эпох, но неукоснительно выполнялись. В романских соборах скульптурные изображения ставились внутри помещения вдоль стен, имели грубые черты, одевались в натуральные одежды. В готических храмах скульптура украшала не только алтари, но и стены, башни и перекрытия с внешней стороны. В тематике скульптурных изображений готическо-

го стиля появились фантастические чудовища, обитатели ада, призванные устрашать верующих.

При характеристике Европы периода средневековья следует обратить внимание на отношение к личности и обществу. Если для Востока характерно выражение «личность – ничто, а общество – всё», то для западного типа культуры определяющей доминантной являются интересы личности, а общество представляется, лишь как совокупность отдельных личностей. В этом отношении средневековое западное общество лишь условно можно отнести к западному типу культуры. Личность имела значение только в случае, если она относилась к высшему слою общества. Личностью могли быть только предводители – короли, герцоги, графы. Недаром в средневековой литературе только благородные рыцари совершают подвиги, защищают слабых, верно служат своему сюзеру и церкви. За простолудином не признаётся право на индивидуальность. Простой народ – это общество в целом. Отдельный человек спокойно приносился в жертву ради общественных интересов.

В средневековой Европе цель существования общества понималась как приближение к божественному идеалу. С точки зрения классического понимания восточного и западного типов культуры такое положение было свойственно восточному типу культуры, для которого было характерно стремление к духовному совершенству, истовость религиозного поиска [3. С. 47]. То же самое было и в средневековой Европе. Недаром с определённой лёгкостью можно было призвать людей в дальние походы на защиту христианских ценностей. В знаменитых крестовых походах участвовали не только рыцари, но массы простых людей. Истории известен даже «детский» крестовый поход. Однако в этом же примере есть и истинно западная черта. Если для Востока главной ценностью бытия является постижение высшего сакрального смысла, то для западной культуры главным оказалось достижение конкретной цели. В данном случае – конкретные военные походы ради освобождения гроба Господня. Нельзя не учитывать и чисто прагматические цели рыцарей – захват новых земель.

Тем не менее, отличительной чертой общественного сознания была сосредоточенность на духовном, что характерно для восточного типа культуры. Действительность воспринималась через призму религиозной догматики. Средневековый человек искренне верил, что конец света наступит в реально обозримом будущем. Его ожидали, если не в текущем году, то через несколько лет обязательно. Конца света не боялись, как и не боялись смерти. Боялись другого: умереть, не успев покаяться. Самым страшным считалась смерть при отлучении от церкви.

Социальный идеал, созданный героическим эпосом и литературной рыцарской традицией средневековья – бескорыстный рыцарь, служащий высокому долгу. Такой идеал напоминает образец конфуцианской этики [3. С. 46-48].

Таким образом, культура средневековой Европы, относясь к западному культурному типу не только по территориальному признаку, но и по многим своим характеристикам – государственному устройству, отношению к правителю государства, преобладанию частной собственности на основные средства производства, представлениям о Боге, – всё же имеет большое количество характерных тенденций, условно определяемых как восточные. В экономике – это преобладание натуральной системы хозяйства. В политике – отсутствие стремления к республиканской форме правле-

ния. В искусстве наиболее ярко проявились монументальность, сакральность и каноничность. В идеологии – смирение перед Богом. Также для европейского средневековья характерна истовость религиозного поиска вплоть до самоотречения, что подчёркивает сосредоточенность общества на духовном идеале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воронова Г. Е. Легенды о короле Артуре. М.: Айрис-пресс. 2008.
2. Ермишина Н. Д. Культурология. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект. Триеста, 2006.
3. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М.:Интерпракс,1994.
4. Хёйзинга Й. Осень средневековья.//Хёйзинга Й. Сочинения в 3-х т.– Т.1. – М.: Издательство Ивана Лимбаха. 2011.

УДК 7. 032

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ МИФОЛОГЕМЫ В КАНОНЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ИСКУССТВА

Османкина Галина Юрьевна,

кандидат культурологии,

Омский государственный технический университет,

г. Омск, Россия.

Искусство Древнего Египта наполнено мировоззрением народной мифологии и религиозными понятиями. Оно отражало мироустройство бытия египтян через образность линии в искусстве. В статье дается обоснование характера линии, как линии порядка, отражающей культуру цивилизации.

Ключевые слова: линия, искусство Древнего Египта, мифология, религия, канон.

FINE LINE AS AN EXPONENT OF MYTHS IN THE CANON OF ANCIENT EGYPTIAN ART

Osmankina Galina

The art of Ancient Egypt filled worldview popular mythology and religious concepts. It represents the world of existence of the Egyptians through the imagery line in art. In the article the substantiation of nature lines like line order, reflecting the culture of a civilization.

Key words: line, the art of Ancient Egypt, mythology, religion, Canon.

Современные исследования в области культурного образования Древнего Египетского искусства являются актуальными в вопросах анализа особенностей средств выразительности в искусстве. Автор работы обратил внимание на своеобразную линию, которую использовали египтяне в своих творениях, как в архитектуре, так и в скульптуре и живописи. Особенности эмоциональной и идейной составляющей, используемой линии в данной цивилизации, соответствует мировоззрению общества древнего государства. Изучение и анализ данной проблемы является целью работы. Необходимо разобраться какова роль линии в Египетском искусстве, как канон закрепил ее характер и как ее образность связана с идеологией страны.

Искусство Древнего Египта стало новым, важным этапом после искусства первобытнообщинного строя в философии мироустройства человечества. Огромной его заслугой было раскрытие сложного мировоззрения человека и общества. У истоков философии мировоззрения данной цивилизации стояли мудрецы Египта. Их знания пробуждали человеческий дух, раскрывали человеческие сердца. В их поучениях, высеченных на стенах храмов и гробниц, есть все, что

нужно знать человеку на земле. Они открывали смысл существования и мудрость жития.

Победить невежество было одной из основных задач, которую ставили перед собой египтяне. Никто не рождается мудрым. Каждый человек должен долго и упорно трудиться, прилагать усилия, чтобы развить в себе определенные качества, дающие ему право и возможность приблизиться к Богу. А для этого ему нужно, прежде всего, пробудить качества сердца и приложить титанические усилия, чтобы не попасть в ловушку эгоизма, тщеславия и жадности, которые могут оказаться смертельными для его души.

Этические нормы и моральные критерии, по которым они жили, неразрывно были связаны с определенным единым порядком, опирающийся на установленный и созданный, еще в додинастический период, канон.

Канон – это система нормативов идеала общественного сознания. При этом канон является ревностным служителем идеала той культуры, в которой был создан. В Древнем Египте впервые в истории человеческой цивилизации сложилась стройная система изображения в искусстве, основанная на мировоззрении и идеалах государства. Меня-

лись столетия, цивилизации, но главное в мировосприятии египтян оставалось неизменным. Сохранению мировоззрения стало возможным благодаря тем законам и правилам, которые устанавливал канон. Египтяне искренне верили в магическую силу искусства, в его мистическое предназначение. Благодаря канонизации закрепились национальные ценности искусства, определилось ее своеобразие и характерные черты.

Создание канонов означало сложение строгой и разработанной системы художественных взглядов. Все искусство, по представлению египтян, было послано богами и поэтому являлось посредником между миром богов и миром людей. Как утверждает в герметическом трактате Асклепия: «Все нисходит с неба на землю, в воду, в воздух» [2, с. 5], поэтому египетская цивилизация придерживалась «... развитой системы канонов, – констатирует Янко Слава, – предписывающих художнику правила пользования пропорцией и цветом, схемы изображения людей и животных. Канон становится важнейшим эстетическим принципом, определяющим творческую деятельность мастера. Древнеегипетский художник выступал в роли хранителя священных законов, наиважнейшим из которых являлось разграничение посредством искусства кратковременной жизни, земной и вечной. Произведение искусства получало в связи с этой установкой особую функцию перевода образов и сюжетов реальной действительности в предельно обобщенную идеальную форму, лишенную сиюминутности, созданную для бессмертия» [5, с. 133]. Таким образом, канон являлся не продуктом эстетического восприятия, а служителем для обеспечения сакральной связи земной жизни с небесной. Он должен был дарить бессмертие, быть прямым продолжением жизни. Отступление от канона означало разрыв связи между божественным и человеческим.

Мастера, которые создавали произведения искусств, обучались в специальном городе, который был посвящен богине Маат. Там они постигали законы Истины и Красоты, которые несла богиня. Она же сопровождала мастеров в жизни и в их работе. Они жили в особых условиях. Город был окружен стеной и охранялся специальным подразделением воинов. Это могло означать лишь то, что знания, которые получали там мастера, не должны были быть доступны всем. Ведь все изображения, которые создавались по канону, были призваны помочь душе человека в его путешествии после смерти, содержали подсказки, помогали преодолеть опасности. Даже само слово «художник» у египтян означало как «творящий жизнь». В этой связи исследователи культуры Древнего Египта предполагают, что скульптура, рельефы и фрески изображали не портрет человека, а его Ка – невидимую часть человека, его двойника. Египтяне верили, что изображение имело силу, способную влиять на происходящее во Вселенной, в том числе в мире невидимом.

Суть канона, как главного выразителя культурного мировоззрения общественной мысли, заключалась в следующих положениях как:

- необходимое явление в развитии и сохранении культуры данного государства;
- свидетельство о высшем культурно-творческом акте и творческой зрелости культуры.
- явление сугубо национальное, органично развивающееся в рамках определенной национальной культуры.

Это позволяет сделать вывод, что канонизация есть естественный и необходимый процесс существования национальной культуры, укрепляющий ее устойчивость. Заимствование формальных приемов канона без лежащих в их основе идей не может служить фундаментом творчества. С другой стороны, следование канону не только не стесняло индивидуального творчества, но напротив, его развитие давало возможность свободного и осмысленного самовыражения.

Оформившиеся характерные особенности изобразительных форм композиционного решения становятся обязательными для всех последующих произведений определенного жанра, будь то портретная скульптура, рельеф, роспись. Искусство рассматривалось египтянами как один из актов деяния богов, а потому считалось божественным и священным. Как утверждает в герметическом трактате Асклепия: «Египет есть образ неба, или, скорее, что он есть отражение здесь, внизу, всего, что управляется и осуществляется на небе...» [2, с. 18].

Канон был необходим так, как заключал в себе свод правил и законов по созданию любого произведения искусства, отвечающего божественным законам и правилам. По своей сути он явился посредником между божественным и земным. Он стал стержнем всего сущего на земле, сохраняя то божественное, которое было в него вложено. Менялось время, стили, мода, философия жизни, только канон оставался неизменным.

В круг понятий, охваченных канонизацией, входили: сюжеты, позы, жесты, размеры фигур и предметов. Кроме этого, правила канона распространялись также на выбор материала и цвета в различных видах искусства. Регламентировался также порядок проведения работ. Выработался и характер линий изображения. Египетские мастера создали такой образ изобразительной линии, с помощью которой можно было воспроизводить духовные составляющие мироустройства и понять природу человека и Вселенной. Линия Египта – это линия «порядка» прямая и строгая. Ее сущность вытекала из всего сущего: бытия, религии, философии, социального и политического уклада общества. Идеалы мировоззрения культуры Древнего Египта создали именно такое решение в образе линии не только изобразительного ряда, но и в скульптуре и архитектуре.

Для древних египтян вселенная являлась царством живых, сознательных сил, постоянно и гармонично взаимодействующих с земной жизнью. При этом, она не являлась абсолютным добром, как и абсолютным злом по отношению к человеку, поскольку все в окружающем мире – зеркальное отражение тонких миров. Вселенная для египтян это великий регулятор человеческой жизни, действующий по принципу высшей справедливости по отношению к каждому. Космогонические и теологические доктрины, определявшие мировоззрения египтян основывались именно на высшей справедливости вселенной. Все это определялось в образную форму словесную (миф) и изобразительную (росписи, рельефы). В них закреплялся основной круг представлений о мире, связанных с происхождением человека и осмыслением его роли. Несмотря на то, что земля для египтян ограничивалась их страной, а воды Нилом, они знали о существовании космоса, которой олицетворялся образами в виде солнца, луны, небом и созвездиями, обожествленными и почитаемыми.

Характерной чертой египетского изобразительного искусства является отношение к отображению времени и пространства. Искусство считалось носителем жизни вечной, и поэтому избавлялось от всего случайного, преходящего, иллюзорного, поэтому прямой, строгий характер линии подходил больше всего. Здесь нет суеты и мелочности, здесь есть уверенность в близости Вечности. Для воссоздания «Вечности» необходимы были определенные приемы в изображении, которые бы в полной мере отразили суть идеи. Прямая строгая линия как нельзя лучше подходила для этих целей. Конечно, при всем этом, египетское искусство претерпевает и некоторую эволюцию, ибо истинное художественное творчество не может не реагировать на те изменения, которые происходят в духовной культуре общества.

Меняется внутреннее отношение человека к жизни, к земному бытию, меняется, соответственно, и культура, и искусство.

Если в первобытном периоде искусство отражало свободное, вольного человека и выражалось это в первую очередь в «летающей» изящной линии, которая выражала внутреннее состояние и мироощущение человека природы, то характер изобразительной линии в искусстве Древнего Египта разительно отличается. Линия становится прямой и сдержанно-строгой. Толщина линии контура в рисунках и в барельефах одинаковая, что придает работам статичный характер. На росписи из гробницы Менхотепа III изображена похоронная процессия. Фигуры, несущие тело умершего вроде, бы движутся и в то же время будто застыли в вечности. Линия передает то мироощущение, в котором находятся египтяне. Причем такой характер линии остается до конца существования этой великой культуры.

Искусство создается, как некий символ определенного состояния психики, как выражение аффектных переживаний, связанных с общей тенденцией мировоззрения цивилизации. Художник выступает, как особая личность, как некий сейсмограф эпохи. Недаром в древних текстах на папирусах и на стенах храмов имеются свидетельства о правилах создания художественных произведений и строительстве храмов. «Согласно легендам, величайшие художники и архитекторы получали непосредственно от богов книги, содержащие священные знания. Жрецы-художники являлись хранителями этих знаний, передавая их из поколения в поколение. Сами традиции воспринимались не как свод необходимых правил, а как нечто священное, переданное людям в качестве божественного откровения» [4].

Та изобразительная линия, которая была создана египетской культурой, явилась выразителем мироощущения и философии бытия великой цивилизации. Если линию первобытной культуры можно назвать линией свободы, то изобразительная линия Египта – это линия порядка. Почему именно порядка? Да потому, что в восточном мире преобладал интерес к метафизическим догматам, которые, в большинстве случаев, ни в какой мере не были связаны с действительностью. Религия всецело ориентировалась на мир сверхчувственный, потусторонний, носила пассивный, созерцательный характер. Даже культы были направлены на познание трансцендентного мира. Мистическое слияние с Богом предполагало полное отключение от всего суетного, земного. Скульптурные изваяния наилучшим образом отобразили данное слияние. Причем, неважно было, изображался ли облик фараона или простого смертного. Например, статуи супружеской четы фараона Рахотепа и его

жены Нофрет передают абсолютно бесстрастные образы, с четкими прямыми линиями контура, прямо сидящими словно «пригвожденными» к плоскости стены. Взгляд устремлен вверх, в пустоту, застывший, словно в вечности. Другая скульптура показывает писца Каи из Саккара. Та же застывшая поза, те же устремленные ввысь глаза, та же погруженность в себя, подчеркнутая прямой линией спины. Такой характер линии усиливает величественность образов и неважно, знатные ли это люди или простые.

Земная жизнь для египтян – лишь краткий миг, прелюдия к вечному счастью. «...Как трудно возненавидеть смертное тело, этот мир, землю, чтобы возлюбить бессмертную душу, тот мир, небо, – но насколько труднее возлюбить сквозь смерть смертное тело, этот мир, землю! А ведь именно так возлюбил их Египет» [3, с. 272], – слова известного русского публициста Д. С. Мережковского достаточно ярко иллюстрируют суть мировоззрения египетского существования, которое, по его мнению, пронизано стремлением к воскресению и естественная чувствительность египтянина заставляет более остро и тонко ощущать импульсы того времени. Так, воздвижение гигантских пирамид, вершины которых устремлены в небо и траурный похоронный цвет – голубой, и особые церемонии захоронения фараонов и простых смертных – все это свидетельствует о наивной уверенности в скором и счастливом воскресении умерших. Стремление к воскресению дает ощущение величия собственного «Я», отсюда и возвеличивание всего окружения, начиная с архитектуры и заканчивая простой домашней утварью. Прямая, строгая линия изобразительного и не изобразительного искусства лишает образы чувственности, придает им устойчивый и основательный характер.

Рисунки Древнего Египта, как вечные египетские пирамиды, имеют ясные и строгие линии, олицетворяющие незыблемость и космическую вечность мироздания. Даже маленькие статуэтки египетских служанок имеют изящно-строгую линию контура с намеком на монументальность. Почему это именно так? Скорее всего, из-за внутреннего ощущения бытия. Ведь все искусство Древнего Египта пронизано удивительной реалистичностью образов. А ведь известно, что египтяне никогда не рисовали с натуры, только по представлению. Как же хорошо нужно было знать особенности строения предметов, чтобы с такой точностью и тщательностью изображать, например, птиц, таких, как на стенах в гробнице Хнумхотепа II в Бени-Гасане, 20 в. до н.э. или гусей из мастабы Итета в Медуме.

Неповторимость, неподражаемость по красоте образов изображения природы и человека носит в Египте скорее внутреннее, а не внешнее содержание. Карл Верман по этому поводу писал: «Самобытная, замкнутая в тесные рамки культура Египта в течение многих веков развивалась под влиянием природных условий так последовательно, как никакая другая» [1, с. 154]. Уловить и передать в живом существе или предмете его основные элементы задача очень сложная. Нужно обладать уникальным даром внутреннего видения, чтобы с такой точностью и образностью создавать потрясающие характеры, наполненные божественной красотой вечности. Как сказал Д. С. Мережковский: «Вечность Египта – вечность истины» [3, с. 163].

Линии контуров египетского искусства невозможно перепутать ни с какими-либо линиями контуров других культур. Четкая прямая она словно застыла во времени и пространстве. Именно такая линия станет олицетворением порядка,

мироустройства и мироощущения египтян. Мастера Египта стояли на страже принципов, запечатленных в каноне, воссоздавая все то, что отражает законы Гармонии и Вселенной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вёрман, К. История искусства всех времен и народов. В 3-х т., Т.1, М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2000.
2. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. / Асклепий или священная книга Гермеса триждывеличайшего, обращенного к Асклепию. К.: Ирис; М.: Алетея, 1998.
3. Мережковский, Д.С. Тайна трех. Египет – Вавилон. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Око», 2001.
4. Священное искусство Древнего Египта. Канон: истоки и философия // <http://www.newacropol.ru>

5. Янко, Слава. Культурология: Учебное пособие / Составитель и ответств. редактор А.А. Радугин. М.: Центр, 2001.

BIBLIOGRAPHY:

1. Carry out, as the History of art of all times and peoples. 3 so, Vol. 1 M: AST, SPb.: Polygon, 2000.
2. Hermes Trismegistus and the hermetic tradition of East and West. / Asklepios or the Holy book of the thrice-great Hermes, addressed to Asclepius. K.: iris; M: Aleteja, 1998.
3. Merezhkovsky, DS. Secret of the three. Egypt - Babylon. M: Publishing house EKSMO-Press, Kharkiv: Publishing house "Oko", 2001.
4. The sacred art of Ancient Egypt. Canon: the origins and philosophy // <http://www.newacropol.ru>
5. Janko, Glory. Culture: Teaching aid / comp. and has assumed. editor A. A. Radugin. M: Center, 2001.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА МОНСТРА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ДИХОТОМИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

Романова Анна Петровна

Д.филос.н, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 15-03-00402 «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации»

Статья посвящена анализу образа Чужого, который в современной визуальной культуре часто репрезентируется в виде Монстра. В истории культуры уже изначально амбивалентность монстра проявлялась в его онтологической сущности. Он представлял собой либо зооморфную, либо антропоморфную фигуру. Аксиологические характеристики монстра тоже амбивалентны. Его можно рассматривать и как агрессора, и как жертву. В современной культуре монстр может быть лишен ряда атрибуций Чужого как во внешнем виде, так и в алиментарной и вестиментарной культуре. Образ доброго и беззащитного монстра в определенной степени является бессознательной проекцией политики мультикультурализма на современную культурную ситуацию.

Ключевые слова: монстр, свой, чужой, амбивалентность, жертва

A Monster image ambivalency in the contemporary culture "Own-Alien" dichotomy

The article dwells upon "Alien" image analysis that is often represented in a Monster image in the contemporary visual culture. Initially a Monster ambivalency appeared in its ontological nature in the history of culture. It had either zoomorphic or anthropomorphic corpus. Axiological characteristics of a Monster are ambivalent as well. It may be considered as an aggressor and as a victim. In the contemporary culture a Monster may not have a number of attributions of the Alien not only in its appearance but also in alimentary and vestimentary cultures. A kind and defenceless Monster to a certain extent is an unconscious projection of multiculturalism policy onto the current situation in the contemporary culture.

Keywords: monster, own, alien, ambivalence, victim

Диxотомия «Свой-чужой», «Свой-Другой», «Мы-Они» и т.д. является объектом философского и культурологического анализа последние десятилетия. Если рассматривать эту диxотомию в более развернутом варианте с точки зрения онтологического места образа Чужого в картине мира современного человека, то можно выстроить следующую понятийную цепочку: Свой – Другой – Чужой – Враг - Монстр. Более подробно мы рассматривали ее в предыдущей работе. [5] В данной цепочке Монстра, кроме того, что он является антиподом Своего, можно рассматривать еще и как квинт-эссенцию врага. Причем если враг конкретен, в большин-

стве своем антропоморфен, то фигура монстра более размыта, абстрактна и амбивалентна.

Французский термин *monstre* произведен от целого ряда латинских терминов: *monstrum* – знамение, предзнаменование, чудо, чудовище; *monstruosus* – безобразный, уродливый; *monstrifer* – производящий чудовища. Точно также в английском варианте *monster* – это чудовище, урод.

С этим термином сопряжены так же латинские глаголы *monstrare* – показывать или раскрывать и *monere* – предупреждать или предвещать. [15, p.1] Ряд исследователей считает, что появление монстра это предзнаменование, ука-

зующее нам на несовершенство нашей вселенной [13] или божественное провидение[14].

Уже в толковых словарях русского языка подчеркивается двойственная природа монстра – человеческая и животная [2], его странность, безобразность, чудовищные размеры[4;5;9], отличие – «резко и в худшую сторону» – от других [2]. Монстр – не просто Враг, устрашающий, непонятный, непредсказуемый Чужой, он «самим своим существованием и внешним обликом нарушает не только законы общества, но и законы природы» [8]. Главным условием превращения Врага в Монстра становится выведение его за пределы естественного.

Таким образом, уже изначально амбивалентность монстра проявлялась в его онтологической сущности. Он представлял собой либо зооморфный, либо антропоморфный образ. В мифологии и истории культуры присутствует достаточное количество образов обоого типа. Наиболее яркими и тиражируемыми до сих пор являются антропоморфные монстры – Голем, Франкенштейн, гоблины, феи, гномы, эльфы и т.д.. Их востребованность и дальнейшая интерпретация выражается в огромном количестве кино ремейков. Только Франкенштейну посвящено более 50 фильмов.

Зооморфных образов еще больше и они так же востребованы в современной культурных текстах, как литературных, так и прежде всего кинематографических – драконы, банши, Годзилла, Чужой, и т.д.

Шапинская Е.Н. анализируя тексты культуры, выделяет три основных источника и механизма создания монстра: «химеризация» - создание фантазийного образа путем комбинации черт различных реальных существ, с появлением нового смысла, отличного от суммы смыслов составляющих элементов; «горгонизация» - превращения героя или божества в уродливый, отвратительный и злоедейский образ; киборгизация - изобретение фантазийного существа в процессе исследовательской работы и применения технологических разработок[10, с.183-184]. Создание зооморфных образов идет чаще всего через химеризацию, а антропоморфных, через горгонизацию

Амбивалентность монстра проявляется так же в его аксиологических и этических характеристиках. При всей устрашающей негативности и враждебности монстра, его можно рассматривать и как агрессора, и как жертву. Славой Жижек, анализируя роман М.Шэлли указывает, что писательница представила его униженным и изгнанным из общества. «Таким образом, преступник предстает как жертва, как глубоко оскорбленная личность, жаждущая общения и любви» [1, с.132].

Практически большинство искусственно созданных монстров не важно – в пробирке или на станке, не независимо от уровня из самосознания могут рассматриваться как жертвы, поскольку они выявляют не столько «волю богов», сколько отсутствие божественного плана, регулирующего процесс творения, в том числе и посредством ограничения человеческих возможностей.

В современной массовой культуре последних десятилетий амбивалентность монстра проявляется так же в несколько ином ракурсе. Наряду с классическим образом, близким к фрейдовскому понятию «unheimlich»[1,с.133], современная культура пытается сформировать совершенно другой образ монстра. На примере вампиров и зомби такая культурная трансформация была показана С.Н.Якушенковым.[11;12]

Литературный и кинодискурс со середины прошлого века, оставляя за монстром атрибуты чужого, пытается сделать его образ менее страшным и отвратительным в русле так называемого «черного юмора». Примером такого рода смягчения образа может служить как сериал «Семейка Адамс» (1964), так и более поздние фильмы Б. Зонненфельда «Семейка Адамс» (1991) и его же «Семейные ценности Адамсов». (1993). В последнее время процесс реабилитации монстра пошел далее. В последнее десятилетие монстр лишается ряда атрибуций чужого. Его внешний вид, акцентируя его инаковость, тем не менее, перестает быть концентрацией невыразимого ужаса. Очень наглядно это показано в американском мультфильме «Университет монстров» (2013), где очаровательные плюшевые монстрики совершенно не страшны внешне, призваны пугать детей, заметьте, для их же блага. В фильме главная коллизия строится как раз на природной «нестрашности» главного героя, которую он компенсирует в результате совсем другими компетенциями: сообразительностью, усидчивостью, прилежностью, стремлением к победе и умением дружить. Не страшен, а наоборот эстетичен образ талантливого монстра – поющей гигантской блохи Франкура, героя французского анимационного фильма «Монстр в Париже» (2011). Симпатичны, добры и безответны «коробяки» из анимационного фильма « Семейка монстров» (2014). И Франкур и «коробяки» являются в данном случае еще и жертвами людской злобы и ужаса перед Чужим.

Изменяется и алиментарная культура такого монстра. При всей ее инаковости, она перестает быть враждебной. Он не пьет кровь, не ест человечины, не убивает людей, более того, он их боится. При конструировании такого образа рефреном проходит мысль о том, что самый страшный монстр - это человек, как например в мультфильмах « Монстры на каникулах/ Отель Трансильвания» (2012), « Школа монстров: монстры рулят» (2012), « Семейка монстров» (2014).

В определенной степени такое изменение образа монстра обозначает скрытый пересмотр нашего отношения к Чужому. Мы поворачиваемся лицом к миру монстров, переставая его бояться уже на уровне детской культуры. В мультфильме «Монстры на каникулах/ Отель Трансильвания» (2012) участники фестиваля монстров скандируют «Дракула, мы тебя любим» при встрече с реальным «перевоспитавшимся» вегетарианцем Дракулой.

Не только в кино, но и в реальной жизни создаются всевозможные клубы в поддержку монстров, как, например, «первое в истории России движение вампиров, возглавленное Сашей Готти и учредившее День вампира (назначенный на 20 июня), выступает против дискриминации вампиров (упырей, вурдалаков) и даже планирует вырубить осиновые рощи как орудия традиционной борьбы с «нечистой силой» [6,с.149].

Мы начинаем эстетизировать уродливое, воспринимать его как данность. Наши дети спокойно воспринимают уроки красоты с Клодин Вульф из школы монстров, участники которой представляют собой весьма симпатичных персонажей в основном антропоморфного облика с отдельными элементами монструозности (клыки, щупальца и т.д.). [7] Монстры, герои мультфильмов, параллельно становятся героями кукольных и видеоигр. Выходят каталоги монстров для девочек и для мальчиков. Выпускаются развивающие игрушки в виде монстров, например Фёрби, которого нуж-

но кормить, ласкать и петь с ним песни. Однако даже у такого очаровательного монстрика как игрушка Фёрби, есть обратная сторона. Если вы не будете заботиться о нем, он превратится в настоящего монстра, агрессивного и капризного. Как Гизмо из фильма «Гремлины» (1984)

Почему происходит такой поворот? Возможно это связано с все усложняющейся мультикультурной ситуацией и нагнетаемой истерией во многих странах. Мы перестаем воспринимать мигранта просто как Чужого, а начинаем воспринимать его как Монстра, разрушающего наше культурное пространство. Может процесс реабилитации экранного монстра поможет нам воспринимать Чужого в жизни в более терпимо.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. Жижек С. Семья, либидо и история. //Искусство кино. №6, 2007 с.118-133
2. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка /под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2000.
3. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Б. м., 1907.
4. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907;
5. Романова А.П. Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В. Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. М.РОССПЭН. 210 с. 2013
6. Самохвалова В.И. Другой среди других. (Размышления по поводу книги Е. Н. Шапинской «Образ Другого в текстах культуры»)//Полигнозис 1-4 43 2012, с. 140-150
7. Уроки красоты с Клодин Вульф (монстр Хай) http://yandex.ru/video/search?p=2&filmId=tbOahRN_UXI&text
8. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб., 2004. С. 79.
9. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1910;
10. Шапинская Е.Н. Образ другого в текстах культуры. М.КРАСАНД 2011 с.183-184
11. Якушенков С.Н. Эволюция образа чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово)//Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 263-269 Якушенков С.Н. Якушенкова О.С. Первые английские представления о зомби как отражение «встречи с Чужим» в условиях гетеротопии плантационного хозяйства //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. №2, Стр. 242-251
12. Asma, Stephen T. *On Monsters: An Unnatural History of Our Worst Fears*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
13. Beal, Timothy K. *Religion and Its Monsters*. New York: Routledge, 2002.
14. Weinstock Jeffrey Andrew. The Ashgate encyclopedia of literary and cinematic monsters. **Central Michigan University, USA 640 2014** p/1 Weinstock, Jeffrey Andrew.

МАСКУЛИННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Слобцова Светлана Игоревна

Аспирантка Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс формирования отдельного поля гендерных исследований, посвященного маскулинности. Проведен анализ существующих подходов к определению данного феномена и способов его изучения. В заключении статьи делается вывод о текущих проблемах изучения маскулинности в современной науке.

ABSTRACT

This article reveals building-up separate field of gender studies – male studies. The existing models of masculinity and ways of its research are analyzed. The conclusion about current problems of masculinity studying in modern science is made in the end of the article.

Ключевые слова: гендерные исследования, маскулинность, «мужские» исследования.

Key words: gender studies, masculinity, male studies.

В отечественных и зарубежных исследованиях понятие «гендера» используется достаточно давно и с большим успехом. В настоящей статье гендер понимается как «набор характеристик, определенный культурой общества, который идентифицирует социальное поведение мужчин и женщин и отношения между ними. Инструмент для понимания социальных процессов»[2]. Также важно упомянуть утвержде-

ние Джоан В. Скотт о том, что «гендер – это основополагающий элемент социальных отношений, которые базируются на гендерной дифференциации» и «главное средство обозначения властных отношений», то есть некое «поле, внутри которого или с помощью которого власть формируется»[10].

Маскулинность была выделена в отдельное поле исследований позднее, в рамках так называемых male studies,

которые изначально являлись реакцией на развитие феминистской теории. Как в отечественной, так и в западной науке не сложилось единой интерпретации этого понятия, а существуют две плоскости его анализа, тесно пересекающиеся друг с другом: сущностная и категориальная. Первая включает в себя проблему универсальности или социокультурной специфичности феномена, включая динамику его развития. Некоторые исследователи заявляют, что основные семантические характеристики маскулинности-феминности остаются неизменными. Другие специалисты отмечают, что представления о них трансформируются под воздействием социокультурных, политических и других изменений в общественной жизни. Когда же речь идет о категориальной плоскости анализа, внимание исследователей концентрируется на том, какие категории следует использовать для определения маскулинности. Разными авторами выделяются для описания маскулинности – феминности разные понятия: идентичность, репрезентация, дискурс, роль, конструкт, стереотип, идеология и т.п. Также в рамках этого направления исследований ведется дискуссия о фундаментальности и автономности феноменов маскулинности-феминности. Здесь мнения разделяются, в свою очередь, на понимание этих феноменов как компонентов гендерной идентичности субъекта, как выражение гендерного порядка, атрибута гендерной картин мира; и, во-вторых, на понимание маскулинности и феминности как институционализированных социальных конструктов, имеющих статус архетипов, социальных представлений, биологических программ.

В современной науке одновременно существует несколько теоретико-методологических подходов, иногда даже противоречивых, в толковании данных терминов. Тем не менее, в этом многообразии можно условно выделить среди концепций, направленных на поиск сущностных оснований маскулинности, две основных линии: биологический детерминизм или социальный конструктивизм. Первая, именуемая еще эссенциалистским подходом, подразумевает, что важнейшие свойства, отличающие мужчин и женщин, являются объективной данностью, а культура только оформляет и регулирует их проявления. Концепция конструктивистская говорит о том, что маскулинность – это продукт культуры и общественных отношений, которые навязывают индивидам соответствующие представления и образы. В рамках эссенциалистского подхода известный исследователь И.С. Кон выделяет биологическое и психоаналитическое направление, а в социально-конструктивистской парадигме – социально-психологическую и постмодернистскую теории. Р. Конелл и С. Ушакин разрабатывают три методологических подхода – биологический, психоаналитический и социальный, на которых стоит остановиться подробнее.

1) Биологический подход. Его развитие связано с потребностью естественных наук объяснить феминность и маскулинность с точки зрения законов природы. Феминность определялась характерных физиологических особенностей у женщин, маскулинность, соответственно, у мужчин. Но, с другой стороны, в то же время оба понятия были производными от понятий «феминизации» и «маскулинизации», обозначающими появление у представителя одного из полов признаков противоположного в силу неправильной работы желез внутренней секреции. К концу XIX века феномен феминности-маскулинности утрачивает «медико-биологический оттенок» [7, с.11] и становится социальным явлением. Научные исследования XX века способствовали процессу

транстерминологизации терминов феминность-маскулинность.

2) Психологический (психоаналитический) подход. Психоанализ кроме определения универсальных мужских свойств, занимается также механизмами и стадиями формирования мужского характера. В рамках этой концепции считается, что свойства и черты характера не заданы биологически, а формируются индивидуально как результат общения родителей с ребенком.

Изначально мальчики наравне с девочками вступают в эмоциональную связь с матерью, идентифицируют себя с ней, сочетая при этом любовь и страх. Впоследствии эта связь у девочек только укрепляется, эмоциональные отношения с матерью приносят удовольствие и становятся жизненно необходимой потребностью. У мальчиков, наоборот, тяга к матери уменьшается, как только они понимают, что отличаются от нее и что должны формировать свою идентичность, отделяясь и постулируя «чувство самости как что-то независимое, автономное и индивидуальное» [6, с. 122-123]. Маскулинность рождается здесь из феминности, от которой «отрекаются и которую подвергают резкой критике» [8, с. 211-212].

Психоанализ, оказав ощутимое влияние на клиническое исследование маскулинности, выявил, что мужская идентичность совсем не монолитна, ее компоненты часто не согласованы и внутренне противоречивы. Анализ антропологических данных с помощью психоаналитической методологии показал наличие социокультурных вариаций маскулинности и типов «мужского характера».

3) Социальный подход. Последний подход полностью отличается от эволюционной биологии и психоанализа. Он не рассматривает маскулинность как нечто единое и объективное, а видит в ней продукт истории и культуры, а характерные «мужские свойства считает прямо вытекающими из существующих в обществе гендерных ролей, которые человек усваивает в процессе социализации. Взамен имманентного мужского характера социальный подход предлагает обратить внимание на исторически и культурно изменчивые мужские роли и гендерные экспектации.

Еще в 30-е гг. в работах американской исследовательницы Маргарет Мид были даны первые доказательства культурной детерминанты содержания конструктов маскулинности-феминности. В работе показано, что даже близкие по социально-экономическому развитию первобытные племена могут иметь разные представления о маскулинности. Таким образом, характеристики, входящие в конструкты маскулинности-феминности и отражающие гендерные особенности общения и взаимодействия, видоизменяются под влиянием культуры, а, значит, не являются признаками биологического пола. Выражаясь словами антрополога Дэвида Гилмора, «маскулинность – это символический сценарий, бесконечно вариативный и не всегда необходимый культурный конструкт» [3, с. 579].

Во второй половине XX века получил распространение гендерный подход, который был сосредоточен на теориях социально-конструктивистского содержания. Последние являлись результатом критики преобладавшего в то время структурного функционализма, определявшего гендерные конструкты в контексте функционального разделения, существовавшего в обществе. Так, Эмиль Дюркгейм в своем труде «О разделении общественного труда» писал, что «социальная дифференциация общества возникает в результате

естественного разделения социальных функций (разделения труда) по признаку пола» [1, с. 58].

Главным достижением социально-конструктивистского и гендерного подходов является развенчание идеи единой, универсальной маскулинности. Как говорит об этом Р. Конелл, «новейшие исследования в области гуманитарных дисциплин внесли важные изменения в наше понимание маскулинностей и мужских гендерных практик, сделав акцент на плюральности и иерархичности маскулинностей, на их коллективном и динамическом характере... В мультикультурных обществах определения и предписания маскулинности обычно широко варьируется <...> более того, можно выявить множество типов маскулинности в границах одной культуры или даже институции...» [4, с. 851].

Вторая плоскость анализа маскулинности – категориальная – коррелирует с ее сущностной интерпретацией. Комплекс терминов феминность-маскулинность наполняется новым содержанием, зависящим от предмета исследования и авторской методологии. А.Г. Шилина дает дефиниции маскулинности в зависимости от подхода [9]. Таким образом, маскулинность - это:

1. Совокупность физиологических особенностей, характерных для представителей мужского пола (биологический подход);
2. Система свойств личности, которая традиционно считается мужской (активной, независимой, самодостаточной и т.д.), соблюдение поло-ролевых норм, типичных для мужского пола (психологический подход);
3. Социальные экспектации (ожидания) от особ мужского пола в определенной культуре (социальный подход).

И.С. Кон дает в чем-то схожие, но более расширенные определения:

1. Маскулинность как дескриптивная категория обозначает совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин.
2. Маскулинность как аскриптивная категория – один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и верований о том, чем является мужчина, какие качества ему приписываются.
3. Маскулинность как прескриптивная категория – это система предписаний, имеющих в виду не среднестатистического, а идеального «настоящего» мужчину, это нормативный эталон «мужчинности» [3, с. 571].

Очевидно, что выделенные подгруппы не охватывают всей многогранности термина маскулинности. Так, неохваченными остался значительный пласт категориально-структурного уровня концептуализации маскулинности, связанного с вопросами ее автономности или структурной вовлеченности, уровней ее функционирования и степени деконструкции. Наибольший интерес представляет социально-конструктивистская интерпретация этого понятия.

В этом поле для маркировки маскулинности используются следующие понятия: «конструкт», «идентичность», «репрезентация», «дискурс», «идеология». Выбор обусловлен изучением определенного уровня функционирования маскулинности. В случае, если она понимается как образование в рамках институционального мира, используют термины «конструкт», «дискурс», «идеология». Если речь идет

о социальном взаимодействии, ее определяют как «идентичность», «репрезентацию», «стереотип», «социальную роль», «паттерн». При этом в первом случае маскулинность представляет собой некое целостное и автономное образование, а во втором – структурный элемент или проявление более крупного феномена.

Проделанный анализ существующих теоретико-методологических подходов к изучению маскулинности позволяет сделать следующие выводы:

1. Теоретический дискурс маскулинности обозначен следующими плоскостями анализа: биологическая, психологическая или социокультурная природа маскулинности, макро- и микроуровни ее функционирования, структурные и поведенческие формы ее реализации.
2. Представления о сущностных основаниях маскулинности выражены в двух методологических парадигмах – эссенционализм и социальный конструктивизм. Первая рассматривает маскулинность-феминность как биологически детерминированную и имманентную совокупность физических, психических, культурных характеристик, выраженных в поведенческих моделях, представляющих собой нормы поведения мужчин и женщин. Социальный конструктивизм отводит биологические различия на второй план, касаясь, в первую очередь, гендерных характеристик общения и взаимодействия. Маскулинность здесь конструируется социальной общностью и несет характеристики данной общности, поэтому ее структура и содержание изменяется под влиянием культуры.
3. Категориальный аппарат маскулинности зависит от социальной реальности, в которой она существует, а также от ее структурного и динамического статуса. В рамках социального конструктивизма, являющегося наиболее аутентичным подходом для данного исследования, определения маскулинности можно дать через социокультурные конструкты, существующие на макроуровне как эталоны, дискурсы, идеологии и представления об «идеальном» субъекте маскулинного типа. Функционирование маскулинности в пределах институционального мира выражается в качестве относительно автономного структурного образования, определяющего нормы для гендерных отношений. На мезо- и микроуровнях социального взаимодействия конструкты воплощаются в гендерных идентичностях и репрезентациях, стратегиях взаимодействия и совокупности допустимых гендерных ролей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Издательство наука, 1991. – 576 с.
2. Калабихина И. Е. Краткий понятийный словарь по гендерным исследованиям // Социальный пол: экономическое и демографическое поведение. Учебно-методические материалы по курсу. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/spolr.htm>.
3. Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в меняющемся мире // Введение в гендерные исследования. Часть 1. Учебное пособие // Под ред.

- И. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001. — 708 с.
4. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Часть 2. Хрестоматия // Под ред. С. Жеребкина. — Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001. — 991 с.
 5. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. — 416 с.
 6. Овинова Ю.В. Социальное и культурное конструирование половых различий // Социокультурный анализ гендерных отношений : сб. науч. тр. / СГТУ. — Саратов, 1998. — С. 122-125
 7. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. — 202 с.
 8. Синельников А. Паника, террор, кризис. Анатомия маскулинности // Гендерные исследования / ХЦГИ. — Харьков, 1998. — №1. — С. 211-227.
 9. Шилина А.Г. От женственности – мужественности к «феминностям» - «маскулинностям»: формирование и особенности функционирования. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74067/45-Shilina.pdf?sequence=1>
 10. Joan W. Scott. Gender: Useful Category of Historical Analysis URL: <http://www.westga.edu/~history/FacultyUpdated/EMacKinnon/Spring%202011%20Syllabi%20and%20Materials/Gender.pdf>

ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СВЕТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВИЗАНТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Солдатенкова Ольга Вячеславовна

к. культурологии, доцент кафедры истории и культуры «УГТУ», г. Ухта

АННОТАЦИЯ

Всегда актуальным является вопрос истоков формирования русского самосознания. Восприятие света как духовной категории, унаследованное от Византии и соотносимое с понятием божественного, стало одной из ключевых характеристик русской культуры и русской самосознания.

ABSTRACT

Always relevant is the question of the origins of Russian national consciousness. The perception of light as a spiritual category inherited from Byzantium and comparable to the notion of the divine, has become one of the key characteristics of Russian culture and Russian consciousness.

Ключевые слова: свет, самосознание, духовность, благо, православие

Keywords: light, consciousness, spirituality, kindness, Orthodoxy.

Определив в качестве актуальной цели нашей статьи необходимость выявить некоторые ключевые характеристики русского самосознания, прямым образом проявившиеся и проявляющиеся во все исторические моменты, включая современную ситуацию, а также для того, чтобы яснее и полнее обозначить первостепенные фундаментальные основы русского мировоззрения, мы приходим к выводу о неизбежности обращения к истокам формирования уникального русского национального характера, задавшим специфику его развития.

Не вызывает сомнения факт очевидного влияния блистательной Византийской цивилизации и ее культуры на молодую Русь, ставшую достойной восприимчивой бесценного наследия. При этом нелишне будет заметить, что усвоение чего-либо нового возможно только при определенных восприимчивых способностях принимающей стороны, поскольку навязывание посредством силы или же простое количественное прибавление к уже имеющемуся культурному комплексу никоим образом не способно стать устойчивой идеологической основой, объединяющей всех участников культуры в культурную уникальность.

Влияние Византийской цивилизации на русскую культуру рассматривалось разными исследователями с разных сторон, изучению взаимодействия двух культур с точки зрения влияния Византии на духовное развитие русской культуры посвящены труды Г. В. Скотниковой [4]. Не претендуя в своей статье на исчерпывающее комплексное исследование специфических характеристик русской культуры, мы в своей статье ставим задачу отследить, что именно и каким образом поспособствовало тому, что Древняя Русь сумела стать наследницей Византии, сформировав, тем не менее, собственное уникальное самосознание.

Полностью соглашаясь со словам М. М. Бахтина, утверждавшего, что «самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с другой культурой» [1, с. 85], мы в своем исследовании будем отталкиваться от утверждения, претендующего на статус максимы: «каждый человек всегда рассматривает что-либо сквозь призму своей культуры». И взяв в качестве примера культурных взаимоотношений диалог русской и византийской культур, мы обозначим некоторые аспекты, решающим образом повлиявшие, во-первых, на преобладание культур, во-вторых, на формирование и развитие нового – православного - русского самосознания.

С нашей точки зрения, таким схожим понятием культуры как древнерусской, так и византийской, стало понятие и восприятие света.

Безусловно, нет культуры, в которой в той или иной мере не присутствовал бы культ огня, солнца и света. Солярные божества, отвечавшие за плодородие, продолжение жизни, соотносившиеся с благоденствием, справедливостью, истиной, присутствуют во всех мифологических циклах всех культур. Интересно, что в мифологиях индоевропейской традиции и верховные божества-правители (например, Зевс древнегреческой мифологии и древнерусский Сварог), и их сыновья (Аполлон, Дажьбог) являются солнечными богами, при этом бог-отец чаще имеет карательные функции, тогда как его сын становится милость дающим богом, посредником между миром небесным и земным миром людей. Вполне вероятно, предпочтение сыну бога в роли зрителя «человеческой епархии» было отдано из-за его подчинённого положения по отношению к богу-отцу, что делало бога-сына ближе к людям в их же собственном восприятии и определяло его как некое связующее звено небесного и земного миров, явно указывая тем самым на устойчивую семантику огня и света именно в качестве посредника.

В древнерусской традиции, помимо вышеупомянутого символично-семиотического поля значений, свет соотносился с такими понятиями как счастье, любовь, блаженство, радость, то есть, воплощал собою наивысшую степень переживания состояний духовно-эстетической сферы. Но исключительно важным для раскрытия нашей темы является то, что свет, имея свойство доставлять чувственно воспринимаемое эстетическое наслаждение, понимался древнерусскими людьми как субстанция, наделенная способностью защищать от злых сил, совершенствовать и облагораживать. Свет, полагали русские люди, обладает божественной – «святой» – витальной силой, проистекающей вовне от своей избыточности и дающей жизнь всякому растению, животному, человеку, о чём подробно изложено в двухтомном труде В.Н. Топорова «Святость и святые в русской духовной культуре» [5] и исследовании С. М. Климовой «Феноменология святости и страстности в русской философии» [3]. И эта одна из основополагающих характеристик света – способность влиять на объекты вовне, – в дальнейшем будет понята византийским православием как свойство света духовно облагораживать, преображать, менять природу, изначально данную, в сторону совершенствования, то есть, демонстрировать качество, присущее второй ипостаси триединого Бога – Добру (Благу).

Древнерусские люди, считавшие себя потомками солнечного бога («Дажьбожьими внуками», судя по «Слову о полку Игореве») и стараясь оградиться от негативного влияния злобной нечисти, изображали на бытовых предметах и одежде всеми узнаваемый солярный символ – круг с крестом внутри. Стоит отметить, что символически креста и круга посвящено значительное количество исследований, перечислять которые не позволяет заданный объем статьи, но нельзя не упомянуть труд Б. Успенского «Круг и крест» [7], который напрямую касается символически креста и круга именно в русской культуре.

Возможно, крест сыграл одну из решающих ролей в принятии древнерусскими людьми христианства и приятии самого Иисуса Христа, крестчатый нимб которого показался давно знакомым символом и убеждал новообращенных в непрерывной божественной защите Сына Божьего. Доста-

точно долгое время крест в русской культуре не имел традиционной для христианства, особенно раннего, трактовки как символа страстей Господних, Распятия, смерти, напоминания об искуплении первородного греха.

Некоторое время после Крещения Руси крест воспринимался как знак, указывающий на свершение чего-то благого, что, впрочем, полностью соответствовало пониманию Христа как Спасителя. Кроме этого, статус воплотившегося Христа в триипостасной Троице как Сына Божьего также был понят и принят древнерусскими людьми, для которых именно бог-сын являлся тем божеством-посредником, к которому можно было обратиться с просьбой. Уверенность в правильности воззрений вселяли знаменитые слова Христа: «Аз есмь свет миру», и что, как не действие света, могло воплощать заповедь Христа «возлюби ближнего своего».

Постепенно, утвердившись в новой вере, воспринятой от Византии, полностью согласившись с пониманием Фаворского света как модуса явленности Бога в мире и символа синергии Божества и человека – теории, изложенной в XIV веке святителем Григорием Паламой, русские люди, совершенно в духе восточнохристианского византийского богословия, стали воспринимать свет как свидетельство страстного желания Божества того, что может свершиться при обоюдном стремлении божественного и человеческого – духовного совершенствования. Синергия божественного и человеческого происходит в свете и светом же свидетельствуется, обожение как уже свершившееся духовное совершенство в православии понимается как святость.

Здесь необходимо отвлечься для обязательных пояснений: во-первых, духовное наследование различных культур – а именно о нем мы говорим, – обязательно предполагает взаимное притяжение и приспособление, то есть, духовная общность – это неперемное условие преемственности, в нашем случае Византии и Руси. Известное из истории появившееся обоюдное желание – или же вынужденная потребность – двух государств к дружеским отношениям привели к совершенно уникальному примеру межгосударственного союза: в качестве обязательного условия и гаранта дружественных взаимоотношений Руси и Византии было объявлено единоверие, то есть, необходимость принятия Русью христианства в православном изложении.

Интересно вспомнить, как именно проходил «выбор веры», которая, впрочем, уже была выбрана, но, как это часто бывает в народном мифотворчестве, необходимость «узаконить» исторический факт предполагала обязательное наличие легенды с вымышленными подробностями, отражавшими отношение народа к событию, что, несомненно, не менее важно, чем сам факт. Владимир, не довольствуясь рассказами представителей разных религий, посылает доверенных лиц именно «посмотреть на веры», полагая, что такое чувственное восприятие и будет наиболее достоверным, возможно, из-за того, что древнерусский народ предрасположен к убедительности образного восприятия более чем к логической аргументации, а феномены духовно-эстетической сферы и не могли иметь никакого иного доказательства истинности своего бытия – и бытия вообще, – кроме чувственного наслаждения той или иной степени интенсивности. Такому своеобразному, свойственному именно восточному христианству, восприятию феноменов духовно-эстетической сферы как наиболее достоверных способов познания посвящены многие произведения Василия Бычкова [2].

Как известно, оправданием выбора именно православной веры послужила невероятная красота, «неземная красота», которую увидели послы в Константинополе, а наслаждение, рожденное красотой, послужило доказательством истинности бытия Божества. Посланники Владимира, очарованные красотой Храма Софии, докладывали, что в какой-то момент перестали понимать, где же они пребывают, на небе или на земле, и может ли столь совершенная красота быть творением рук человеческих.

Свет, почитаемый и в Византии, и на Руси как феномен духовно-эстетической сферы, способный к облагораживанию и духовному преображению, в отраженном – определенном – виде становится цветом, поэтому мы считаем необходимым упомянуть о преемственности иконописного цветового канона, разработанного в Византии к VI веку и доведенного до совершенства на Руси.

Сохранив символическое значение всех цветов, русские иконописцы с исключительным цветоощущением, гениально используя фактуру, особенности естественного освещения и участвующих в богослужении материалов (фимиама, колеблющегося пламени свечи, отражения золотых поверхностей и пр.) умели добиться того, что впоследствии Е. Н. Трубецкой назовет «световой мистикой» [6, с. 37]. Свет и цвет фресок и икон вводили молящихся в особое возвышенное состояние, в состояние убежденности присутствия Божества.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо еще раз напомнить о тех факторах, которые положительным образом повлияли на преемственность двух культур, византийской и русской, а также сыграли важнейшую роль в формировании русского мировосприятия и самосознания. Во-первых, это решающая роль духовно-эстетической сферы в жизни двух культур, когда не логические построения, а эстетическая выраженность служила обоснованием истинности и доказательством реальности феноменов любого порядка. Здесь же стоит упомянуть и о приоритете образного восприятия над всеми другими видами восприятия, что

было характерным для византийца и русского. Во-вторых, имея глубокие индоарийские корни, древнерусский народ мыслил своё происхождение, согласно мифотворческой традиции, от верховного огненного бога, следовательно, вера в божественного «прародителя» (вспомним «Даждьбожьих внуков») для него (народа) также естественна и необходима, как вера в предков вообще, как в наличие «корней» как обоснования собственного существования, что в значительной степени определило влечение к божественному. В-третьих, несомненно, свою роль сыграли некоторые символы, имевшие похожую семантику; в данной статье мы рассматривали в качестве такого узнаваемого символа свет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. М.: Прогресс, 1991. – 176 с.
2. Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica* : В 2 т. М. : Российские пропилеи, 1999. – 2 т.
3. Климова С. М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб. : Алетейя, 2004. – 329 с.
4. Скотникова Г. В. Византийская традиция в русском самосознании. Опыт историко-культурологического исследования. СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2002. – 284 с.
5. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : В 2 т. Т. 1 Первый век христианства на Руси. М. : «Гнозис» - Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.
6. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. М.: СП «Интерпринт», 1990. – 44 с.
7. Успенский Б. А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. – 448 с.

ОТ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ К КУЛЬТУРНОМУ ОСОЗНАНИЮ¹

Якушенков Сергей Николаевич

Доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежных стран, Астраханский государственный университет, г. Астрахань.

АННОТАЦИЯ

Активное внимание к проблемам культурной безопасности демонстрирует озабоченность общества состоянием современного развития российской культуры. По мнению ряда авторов, наибольшую опасность представляет состояние духовной культуры. Однако, как считают авторы статьи, для выработки стратегии развития культуры нельзя брать за основу подобную дефиницию, так как большинство авторов исходят из конфессионального определения понятия духовность, что неизбежно ведет к различию в понимании данной проблемы представителями различных конфессий. Устранение кризисных явлений в обществе авторы видят в развитии культурного осознания и культурных компетенций.

ABSTRACT

Active attention to problems of cultural safety demonstrates public concerns of the contemporary development of the Russian culture. According to some authors, the greatest danger is the condition of spiritual culture. However, according to the authors, to develop a strategy for the development of culture is impossible to base on such definition, as most authors derive their definition of spirituality from religious points of view that inevitably leads to difference in understanding of the issue by the representatives of different confessions. The authors see the possibility of elimination of the crisis phenomena in society through the development of cultural awareness and cultural competency.

Ключевые слова: Культурная безопасность, безопасность духовной культуры, духовность, культурное осознание, культурное самосознание

Keywords: Cultural security, cultural safety, spiritual culture security, cultural awareness, cultural identification.

Последнее время проблема культурной безопасности все чаще обсуждается в российской науке, выходя на первое место по количеству публикаций на эту тему. Но даже беглый анализ этих статей показывает, что в целом нет общего понимания данной проблемы, и под формулировкой «культурная безопасность» некоторые авторы все же понимают культуру безопасности, или по крайней мере аргументы авторов в пользу необходимости культурной безопасности апеллируют к техногенным катастрофам, как, например, это делают К.П. Стожко и А.В. Михалев, увязывающие данную проблему с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 г. [10].

Как замечает социолог В. Ширяев, «наличие почти необъятного массива литературы свидетельствует о полицентричности и сложной структурированности всего этого проблемного поля. Однако рассмотрение степени разработанности проблематики культурной безопасности убеждает в том, что эта разработка пребывает в начальной стадии, что не может не отразиться на общей картине выявления круга проблем культурной безопасности» [14, с.9].

Как правило, многие авторы проблемы культурной безопасности видят в изменении духовной сферы, акцентируя свое внимание на духовной безопасности. Среди подобных авторов можно выделить архиепископа Иоанна (Попов), А.А. Возмителя, А.И. Хвилью-Олинтера, Ф.В. Даминдарову, Н.П. Золотову, И.Б. Чернову, А.С. Записоцкого и многие другие [1;4;11;6].

Исследователь культурной безопасности А.П. Романова, занимающаяся философской составляющей этой пробле-

мы, даже полагает, что проблема «духовной безопасности» является наиболее разработанной в отечественной науке [9, с. 88]. Правда, она также указывает, что, как правило, большинство авторов не дает дефиниции главной составляющей этой проблемы – «духовности», понимая ее в узком конфессиональном смысле. Все это в значительной степени снижает значимость подобных подходов. Не следует забывать, что в русском языке понятия духовности и духовной культуры не всегда совпадают. Многие аспекты и объекты культурного наследия, традиционно относимые к духовной культуре, могут восприниматься некоторыми авторами, пишущими о проблемах сохранения духовной культуры, явно в негативном аспекте. Достаточно вспомнить культурную и даже криминальную коллизию с недавним уничтожением так называемого «барельефа Мефистофеля» в Петербурге. Барельеф, созданные в 1910 г и переживший трудные годы Революции и Блокады, пострадал от лиц, которые явно выступали с благими посылами спасти духовную культуру Петербурга. В результате пострадало здание, входящее в перечень исторических объектов северной столицы.

Вольное понимание необходимости борьбы за сохранение «духовного здоровья» нации понимается многими авторами с позиции оценки современного состояния российского общества в кризисных тонах. Типичным примером подобного отношения к проблемам сохранения духовной культуры может служить характеристика доктора философских наук Ф.В. Даминдаровой: «Так называемый «постсоветский» период развития нашей страны характеризовался деформацией всей системы норм, установок и ценностей, что

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

было неизбежным следствием утраты обществом и властью критериев адекватной оценки окружающей социальной действительности. Произошел очевидный и демонстративный отказ от национальных и культурно-исторических традиций на фоне и под воздействием массированного внедрения и проникновения в общественное сознание шаблонов западной «массовой культуры» [6, с.52]. Приблизительно схожую мысль высказывают уже упомянутые авторы К.П. Стожко и А.В. Михалев: «Начиная с середины 80-х годов XX века в нашей стране была сделана ставка на некие мифологизированные и псевдоуниверсальные, да еще и заимствованные цивилизационные коды развития. Это было сделано в ущерб традиционной культуре как системе высших ценностей, лежащих в основании конкретных исторически сложившихся и оформившихся морально-нравственных ориентаций (приоритетов) россиян» [10, с. 6].

К сожалению, выражая справедливую озабоченность о развитии российского общества, многие авторы видят панацею лишь в религиозном развитии российского общества, правда, мы вынуждены констатировать, согласившись с И. Черновой, что «каждая конфессия духовно ценным признает только свое учение и явно или неявно стремится к его доминированию, защищает свои интересы и ограждает своих приверженцев от попыток миссионерской деятельности со стороны других конфессий, вплоть до конфронтации с основами светского мировоззрения в случае фундаментализма и религиозного экстремизма» [12, с. 132]. Все это в итоге неизбежно приводит к возможностям огромного числа вариантов трактовки того, что считается «духовным» с точки зрения представителей различных конфессий или даже в рамках одной конфессии. В этом плане показательна критика, с которой ряд приверженцев православия обрушиваются на других священников или православных активистов [3]. Причем мотивами для такой критики могут являться самые различные обстоятельства, а оппоненты, как правило, маркируются как пособники дьявола или антихриста [2].

Различия же в восприятии духовности представителями разных конфессий еще более значительны, что даже не требуют какой-то отдельной дискуссии по данному вопросу. Поэтому даже те, кто в общем-то положительно относится к постановке проблемы духовной безопасности, вынуждены признать, что «некоторые конфессиональные установки и стереотипы в понимании духовности закладывают мировоззренческую основу для «охоты на ведьм», для противопоставления «своих» и «чужих», разделения людей на достойных и недостойных, а значит, несут в себе реальную угрозу духовной безопасности» [12, с.133].

Означает ли это, что проблемы сохранения духовной культуры просто не существует? Мы вынуждены констатировать, что таковых проблем огромное множество, однако, сама постановка проблемы, исходя невозможности адекватной и полной дефиниции «духовности», обречена на провал, так как любая дефиниция этого понятия не приведет к консенсусу в российском обществе. Это означает лишь одно, что это лишает нас гносеологической основы для научного анализа данной проблемы. Без этого любые размышления по данной проблеме невольно переводят этот разговор из научной плоскости в публицистическую, что ни только не позволяет выстроить определенную методологию исследования, но и в целом уводит от понимания существа проблемы.

Если в рамках проблемы культурной безопасности делаются определенные шаги по теоретическому осмыслению данной проблемы [14], но и эти авторы вынуждены говорить о сложности этой работы, исходя из антиномий культурной безопасности [13]. Об этой же проблеме говорит культуролог К. Э. Разлогов, указывая на то, что для культурных процессов имманентно присуща динамика и взаимодействие с другими культурами [7]. Сложно говорить про сохранение национальной культуры вне понимания законов ее функционирования. Может поэтому именитый культуролог заявляет, что вместо культурной безопасности следует «лучше подумать о культурном развитии» [7]. Не можем не согласиться с этими словами, добавим лишь от себя, что на сегодняшний день важнее говорить не о культурной безопасности, а о культурном просветительстве, направленном на развитие культурных компетенций и культурного осознания (Cultural awareness).

В современном российском обществе присутствует в максимальном варианте культурное самосознание (Cultural self-awareness), что конечно оправдано, учитывая историческую специфику формирования современной российской национальной культуры, но практически отсутствует осознание. Форма этого культурного осознания, доминирующего в современном российском обществе, это скорее депрессивная реакция на ряд кризисных явлений в российском обществе. Такое поведение чаще всего характерно для молодых или малочисленных этнических групп или для социумов, в силу определенных причин, противостоящих другим народам или социумам. Следует понимать, что попытки устранить эти кризисные явления с помощью протекционистских запретов в культурной сфере обречены на провал. И хотя ряд стран идет по этому пути, и не все из этих стран можно назвать молодыми или малочисленными, как например Франция или Китай, но вряд ли их пример может быть воспринят с положительной стороны. Ряд протекционистских законов в этих странах можно рассматривать скорее с курьезной стороны, чем с продуктивной. Достаточно вспомнить попытку китайских властей ограничить потребление кофе, вредящего традиционному употреблению чая и снижающего посещаемость чайных, в стране, производящей замечательный кофе. Китайский кофе мог бы со временем занять достойное место среди других международных брендов, однако, любые попытки ограничить его потребление невольно ударяют и по китайским производителям кофе. Конечно можно бороться с алкоголизмом, вырубая виноградники и снижая производство вина, уничтожая индустрию виноделия, как уже было в нашей стране, но невозможно добиться положительных результатов, как и показал исторический опыт как в нашей стране, так и за рубежом.

Значит ли это, что не существует проблемы культурной безопасности? Конечно существует, но находится она в плоскости самых различных аспектов нашей жизни. Культурная безопасность – это прежде всего культурное строительство и продуманная национальная политика по развитию культуры, которая не может быть реализована и без развития национальной медицины, образования, продуманной социальной политики и т. д..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Архиепископ Иоанн (Попов), Возмитель А.А., Хвьяля-Олингер А. И. Духовная безопасность России. М.: Логос, 2005. — 109 с.
2. Балашова Е. Апокалипсическое сито - 2. «По плодам их узнаете их» URL: <http://3rm.info/19683-apostasijnoe-sito-2-po-plodam-ix-uznaete-ix.html>
3. В тихом омуте... младоепископство или духовная гниль? URL: <http://3rm.info/mainnews/37433-v-tihom-omute-kommentarij-alekseja-dobychina.html>
4. Возмитель А. А. Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. 2006. Т. XV. № 2. С. 147-159
5. Гиблый епископат роет себе яму. Лицемерие Белгородского архиепископа Иоанна (Попова) URL: http://veroyu.myl.ru/news/giblyj_episkopat_roet_sebe_jamu_licemerie_belgorodskogo_arkhiepiskopa_ioanna_popova_aleksej_dobychin/2010-11-12-260
6. Даминдарова Ф.В. Проблемы возрождения духовно-нравственной традиции в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 18. С. 52-56;
7. Разлогов К. Культурная опасность // Компания. 2008. №46 (539)
8. Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации // Отечественные записки. 2005. № 4 (25)
9. Романова А.П., Мармилова В.О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №2. С. 84-94
10. Стожко К.П., Михалев А.В. Экономическая безопасность в условиях современного глобализма: духовное измерение // Известия УрГЭУ, 2010. № 1 (27). С. 5-10.
11. Хвьяля-Олингер А. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. М.: Дарь, 2008. — 640 с.
12. Чернова И. О сущности духовной безопасности // Власть, 2013, № 9. С. 130-133;
13. Ширяев В. П. Антиномии культурной безопасности // Власть. 2009. № 10. С.98-100.
14. Ширяев В. П. Культурная безопасность: круг проблем (к вопросу о методологии социологического исследования) // Поиск. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2010. № 4 (28). С. 8-18.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СИСТЕМ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕДЕНИЯ ГОРНЫХ РАБОТ

Бурмин Леонид Николаевич
аспирант кафедры ИСУ НФИ КемГУ

Барич-Бурмина Виктория Юрьевна
магистрант 1 курса НФИ КемГУ

АННОТАЦИЯ

В статье изложен анализ существующих информационных систем для безопасности ведения горных работ. Описаны современные тенденции в области моделирования геомеханических процессов. Предложена идея разработки комплексного решения на базе ГИС-технологий.

ABSTRACT

The article describes the analysis of existing information systems for the safety of mining operations. The modern trends in modeling of geomechanical processes. It proposed the idea of developing an integrated solution based on GIS technologies.

Ключевые слова: *безопасность, угольные шахты, ГИС, геоинформатика, геомеханика.*

Keywords: *safety, coal mines, GIS, geoinformatics, geomechanics.*

По статистике, каждый миллион тонн угля, добытого подземным способом, обходится ценою более чем одной человеческой жизни. Характер причин аварий в 82% несчастных случаев кроется во внезапных выбросах метана (стихийное бедствие, несчастный случай, человеческий фактор) [1]. Существует несколько представлений о механизме внезапного выброса и причинах его проявления. Отличаются они в основном оценкой участия во внезапном выбросе газа, напряженно-деформированного состояния массива, а также физико-механических и физико-химических свойств полезных ископаемых или породы.

На сегодняшний день существует несколько информационных систем (ИС) для прогноза или выработки мероприятий, позволяющих избежать возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с внезапными выбросами. Каждая ИС характеризуется наличием математического аппарата, уникальным аппаратным обеспечением в виде различных устройств и контроллеров, а так же специализированным программным обеспечением. Отдельно стоит отметить использование геоинформационных технологий, внедрение которых позволяет оперативно выяснить расположение возникающих чрезвычайных ситуаций.

К примеру, на шахте «Березовская», входящая в состав горно-металлургического комбината (ГМК) «Норильский Никель», внедрен аппаратно-программный комплекс «Талнах-координата» для определения местонахождения персонала и его оповещения об аварии. В состав комплекса входит система позиционирования «Талнах-координата», позволяющая вести базы данных о местонахождении горнорабочих и самоходной техники под землей. Информация о положении абонентов может быть представлена как в

табличном, так и в графическом виде на электронных планах подземных выработок. Система позволяет определить местонахождение шахтеров в подземных выработках и обеспечить поиск людей, застигнутых аварией. Внедрения системы позволило организовать прямую радиосвязь с абонентами, находящимися под землей, как с рабочего места горного диспетчера, так и с любого телефонного номера через АТС шахты.[2]

В Свердловской области, в ВУЗе УГГУ коллектив Горно-механического факультета разработал систему мониторинга состояния горного массива. В результате исследований были созданы специальные датчики мониторинга и соответствующее программное обеспечение. Датчики, размещенные в определенных местах горного массива, могут принимать проникающий туда сейсмический сигнал. Обрабатывается информация на сервере, в результате определяются зоны напряженного состояния в массиве. Преимущество системы состоит в возможности «видеть» опасные участки не только в средней и дальней зонах видения горных работ, но и в ближней – на уровне до 50 метров. [3]

Приаргунское производственное горно-химическое объединение (ОАО «ППГХО») разработало проект «Геодинамический полигон», направленный на повышение безопасности шахтеров, работающих на подземных объектах Объединения. Геодинамический полигон - многоуровневая система мониторинга поведения подземных пород, предназначенная для прогнозирования и предупреждения горных ударов. В рамках проекта по всему Стрельцовскому рудному полю, разработку которого осуществляет ППГХО, были установлены датчики наземной GPS-навигации, акустики, сеймики. Поступающая с них информация позволяет опре-

делять опасные для производства участки, осуществлять прогнозирование поведения этих участков и принимать меры, направленные на предупреждение несчастных случаев. В случае опасности повышенного горного давления сигнал датчиков позволит работающим в шахте горнякам вовремя выйти на поверхность без риска для жизни.[4]

Анализ существующих информационных систем показал, что работы, посвященные вопросам внедрения информационных технологий для обеспечения безопасного ведения горных работ, охватывают обширный круг задач. Однако все применяемые методы основываются на анализе пространственно-атрибутивной модели шахты и, как следствие, вероятностном прогнозировании чрезвычайных ситуаций при ведении очистных работ. При этом эти методы не содержат методик моделирования, которые бы позволяли сымитировать некоторое состояние модели и оценить возможные чрезвычайные ситуации.

На сегодняшний день предпринимаются попытки в различных научных лабораториях (горный институт НИТУ МИСиС[5], специалистами НФИ КемГУ [6] и др.) по моделированию геомеханических процессов. Однако, поскольку основой любой геоинформационной системы является анализ, то необходимо разработать технологии и средства, позволяющие визуально проводить комплексную оценку различных параметров с помощью электронных карт. Поскольку известно, что комплекс мероприятий проходящих на выработках косвенно влияет на распределение давления на всей земной поверхности.

В связи с этим, возникает необходимость в разработке комплексной информационной системы использующей ГИС-технологии, позволяющей не только прогнозировать, но и моделировать процессы разрушения горных пород с учетом циклического воздействия на них со стороны механизированных крепей. Информационная система должна быть обеспечена гибкими средствами визуализации полу-

ченных результатов моделирования, что позволит не только строить модель, но и проводить геометрический анализ исследуемых процессов. Такая информационная система могла бы выявлять возможные аварийные и чрезвычайные ситуации ещё на стадии планирования очистных работ, которые могут возникать за счет внезапных выбросов газо-угольной смеси, высокой скорости продвижения очистного забоя и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Список:Аварии на шахтах России — MiningWiki — шахтёрская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://miningwiki.ru/wiki/Список:Аварии_на_шахтах_России – (Дата обращения: 19.11.2015)
2. GDC: Прочные дорожные основания - технология NovoCrete – Талнах - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gdc.do.am/index/0-2> – (Дата обращения: 19.11.2015)
3. Наука и технологии России - Гора в напряжении – люди в опасности[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=52558#.ViZShn7hDcs – (Дата обращения: 19.11.2015)
4. АО «АТОМРЕДМЕТЗОЛОТО» / Пресс-центр / Новости Талнах - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.armz.ru/press/news/?id=466> – (Дата обращения: 19.11.2015)
5. Шек В. М. Использование объектно-ориентированной методологии при создании пространственно-временных моделей горнопромышленных систем // ГИАБ . 2005. №9. С.191-194.
6. Степанов Ю. А. Модель идентификации геомеханического взаимодействия механизированных крепей с углепородным массивом // ГИАБ . 2011. №7. С.39-44.

ПОЧВЫ И РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ВЫХОДОВ КАРБОНАТОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО СКЛОНА БАРАБАШСКОЙ СВИТЫ

Дербенцева Алла Михайловна

профессор, д. с-х. наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток.

Дудкин Роман Васильевич

доцент, к.б.н., Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Брикманс Анастасия Владимировна

аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены специфические особенности почв, сложенные на карбонатных породах. Внимание акцентировано на растительном покрове, а также на морфологических, физико-механических свойствах и противозерозионной устойчивости почв.

ANNOTATION

The article describes the specific features of soil, formed on carbonate rocks. Puts more emphasis on the vegetation cover, as well as morphological, physical and mechanical properties of soil stability and erosion.

Ключевые слова: *почвы, карбонаты, морфологические свойства, физико-механические свойства, противозерозионная устойчивость.*

Keywords: *soil, carbonates, morphological properties, mechanical properties, erosion resistance.*

Рассмотрены почвы, развитые на карбонатных горных породах юго-восточного склона Барабашской свиты верхнепермского возраста. Известняки в ней протягиваются двумя горизонтами субмеридионального простирания [1, с. 88].

Данные почвы для условий юга Дальнего Востока описываются впервые.

Цель исследования: изучить растительность и установить морфологические, физико-механические свойства и противозерозионную устойчивость почв, развитых под ней.

Полевыми исследованиями, проведенными в апреле 2015 г. сотрудниками кафедры почвоведения и кафедры биоразнообразия и морских биоресурсов Дальневосточного федерального университета, установлены особенности почв, развитых на карбонатных породах; описаны растительность и морфологические признаки почв; отобраны образцы для проведения аналитических работ с применением общепринятых методик.

Название почв дано по «Классификации ...» [2, с. 115-116].

Для определения растений использовались источники [3, 4].

Объектами исследования - известковая гора (рис. 1), расположенная на территории заповедника «Земля леопарда», включающего Барабашскую свиту.

Рисунок 1 - Обнажения карбонатных горных пород заповедника «Земля леопарда»

Разрез IБар-2015 заложен на верхней трети средне крутого склона известковой сопки (рис. 2). Почвы: коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные средне скелетные, развитые под древесно-кустарниковой растительностью. Основу древесного яруса составляют орех маньчжурский (*Juglans mandshurica*), ясень маньчжурский (*Fraxinus mandshurica*), ильм японский (*Ulmus japonica*), черемуха обыкновенная (*Radus avium*). Единичными экземплярами представлены клен мелколистный (*Acer mono*), ясень носолистный (*Fraxinus rhynchophylla*), бархат амурский (*Phellodendron amurense*), лигустрина (сирень) амурская (*Ligustrina amurensis*) и крушина даурская (*Rhamnus davurica*). Среди кустарников преобладают жимолость Маака (*Lonicera maackii*), лещина разнолистная (*Corylus heterophylla*). Изредка встречаются бересклет крылатый (*Euonymus alata*) и рябинник рябинолистный (*Sorbaria sorbifolia*).

Травянистый покров обильный. Частично его составляют эфемероиды, среди которых отмечены три вида хохлаток: х. изменчивая (*Corydalis ambigua*), х. ползучая (*C. repens*) и х. прекрасная (*C. speciosa*), лук одноцветковый (*Allium monanthum*), адонис амурский (*Adonis amurensis*). Значительное участие принимают косогорник Татаринова (*Prenanthes tatarinovii*), осока ланцетная (*Carex lanceolata*), о. четырехцветковая (*C. quadriflora*), вейник коротковолосистый (*Calamagrostis brachytricha*), атрактилодес овальный (*Atractylodes ovata*). Реже встречаются чистотел азиатский (*Chelidonium asiaticum*), купена низкая (*Polygonatum humilis*), лесной мак весенний (*Nylomecon vernalis*), очиток живучий (*Sedum aizoon*), подмаренник северный (*Galium boreale*), многоколосник морщинистый (*Agastache rugosa*), новомолиния маньчжурская (*Neomolinia mandshurica*), фиалка приостренная (*Viola acuminata*). Единичными экземплярами представлены редкие для юга Дальнего Востока России кислица обратнотреугольная (*Viola obtriangulata*) и фиалка тихоокеанская (*Viola pacifica*).

Приводятся морфологические признаки генетических горизонтов почвенного профиля.

A_0 (0-2 см) – лесная подстилка из полуразложившихся и неразложившихся листьев, веточек, стеблей травы. На поверхности подстилки обломки известковой породы различного диаметра, от 3 до 12 см, *вскипающие от обработки соляной кислотой* - результат выветривания горной породы оголённой части известковой сопки.

AU (2-38 см) – тёмногумусовый горизонт, черно-коричневый, суглинистого гранулометрического состава, свежий, рыхлый, зернисто-комковатый, пронизан корнями диаметром от 0,2 до 15 мм; мелкие обломки горной породы, *вскипающие при обработке их соляной кислотой*, белоглазка. При этом почва, отделенная от дресвы, *не вскипает от HCl*. Переход к нижележащему горизонту постепенный.

BM (38-62 см) – структурно-метаморфический горизонт, сизовато-серо-бурого цвета, хорошо выраженная призмовидно-ореховато-комковатая структура, плотность выше, чем в темногумусовом горизонте, свежий, много вертикально расположенных корней и дресвы с более крупными обломками горной породы. *Почвенная масса вскипает при обработке её HCl*. Переход в нижележащий горизонт постепенный.

Рисунок 2 – Морфологический профиль коричневых типичных глубоко карбонатных маломощных средне скелетных почв

ВСА (62-80 см) – аккумулятивно-карбонатный горизонт представлен рыхляком известковой горной породы палево-бурой окраски с глубокими затеками гумусовых веществ и псевдомицелием. Встречаются сегрегационные формы карбонатных новообразований, крупные корни деревьев и кустарника. *Масса вскипает при обработке HCl.*

Разрез 2Бар-2015 (рис. 3) заложен на нижней трети средне крутого склона известковой сопки. Почвы: коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные сильно скелетные, развитые под пологом древесно-кустарниково-травянистой растительности. В древесном ярусе из вышеперечисленных видов 1-го элемента катены отсутствуют бархат амурский, ясень носолистный и крушина даурская. Напротив, появляются более влаголюбивые: тополь корейский (*Populus koreana*), ольха волосистая (*Alnus hirsuta*) и чозения земляничниколистная (*Chosenia arbutifolia*). Из кустарников преобладает рябинник рябинолистный, а вышеперечисленные виды 1-го элемента катены представлены единичными экземплярами.

Из травянистых видов отмечены крапива узколистная (*Urtica angustifolia*), селезеночник волосистый (*Chrysosplenium pilosum*), лютик японский (*Ranunculus japonicus*), осока головковидная (*Carex capituliformis*), о. грязная (*C. sordida*), адокса мускусная (*Adoxa moschatellina*), подлесник китайский (*Sanicula chinensis*), сердечник белый (*Cardamine leucantha*), дудник окаймленный

Рисунок 3 – Морфологический профиль коричневых типичных глубоко карбонатных маломощных сильно скелетных почв

(*Angelica cincta*), железистостебельник гималайский (*Adenocaulon himalaicus*). Единично встречаются карпезий крупноголовый (*Carpesium macrocephalum*), гусиный лук Накаи (*Gagea nakaiana*), лесной мак весенний, косогорник Татарина и новомолиния маньчжурская.

Приводятся морфологические признаки генетических горизонтов.

A_0 (0-1 см) – лесная подстилка из полуразложившегося и неразложившегося опада деревьев, кустарника и травянистых растений. На поверхности подстилки обломки известковой породы различного диаметра, от 4 до 15 см, *вскипающие от обработки соляной кислотой* – результат выветривания горной породы оголённой части известковой сопки.

AU (1-40 см) – темногумусовый горизонт, тёмно-серо-бураватый с коричневым отливом, суглинистого гранулометрического состава, свежий, рыхлый, зернисто-комковатый, густо пронизан корнями диаметром от 0,2 до 20 мм; мелкие обломки горной породы, *вскипающие при обработке их соляной кислотой*, белоглазка. При этом почва, отделенная от рыхляка породы, не вскипает от HCl. Переход к нижележащему горизонту постепенный.

BM (40-65 см) – структурно-метаморфический горизонт, темносерый с буро-коричневым оттенком, хорошо выраженная ореховато-комковатая структура, плотность выше, чем в темногумусовом горизонте, свежий, много вертикально расположенных корней и дресвы с более крупными обломками горной породы. *Почвенная масса вскипает при обработке её HCl.* Переход в нижележащий горизонт постепенный.

ВСА (65-87 см) – аккумулятивно-карбонатный горизонт в виде рыхляка известковой горной породы различного диаметра с глубокими затеками гумусовых веществ и псевдомицелием. Встречаются сегрегационные формы карбонатных новообразований. По стенкам разреза фрагменты крупных корней деревьев и кустарника. *Масса вскипает при обработке 10% HCl.*

Физико-механические свойства, структурные особенности почв и их противозерозионная устойчивость приведены в табл. 1-4.

Как видно из результатов аналитических работ, коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные средне скелетные почвы характеризуются как суглинки легкие крупнопылевато-мелкопесчаненные, имеющие водопропрочную структуру всего почвенного профиля. Что касается величины способности почв к оструктуриванию, то она уменьшается от темногумусового горизонта к почвообразующей породе, также как и противозерозионная устойчивость.

Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные сильно скелетные почвы представлены суглинком средним крупнопылевато-опесчаненным, с незначительной способностью к оструктуриванию при слабоводопропрочной структуре. Найденный по соотношению фактора дисперсности к фактору структурности показатель противозерозионной стойкости имеет низкое значение и не изменяется по профилю.

Полученные данные служат основанием к дальнейшим исследованиям по изучению почв региона, юга Дальнего Востока, развитых на карбонатных горных породах.

Таблица 1- Гранулометрический состав почв

Генетический горизонт, мощность, см	Гранулометрический состав почв (в %), величина фракций, мм						Сумма частиц	
	1 -0,25	0,25 – 0,05	0,05 – 0,01	0,01 – 0,005	0,005 – 0,001	< 0,001	<0,01	> 0,01
1Бар-2015 Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные средне скелетные почвы								
AU (2-38)	5	41	26	12	11	5	28	72
BM (38-62)	7	25	30	17	8	3	38	62
2Бар-2015 Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные сильно скелетные почвы								
AU (1-40)	17	31	22	19	8	3	30	70
BM (40-65)	14	22	42	10	8	4	22	78

Таблица 2 - Показатели способности почв к оструктуриванию

Горизонт	Глубина, см	Фактор дисперсности	Степень агрегированности	Фактор структурности	Противоэрозионная стойкость
Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные средне скелетные почвы					
AU	2-38	40-структура слабо-водопрочная	4-микроагрегированность низкая	42-способность к оструктуриванию незначительная	1,1-низкая
BM	38-62	67-структура неводопрочная	38-микроагрегированность слабая	23-способность к оструктуриванию незначительная	0,3-низкая
Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные сильно скелетные почвы					
AU	1-40	33-структура слабо-водопрочная	13-микроагрегированность низкая	27-способность к оструктуриванию незначительная	0,8-низкая
BM	40-65	25-структура слабо-водопрочная	35-микроагрегированность слабая	23-способность к оструктуриванию незначительная	0,8-низкая

Таблица 3 -Физико-механические свойства почв

Горизонт	Глубина, см	Граница клейкости	Нижний предел текучести	Верхний предел текучести	Граница скалывания в шнур	Число пластичности
		%				
Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные средне скелетные почвы						
AU	2-38	58	63	74	32	31
BM	38-62	42	55	62	28	27
Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные сильно скелетные почвы						
AU	1-40	52	64	78	31	33
BM	40-65	53	56	65	29	27

Таблица 4 - Результаты анализов по противоэрозионным критериям почв

Генетический горизонт, мощность, см	Сцепление частиц, кг/см ²	Нормативная усталостная прочность на разрыв, кг/см ²	Илистая фракция, %	Допустимая не размывающая скорость водного потока, м/с
1Бар-2015 Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные средне скелетные почвы				
AU (2-38)	0,06	0,0018	5	0,237
BM (38-62)	0,05	0,0017	3	0,236
2Бар-2015 Коричневые типичные глубоко карбонатные маломощные сильно скелетные почвы				
AU (1-40)	0,07	0,0019	3	0,235
BM (40-65)	0,06	0,0018	4	0,234

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геология СССР. Том XXXII. Приморский край. Полезные ископаемые. М., «Недра», 1974, 156 с. (Министерство геологии РСФСР. Приморское территориальное геологическое управление). Под ред. И.И. Берсенева и Л.А. Неволлина.
2. Классификация и диагностика почв России / Авторы и составители: Л.Л. Шишов, В.Д. Тонконогов, И.И. Лебедева, М.И. Герасимова.- Смоленск: Ойкумена, 2004.- 342 с.
3. Воробьев Д.П. Определитель сосудистых растений окрестностей Владивостока.- Л.: Наука, 1982.- 254 с.
4. Воробьев Д.П., Ворошилов В.Н., Горовой П.Г., Шреттер А.И. Определитель растений Приморья и Приамурья. – М-Л.: Наука, 1966.- 490 с.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА: ОТ ОТВОДА ЗЕМЕЛЬ МОНАСТЫРЯМ ДО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Дручинин Сергей Станиславович

аспирант кафедры кадастра и основ земельного права Московского государственного университета геодезии и картографии, г. Москва

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история изменений целей, задач, объектов и предметной области землеустройства в России.

ABSTRACT

The article discusses the history of changes in the goals, tasks, and objects subject area land in Russia.

Ключевые слова: *землеустройство, земельный надел, сельское хозяйство, отвод земель, частная собственность, организация территории.*

Keywords: *land management, land allotment, agriculture, land acquisition, private property, the organization of the territory.*

Российское землеустройство за три века своего существования прошло трудный и интересный путь, крутые повороты которого совпадали с коренными изменениями, происходившими в стране. И всегда, так или иначе, именно землеустройство оказывалось вовлечённым в решение

важнейших проблем государства и общества. Рассмотрение исторического опыта развития системы землеустроительных мероприятий поможет разобраться в стоящих перед нами сложных вопросах рационального использования зе-

мель и сохранения земли — главного богатства нашей Родины — для будущих поколений.

По мнению автора, начало истории землеустройства в России следует вести с 19 сентября 1765 г., когда Императрицей Екатериной Второй был издан манифест о проведении государственного межевания, дополненный, в дальнейшем, различными инструкциями. Это межевание получило именование «Генеральное» — и именно под этим названием закрепилось в научно-исторических публикациях. К приобретению такого названия имелись две существенные причины:

1. Оно было общим для всех землевладений в России.
2. Оно являлось предварительным, подготовительным мероприятием для более углублённого размежевания [5, с. 73].

Помимо основной цели — мирном разрешении земельных споров между помещиками — «Генеральное межевание» имело и чисто землеустроительные задачи, отражённые в межевой инструкции 1766 г.:

- наделение землёй государственных крестьян;
- отвод земель монастырям и приходским церквям;
- закрепление земель за владельцами пильных и мукомольных мельниц.

Во второй половине 18 века появилась проблема обеспечения земельными наделами *государственных крестьян*, которые, на тот момент времени, являлись главными налогоплательщиками. Земельный надел становился неотъемлемым правом государственного крестьянина, каждому из которых по закону полагалось отвести (из казённых земель) не менее 15 десятин площади (пашня, луг, лес), необходимой для ведения хозяйства. Одновременно с этим был внедрён принцип неотчуждаемости данного земельного надела: крестьянам запрещалось продавать принадлежащие им земли в частные руки. Кроме того, происходит нормирование правил общинного землевладения на уравнительных началах. Этот момент очень важно отметить, потому что именно борьба с подобной практикой хозяйствования станет лейтмотивом столыпинских реформ в начале 20 века. Земли государственным крестьянам отводились всем вместе, а не каждому в отдельности. Из-за этого размер данных земельных участков был огромен и иногда охватывал несколько волостей [5, с. 92-93].

После секуляризации церковных земель, осуществлённой в 1764 году, «Генеральное межевание» имело задачей логически завершить данную реформу. Например, каждому *монастырю* из земель, находившихся в собственности государства, полагалось отвести от 100 до 150 десятин площади (а иногда и больше — если окружающая территория позволяла). Причём в указанную площадь включались земли, которые монастыри имели до межевания. Помимо этого, монастырям и архиерейским домам (а каждый архиерейский дом получал по 60 десятин земли) отводилось по мельнице и рыболовному участку (вспомним произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором один из персонажей судился с монастырём именно о границах рыболовных угодий) [5, с. 93].

Ещё одной землеустроительной задачей был отвод земель под *пильные и мукомольные мельницы*, построенные их владельцами на землях, принадлежавших иным лицам или же государству. Таким образом, была преодолена зависимость владельцев мельниц от хозяев земли, на которой они находились. Мукомольным мельницам отводилось по

0,5 десятины земли по одной стороне реки, пильным мельницам — 4 десятины земли, а на противоположной стороне реки разрешалось размещать лишь только одну примычку плотины [5, с. 94-95].

Как видим, в 18 веке поле деятельности землеустройства было достаточно узким, хотя оно включало в себя решение весьма серьёзных и болезненных вопросов. По-настоящему масштабные землеустроительные работы в дореволюционной России начались с появлением Императорского Указа от 9 ноября 1906 г. (затем, он был заменён другим Указом: от 14 июня 1910 г.), регламентировавшего выход крестьян из общины. Данный Указ задал главное направление землеустройства — обеспечить «замену» общинной формы землевладения единоличной собственностью (отруба и хутора). Отныне среди крестьян, вместо отношения к земле как к «ничьей» или «Божьей», стало культивироваться понятие о священной и неприкосновенной частной собственности, как основы экономической стабильности и порядка в государстве.

Ещё до подписания Императором Указа «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», 4 марта 1906 г. были созданы землеустроительные комиссии, на которые, в соответствии с наказом от 20 сентября того же года, возлагались задачи содействия крестьянам при покупке земли у частных лиц с помощью крестьянского банка, продажи или сдачи в аренду крестьянам государственных земель, содействие переселению крестьян в азиатскую часть России, содействие сельским обществам и домохозяевам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования [4, с. 16].

29 мая 1911 г. вышел Закон «О землеустройстве», регламентировавший виды землеустроительных работ, которые могли выполнять землеустроительные комиссии, целью которых было «изменение формы землевладения, а не способов землепользования» [5, с. 202]. Поэтому землеустроительные комиссии были обязаны отказывать сельским общинам, если бы те, к примеру, обратились с просьбой произвести оптимизацию использования пашенных земель без выдела их в частную собственность.

Таким образом, землеустроительные работы того времени выполнялись по двум основным направлениям: единоличные, которые касались выдела и размежевания отрубов отдельным крестьянам, и групповые, выполнявшиеся в качестве подготовки территорий (селений, выселков) к будущему единоличному землеустройству [5, с. 203].

Крупнейшая социальная революция, произошедшая в 1917 г. в России, остановила столыпинские реформы и уничтожила приоритет укрепления частной собственности в землеустроительных процедурах. Родился новый термин: «социалистическое землеустройство». Появились и новые проблемы, вставшие перед сельским хозяйством страны, истощённой и обескровленной войнами и потрясениями; к ним относились: «*дальноземелье, длинноземелье, узкополосица, чересполосица, вклинивание земель одних селений в другие, чрезвычайная запутанность межселенных отношений, многодворность селений, тянувшихся иногда на целые версты, неурегулированность водоснабжения*» [4]. Основными типами землеустроительных работ в тот период стали *межселенное и внутриселенное землеустройство*.

Под внутриселенным землеустройством понималось упорядочение землепользования крестьянских дворов,

устранение внутриселенной чересполосицы, многополосицы, мелкополосицы, введение многополья и прочие операции [2, с. 470]. При этом в течение 1920-х гг. наблюдалась тенденция к увеличению доли работ по внутриселенному землеустройству: если в 1920 г. на межселенное землеустройство приходилось 92,7% работ, а на долю внутриселенного землеустройства в том же году — 7,3%, то в 1926 г. это соотношение изменилось в пользу внутриселенного землеустройства: 47,4% и 52,6% соответственно. Всего с 1917 по 1927 г. межселенным землеустройством было охвачено 86,9 млн гектаров земель, внутриселенным — 41,5 млн гектаров [4].

С началом проведения политики насильственной коллективизации, направленной на обобществление всех крестьянских хозяйств, содержание землеустройства изменилось: *вместо земельно-распределительной на первый план вышла функция рациональной организации использования земли*. Появляются два новых вида землеустройства: *межхозяйственное* (вместо межселенного) и *внутрихозяйственное* (вместо внутриселенного).

Межхозяйственное землеустройство проводилось в связи с образованием землепользований сельскохозяйственных и несельскохозяйственных предприятий, отводом и изъятием земельных участков, установлением и изменением границ населённых пунктов и проч. Объектом межхозяйственного землеустройства становились территории нескольких хозяйств и даже целых административных районов.

Внутрихозяйственное землеустройство проводилось с целью рациональной организации территории сельскохозяйственного предприятия. Основные действия при внутрихозяйственном землеустройстве заключались в выделении участков под жилые и производственные центры хозяйства, в установлении состава и соотношения сельскохозяйственных угодий и севооборотов и их размещении, в организации территории садов, ягодников, виноградников, севооборотных массивов (размещение полей севооборота, отвод участков под защитные лесные насаждения, выбор мест под полевые станы, размещение полевой дорожной сети), пастбищ, сенокосов и др. угодий [2, с. 470-471].

В таком виде система землеустройства просуществовала в нашей стране вплоть до периода рыночных реформ 1990-2000-х гг., когда возвратилось право частной собственности на землю, появился земельный рынок, колхозы и совхозы трансформировались в акционерные общества, образовались сотни тысяч крестьянских (фермерских) хозяйств, ушли в прошлое плановые цифры, спускавшиеся сельскохозяйственным предприятиям в директивном порядке, начали активно развиваться смежные с землеустройством отрасли, такие как кадастр и градостроительство.

Землеустройство в период рыночных реформ претерпело существенные изменения. Министерство сельского хозяйства его структуры потеряли монополию на производство землеустроительных работ. В связи с необязательностью составления проекта внутрихозяйственного землеустройства при реорганизации коллективного хозяйства или при создании крестьянского (фермерского) хозяйства, землеустроительные действия, направленные на рационализацию использования земель, перестают производиться в массовом порядке. В 2000-е гг. исчезает из законодательства понятие «межхозяйственное землеустройство».

Единственным видом землеустройства остаётся внутрихозяйственное. В 2000-ые годы намечается смещение «центра тяжести» землеустроительных работ в *экологическую* и *гуманитарную* сферу. И это тоже отражает веяния времени — человек, его права и свободы провозглашены в Российской Федерации главной ценностью. Форсированная индустриализация, стремление предприятий выполнить плановые цифры любой ценой, «холодная война» и гонка вооружений, максимальное использование всех имевшихся средств и ресурсов для создания «материально-технической базы коммунизма при жизни одного поколения» привели к истощению природных богатств, выработке гигантских объёмов полезных ископаемых, загрязнению почв, воздуха, водных объектов. Направление землеустроительных действий в данное русло — один из путей обеспечения устойчивого развития территорий нашей страны. Согласно Федеральному закону «О землеустройстве» от 2001 г., «Землеустройство проводится в обязательном порядке в случаях:

- изменения границ объектов землеустройства;
- выявления нарушенных земель, а также земель, подверженных водной и ветровой эрозии, селям, подтоплению, заболачиванию, вторичному засолению, иссушению, уплотнению, загрязнению отходами производства и потребления, радиоактивными и химическими веществами, заражению и другим негативным воздействиям;
- проведения мероприятий по восстановлению и консервации земель, рекультивации нарушенных земель, защите земель от эрозии, селей, подтопления, заболачивания, вторичного засоления, иссушения, уплотнения, загрязнения отходами производства и потребления, радиоактивными и химическими веществами, заражения и других негативных воздействий» [1].

Итак, сегодня основными функциями землеустройства стали организация территорий проживания малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (*гуманитарная функция*) и восстановление нарушенных земель (*экологическая функция*). Тем не менее, рациональная организация сельскохозяйственного производства сохранилась в качестве одной из задач землеустройства, но её практическая реализация в былых масштабах крайне затруднена. На настоящий момент времени проведение землеустроительного проектирования, связанного с оптимизацией производства, заказывает лишь малое число производителей сельхозпродукции. Обязывать же все подобные организации иметь проект землеустройства своей территории, с одной стороны, было бы правильным мероприятием, направленным на улучшение плодородия почв, повышение урожайности и производительности труда, с другой стороны, не совсем ясно, как в условиях частной собственности на землю и развитии парадигмы свободного предпринимательства обосновать государственное принуждение к землеустройству; кроме того, стоит принять во внимание и тяжёлое финансовое положение отечественных сельскохозяйственных производителей — оплата землеустроительных процедур может оказаться им невозможной.

Будущее отечественного землеустройства целиком и полностью зависит от того, какой тип экономической модели окончательно установится в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ «О землеустройстве»
2. Малая Советская Энциклопедия. - М.: Гос. Науч. Изд-во «Большая Советская энциклопедия», 1958. - Т. 2. - 1277 с.
3. Билимович А. Землеустроительные задачи и землеустроительное законодательство России – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, акц. АО и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1907. – 206 с. – репринтная копия
4. Гуров П.Я. Итоги и перспективы землеустройства, переселения и мелиорации // Плановое хозяйство. 1928. №1. С. 57-70.
5. Кавелин С.П. Межевание и землеустройство: Теоретическое и практическое руководство: С чертежами и образцами делопроизводства – М.: Изд. юрид. кн. магазина «Правоведение» И.К. Голубева, 1914. – 340 с. - репринтная копия

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МАГНИТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК С РАССЛОЕННОСТЬЮ МОЩНЫХ ИНТРУЗИЙ ТРАППОВ И ДОЛЕРИТОВ

Иголкина Галина Валентиновна

Доктор геол.-мин. наук, с. н. с., зав. лабораторией промысловой геофизики Института геофизики им. Ю.П. Булашевича УрО РАН, г. Екатеринбург

АННОТАЦИЯ

Скважинная магнитометрия дает возможность получать непрерывную информацию по стволу скважины о магнитных свойствах пород в условиях их естественного залегания. Приведены примеры исследования взаимосвязи магнитных характеристик с расслоенностью мощных интрузий траппов и долеритов. Особенно важно это в практике нефтегазопромысловых работ, когда проходка скважин идет без отбора керна и проблемой становится литологическое расчленение разреза.

ABSTRACT

Borehole magnetometry allows you to receive continuous information on the borehole on the magnetic properties of rocks in terms of their natural occurrence. The examples of the magnetic characteristics of study on the relationship with the bundle of powerful traps and dolerite intrusions. This is especially important in the practice of oil and gas exploration, when sinking wells goes without coring and the problem is the lithology of the section.

Ключевые слова: *скважинная магнитометрия, магнитные характеристики, скважина, траппы, долериты, нефтегазоносность.*

Key words: *borehole magnetometry, magnetic characteristics, borehole, traps, dolerites, oil-gas bearing.*

Скважинная магнитометрия дает возможность получать непрерывную информацию по стволу скважины о магнитных свойствах пород в условиях их естественного залегания. Магнитометрические исследования применялись при изучении траппов Восточной Сибири, океанических базальтов в Тихом и Атлантическом океанах, и при исследовании разрезов сверхглубоких и нефтегазовых скважин. Для выявления закономерностей размещения нефтегазовых месторождений и глубинного структурного прогноза необходимо всестороннее изучение траппов, встречающихся в осадочных отложениях Сибирской платформы, а также интрузий в разрезах Тюменской, Тимано - Печорской, Колвинской, Саатлинской и Уральской сверхглубоких скважинах [6-8].

По геологическим данным [3 -5] интрузии разделяются по степени дифференциации. Недифференцированные и слабо дифференцированные интрузии пород нормального ряда представлены собой отдельными дериватами дифференциации магмы и включают в себя субвулканические тела и подводящие каналы к лавам. Большая часть таких интрузий

сложена нормальными долеритами с пойкилитовой, пойкилоофитовой, офитовой, гломеро-офитовой, реже толеитовыми структурами. Минеральный состав их колеблется в пределах: плагиоклаз (30-50%), клинопироксен (20-45%); оливин (от 0-2 до 10%); рудный минерал (1-3, реже 10%) и мезостази.

Дифференцированные интрузии значительно разнообразнее по составу. Широко распространены дифференцированные интрузии от долеритов до гранофировых габбро-долеритов. Габбро-долериты, амфиболизированные и кварцевые диориты, характеризующиеся наиболее полной дифференциацией (от долеритов до кварцевых диоритов), довольно редки. Для интрузий характерны признаки горизонтальной расслоенности, проявляющиеся в появлении слоев габбро-долеритов, несущих следы более позднего авто метасоматического изменения. Основные структуры – призматически зернистые, габбровые, до пегматоидных. В направлении увеличения степени дифференциации (до пегматоидных габбро - долеритов) отмечается некоторое

повышение железистости (при относительном постоянстве MgO и некотором возрастании содержания Fe_2O_3 по отношению к FeO) и увеличение щелочности [3]. Наличие зональности наиболее мощных интрузий, которая по геологическим данным выражается в лучшей раскристаллизации центральных частей интрузивных тел по сравнению с кровлей и подошвой, находит отражение и в изучаемых скважинной магнитометрией параметрах.

Впервые взаимосвязь зональности трапповой интрузии с магнитными характеристиками была изучена на примере глубокой скважины ВН-6 Верхне - Нимдимской площади Сибирской платформы [10].

По характеру распределения структурных слоев в вертикальном разрезе керна и, в частности, по положению шпиров, ориентированных перпендикулярно к оси керна, эти интрузии представляют собой горизонтальные или субгоризонтальные тела [3].

Силл, вскрытый ВН-6 в интервале 365-550 м имеет следующее строение (рис.1.): 355-362 м - зона верхнего эндоконтакта интрузива – микродолериты афанитовые, переходящие постепенно в пойкилитовые и пойкилоофитовые разности; 362-380 м - долериты гломеропорфировые; 380-397 м - горизонт габбро-долеритов оливиновых, порфирированных и пегматоидных, содержащих в своем составе до 10-

12 % магнетита; 397-414 м - долериты оливиносодержащие и оливиновые гломеропорфировые; 414-434 м - долериты оливиновые до троктолитовых, офито-коккитовые; 434-525 м - долериты оливиносодержащие и оливиновые, гломеропорфировые; 525-537 м - долериты оливиносодержащие, тонко-гломеропорфировые, постепенно переходящие в долериты пойкилитовой структуры; 537-547 м - долериты оливиносодержащие и безоливиновые, пойкилитовые; 546-552 м - микродолериты афанитовые – нижнего эндоконтакта.

Зависимость магнитных свойств от состава и взаимоотношений магнитных и немагнитных минералов в породах трапповой формации сибирской платформы изучалась многими исследователями [2,3,11]. Однако, все они базировались на изучении вещественного состава трапповых тел. Вполне очевидно, что значение метода скважинной магнитометрии трудно переоценить. Отсутствие интрузивного кренового материала по глубоким скважинам выдвигает этот метод в качестве основного, позволяющего выделять, расчленять, а, следовательно, и сопоставлять вскрываемые скважинами интрузивные тела. Очевидно, также, что данная стадия изученности возможностей метода позволяет сделать только предположительные выводы о составе и строении долеритовых тел.

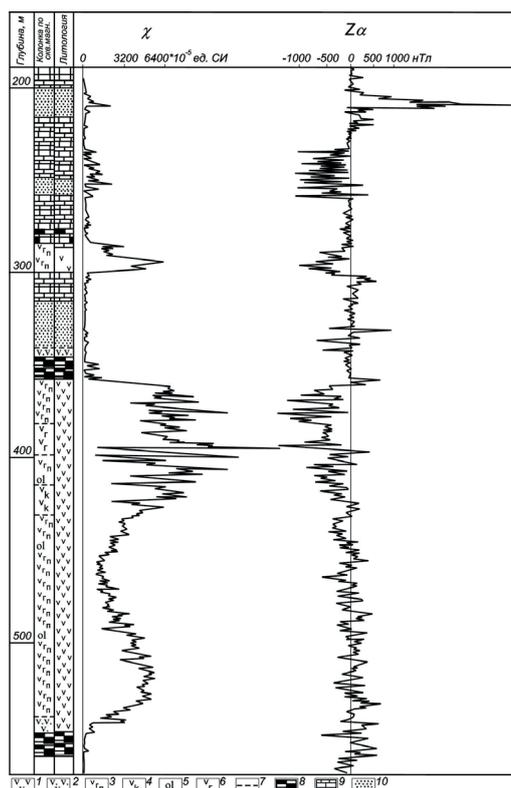

Рисунок 1. Результаты расчленения мощной трапповой интрузии с учетом данных скважинной магнитометрии. Сква. ВН-6 (интервал глубин 360 - 570 м), Сибирская платформа.

1- афанитовые долериты и микродолериты; 2- пойкилитовые и пойкилоофитовые долериты; 3- гломеропорфировые долериты; 4- офито-коккитовые троктолитовые долериты до пикритовых; 5 – оливиновые разности; 6 – габбро-долериты, ферро-габбродолериты; 7- границы структурной однородности долеритового тела по керну с учетом магнитных характеристик, 8 – роговики; 9 – известняки; 10 – песчаники.

Пересчет химических анализов долеритов из коллекции геолога ВНИГРИ Т.В.Афанасьевой, по методу А.Н.Заварицкого, показал, что в целом, породы эти можно отнести к слабо дифференцированным телам нормального ряда (химический состав близок к среднему составу Сибирских траппов). Отмечается увеличение железистости (в пегматоидных габбро-долеритах – F до 81,8%) и одновременное уменьшение магнезиальной цветного минерала M до 27,7% [10].

Неоднородность данной интрузии наблюдается и по данным скважинной магнитометрии. Долеритовые силлы большой мощности характеризуются дифференцированностью магнитной восприимчивости χ и магнитного поля. Связано это, прежде всего, с вариациями состава интрузий, проявляющимися в их структурно-текстурных особенностях пород, а также с режимом тектонической обстановки, существующей в момент становления интрузива. Верхняя ее часть, до глубины 434 м, представленная гломеропорфировыми, оливковыми и офито-коккитовыми долеритами и оливковыми, порфиroidными и пегматоидными магнетитсодержащими габбро-долеритами более магнитная. Магнитная восприимчивость сильно дифференцирована и изменяется от 4000 до $12000 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ (рис.1). Максимальная ее величина связана с горизонтом пегматоидных габбро-долеритов. Отрицательная аномалия вертикальной составляющей поля Z_a достигает величины -1500 – -2000 нТл. Средняя

часть интрузии (434–480 м) характеризуется пониженной магнитной восприимчивостью до $1000 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. По геологическому описанию преобладают гломеропорфировые долериты с оливковыми разностями. Изменение вертикальной составляющей магнитного поля в долеритах от -800 нТл до 1000 нТл. Увеличение магнитной восприимчивости до $4000-5000 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ отмечается в 480–537 м (долериты оливкоисодержащие, тонко-гломеропорфировые). Нижний эндоконтакт интрузии, представленный пойкилитовыми долеритами и практически немагнитен. Намагниченность долеритов неоднородна, на что указывает и характер кривой Z_a , величина поля изменяется от -800 нТл до 1000 нТл. Аналогичное поведение естественной остаточной намагниченности и фактора Q_z для этой интрузии также подтверждает расслоенное строение интрузии.

Расслоенность трапповой интрузии, вскрытой в интервале 743-964 м (скважина ВН-6) по характеру магнитных характеристик, хорошо видна на рис. 2. Также, как и описанный выше долеритовый силл, эта мощная трапповая интрузия неоднородна по магнитным свойствам. Отмечается сходство и различие в поведении кривых χ и Z_a . В приконтактных зонах наблюдается увеличение магнитной восприимчивости и вертикальной составляющей поля по абсолютной величине. В этих зонах, особенно в верхней части, χ достигает

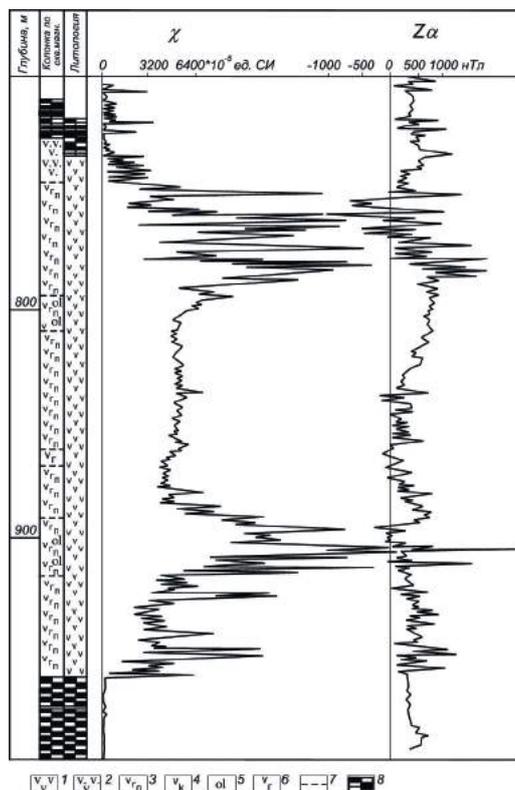

Рисунок 2. Результаты расчленения мощной трапповой интрузии с учетом данных скважинной магнитометрии. Сква. ВН-6 (интервал глубин 743 - 964 м), Сибирская платформа.

1- афанитовые долериты и микродолериты; 2- пойкилитовые и пойкилофитовые долериты; 3- гломеропорфировые долериты; 4- офито-коккитовые троктолитовые долериты до пикритовых; 5 – оливковые разности; 6 – габбро-долериты, ферро-габбродолериты; 7- границы структурной неоднородности долеритового тела по керну с учетом магнитных характеристик; 8 – роговики.

14000 $\cdot 10^{-5}$ ед. СИ, Z_a до -5000 нТл. Такое поведение кривых χ и Z_a свойственно для гломеро-порфировых долеритов. Средняя часть, представленная долеритами оффито-коккитовой структуры, по магнитным свойствам однородна. Маг-

нитная восприимчивость имеет величину около $5000 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, величина внутреннего магнитного поля не превышает 500 нТл, кривая Z_a менее изрезана. Долериты оливиноносодержащие и оливиновые гломеро-порфиновые имеют величину магнитной восприимчивости, не намного превышающую величину χ для долеритов оффито-коккитовых, и являются как бы переходным звеном от гломеро-порфировых долеритов к долеритам оффито-коккитовым. Гломеро-порфиновые долериты обладают меньшим значением фактора Q_z , несколько большими значениями χ , чем долериты оффито-коккитовой структуры и оливиновые долериты, т.е. породы, составляющие центральные части интрузий, более раскристаллизованные (рис.3) [10] .

Как показали исследования Т.Нагаты [9] и Л.Е. Шолпо [12], по распределению значений Q можно устанавливать изменения в составе и структуре пород, связанные с зонами окисления или иных вторичных изменений и показано что чем более крупнозернистым является ферромагнитный материал, тем ниже его магнитная жесткость и, следовательно, ниже стабильность и меньше сохранность первичной остаточной намагниченности.

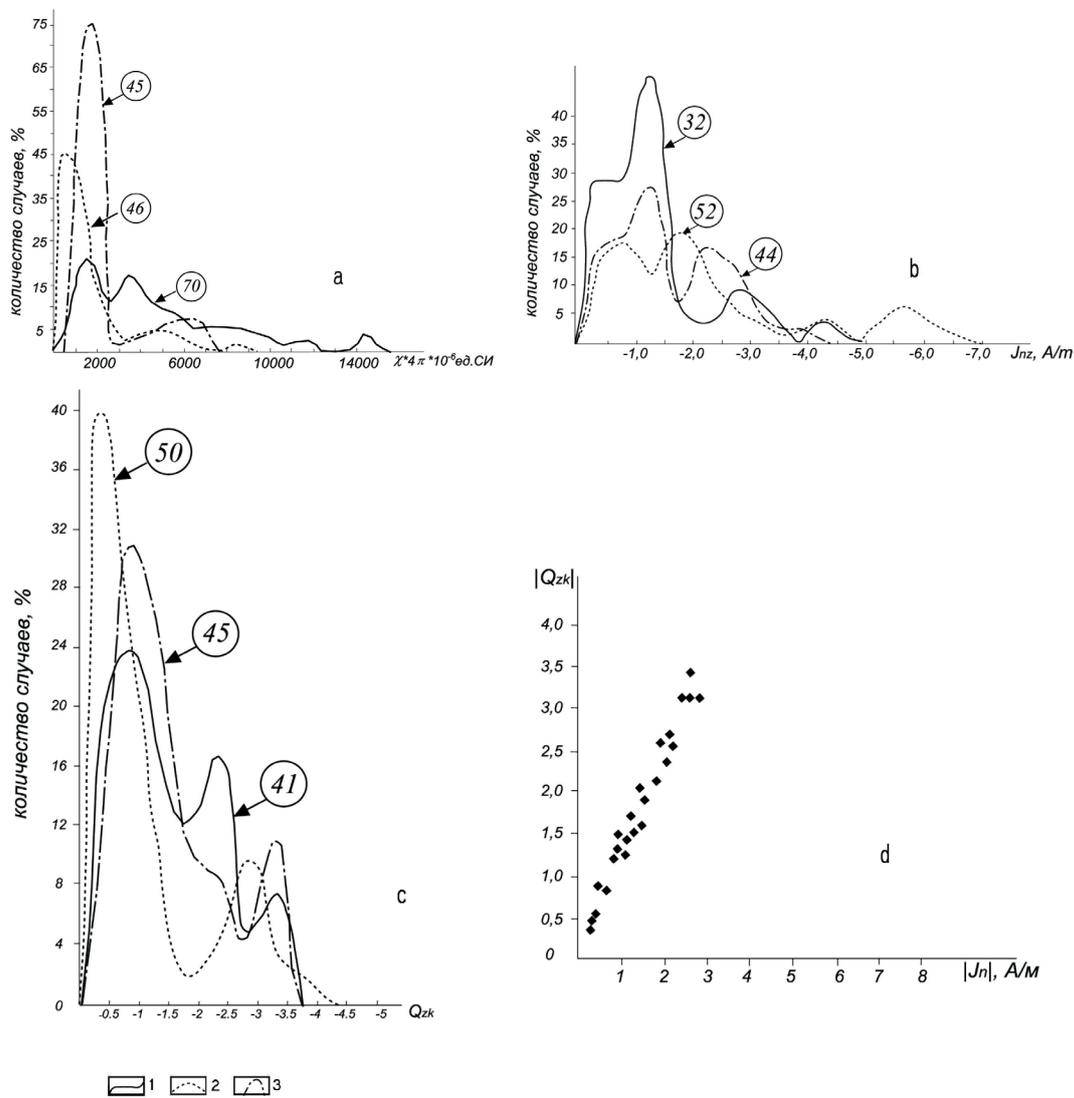

Рисунок 3. Вариационные кривые магнитной восприимчивости χ (a), естественной остаточной намагниченности J_{nz} (b), фактора Q_z (c) и зависимости фактора Q_z от намагниченности J_{nz} (d) по Верхне - Нимдинской площади. 1- гломеро-порфиновые долериты, 2- долериты гломеро-порфиновые (оливиновые разности), 3-долериты оффито-коккитовые троктолитовые.

Возможно, что причина изменения намагниченности долеритов связана не только с увеличением степени раскристаллизованности пород, но и с внешними условиями существования породы.

Для изучения расслоенности интрузий необходимо использовать анализ вариационных кривых магнитной восприимчивости, естественной остаточной намагниченности J_n или J_{nz} , фактора Q или Q_z , а также корреляционные зависимости фактора Q_z от намагниченности J_{nz} (рис.3).

Для долеритов с различной структурой построены вариационные кривые, приведенные на рис.3. Долериты обратной полярности с различной структурой и минеральным составом по характеру распределения J_z неоднородны, но диапазон изменения у них небольшой. Для обратно намагниченных долеритов характерно ассиметричное строение вариационных кривых, рис.3 (b,c). Преимущественное распространение их на исследуемой территории хорошо видно из величины выборок. Прямомагнитные долериты имеют гломеро-порфировую структуру.

Как видно на рис.3 (c) гломеро - порфировые долериты обладают меньшим значением фактора Q_{zk} , поскольку большими значениями χ и большим разбросом величины J_{nz} , чем долериты оффито-коккитовой структуры и оливинные долериты (т.е. породы, составляющие центральные части интрузий и более раскристаллизованные). Действительно в общем случае, чем более крупнозернистым является ферромагнитный материал, тем ниже его магнитная жесткость и, следовательно, ниже стабильность и меньше сохранность первичной остаточной намагниченности [12]. Но возможно, что причина изменения намагниченности долеритов связана не только с увеличением степени раскристаллизованности пород, но и с внешними условиями существования породы.

В Тимано-Печорской сверхглубокой скважине СГ-5 интрузии долеритов сосредоточены главным образом в нижне - и среднедевонских отложениях [5]. Внутреннее строение тел, структура и текстура магматических пород, свидетельствуют о гипабиссальных условиях застывания расплавов и интрузивной природе тел. Внутрикамерная дифференциация расплавов от базальтового (долериты) до гранитного (гранофиры) состава с закономерной сменой пород в разрезе интрузий хорошо прослеживается [5].

В скважине СГ - 5 по результатам скважинной магнитометрии выделены две интрузии долеритов на глубине 3900 -3928.6 м и 4186 - 4225 м. Вновь, как и у траппов, отмечено различие магнитных свойств долеритов. Основные отличия в том, что верхний пласт долеритов однороден по магнитным характеристикам и имеет мягкую намагниченность, присущую магнетитовой минерализации, а для нижнего пласта характерна неоднородность и знакопеременность кривой магнитного поля Z_a , величина которой достигает +18000 нТл. Кроме того, произошло увеличение вклада остаточной намагниченности в общую J_z (J_{nz} около 4-7А/м, $Q > 5$), что может быть обусловлено более жесткой титано - магнетитовой минерализацией. По-видимому, верхние долериты являются более окисленными, т.е. произошло окисление титано - магнетита до магнетита. Этот факт свидетельствует о разных геологических условиях образования долеритовых тел.

Долериты на глубине 4556-4604м отличаются дифференцированностью χ , изрезанной, знакопеременной аномалией Z_a , достигающей 10000 нТл, что говорит о расслоенности долеритовой интрузии в период ее становления. Магнитным носителем в данном случае является титано - магнетит

и пирротин. По результатам геолого-геофизических исследований (НПО “Недра”) этот пласт является локальной крышкой газоносного пласта.

Интрузии, вскрытые Тимано-Печорской скважиной, представлены меланократовыми долеритами, кварцевыми долеритами, гранодиоритами, гранофирами с преобладанием долеритов. Более мощные интрузии имеют зональное строение, а более мелкие тела однородны. Сближенные в разрезе тела, наиболее вероятно, представляют собой апофизы одной, более мощной, интрузии, так как часто при этом видна закономерная смена их состава [1,2,5].

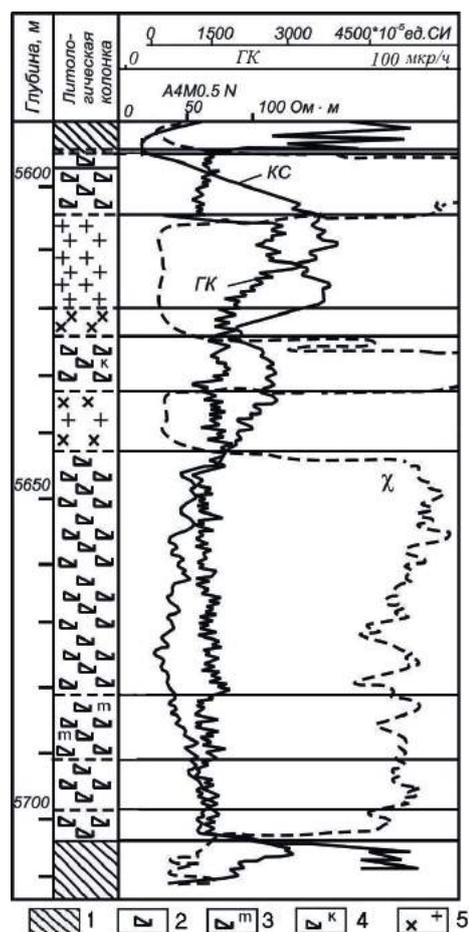

Рисунок 4. Результаты расчленения долеритовой интрузии Тимано-Печорской СГ-5 с учетом данных ГИС.

1-метааргиллиты; 2-долериты; 3-меланократовые долериты; 4-кварцевые долериты; 5-гранофиры и гранодиориты.

Геологическое строение и вещественный состав мощной интрузии, вскрытой на глубине 5594-5703 м, показан на рис.4. Вмещающими породами являются аргиллиты и известняки, превращенные под ее влиянием в метааргиллиты, скарноиды и известковые скарны. Вмещающие породы характеризуются низкими значениями магнитной восприимчивости χ , дифференцированностью удельного электрического сопротивления и относительно высокой гамма - активностью, что связано с обилием калиевых слюд, заместивших глинистую составляющую первичных аргиллитов [1,5]. В верхней части интрузии наблюдаются породы мощностью до 2 метров по составу, структуре и текстуре близкие к базальтам. Это тонкозернистые или стекловатые микропорфировые или афировые породы с фоновыми кристаллами и микролитами плагиоклаза и клинопироксенов. Ниже по

разрезу скважины встречены кварцевые долериты мощностью до 10м. Величина магнитной восприимчивости близка к величине χ базальтов. Это породы базальтового состава с типичными долеритовыми или толеритовыми структурами. Еще ниже по величине магнитной восприимчивости однозначно выделяются долериты, где замещенное вулканическое стекло содержит все больше кварца и появляются микропегматитовые агрегаты кварц-альбитового, кварц-ортоклазового состава. Гранофиры и гранодиориты, отмеченные внутри интрузии долеритов, слабомагнитны и четко выделяются на кривых магнитной восприимчивости [5].

Выводы

1. Установлено, что расслоенность мощных интрузивных тел хорошо проявляется в поведении магнитной восприимчивости и внутреннего магнитного поля, измеренным в скважине, величине и знаке намагниченности.
2. Показано, что применение метода скважинной магнитометрии при отсутствие или неполный выход kernового материала по сверхглубоким скважинам в комплексе с геологическими методами изучения позволяет:
 - Выделять в разрезах сверхглубоких и глубоких скважин интрузивные тела, устанавливая местоположение кровли и подошвы долеритовых интрузий, локализовать и определять их мощность.
 - Расчленять долериты по литологическим разностям, уточнять их местонахождение и мощность в разрезе.
 Особенно важно это в практике нефтегазопоисковых работ, когда проходка скважин идет без отбора керна и проблемой становится литологическое расчленение разреза.

Работа частично выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований по Отделению наук о Земле РАН, проект № 15-2-5-25-29.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Л.Т., Кушнарева Т.И. Магматические образования в нефтегазоносных комплексах Тимано-Печорской провинции // Закономерности размещения зон нефтегазоаккумуляции в Тимано-Печорской провинции /Тр. ВНИГРИ.-Л., 1986.- С.57-66.
2. Вассерман Б.Я., Богатский В.И. Нефтегазоносность северных районов Тимано-Печорской провинции //Геология и нефтегазоносность северных районов Тимано-Печорской провинции .М.,1979 .Вып 4.- С.49-51.
3. Виленский А.М. Петрология интрузивных траппов севера Сибирской платформы. М.: Наука,1967 . -260 с.
4. Диковский А.А., Седых А.В. О состоянии выполнения программы исследований Тюменской сверхглубокой скважины // Результаты бурения и исследования Тюменской сверхглубокой скважины. Тез. Доклада. Пермь, 1995.-С.28.
5. Ехлаков Ю.А., Горбачев В.И., Карасева Т.В., Богатский В.И. и др. Геологическое строение и нефтегазоносность глубокозалегающих отложений Тимано-Печорской нефтегазовой провинции (по результатам исследования Тимано-Печорской глубокой опорной и Колвинской параметрической скважин).- Пермь: КамНИИКИГС.2000г. -330с.
6. Иголкина Г.В. Сопоставление магнитных свойств траппов сибирской платформы, океанических базальтов и долеритовых интрузий по магнитометрическим измерениям в скважинах//Геофизика, 2014.№ 2. -С.54-60.
7. Иголкина Г.В. Изучение намагниченности горных пород в естественном залегании по данным измерений в сверхглубоких и глубоких скважинах //Вестник МГТУ. Труды Мурманского Государственного Технического Университета. Т.10, №2, 2007.-С.244-250.
8. Иголкина Г.В. Скважинная магнитометрия при исследовании сверхглубоких и глубоких скважин. Екатеринбург: УрО РАН.2002.-215 с.
9. Нагата Т. Магнетизм горных пород. М.: Мир , 1965. -346 с.
10. Прусская С.Н., Иголкина Г.В. К вопросу расчленения интрузивных тел с использованием данных скважинной магнитометрии // Геология и нефтегазоносность Красноярского края. Красноярск , 1983 .-С.69-71.
11. Феоктистов Г.Д. Петрология и условия формирования трапповых силлов. Новосибирск: Наука,1978.-168с.
12. Шолпо Л.Е. Использование магнетизма горных пород для решения геологических задач. Л.: Недра, 1977. -182 с.

ОПТИМИЗАЦИЯ СОСТАВА БУРОВОГО РАСТВОРА В УСЛОВИЯХ СЕРОВОДОРОДНОЙ АГРЕССИИ

Каменских Сергей Владиславович

Доцент, к.т.н., доцент кафедры бурения УГТУ, г.Ухта

АННОТАЦИЯ

Разработан и исследован состав биополимерного высокощелочного бурового раствора в условиях сероводородной агрессии. Проведены лабораторные исследования, подтверждающие возможность использования разработанного бурового раствора в условиях сероводородной агрессии.

Ключевые слова: сероводород, сероводородная агрессия, полимерная композиция, высокощелочной буровой раствор, водородный показатель.

ANNOTATION

Composition of polymeric high-alkaline of boring solution is worked out and investigational in the conditions of sulphuretted hydrogen aggression. Laboratory studies are undertaken, confirmative possibility of the use of the worked out boring solution in the conditions of sulphuretted hydrogen aggression.

Keywords: the sulphuretted hydrogen, sulphuretted hydrogen aggression, polymeric composition, high-alkaline boring solution, ph-value.

При бурении скважин сероводород как природного, так и биогенного происхождения оказывает негативное влияние на буровое оборудование, бурильный инструмент, промысловые и тампонажные растворы, цементный камень. Например, автором на основании статистического анализа установлено, что присутствие в буровом растворе сероводорода при снижении pH раствора с 10 до 6 происходит снижение ресурса (стойкости) вооружения на 42-52 %, опор – на 38-47 %, не смотря на относительно малое время работы шарошечных долот в скважине (1-3 суток). Аналогичные выводы сделаны Э. И. Огарковой, которая указывает, что нейтрализация сероводорода в буровом растворе позволила увеличить показатели отработки долот на 40 %. По данным А. И. Булатова цементный камень при контакте с сероводородом может быть полностью разрушен менее через год. При этом сероводород разрушает не только цементный камень, но и металл обсадных колонн, что может привести к нарушению герметичности скважины и возникновению ряда осложнений и аварий. Согласно данным Ю. Н. Соколова на Астраханском ГКМ потери времени на борьбу с осложнениями при бурении в сероводородсодержащих горизонтах достигали 35-70 % от общего календарного времени строительства скважин, что способствовало удорожанию буровых работ. При попадании в буровой раствор на водной основе сероводород вызывает снижение его водородного показателя до 5-6, в результате чего свойства раствора резко изменяются (коагуляция раствора, деструкция реагентов и т.п.). Положение осложняется тем, что в последнее время увеличилось число месторождений, содержащих в своих недрах сероводород. Например, по данным А. А. Перейма в РФ (2009 г.) открыто 162 месторождения с содержанием сероводорода в газе, что составляет более 10 % общих запасов природного газа по стране. Отдельные месторождения как в России, так и странах ближнего зарубежья, содержат в своем составе значительное количество сероводорода, например, Астраханское газоконденсатное (до 25 %) в РФ, Баяндыское, Ипатское и Ламбейшорское нефтяные (до 15 %) в Тимано-Печорской провинции РФ, Тенгизское и Жанажолское (до 25 %) в Западном Казахстане и др. При этом с ростом глубины бурящихся скважин расширяются пер-

спективы открытия новых месторождений сероводородсодержащих газов и нефтей. Кроме природного сероводорода значительное негативное влияние оказывает биогенный (техногенный) H_2S , образующийся в результате разложения органических реагентов в буровом растворе микроорганизмами, продуцирующими своей деятельностью сероводород. Несмотря на актуальность вопроса о влиянии сероводорода на свойства и параметры буровых и тампонажных растворов, оборудования и инструмента, объем информации об исследованиях в этой области сравнительно невелик, что требует развития уже существующих и разработки новых технологий безопасной и надежной проводки скважин в условиях сероводородной агрессии.

Одним из первых при бурении сероводород контактирует с буровым раствором, который поступает в него в результате притока высокосернистого газа из разбуриваемых пород или постепенного разложения полимерных реагентов различными микроорганизмами, в том числе сульфатвосстанавливающими бактериями, под действием высоких температур. Продуктами реакции являются: сероводород, углекислый газ и монооксид углерода.

В настоящее время одним из самых распространенных способов борьбы с сероводородной агрессией остается обработка буровых растворов реагентами-нейтрализаторами H_2S . Многообразие разработанных нейтрализаторов сероводорода в нашей стране и за рубежом свидетельствует, с одной стороны, о значительной потребности в надежных и эффективных реагентах при ведении буровых работ, а с другой – о недостаточном соответствии существующих реагентов современным требованиям технологии бурения в условиях сероводородной агрессии. Практически ни один из разработанных в настоящее время нейтрализаторов не удовлетворяет в полной мере всем требованиям, предъявляемым к ним технологий и экономикой бурения. Однако разработка новых реагентов с высокой химической активностью по отношению к сероводороду и хорошей совместимостью с буровыми растворами, образующих стабильные продукты при взаимодействии с H_2S и имеющих достаточно широкую сырьевую базу и недорогостоящих, на ближайший период, по-видимому, не является реальной задачей. Поэтому ос-

новное внимание должно быть сосредоточено на более рациональном использовании имеющихся реагентов и создании рецептур эффективных буровых растворов для бурения скважин в условиях сероводородной агрессии. Достаточно распространенным способом нейтрализации сероводорода является поддержание высокой щелочности бурового раствора [1, 2].

В Ухтинском государственном техническом университете (УГТУ) на кафедре бурения были проведены исследования бактериального разложения («старения») с течением времени различных полимерных композиций как отечественного, так и импортного производства с использованием анализатора комбинированного (рН-метр) Seven Go и вальцово-печи «OFITE». Всего было исследовано 56 различных композиций с использованием бактерицидов и без них при трех температурных режимах: 25°, 60° и 100° С. Исследования проводились при первоначальном показателе рН, равном 9, 11 и 12-12,5. В качестве регуляторов значения рН использовались каустик и окись кальция.

В результате проведенных исследований установлено:

1. Отечественные полимеры и бактерициды имеют относительно низкую бактериальную стойкость (2-6 суток при 25° С). Полимерные композиции, не обработанные бактерицидом, сразу начинают бактериально разлагаться («стареть»). Из отечественных бактерицидов можно выделить «Биоцидол», который практически сопоставим с импортными аналогами.
2. По эффективности протестированных импортных бактерицидов наиболее эффективен «Petro Cide».

Бактерицид «Biocide» наиболее эффективен при показателе рН, равном 9-10.

3. Из импортных полимерных композиций наиболее эффективен состав, содержащий разветвленный биополимер, целлюлозу и модифицированный крахмал. Однако указанная полимерная композиция без использования бактерицида и периодических обработок каустиком «старает» в течение 4 суток при температуре 25° С.
4. Полимерные композиции как отечественного, так и импортного производства с первоначальным показателем рН, равным 11, «старуют» в 2-2,5 раза медленнее, чем при рН, равном 9. Наибольшей бактериальной стойкостью отличаются высокощелочные композиции с показателем рН, находящемся в диапазоне 12-12,5.
5. Нагревание тестируемых полимерных композиций (60° и 100° С), обработанных бактерицидом и каустиком, способствует коррозии стали (ячеек), которая отсутствует при обработке раствора окисью кальция. Коррозия стали не наблюдалась и при обработке полимерной композиции окисью кальция без использования бактерицида.
6. Использование окиси кальция способствует увеличению бактериальной стойкости полимерных композиций по сравнению с каустиком. Бактериальная стойкость различных комбинаций полимерных композиций при разных температурах представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Стойкость полимерных композиций при различных температурах

Наименование композиции	Стойкость композиции в сут. при температуре °С		
	25	60	100
Без бактерицида с каустиком	4	1	1
С бактерицидом и каустиком	33	6	5
Без бактерицида с окисью кальция	не проводились	13	12
С бактерицидом и окисью кальция	10	18	17

В дальнейшем проводилась оптимизация исходной полимерной композиции за счет дополнительной обработки структурообразователями и химическими реагентами. Предпочтение при выборе состава промывочной жидкости отдавалось полимерным без- и малоглинистым буровым растворам. Всего исследовалось шесть различных рецептур буровых растворов при температурах 25° и 100° С. Оптимальным составом является буровой раствор, в котором в качестве твердой фазы использован высокодисперсный карбонатный материал. При этом срок службы биополимерного высокощелочного раствора до бактериального разложения при температурах 25° и 100° С составил 13 и 10 суток соответственно. Следует отметить и низкую материалоемкость раствора, а также отсутствие бактерицида, что делает его более экономически выгодным по сравнению с другими испытанными промывочными жидкостями и полимерными композициями.

Параллельно с исследованием бактериальной стойкости полимерных композиций была определена зависимость показателя рН от температуры. Эксперименты проводились после вскрытия ячеек, нагретых в вальцово-печи «OFITE», путем периодического замера показателя рН и температуры исследуемых композиций и растворов в процессе их остывания. Проведенные исследования показали линейную зависимость водородного показателя от температуры среды. После обработки результатов исследований методом наименьших квадратов получены эмпирические зависимости показателя рН полимерных композиций и буровых растворов от температуры среды.

В результате проведенных исследований установлено, что с увеличением температуры среды показатель рН раствора уменьшается по линейной зависимости. Аналогичные выводы сделаны рядом отечественных и зарубежных исследователей [1, 2 и др.]. При этом на основании полученных

зависимостей можно утверждать, что с увеличением температуры от 20°C (устье) до 100°C (забой) происходит уменьшение рН на 1,4-1,9 единицы, т.е., например, если раствор на поверхности имел рН, равный 9-10, то уже на забое рН снизится до 7-8, что будет явно недостаточно для нейтрализации сероводорода щелочностью буровой промывочной жидкости. Кроме этого, согласно [1, 2 и др.] наличие в скважине пород с кислой реакцией (гипс, ангидрит и др.), глинистых пород, пластовых вод и сероводорода способствует снижению рН раствора приблизительно на одну единицу.

Таким образом, на основании проведенных лабораторных исследований можно сделать следующие выводы.

1. Показатель рН бурового раствора на поверхности должен быть не менее 12,5 с целью эффективной

нейтрализации сероводорода в пластовых условиях. При этом, чем выше предполагаемая концентрация сероводорода в пластовых флюидах, тем больше должно быть значение рН раствора в приемных емкостях.

2. Разработан состав экономически выгодного высокощелочного бурового раствора, способного противостоять сероводородной агрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бурение глубоких скважин в условиях сероводородной агрессии: обзорная информация. – Москва: ВНИИОЭНГ, 1981. – 60 с.
2. Рязанов, Я. А. Энциклопедия по буровым растворам / Я. А. Рязанов. – Оренбург: Летопись, 2005. – 664 с.

УДК 332.234.4:338.486:711.2(282.256.341)

ОСОБЕННОСТИ РЕАКРЕАЦИОННЫХ ТЕРРИТОРИЙ ОСТРОВА ОЛЬХОН (ОЗЕРО БАЙКАЛ)

Рябинина Ольга Викторовна

Канд. биол. наук, доцент кафедры земледелия и растениеводства ИрГАУ, г. Иркутск

Пономаренко Елена Александровна

Канд. биол. наук, доцент кафедры землеустройства, кадастров и сельскохозяйственной мелиорации ИрГАУ, г. Иркутск

АННОТАЦИЯ

В статье перечисляются процессы, приводящие к деградации почвенного и растительного покрова северо-западной части самого крупного острова озера Байкал – Ольхона. Живописные природные ландшафты, специфические климатические условия привлекают на территорию Заповедное Прибайкалье с каждым годом все большее количество туристов. Приводятся данные подтверждающие низкую противозерозионную устойчивость почвенного покрова острова, его невысокое естественное плодородие, отражающееся на возобновлении растительного покрова.

ABSTRACT

The article itemizes processes leading to degradation of soil and vegetation cover northwestern part of the biggest island of lake Baikal. Picturesque landscapes, specific climatic conditions attracts a growing number of tourists to the territory of Forbidden Pribaikal every year. The article presents data confirming the low resistance soil erosion control of the island, its low natural fertility reflected on revegetation.

Ключевые слова: *рекреационная нагрузка, территория всемирного наследия, ландшафт, деградация, почвенный покров.*

Keywords: *recreational loading, territory of the world heritage.*

Территории, прилегающие к Байкалу, на протяжении многих лет являются излюбленным местом отдыха, как жителей Иркутской области, так и многочисленных туристов из различных уголков России, ближнего и дальнего зарубежья. Одним из таких мест является остров Ольхон - самый крупный остров озера. Его площадь составляет 730 км², длина 71,7 км, наибольшая ширина - 15 км. Происхождение острова тектоническое, он является отрогом Приморского хребта. Рельеф гористый, восточная часть Ольхона (наивысшие отметки – 1274 м и 1149 м) круто обрывается к Байкалу. Свое название остров получил от бурятского слова «ой» - «лес», «ой-хон» - лесочек, «немного лесистый», что соответствует действительности, так как сосновые, лиственничные и березовые леса распространены на северо-востоке острова и занимают его меньшую часть.

Интересен Ольхон и своим культурно-историческим наследием. На острове, по результатам инвентаризации на 1 января 1993 года расположено 143 археологических объекта, из них большинство (115) находятся на северо-западном побережье острова, именно эти берега явились наиболее благоприятными для заселения человека в эпоху позднего каменного века, о чем свидетельствуют археологические исследования, здесь найдены стоянки, ритуальные комплексы, могильники относящиеся к неолиту, железному, бронзовому векам, V-I тыс. до н.э., V-XIX векам. Практически в каждой бухте этого района зафиксированы следы пребывания древнего человека [3]. Здесь на небольшой по протяженности территории можно познакомиться с геологическими, геоморфологическими, ботаническими и ландшафтными памятниками природы. Поэтому не удивительно, что именно

эта часть побережья острова наиболее притягательна для туристов. Следует отметить, что вся территория острова находится в границах особо охраняемых земель Заповедного Прибайкалья. В связи со строгими ограничениями хозяйственной деятельности в границах Байкальской природной территории развитие туризма является приоритетным направлением экономического развития регионов Прибайкалья. В тоже время, распределение туристских потоков на побережье озера Байкал, крайне неравномерное, оно зависит от времени года, неоднородности природных условий, транспортной доступности и концентрации туристских учреждений. В результате этого на Байкале образовались так

называемые ареалы туристского посещения. Одним из таких ареалов является территория острова Ольхон (рис. 1.).

Своеобразие ландшафтов острова Ольхон заключается в контрастности: здесь на небольшом расстоянии происходит смена фаций горно-таежной Байкала-Джугджурской провинции фациями горно-степного даурской типа. Также наблюдается взаимопроникновение сухостепных и подтаежных геосистем. Антропогенное влияние выражается в наличии здесь длительнопроизводных фаций – межгорных понижений холоднопопынной на каштановых супесчаных почвах, замещающепопынной и бесстебельнолапчатковой на каштановидных легкосуглинистых почвах [1].

Рис. 1. Очередь на паром через пролив Ольхонские ворота

При этом необходимо учитывать, что природные комплексы острова хрупки и беззащитны перед усиливающейся антропогенной нагрузкой, многократно возрастающей в летние месяцы. Основное количество отдыхающих, располагает стоянки для отдыха на северо-западном побережье острова – этому способствует доступность, многочисленные проселочные дороги, проложенные, как правило, самими туристами и рельеф. На этой территории он резко расчлененный, сочетающий скалистые мысы с глубокими мелководными бухтами, закрытыми от ветров и удобными для проживания людей (рис. 2.). К сожалению, пребывание многочисленных отдыхающих негативно отражается на всем природном состоянии острова. В настоящее время не проводятся широкомасштабные комплексные регулярные исследования по изучению флоры, фауны, почвенного покрова, влияния, оказываемого на них потоками отдыхающих. Поэтому любые сведения, даже в случае их разрозненности интересны и важны, так как они дополняют и расширяют ранее полученную информацию. Объектом исследования послужила каштановые почвы и растительный покров северо-западного побережья острова Ольхон. Нами было обследовано 13 заливов – наиболее популярных мест размещения палаточных лагерей. Почвенные образцы отбирались с разных глубин в 1.5 км на северо-запад от причала

парома через пролив Ольхонские ворота, в нижней части северо-западного склона в 20 м от озера Ханхой, в 10 км на юго-запад от поселка Хужир, в верхней части юго-западного склона в 1.5 км от деревни Халгай, в 4 км на юг от горы Нухан.

Полученные данные, свидетельствующие о невысоком плодородии каштановых почв и их низкой противозерозионной устойчивости. Содержание гумуса в верхней части профиля почвы варьировало от очень низкого (1.78%) до низкого значения (3.79%). Запасы гумуса в верхней 20 см толще оцениваются как очень низкие (37.3 т/га) и низкие (63.2-85.1 т/га). Реакция почвенного раствора в гумусовом горизонте во всех исследуемых образцах была слабощелочной (рНвод. 7.1-7.4), в нижележащей толще щелочной (рНвод. 7.6-8.4). Насыщенность поглощающего комплекса обменными основаниями с глубиной возрастала до 49.1 мг-экв./100 г почвы.

Структурное состояние почвы по содержанию в ней макроагрегатов и водопрочных агрегатов, оценивается как удовлетворительное и неудовлетворительное. Преобладают почвы легкого гранулометрического состава, однако встречаются среднесуглинистые и тяжелосуглинистые почвы [5]. Степень каменистости исследуемых образцов была различной – от 0 до 19.3%.

Рис . 2. Озеро Ханхой, отделенное от залива галечниковой грядой

Оценка растительного покрова показала, что территория, прилегающая к заливам Хага-Яман и Саса, представлена сосново-лиственничными зеленомошными лесами. На данных участках значительно уплотнен почвенный покров в местах расположения палаточных лагерей. В наземном покрове снижено проективное покрытие и жизненность растений. Территория, прилегающая к заливу Сарайский, представлена в основном лиственнично-сосновыми мёртвопокровными лесами, в которых распространен рододендрон даурский в подлеске. Трансформации геосистем не наблюдается, но отмечается стадия прекращения обновления древостоя для лесных территорий

Территория, прилегающая к заливам Хужирский, Баян-Шунген, Тогай, Ханхойская губа, Шебетский, Тодакайский, Семисосенская губа, Малый и Большой Хоргой, представлена псамо- либо литоморфными сухо-степными злаковыми биотопами с доминированием житняка гребенчатого и типчака. В большинстве заливов отмечается снижение биоразнообразия наземного покрова с 10-12 видов до 5-6 видов (табл.). На некоторых прибрежных участках испытывающих рекреационную нагрузку (например, часть залива Семисосенская губа) доминируют рудеральные виды растений. Жизненность растений ниже на исследуемых территориях (высота, окраска, площадь наземной части растений). В местах расположения палаточных лагерей снижено проективное покрытие растительности наземного покрова в среднем на 20-30 %.

На побережье озера Шара-Нур доминирует разнотравно-типчаково-тырсовые и тимьяно-мятликовые сообщества. На последних стадиях дигрессии, описанные степные сообщества трансформируются в лапчатко-твердоватоосоковые сообщества, которые представлены небольшими участками в местах стоянок туристов и на подходе к воде [4].

Территория, прилегающая к заливу Сарайский, представлена в основном лиственнично-сосновыми мёртвопокровными лесами, в которых распространен рододендрон

даурский в подлеске. Трансформации геосистем не наблюдается, но отмечается стадия прекращения обновления древостоя для лесных территорий. Механические повреждения древостоя присутствуют у 50-80 % растений. Доминируют тонконог гребенчатый, житняк гребенчатый, овсяница ленская, змееголовник поникший, астра альпийская, тимьян байкальский, осока твердоватая, лапчатка бесстебельная, осока стоповидная, вероника седая, костер безостый.

Территория, прилегающая к заливам, Баян-Шунген, Хужирский, Тогай, Шебетский, Тодакайский, Ханхойская губа, Семисосенская губа, Малый и Большой Хоргой, Хул, а также мысу Шара-Шулун и озеру Нурское представлена псамо- либо литоморфными сухо-степными злаковыми биотопами с доминированием житняка гребенчатого, тонконога гребенчатого и овсяницы ленской.

В целом для степей на исследованных участках, подверженных рекреационному воздействию, характерно снижение проективного покрытия травянистого покрова в среднем на 27 %, небольшая высота травостоя (5-10 см), обилие растений с широкой экологической амплитудой (осока, лапчатки бесстебельной, одуванчика и др.) и преобладание осоково-бесстебельнолапчатковых, а на каменистых участках тимьяно-осоково-бесстебельнолапчатковых сообществ. При усиленном рекреационном воздействии травостой претерпевает значительные изменения в сторону упрощения структуры, обеднения видового состава, проективное покрытие снижается почти на 50 %.

Суровые климатические условия, маломощный гумусовый горизонт не способствует быстрому восстановлению растительности острова в случае выпадения растений в результате антропогенного воздействия – нарушения почвенного покрова в ходе строительных работ, в местах стоянок туристов, уничтожения растительности автотранспортом, квадроциклами, горными велосипедами, нерегулируемой пастьбой скота.

Таблица

Сравнительная характеристика участков, подверженных и не подверженных интенсивной рекреационной нагрузке

Название местоположения	Нарушенные участки		Фоновые участки	
	количество видов, шт.	среднее проективное покрытие травостоя, %	количество видов, шт.	среднее проективное покрытие травостоя, %
зал. Хул	10	30	14	40
зал. Сарайский	4	20	14	60
оз. Нурское	6	20	12	70
Шибетский залив	4	30	7	50
пляж Хужир	7	5	10	30
зал. Баян-Шунген	7	80	14	90
зал. Саса	5	25	12	70
зал. Тогай	6	20	12	60
Семисосенская губа	9	10	14	50
зал. Ханхойская губа	5	20	12	50
мыс Шара-Шулун	6	30	12	50
зал. Мал. Харгой	8	30	12	60
зал. Бол. Харгой	7	20	12	40

Уничтожение растительного покрова провоцирует развитие линейного размыва и плоскостного смыва, развитие дефляционных процессов (среднее количество дней в году со скоростью ветра более 15 м/сек. на Ольхоне составляет 148 дня [2]).

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать вывод о невысоком естественном плодородии и низкой противозерозионной устойчивости почвы северо-западной части острова Ольхон. На нарушенных территориях средние значения видового разнообразия уменьшается на 7 видов, среднее проективное покрытие снижается на 40% по сравнению с фоновыми участками. Сравнивая показатели по среднему проективному покрытию травостоя и количеству видов в нарушенных и фоновых местоположениях ключевых участков исследования можно сделать вывод, что наиболее интенсивные изменения геосистем проявляются возле озера Нурское, залива Сарайский и пляжа Хужир. Зная особенности изменения исследуемой территории необходимо вести контроль за количеством туристов, посещающих остров в «пик» туристического сезона, т.е. с июня по сентябрь. Для этой цели следует разработать нормы посещения острова и определенных его территорий отдыхающими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалаков А.Д., Кузьмин В.А., Снытко В.А. Геосистемы о. Ольхон и вопросы природопользования // География и природные ресурсы. – 1989. - № 3. – С. 55-66.
2. Атлас. Иркутская область: экологические условия развития. – М.: - Иркутск: институт географии СО РАН, Роскартография, 2004. – 90 с.
3. Горюнова О.И., Свинин В.В. Археология: Ольхонский район / О.И. Горюнова, В.В. Свинин. – Иркутск: Арком, 1995. – 140 с.
4. Пономаренко Е.А., Солодянкина С.В. Трансформация прибрежных геосистем озера Байкал под воздействием рекреационной деятельности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». Т. 6, №1, 2013. – С. 147-160.
5. Рябинина О.В. Результаты точечного обследования территории острова Ольхон // Научно-практический журнал «Вестник ИрГСХА». – Иркутск: ИрГСХА, 2014. – Вып. 63, август. – С. 36-42.

УДК 622.245.423.053:005.6

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА КРЕПЛЕНИЯ СТВОЛА СКВАЖИНЫ ПРИ ЦЕМЕНТИРОВАНИИ ОБСАДНЫХ КОЛОНН В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЧЕНИЯ СТВОЛА СКВАЖИНЫ

*Ширяев Андрей Богданович**Аспирант кафедры бурения, ФГБОУ ВПО Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта**Логачев Юрий Леонидович**Канд. тех. наук, доцент кафедры бурения, ФГБОУ ВПО Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта*

АННОТАЦИЯ

В статье затрагиваются технологические аспекты цементирования скважин. Рассмотрены факторы влияющие на качество цементирования. Важнейшее условие обеспечения герметичности заколонного пространства скважин – наиболее полное замещение бурового раствора тампонажным в интервале цементирования и сцепление цементного камня с обсадными трубами и горной породой.

Очевидно, что физическая сущность процессов замещения буровых растворов цементными не может быть выявлена без реологических характеристик и четких представлений и особенностях течения жидкостей как в симметричных каналах, так и с учетом кавернозности стволов бурящихся скважин, эксцентриситета обсадной колонны и др.

Конфигурация зазора в затрубном пространстве влияет: на объем цементного раствора (для каждой обсадной колонны); динамику гидравлического процесса цементирования в условиях возникающего неустойчивого режима течения потока, когда расход на входе и на выходе различный; полноту замещения бурового раствора цементным (коэффициент замещения) и др. Все названные факты влияют на качество цементирования обсадных колонн и требуют специальных технологических приемов для повышения качества крепления.

Для оценки полноты замещения бурового раствора цементным необходимы методика и критерии прогнозирования результата тампонажных работ на стадии проектных работ и непосредственно перед проведением цементирования обсадных колонн. Для решения задачи рассмотрено движение жидкости в пространстве между двумя концентрично расположенными трубами.

ABSTRACT

The article addressed the technological aspects of well cementing. The factors affecting the quality of cementing. The most important condition for ensuring the tightness of wells annulus - the most complete replacement of mud cementing slurry in the range of cementing and cement stone with the clutch casing and the rock.

Obviously, the physical nature of the processes of substitution muds cement can not be detected without the rheological characteristics and clear ideas and features of the flow of liquids in symmetric channels and trunks of cavity considering drilling wells, casing eccentricity and others.

The configuration of the gap in the annulus affects: on the volume of cement slurry (for each of casing string); dynamic hydraulic of process of cementation arising in the conditions unsteady flow regime stream when the flow rate at the inlet and outlet are different; completeness mud cement replacement (replacement rate), and others. All the mentioned facts affect the quality of casing and cementing requires special techniques to improve the quality of cementing.

In order to assess the completeness of substitution drilling mud cement are needed methods and criteria of forecasting the result plugging works at the stage of design work and immediately prior to the cementing of casing strings. For solving the problem considered by the motion of the fluid in the space between the two concentric pipes.

Ключевые слова: цементирование обсадной колонны, качество цементирования, кольцевое пространство, режим течения жидкости в кольцевом пространстве, коэффициент замещения, кавернозность ствола скважины, геометрия кольцевого пространства, замещение в затрубном пространстве с переменным зазором.

Keywords: cementing the casing, quality of cementing, annular space, flow regime of liquid in the annular space, the replacement rate, cavern porosity wellbore, the geometry of the annular space, substitution annulus with a variable gap.

Высокое качество цементирования обсадных колонн включает два понятия: герметичность обсадной колонны и герметичность цементного кольца за колонной.

Качество крепления обсадных колонн в настоящее время определяется неоднозначно, а существующие методы оценки порой дают противоречивые и взаимоисключающие результаты.

Надежность разобщения пластов и крепи в значительной степени определяется геометрией затрубного сечения, последствиями физико-химического взаимодействия промышленной жидкости и горной породы, полнотой вытеснения бурового раствора тампонажным, а также свойствами фильтрационной корки.

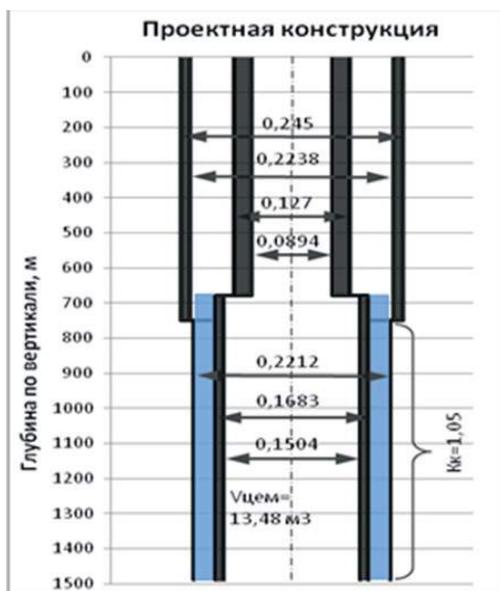
Непрерывный однородный цементный камень должен сформироваться в небольшом, близком к кольцевому сече-

нию зазоре протяженность несколько километров, что на практике реализовать практически невозможно, но любые технологии, направленные на решение этой задачи весьма актуальны и востребованы особенно в настоящее время, когда вырос объем горизонтального бурения и скважин сложного пространственного профиля.

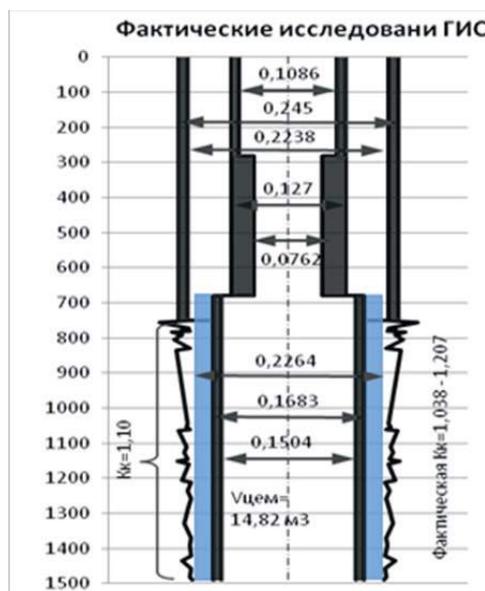
Нами проанализировано влияние коэффициента кавернозности на гидравлические параметры цементирования скважины. На практике к сожалению, при расчете гидравлических параметров процесса цементирования, применяются усредненные значения коэффициента кавернозности (средневзвешенное значение диаметра скважины).

Расчетные схемы приведены на рисунке 1. Рисунок 1а показывает проектное решение (диаметры ствола скважины, конструкция транспортной бурильной колонны и обсадных труб) для цементирования на примере скважины №2701 Бо-

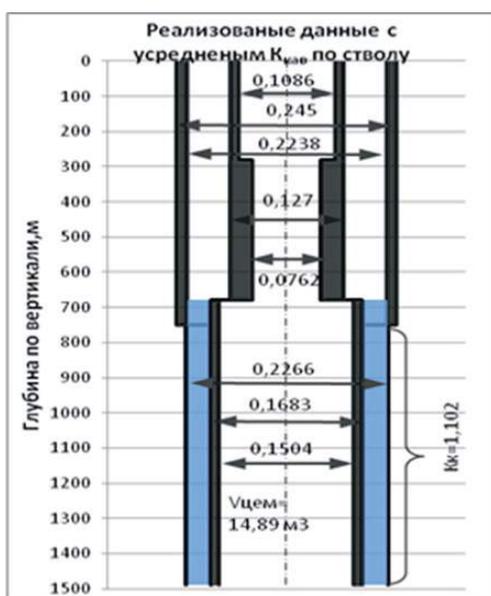
ваненковского НГКМ. Фактические результаты ГИС и фактическая конструкция скважины с учетом профиля ствола скважины показано на (схеме б). Перед креплением программа цементирования была уточнена по фактическим результатам, при этом (схема в) выполнили усреднение коэффициента кавернозности после интерпретации данных полученных в открытом стволе с профилемера. Видно, что коэффициент кавернозности меняется в широких пределах. При этом, течение жидкостей в переменных сечениях будет сопровождаться изменениями параметров режима течения (замещения) и поэтому напрашивается более детализированная разбивка на интервалы, где коэффициент кавернозности более-менее однороден. На (схеме г) показана такая интерпретация, где выделены шесть однородных интервалов.

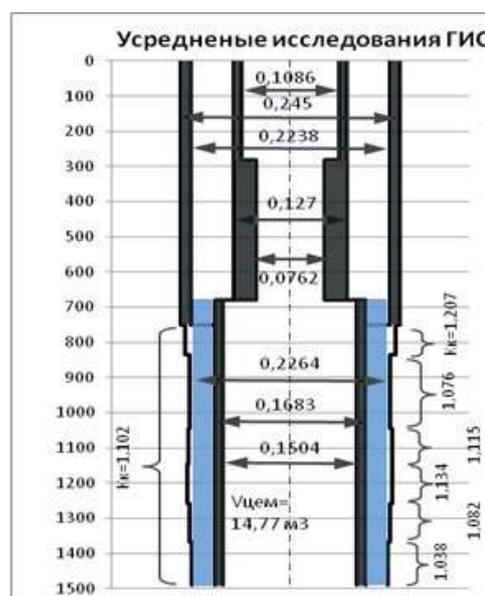
а)

б)

в)

г)

Рисунок 1. Геометрия ствола скважины

По уточненным данным ГИС получилось расхождение с проектной расчетной схемой. Коэффициент кавернозности по проектному решению 1,05, по факту 1,102 и произошло изменение конструкции спускаемой колонны, что однозначно повлияет на режим цементирования и как результат на качество вытеснения бурового раствора цементным. Необходимо отойти от практики усреднения коэффициента кавернозности (расчет по средневзвешенному диаметру ствола). Разбивка открытого ствола на однородные участки это первый шаг к повышению качества тампонажных работ.

Изменение конфигурации ствола скважины приводит к изменению не только объема цементного раствора под ка-

ждую обсадную колонну, но также оставляет свой отпечаток на динамике неустановившегося процесса цементирования, когда расход на входе и на выходе различный, а также в итоге приводит к изменению коэффициента вытеснения.

На кафедре бурения Ухтинского государственного технического университета Осиповым П. Ф. и Логачевым Ю. Л. разработаны методика и программа расчета гидравлического режима цементирования скважин [3,4]. Программа применялась для оценки качества замещения бурового раствора тампонажным при разработке программы цементирования эксплуатационного хвостовика диаметром 168 мм на эксплуатационной скважине №2701

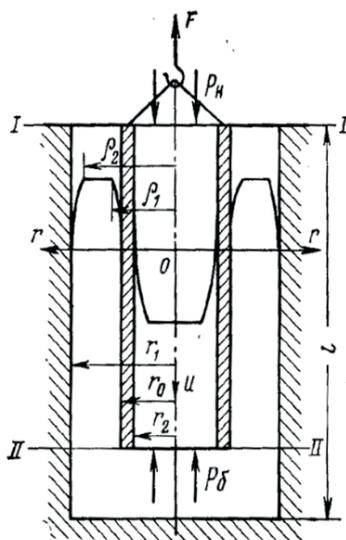

Рисунок 2. Эпюра распределения скоростей Бованенковского НГКМ.

Одной из основных задач при цементировании обсадных колонн является обеспечения качественной крепи, что обеспечивает, в первую очередь, полнота вытеснения промывочной жидкости из затрубного пространства тампонажным раствором. Для ее эффективного решения необходима методика прогнозирования степени замещения бурового раствора на стадии разработки проекта и возможность оптимизации гидравлической программы цементирования в конкретных горно-технических условиях.

Рассмотрим установившееся движение вязкопластичной жидкости в пространстве между двумя концентрично расположенными трубами [2].

На рисунке 2 показаны эпюры распределения скоростей и основные геометрические размеры колонны труб скважины. Решение уравнений динамического равновесия позволяют определить параметры потока при структурном (пробковом) режиме течения [2].

Возможность прогнозирования размера «ядра потока» и его положения в затрубье позволяет управлять его характеристиками и оценивать замещение.

Доля «ядра потока» в сечении характеризует полноту замещения при пробковом режиме цементирования. Расчет этого параметра и контроль в любой момент времени

для текущего сечения, где происходит вытеснение бурового раствора, позволяет реализовать запланированный режим цементирования и тем самым управлять процессом замещения.

Определение доли ядра для труб:

$$K_{\text{я}} = \frac{P_0}{P} = \frac{r_0}{R}; \quad (1)$$

Для кольцевого пространства:

$$K_{\text{я}} = \frac{\rho_2 - \rho_1}{D_{\text{СКВ}} - d_{\text{ОК}}} \approx \frac{f_{\text{ядра}}}{f_{\text{КП}}} = \frac{\rho_2^2 - \rho_1^2}{D_{\text{СКВ}}^2 - d_{\text{ОК}}^2}; \quad (2)$$

Для управления процессом вытеснения предлагается показатель ($K_{\text{я}}$) поддерживать при «пробковом» режиме течения жидкости не менее 0,95...0,9.

Установлено, что для кольцевого пространства можно использовать для расчета $K_{\text{я}}$ (формула 2) соотношение линейных размеров (разность радиусов ядра к диаметральному зазору) или соотношение площадей кольцевого ядра к сечению затрубного пространства. Результаты, полученные при их использовании, различаются не более чем на 1%. В трубах это свойство не выполняется.

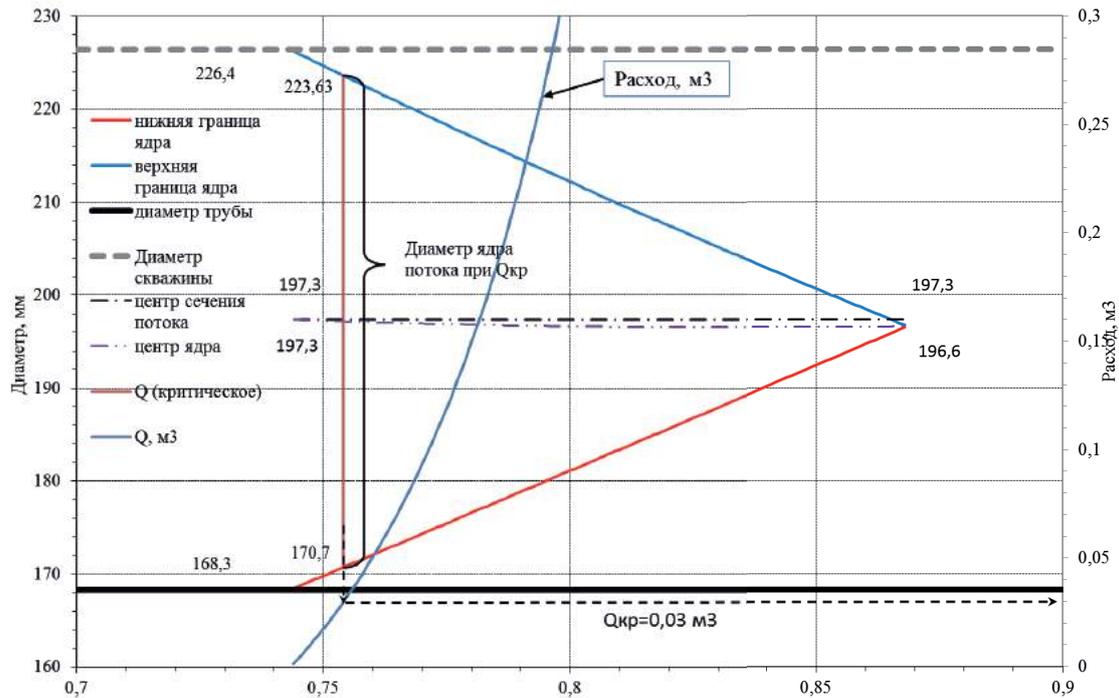

Рисунок 3. Параметры потока в затрубном пространстве

Оценка размеров «ядра потока» в затрубном пространстве для промышленных условий Бованенковского НГКМ скважины №2701 куста №27, показана на рисунке 3 при различных расходах.

Из рисунка видно, что при увеличении расхода жидкости диаметр «ядра потока» уменьшается. Уменьшение диаметра «ядра потока» влияет на качество замещения бурового раствора цементным. Следует отметить, что даже при критическом расходе для затрубного пространства $Q=30$ л/с относительный размер «ядра потока» линейное соотношение

$Kя=91,1\%$, а объемное $Kя=91,0\%$. Т.е. турбулизация потока происходит сначала у границ потока (стенки скважины и стенки обсадной трубы) и далее при нарастании подачи на насосах развивается к центру сечения. При увеличении расхода центр «ядра» жидкости смещается в сторону обсадной колонны от середины сечения затрубного пространства. В данном случае это смещение незначительное, но это так же влияет на качество замещения бурового раствора цементным у стенки скважины.

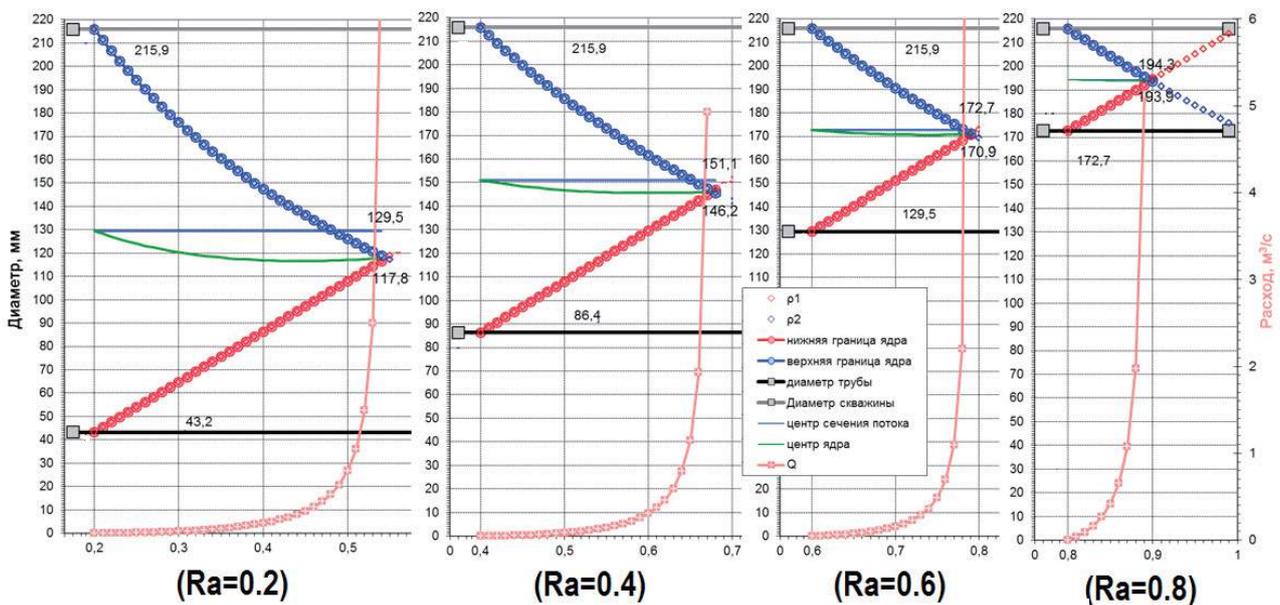

Рисунок 4. Изменение ядра потока с увеличением расхода, при отношении r_a (диаметр колонны к диаметру ствола скважины).

В расчетах принято условие - реологические характеристики цементного раствора принимались фиксированными не зависящими от температуры, времени и смещения с буровым раствором.

С увеличением диаметра скважины, доля уменьшается. Например, при критическом расходе для обсадной колонны 139,7 мм при диаметре ствола скважины 171,4 мм и 190,5 мм $Kя$, соответственно 93,2% и 88,8%.

При увеличении диаметра колонны при фиксированном диаметре скважины, доля ядра увеличивается. Например, при критическом расходе для диаметров обсадных колонн 146,1 мм, 168,3 мм и 177,8 мм при диаметре ствола скважины 215,9 мм - $Kя$, соответственно коэффициент заполнения составит 86%, 92,8% и 94,7%.

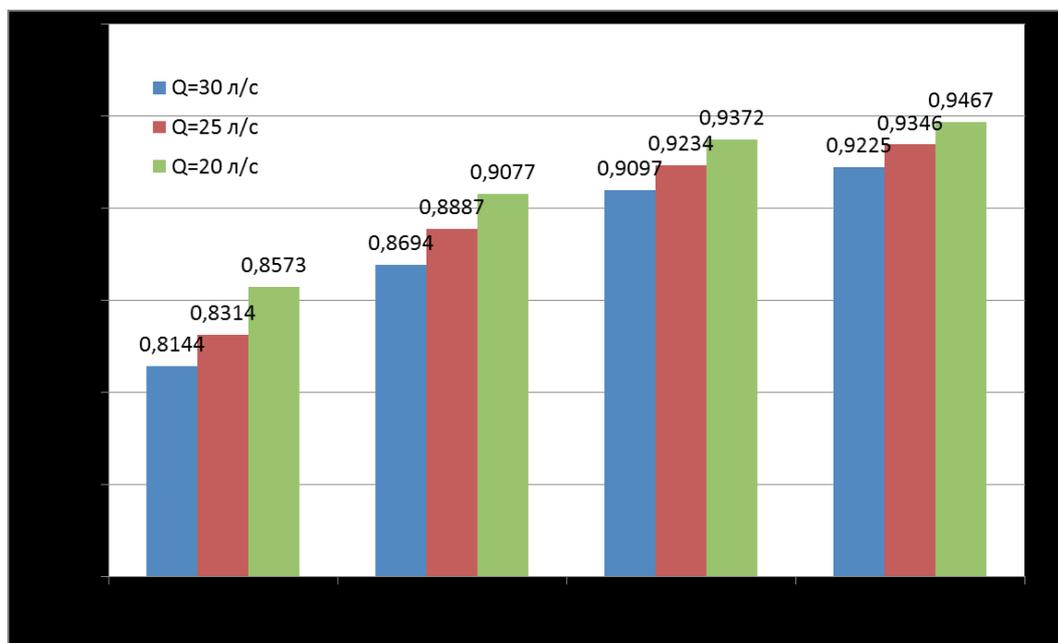

Рисунок 5. Изменение $Kя$ для различных сечений затрубного пространства при $D_{скв} = 215,9$ мм

В таблице 1 представлены расчеты «относительного размера ядра потока» ($Kя$) в процентах в скобках объемное значение, без скобок – линейное. На графике рисунок

5 представлено изменение этого параметра для различных обсадных труб при диаметре ствола скважины 215,9 мм, это изменение сильно заметно.

Таблица 1.

«Относительного размера ядра потока» ($Kя$)

Диаметр обсадной колонны	140 мм (5 ½ in)	146 мм (5 ¼ in)	168 мм (6 ⅔ in)	178 мм (7 in)
При Q=30 л/с	81,44% / (81,65%)	86,94% / (87,09%)	90,97% / (91,03%)	92,25% / (92,28%)
При Q=25 л/с	83,14% / (83,43%)	88,87% / (89,04%)	92,34% / (92,39%)	93,46% / (93,49%)
При Q=20 л/с	85,73% / (85,98%)	90,77% / (90,92%)	93,72% / (93,76%)	94,67% / (94,70%)

Таким образом, одним из резервов повышения качества цементирования является отказ от усреднения геолого-физических данных при уточнении конфигурации ствола скважины перед цементированием колонны.

Установлено, что при увеличении диаметрального зазора в кольцевом пространстве происходит смещение центра «ядра потока» жидкости в сторону обсадной трубы. Для промышленных размеров скважины и труб это смещение незначительное.

Предлагается новый критерий «относительный размер ядра потока» (*Кя*), который косвенно оценивает полноту вытеснения и позволяет оперативно управлять процессом вытеснения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Басарыгин, Ю. М. Заканчивание скважин. [Текст]: / Ю. М. Басарыгин, А. И. Булатов, Ю. М. Проселков // Недра. – 2000. – 486 с.
2. Гукасов Н. А. Гидродинамика при креплении скважин. М., «Недра», 1976. 120 с.
3. Проектирование гидравлического режима цементирования обсадных колонн в глубоких скважинах с учетом влияния «отрывного течения». Логачев Ю. Л., Осипов П. Ф. НТЖ, «Интервал» № 12 (47) – г. Самара, 2002.
4. Проектирование гидравлического режима цементирования обсадных колонн в глубоких скважинах с учетом влияния «отрывного течения» в трубах. Логачев Ю. Л., Мальковская О. Н., Осипов П. Ф., НТЖ, «Разведка и охрана недр», № 7 Изд. Недр, 1996.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О ФОРМАХ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Болибекова Мавжуда Мардиевна

старший преподаватель Национального Университета Узбекистана г.Ташкент

РЕЗЮМЕ

Рассмотрен вопрос употребления форм несамостоятельного сказуемого английского языка в сопоставлении с узбекским.

RESUME

This article is about using the forms of non independent predicate in the English language comparing with the Uzbek language.

Ключевые слова: сказуемое, несамостоятельная форма сказуемого, сложные предложения, сложноподчиненные предложения, союзы, взаимосвязь, простое предложение.

Key words: predicate, the forms of non independent predicate, complex sentence, compound sentence, conjunctions, connection, simple sentence.

Сложные предложения являются одной из сложных и интересных категорий. Исследованию этой проблемы посвящено много научных работ.

Вкратце рассмотрим определения, данные этой категории. В узбекском языке сложными называют предложения, составленные из двух или нескольких простых предложений. (1) А также распространено и следующее определение: «Сложное предложение- выражение единого высказывания, которое распадается на два и более самостоятельных предложения»(2). В английском языке; «Сложное предложения состоит из двух или нескольких простых предложений, выражающих сложную мысль». Данные предложения бывают двух типов: сложносочиненные (Compound Sentences) и сложноподчиненные (Complex Sentences). (3) Как видно, даже в таких неродственных языках, как тюркские и английский сложные предложения имеют идентичные определения, а также классификации их тоже одинаковые. К примеру, в русском языке сложные предложения делятся на сложносочиненные СП, сложноподчиненные СП, бессоюзные СП, СП усложненного типа, бессоюзные предложения сложного состава. (4) В английском языке сложные предложения также делятся на сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные СП(5). Если в узбекском языке о СП большой материал проанализирован Г. Абдурахмановым (6) и он ввёл в классификацию смешанные СП, то в английском СП было объектом специального исследования Л.Л. Иофик. (7) Категория сложного предложения изучена на материалах английского, русского, узбекского языков Ж.Ш. Джумабаевой. (8) Ж.Ш. Джумабаева исследуя односоставные предложения СП на материалах английского и узбекского языков, отметила что как в узбекском языке, так и в английском многие сказуемые употребленные в составе подчиненных предложений, могут выражаться несамостоятельными формами сказуемости.

Ниже рассмотрим сказуемые сложноподчиненных предложений в этом ракурсе. **Сложное предложения с прида-**

точными подлежащими. В английском языке этому виду придаточных предложений дается следующее определение: «Придаточные предложения подлежащие выполняют в сложном предложении функцию подлежащего и отвечают на вопросы *who, what*». (9) Придаточные подлежащие подчиняются главному союзами *that, whether, if* и местоимениями *who, whose, what, which*. В предложении *That he has made mistake is strange* часть *that is strange* является главным предложением, а *He has made mistake* являясь придаточным предложением и употребляется для пояснения смысла местоимения *that* главного предложения. Сказуемые этих двух предложений (*is strange u has made*) выражают свои значения в этих формах и в составе сложного предложения, и вне. Следовательно, эти сказуемые оцениваются как самостоятельные. Приведём примеры: *Whether they will come today (1) is not known(2) yet. 2. When we shall start (1) is uncertain (2)*. Сказуемые *will come (nuđem)* первого предложения *shall start (uedem)* выражают свои значения одинаково как в составе сложного предложения и так его за его пределами. Значит, в СП с придаточными подлежащими не употребляется несамостоятельные сказуемые.

Сложноподчиненные предложения с придаточными сказуемыми. Придаточные сказуемые употребляются для пояснения, определения значения, выраженного или невыраженного местоимения, выполняющего функцию сказуемого главного предложения. Примеры: *The trouble is that I have lost his address*. Предложение разделим на два простых и сравним значения, выраженные их сказуемыми со значениями в сложном предложении:

1. *The trouble is that 2. I have lost his address*. Значение «это» в первом предложении и «потерял» во втором выражены идентично, как в составе сложного предложения, так и в составе простого предложения.

2. *The question is that whether they will be able to help us*. В первом компоненте *is whether* и во втором компоненте *will be able* этого предложения выражены одинаково в обоих

окружениях. А особенности значения первого сказуемого (*is not*) и второго сказуемого (*was yesterday*) в предложении *The weather is not what it was yesterday* сохраняется даже когда оно (данное предложение) трансформируется в простое.

Сложноподчиненные предложения с придаточными дополнениями. В данных сложных предложениях придаточные предложение поясняет значение главного и отвечает на вопросы *what, for what, about what*. Рассмотрим сказуемое придаточных предложений в следующих примерах 1. *He told us that he felt ill.*: Это предложение состоит из двух компонентов 1. *He told us that*. 2. *He felt ill*. Значение этих двух сказуемых идентичны со значениями в сложных предложениях. И в связи с этим можно отметить, что здесь нет несамостоятельного сказуемого. Предложение *He asked us what he thought of it* разделим на две части: 1. *He asked us*. 2. *He thought of it*. Для выражения своего значения сказуемым не требуются особые окружения. При разделении следующего предложения *They laughed at what he said* – 1. *They laughed*. 2. *He said* сказуемые выражают свои значения независимо от того в составе сложного или простого предложения они состоят.

Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными. Придаточные этого предложения употребляются для пояснения неопределенного определения, находящегося в главном предложении. Рассмотрим примеры: 1. *The man who was here yesterday is a painter*. 2. *I know the man whom we mean*. 3. *Our representative whose letter I showed you yesterday will return to Moscow*. Эти сложноподчиненные предложения разделим соответственно на две части: 1.1. *The man is painter*. 2. *Who was here yesterday*. 2.1. *I know the man*. 2. *Whom you mean*. 3.1. *Our representative will return to Moscow*. 2. *I showed you yesterday*. При трансформации всех данных сложноподчиненных предложений в простые сказуемые не теряют свойственных им значений, т.е. в них нет изменений в сказуемых предложениях ни в семантическом, ни в грамматическом планах. На основании выше представленного материала можно отметить, что в сказуемых рассмотренных придаточных есть полная самостоятельность, они в составе сложных предложений и в выделенных из них простых выражают одни и те же значения. В английском языке выделяются 8 семантических видов придаточных обстоятельства. Ниже мы проанализируем каждого из них в отдельности:

1. Сложноподчиненное предложение с придаточными времени. Придаточные времени используются для выражения времени действия, обозначенного в главном предложении. Здесь придаточное предложение является ответом на вопросы *when, since when...*, выражающие значения времени. Они с главным предложением взаимосвязываются при помощи слов *when, whenever, while, as...* Ниже на примерах, в которых разделив каждого из них на самостоятельные простые предложения, рассмотрим свойства самостоятельности // несамостоятельности сказуемых:

1. *When we arrived at the port, the steamer was being landed* Сказуемое *we arrived* вне состава сложного предложения обозначает значение действия “доехали, дошли”, а в составе сложного предложения оно обозначает значение времени “Когда мы доехали, дошли”.-d в сказуемом придаточного предложения показывает, что форма времени употреблена в несамостоятельном виде.

2. Предложение *As soon as we received your telegram we instructed our office to prepare the goods for shipment* состоит

из двух частей, первая из которых (*as soon as we received your telegram* придаточное предложение, а вторая (*we instructed our Moscow office to prepare the goods for shipment*) считается главным предложением. Придаточное предложение служит для определения времени произведения действия, выраженного главным предложением. Если отдельно взять первое предложение, то в нем выражено значение “взяли”. В составе сложного предложения при помощи *as soon as* понимается значение “когда мы взяли”.

3. В сложноподчиненном предложении *We have not had any news from him, since he left Moscow* вторая часть (*since he left*) является придаточным предложением времени, здесь форма прошедшего времени служит для выражения значения “время” посредством союза *since*. В составе простого предложения выражено значение “ушел”, а в составе сложного предложения значение “когда ушел” и что позволяет его считать несамостоятельной формой сказуемости.

4. В сложноподчиненном предложении *As I was going down the road, I met your sister* первая часть выполняет функцию придаточного предложения, где сказуемое *was going down* при помощи *as* выражает значение времени, но в самостоятельном простом предложении оно выражает продолжительность действия; *I was going...* (я шел по улице- глагол прошедшего длительного времени). Здесь форма времени в модели *was+глагол+ing* можно оценить как несамостоятельную форму.

5. *While we were discharging the S.S. Pskov, we discovered a few bags damaged by sea water*. Первая часть этого предложения придаточное предложение времени и форма сказуемости *discharging* при помощи союза *while* выражает значение времени в форме прошедшего времени. Но это выражает не время происхождения действия, а оно служит для выражения действия главного предложения. Сказуемое в форме *were discharging* в составе простого предложения “*we were discharging the S.S. Pskov*” обозначает действие, продолжающееся в прошедшем времени. И это действие характерно тем, что оно не имеет силу “темпоральный признак” и поэтому форму *were+глагол+ing* также можно считать формой, образующей несамостоятельное сказуемое.

6. Предложение *I stayed at the custom house until the goods had been examined* также состоит из двух частей: первая часть (*I stayed at the custom house*) из них является главным предложением, а вторая часть (*the goods had been examined*) придаточным предложением, которые служат для выражения значения времени действия главного предложения. И поэтому значения сказуемого различаются в двух разных ракурсах. В простом предложении оно употребляется для констатации факта, а в составе сложного предложения для выражения значения времени другого действия. И это тоже показывает, что форма сказуемости несамостоятельная. На основе вышеуказанного можно прийти к выводу, что о формы -d прошедшего времени составного сказуемого придаточного предложения и *were+глагол+ing*, также можно считать несамостоятельной формой сказуемости.

2. Сложноподчиненные предложения с придаточными места. Как известно, придаточное времени сложноподчиненного предложения служит для выражения места происходящего действия главного предложения. Ниже, опираясь на примеры, рассмотрим проявление сказуемыми предложений самостоятельности // несамостоятельности когда, как и какими способами:

1) предложение *I like to spend my leave, where I can shoot* состоит из двух предложений и это предложение разделим на две части: *I like to spend my leave u I can shoot*. Здесь сказуемое придаточного предложения при помощи союзного слова *where* свое значение, проявляет признак места. Сказуемое являясь несамостоятельным, посредством глагола *where* выражает значение “на месте охоты”;

2) в предложении *He went where the doctor sent him* сказуемое придаточного предложения при помощи союзного слова *where* и посредством глагола прошедшего времени (*sent*) выражает значение места. Но здесь для выражения значения времени глагол может быть в любом времени. В вышеприведенном предложении глагол в будущем времени, а в данном - в прошедшем времени и он также служит для обозначения времени;

3) в многих предложениях сказуемое *went* в предложении вместе с предыдущим ему союзным словом также служит для выражения значения места, к примеру, *Wherever he went, he was welcome*. значит, сказуемое придаточного предложения независимо от того, в каком времени оно находится, для обозначения места должно употребляться со словами *where, wherever*. Спрягаемый глагол, употребленный с этими формами, выражает значение места и его можно оценить как несамостоятельный глагол в модели *where, wherever + спрягаемый глагол*.

Вышепредставленные все временные формы глагола, проанализированные в предложениях, являются средством, формирующим несамостоятельность сказуемого. Так как они в составе придаточного предложения имеют одно значение, а в составе простых самостоятельных предложениях обозначают другое значение.

3.Сложноподчиненное предложение с придаточными причины. Придаточные предложения показывают причину действия, выраженного в главном и взаимосвязывается с ним при помощи союзов *because, as, since, for, now that* и отвечают на вопросы *почему, по какой причине*. Обратимся к примерам:

1) В предложении *I went away because there was no one there* первая часть (*I went away*) – главное, а вторая часть (*there was no one there*.)- придаточное предложения. И выделенные сказуемые этих двух предложений в составе сложного и простого предложений выражают одно и тоже значение. А выражение причины возложено на союз *because*;

2) в предложении *As there were no porters, we had to carry the luggage ourselves* сказуемое в форме прошедшего времени *there were no* выражает значение “не было”, а причину показывает *as*. Форма или слово *as* само по себе и как средство прошедшего времени не может дать значение причины. И поэтому это средство, выражающее здесь значение времени нельзя оценивать как форму несамостоятельного сказуемого;

3)*Now that he is here, he can help you*. Это предложение состоит из двух частей, первое из них являясь придаточным предложением причины, служит для обозначения причины последующего предложения. И здесь для выражения значения причины употреблены глагол *is* вместе с глаголом *now* для выражения значения причины. Эта форма сказуемости в составе простого предложения выражает значения существования, а в составе сложного предложения значение причины и что даёт нам возможность отнести её к несамостоятельным формам сказуемости;

4) *He walked quickly for he was in a great hurry* вторая часть предложения *he was in a great hurry* являясь при-

даточным предложением служит для пояснения значения первой части главного предложения *He walked quickly for*. Глагол *was* при помощи послелога *for* второго предложения выражает значения причины. И поэтому значения сказуемого в сложных и простых предложениях в корне отличаются друг от друга.

4. Сложноподчиненные предложение придаточным образа действия. Придаточные образа действия служат для пояснения значения главного предложения и эти предложения отличаются от других своими сложными соединяющими их средствами. Приведём анализы примеров:

1.В предложении *You ought to write as he does* глагол *does* в функции сказуемого придаточного предложения вместе с единицей *as* служит для выражения образа действия главного предложения. Изменение формы времени не приводит к уничтожению выражения образа действия;

2.Предложение *You answer as if you did not know this rule* также состоит из двух частей. Действие главного предложения происходит на основе придаточного предложения. Здесь употребление единицы *as if* обеспечивает неизменность формы времени. «В придаточных предложениях с союзом *as if (as though)* глагол употребляется в форме *Paſt indefinite*, если он выражает действие или состояние, одновременное с действием или состоянием глагола главного предложения. Если глагол придаточного предложения выражает одновременное длительное действие, то употребляется форма *Paſt Continuous*. *Paſt indefinite* и *Paſt Continuous* употребляются независимо от того, в каком времени стоит глагол главного предложения.» Этому можно привести следующие примеры: 1. *He spoke as if he knew this question very well*. *They walked slowly up the stairs as if they were carrying something heavy*.

В подобных типах сложноподчиненных предложений сказуемое придаточного предложения можно оценить как несамостоятельное сказуемое, так как эти сказуемые для проявления своих значений требуют особого окружения.

3. Предложение *He played so well that everybody admired him*. разделим на простые и сравним выражения значения сказуемых со значениями в сложных предложениях; 1.*He played so well*. 2. *Everybody admired him*. В этих предложениях видно, что сказуемые для выражения своих значений не требуют особых окружений. И в связи с этим их можно считать самостоятельными сказуемыми. Форма прошедшего времени в таких типах предложений выступает как самостоятельная форма сказуемого. А в других случаях употребления не исключено, что оно может выступить как несамостоятельная форма сказуемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахмонов Г. Кушма гап синтаксиси асослари. Т.1989.
2. Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. М.1978; Иванова И. П. Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка.- М. «ВШ» 1981; Качалова К.Н. и др. Грамматика современного английского языка. Бишкек,2005.
3. Грамматика русского языка. Т. Синтаксис. М.1954. с. 444; Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Шведовой Н.Ю. М.1970.
4. Гулямов А.Г., Аскарлова М. А.. Грамматика узбекского языка.// II часть. Синтаксис. Т. 1959. С. 77.

5. Джумабаева Ж.Ш. Мустакиллик даври публицистик асарлардаги кушма гаплар талкини(узбек ва инглиз тилларидаги матнларнинг кийси тахлили асосида) Дисс. канд. филол. наук. Т. 2006
6. Иофик Л.Л. Сложное предложение в новоанглийском языке . ЛГУ,1968.
7. Качалова К.Н., Израилович Е.Я. Практическая грамматика английского языка . Бишкек. Изд. Туркистан ,2005. С. 410.
8. Кононов А.М. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.1960. С.406.

МИР ШУКШИНА: РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Воробьева Александра Николаевна

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются тексты В. Шукшина, повествующие о мучительном состоянии души его героев, страстно желающих понять мир незнакомых людей, которые почему-то хотят нанести ему зло; прослеживается рождение из этих персонажей настоящего Героя в романе «Я пришел дать вам волю».

ANNOTATION:

The article deals with the texts by V. Shukshin which say about a painful state of soul of his heroes, eager to understand the world of strangers who for some reason want to inflict evil; the birth of the real Hero from these characters is traced in the novel "I came to give you freedom".

Ключевые слова: маленький человек, эволюция, Герой, чудик, атаман, исторический герой, казаки, народ, воля, Степан Разин.

Key words: little man, evolution, Hero, freak, ataman, historical hero, the Cossacks, the people, will, Stepan Razin.

Один из центральных смысловых эпизодов в сюжетах Шукшина, - мгновенно возникающий конфликт в душе героя, случайно столкнувшегося с незнакомым человеком в случайной ситуации (в магазине, в аптеке, в гостях и т.п.), и все это мелкие эпизоды, мелкие стычки, на которые не стоит, наверное, обращать внимание, но беда в том, что все это происходит постоянно, каждодневно, негативные ощущения накапливаются и, многократно повторенные, трансформируются в постоянное, безнадежно экзистенциальное качество. Шукшин мастерски конструирует параллельный нарратив: динамичный диалог и внутреннее переживание героя, как своего рода авторский комментарий к диалогу. Герой рассказа «Змеиный яд» пытается выполнить просьбу больной матери прислать ей лекарство – змеиный яд. Максим предпринимает немислимые усилия, чтобы раздобыть его в городе, где он живет, и сталкивается с непонятными ему обстоятельствами: отсутствие рецепта, непреодолимая очередь к врачу, равнодушие, презрение, легко переходящее в высокомерную агрессию. Он видит в очереди к врачу пожилого мужчину, «у которого была такая застойная тоска в глазах, что глядя на него, невольно думалось: “Все равно все помрем”» [1. С.336]. В одной этой фразе содержится намек на будущее молодого Максима, только начинающего путь к «застойной тоске»; и напоминание о неизбежной смерти; и предупреждение-призыв к действию по самозащите.

Несмотря на отказ аптекаря, после «отказной» же встречи с земляком, совершенно потерянный, Максим решительно возвращается в ту же аптеку. Далее происходит примечательный разговор с заведующим. « - Вот. – Максим протянул ему рецепт. Сердце его вдруг так заколотилось, что стало больно в груди.

Заведующий повертел в руках рецепт.

- Не понимаю...

- Мне такое лекарство надо. – Максим поморщился – сердце выбрыкивало нешуточным образом.

- У нас его нет.

- А мне надо. У меня мать помирает. – Максим смотрел на заведующего, не мигая: чувствовал, как глаза наполняются слезами.

- Но если нет, что же я могу сделать?

- А мне надо. Я не уйду отсюда, понял? Я вас всех ненавижу, гадов!

Заведующий улыбнулся.

- Это уже серьезнее. Придется найти. – Он сел к телефону и, набирая номер, с любопытством поглядывал на Максима. Максим успел вытереть глаза и смотрел в окно. Ему стало стыдно, он жалел, что сказал последнюю фразу» (с.339). Трудно даже просто перечислить, сколько чувств и ощущений испытал герой в течение этого маленького, но столь насыщенного и стремительного разговора с незнакомым человеком, от которого зависел Максим в данный момент. Весь эпизод строится на эффекте неожиданности, возникающей в результате внезапного слома привычной логики существования. Был ли Максим обижен настолько, чтобы так остро, болезненно отреагировать на отсутствие лекарства в аптеке? Неужели впервые он столкнулся с дефицитом? Конечно, следует учесть фактор больной матери, но ведь сын не так уж часто вспоминал о ней, года два не ездил в родную деревню. И вот впервые он открывает в себе ту же черствость, которую тут же переносит на всех («Я вас всех ненавижу, гадов!»). Но тут же, видя незамедлительную помощь одного «гада», чувствует стыд и сожаление по поводу своего скоропалительного обобщения.

Вопрос Шукшина формируется в парадигме XX века, в причинно-следственном векторе – не что делать или кто виноват, а – почему или зачем? Позже этот же вопрос повторит

В.Распутин в «Пожаре», но его героиня уже точно задаст его самой себе: «Мы почему, Иван, такие?».

Первые герои Шукшина – «сельские жители» – вскоре эволюционировали в ближайших своих генетических «родственников» – полу-сельских, полу-городских жителей, и эта невятная двойственность порождает в них «чудика», своего рода код, который становится их самой устойчивой характеристикой, определителем типа при всем многообразии проявлений, как правило, на бытовом уровне. Герои Шукшина то придумывают себе несуществующие подвиги (сюжет Броньки Пупкова о покушении на Гитлера в рассказе «Миль пардон, мадам!»); или невероятные любовные похождения (Санька Журавлев в «Верии»); то отстаивают «пяточек» своей самостоятельности, как непонятной свободы и независимости, подобно Алеше Бесконвойному, для которого субботняя баня превращается в почти религиозный обряд, позволяющий ему выключаться из будничной текучки и неспешно размышлять; то въедливо «учат людей добру и терпению» («Непротивленец Макар Жеребцов») и т.д. Художественное открытие Шукшина «накапливалось» из множества деталей, штрихов, намеков, скрытого погружения в глубины «простой души». Писатель создавал тип человека, в котором, казалось сначала, все давно знакомо до мелочей, а потом, на каждом новом этапе литературной истории, обнаруживалось столько непривычного, нестереотипного, загадочного, найдено такое бесчисленное, неисчерпаемое множество индивидуумов, что все это потрясло канон реализма, сложившееся во времени представление о простом человеке, о народном типе, о человеке вообще.

Глубоким эстетическим прорывом в эволюции шукшинского чудика становится Степан Разин, о котором мечтал писатель, всегда чувствовавший свое близкое родство с этим народным героем и эстетически, и социально. Создается впечатление, что шукшинский Разин создан из наиболее ярких чудиков путем сложения их парадоксов и добавленной оксюморонности. Он может и пожалеть, но не врага. Вдруг обнаруживший в себе отсутствие жалости к врагу или казачьему отступнику, даже близкому товарищу, он злится, мучаясь от того, что не умеет свести концы с концами между *вольным* казаком и *волей*. И когда об этом простодушно говорит жена Алена, он, чувствуя ее правду, даже пытается объяснить свои действия. « - Я – вольный казак... Но куда я деваю свои вольные глаза, чтоб не видеть голодных и раздетых, бездомных... Их на Руси – пруд пруди. Я, может, жалость потерял, но совесть-то я не потерял! Не уронил я ее с коня в чистом поле!.. Жалко?! В гробину их!..» [2. С. 198]. Волю казака как экзистенциальный закон его жизни Разин интуитивно связывает с жалостью, совестью, правдой «голодных и раздетых», т.е. само понятие *воли* становится семантически шире. Об этом пишет И. Золотусский: «Это конец исторической судьбы, а не отдельной жизни, конец идеи о воле, которая не воля вовсе, если неволить других надо, чтобы она восцарствовала» [3. С.57]. Л. Аннинский считает, что «Стенька тряхнул сонную Московию», «до кровавого предела исчерпав, испытав, изжив разгульную волюшку» [4. С.264]. Впрочем, согласиться с разинской исчерпанностью «разгульной волюшки» трудно. Даже если иметь в виду только контекст его же времени, как и времени самого автора. Вектор жестокости в исторической незавершенности всех последующих контекстов указывает скорее на усиление *воли* при том, что само это понятие будет сужаться до еще более кровавого предела. И Шукшин это

выразит с эстетической точностью главного героя его мира. Когда вскоре произойдет жуткое убийство казака казаком же (есаул Иван Черноярцев, из ближнего круга Разина, пытается остановить пьяную драку, применил саблю, о чем потерянно жалеет), Разин с остервенением поучает его: « - Ты эту жаль позабудь! Рубнул – рубнул, ну и все. А сопли распускать перед войском – это

я тебе не дам. Ты – вож! Случись завтра: достанет меня стрелец какой-нибудь, кто все в руки возьмет? <...> Жалко? Ночь придет – пожалей. Один» (204).

Шукшинский Разин не прост и в отношении с «мужиками». Проблему отношений казаков с «мужиками» писатель воспринимает явно в контексте своей личной творческой судьбы, близко к сердцу своего любимого героя-«чудика», маленького человека, отчаянно пытающегося решить «большой» вопрос: почему один человек, получивший право судить другого, делает это с нескрываемым удовольствием? А ведь они даже не знают друг друга и ничего плохого еще не успели сделать один другому. Варианты мотива странного, явно несправедливого неравенства в одной и той же социальной группе представлены во всех сюжетах Шукшина. Именно эту непонятную диспозицию он подвергает откровенно пристрастному анализу в своем итоговом романе «Я пришел дать вам волю», чтобы понять истоки и причины взаимного отчуждения «чудика» и большинства других персонажей из того же самого народа. Шукшин зримо, в «картинках», из которых почти всегда рождалось его кино, показал парадокс своего героя, так наглядно проявившийся на гребне его славы. Конечно, его Разин – не «маленький» человек и даже в истории числится выдающейся личностью. Но Шукшин переводит его на эстетический уровень в рамках категории литературного героя, наполняя исторически конкретным материалом, связанным с происхождением казачества и с проистекающими отсюда смыслами. И в этой новой, глобальной ситуации Разин – *один* из множества «маленьких», униженных и оскорбленных русских людей, испытавших, но не осознавших природу собственной амбивалентности, внутреннего раскола души, ибо веками не пытались вырваться за ограниченные пределы своего архетипа, подняться над самим собой.

Разин попытался и даже пришел к народу, «чтобы дать ему волю», чтобы все другие «маленькие» захотели стать вровень с большим миром, – об этом роман. Один из самых близких сподвижников Разина – «мужик» Матвей, способный народный мыслитель, рассуждает на эту тему правильно, превосходя казацкую местническую узость. Признавая вольности донских казаков, он говорит: «...вся Россия на Дон не сбежит. А вы, как есть вы донские казаки, про свой Дон только и печалитесь <...>. Уж поднялись, так подымайте за собой всю Расею» (211).

Каждое человеческое деяние атамана Шукшин уравнивает с его жестокостью. Порой возникает впечатление, что писатель контролирует героя, тщательно вычисляя обе стороны его личности, «компрометируя» добрые поступки, тут же накрывая их плотной жестокостью, чтобы выговорить, излить собственное свое раздражение непонятливостью любимого героя, пленительного до нежности (к семье) и brutального до грубости. Автор явно беспощаден к своему герою и готов слегка утрировать его жесткость, от которой явно страдает сам. Даже симпатизирующий Разину читатель должен испытать чувство ужаса при чтении многих эпизодов с упомянутой выше жестокостью Разина. Вот, например, страшная

расправа в Царицыне над воеводой и его людьми, в числе которых – мальчик-племянник. Воевода – враг, но и друга, «мужика» Матвея Разин готов разорвать за то, что тот умнее, дает разумные советы, и казаки его поддерживают. Поминки по деду Стырю Разин превращает в жестокую кровавую вакханалию – какое-то сатанинское жертвоприношение: убито 300 пленных стрельцов, полностью сожжен Камышин.

Человек кино, Шукшин и в своей прозе использует приемы кино, как, в частности, пейзажный киноконспект. Но иногда писатель прорывает собственные ограничения, если нужно показать страдание или тревогу героя. «Матвей нашел атамана, когда солнышко уже село. На просторную степь за Волгой легла тень. Светло поблескивала широкая полоса реки. Мир и покой чудился на земле. Не звать бы никого, не тревожить бы на этой земле... Звезды в небе считать. Почему же на душе все время тревожно, больно даже?» (268).

Е.Евтушенко увидел в романе Шукшина новый концепт Разина, тезисно воплощенный в другом типе названии, в другой форме – «я пришел дать вам волю». «Воля» – чисто русское понятие, в отличие от свободы, мимикрирующее от сказочного еще смешения «что воля, что неволя» через готовность к исполнению чьей-то воли («воля ваша»), то есть к несвободе. Шукшин слит со своим героем в некий симбиоз и написал роман о нем, как о самом себе. Свобода – слово для всех, воля – для маленьких, вообразивших себя великими. Свобода – космическая упорядоченность; воля – слово, однокоренное *произволу*, хаос несговорчивости, тайна непредсказуемости. Весь нервный творческий запал Шукшина был устремлен к распутыванию и разгадыванию этой «темницы» русского человека. Подобно его «чудика», которому важно понять подноготную обидных для него поступков таких же в общем «маленьких», но возымевших над ним скоропреходящую власть данного момента. Маленький бывает, как правило, куражлив, исполнен ложной энергии собственной значимости, и подобные моменты он предвкушает с наслаждением.

В ближнем контексте советской литературы 1960-70-х годов этот нервный персонаж, все время добывающийся какой-то правды, производил впечатление чудаковатого, недалекого «мужика», но именно он был удостоен всепоглощающей авторской любви. Справедливо пишет И.А.Спиридонова: «В центре творчества Шукшина стоит проблема личности с ее вечной и всегда остросовременной драмой свободы и совести. И здесь, в пределах художественного мира писателя, каким бы вопросом мы ни задались, какой бы персонаж ни рассматривали, все они обязательно приведут нас к Разину».

Степан Разин – человеческая и художническая страсть Шукшина; личность, постоянно занимавшая его ум и серд-

це; характер, который он буквально носил в себе. Это не просто главный среди героев писателя, но их квинтэссенция – историческое лицо, концентрированно выразившее бунтарский дух, который особенно притягивал и тревожил Шукшина» [5. С.18]. В судьбе и характере вольнолюбивого атамана Шукшин искал ответы на самые проклятые вопросы своего личного и общенационального бытия. Так огромен, так важен был для него этот исторический характер, так невозможно было ошибиться в понимании его существа, что писатель за всю свою короткую творческую жизнь спешил рассмотреть его со всех сторон (в литературе), во всех ракурсах (в кино).

Степан Разин и Василий Шукшин, – безусловно, родственные души. У них – общий русский менталитет, сохранившийся в его корневой парадоксальной сути почти без изменений до нашего времени. Черты Разина просматриваются в любимом шукшинском герое – «чудике», готовом встать один на один против всякой «чертовщины», как это делает Иван-дурак в сказке «До третьих петухов», как Егор Прокудин платит жизнью за свой поиск, как встал Степан Разин перед Москвой, но пал, сраженный предательством, не успев осознать свою историческую обреченность. Е.Евтушенко в шукшинском «чудике» также видит истинно русский народный характер, сближая его со Степаном Разиным. «Степан Разин – тоже разновидность Князева, но волею судеб вознесенная над волнами истории. Волны истории уже давно изменились по составу, как говорит древняя пословица: нельзя в одну и ту же воду войти дважды. Но отражение Степана Разина до сих пор покачивается в этих волнах. Степана Разина Шукшин не идеализирует и не принижает. Он срисовывает Стенькину душу со многих людей и с себя тоже» [6. С.449]. Скорее Шукшин стремится не «срисовать», а воплотить в незабываемый поэтический образ этого героя, так и оставшегося незавершенным, каким остался сам безвременно ушедший писатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шукшин В. Брат мой. Рассказы, повести. М.: Современник, 1976.
2. Шукшин В. Я пришел дать вам волю. М.: Советский писатель, 1974. В дальнейшем роман цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.
3. Золотусский И. История, исповедь, легенда // Лит. обозрение. 1979. № 3).
4. Аннинский Л. Воля. Путь. Результат // Новый мир. 1975. 12.
5. Спиридонова И.А. Степан Разин Василия Шукшина // Русская литература, №4, 1990 - С.18.
6. Евтушенко Е. Завтрашний Ветер. М.: Правда, 1987.

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЯМЫХ И КОСВЕННЫХ ЭКСПРЕССИВНЫХ АКТОВ В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО И ИЛЛОКУТИВНОГО МОДУЛЕЙ

Головинова Полина Андреевна

магистрант кафедры теории языка и русского языка ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону

Кудряшов Игорь Александрович

докт. фил. наук, профессор кафедры теории языка и русского языка ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону

АННОТАЦИЯ

Цель изыскания заключается в определении прагматических оснований дифференциации прямых и косвенных экспрессивных актов в диалогической речи с опорой на контекстуальный метод исследования. Установлено, что прямые и косвенные экспрессивные акты задействуются в целях выражения симптоматической реакции на предшествующую диалогическую реплику собеседника или выполненное им невербальное действие. Экспрессивные речевые акты относятся нами к тем прагматическим механизмам, посредством которых осуществляется оптимальное управление процессом развития диалогического взаимодействия. Для прямых актов характерным является актуализация исключительно иллокутивного модуля, косвенные акты реализуют одновременно иллокутивный и информационный модули.

ABSTRACT

The aim of the investigation is to define the pragmatic basis for differentiating the direct and indirect expressive acts in the dialogic speech based on contextual research method. It is ascertained that the direct and indirect expressive acts are used with the purpose of expressing the symptomatic response on the interlocutor's previous dialogic replica or his / her non-verbal action. The expressive speech acts are considered to be the pragmatic mechanisms based on which the speaker and the listener realize the optimal management of the developing the dialogic interaction. The direct acts are characterized with the actualization of illocutive module exclusively; the direct acts realize simultaneously illocutive and informative modules.

Ключевые слова: диалогическая речь, прямые и косвенные экспрессивные акты, восклицательные высказывания, эмоционально-оценочный компонент, иллокутивный и информационный модуль.

Keywords: dialogic speech, direct and indirect expressive acts, exclamation, emotional and estimative component, illocutive and informative modules.

С учетом многочисленных актуальных аспектов в текущей лингвистической литературе активно обсуждаются такие прагматические феномены диалогической коммуникации, как восклицательные высказывания и экспрессивные речевые акты [4, с. 171–178; 5]. Заложенный в подобных диалогических действиях эмоционально-оценочный компонент ориентирован на текущее отражение предпочтений и интересов субъекта речи, которые оказываются актуальными в данном коммуникативном контексте общения, предопределяют аксиологическую перспективу этого общения. Лингвисты отмечают тот факт, что категория оценки неизбежно влечет за собой актуализацию человеческого фактора в языке [1, с. 31; 8, с. 37]. Данный фактор, в свою очередь, формирует исследовательскую основу для действенного анализа категории оценки в эмоционально-волевом и экспрессивном контекстах, специфики личностной интерпретации дихотомии «субъективного–объективного» в языковой системе и речевой ее реализации.

Семантико-прагматическое разнообразие восклицательных высказываний и экспрессивных речевых актов устойчиво соотносится с многообразием и вариативностью стилей и регистров диалогической речи. Общая схема их прагматической действенности конструируется с опорой на то обстоятельство, что языковые знаки функционируют и интерпретируются, исходя из определенного коммуникативного контекста, текущей социально-культурной реаль-

ности, субъектами которой выступают собеседники. Данные диалогические действия оказываются не свободными от ментальных переживаний собеседников. Их оптимальное понимание связывается как с внутренним виртуальным, так и с внешним объективным планом оценивающей деятельности участников диалога, они не только сообщают адресату о внутреннем состоянии говорящей личности, но и содержат информацию о типах источников, которые стимулируют данную эмоциональную реакцию.

Восклицательные высказывания и экспрессивные речевые акты фиксируют аксиологические стереотипы, которые, в свою очередь, определяют материальные и идеальные сферы действия оценочной деятельности субъекта речи. Прибегая к подобным действиям, адресант принимает во внимание как общекультурные сценарии оценочной деятельности, так и действенные аксиологические стереотипы, задаваемые системой языка, а также порождает личностно ориентированную проекцию этих сценариев и стереотипов в языковом сознании слушающего в целях облегчения процесса декодирования эмоций и скрывающихся за ними импликаций.

Общая оценка, реализуемая рассматриваемыми нами диалогическими действиями, обладает концептуальной природой, поскольку отражает точку зрения субъекта речи об абсолютной и относительной ценности тех или иных реальных предметов и явлений в действительной реальности.

Знание о ценностях выступает в качестве необходимого условия для обеспечения успешной познавательной деятельности участников взаимодействия, формирующей навыки и умения, помогающие ориентироваться в создавшемся положении дел. Оценочные коннотации, характерные для эмоциональных диалогических действий, включают в себя разнообразие структуры действенных знаний об объективном мире, сферой применения которых становятся предметы действительности и их существенные признаки; ценностные свойства предметов, проявляющиеся в определенных связях и отношениях друг с другом; нормированное проявление предметов, предполагающее отклонение от обычной нормы в сторону усиления положительных или отрицательных характеристик; сформированные в социокультурном сознании стереотипы оценивания как самих объективных предметов, так и их существенных признаков; типизированные психологические реакции адресата, которые связаны с оперированием оценкой в условиях диалогической коммуникации, типами оценочного поведения, допустимого в межличностном взаимодействии.

Мы считаем, что восклицательные высказывания обладают устойчивыми прагматическими характеристиками, а именно они: 1) отражают сильные положительные или отрицательные эмоции (явно не указывая на испытываемые субъектом речи в момент говорения чувства) относительно определенного положения дел; 2) типологизируются по степени проявления испытываемых эмоций; 3) манифестируют своего рода отклонение от нормы оцениваемого объекта, чрезмерную эмоциональную активность адресанта, потерю контроля над собой, неконтролируемый эмоциональный всплеск, что потенциально может находить явное выражение в пропозиции речевого акта.

Восклицательные высказывания, в свою очередь, обладают специфическими синтаксическими и интонационными характеристиками. В процессе их диалогической реализации наблюдается актуализация двух прагматически значимых модулей: иллюкутивной (эмоциональный всплеск) и информационной (указание на то, что оцениваемый объект отклоняется от естественной нормы своего привычного состояния) структур. Данные акты дифференцируются от экспрессивных речевых актов, при инициации которых, по мнению Дж. Серля, актуализуется исключительно иллюкутивная структура.

Полагаем, что восклицательные высказывания, обладающие указанными выше характеристиками, следует рассматривать как косвенные экспрессивные акты, поскольку основным их предназначением является оказание эмоционального воздействия на адресата. Информативный модуль косвенных экспрессивных актов оказывается подчиненным иллюкутивному модулю, выступает как вторичный, несущественный в рамках оказываемого воздействия. Прямые экспрессивные речевые акты используются в диалоге для выражения положительных / негативных эмоций субъекта речи по поводу того, что предмет общения проявляет в текущем контексте взаимодействия собеседников несвойственные ему характеристики. Подобные эмотивные диалогические действия не являются восклицательными по своей прагматической природе, поскольку не содержат информационного модуля общения, т.е. дополнительно не обогащают адресата какими-либо новыми знаниями. Ср.:

(1) «Секретарь. Раз, два, три... замолчите! Четыре, пять, шесть, семь, восемь...

Жена Гуськова. **Возмутительно!**» [2, с. 44];

(2) «Amy. For him it'll be like I'm springing a trap.

Amy suddenly raises her voice.

It's everything he's feared! I know him. You don't. I tell him now and at once he's going to feel cornered ...

Esme. **That is ridiculous!** What kind of man is this?» [10, p. 59].

Иницируя диалогическую реакцию посредством прямых экспрессивных актов, субъект речи осуществляет частичный контроль над своими эмоциями, подгоняет эмоциональное самовыражение к конвенциональным нормам общения, манипулирует этими нормами в целях достижения успешного диалогического взаимодействия и поддержания оптимально эффективных отношений с адресатом. Потенциально это может приводить к некоторым деформациям в диагностике действительного эмоционального состояния субъекта речи, который внутренне испытывает ту или иную эмоцию и открыто не проявляет ее. Вместе с тем, он может намеренно демонстрировать свое эмоциональное состояние, особенно если его манифестация оказывается социально приемлемой и ожидаемой в рамках данного общения.

Между прямыми и косвенными экспрессивными актами, таким образом, обнаруживаются определенные прагматические различия. В частности, термин «прямой экспрессивный акт» имеет непосредственное отношение к диалогическим высказываниям, реализация которых фиксирует некоторое эмоциональное состояние субъекта речи с опорой на такие лингвистические средства, как интонация, перформативные выражения. Подобные акты не обладают специфической синтаксической структурой, их маркирование как таковых определяется контекстом текущего общения. Эмотивная функция косвенных экспрессивных актов, напротив, маркируется синтаксической структурой предложения (в частности, наклоном глагольного предиката). Косвенные акты выражают тот факт, что объект, оцениваемый говорящим, не соответствует привычной норме своего естественного состояния, отклоняется от нее в силу интенсивности проявления своих положительных или отрицательных характеристик. В связи с этим, подробные акты отражают такие эмоции, как удивление, изумление, радость, разочарование, испытываемые адресантом по поводу того, что оцениваемый объект проявляет несоответствие своей естественной норме. Указанные эмоции фиксируются пропозициональным содержанием речевого акта с опорой на определенные интонационные модели. Ср.:

– прямые экспрессивные акты:

(3) «Фёдоровна. А нет, нету! А раньше у детей разница в возрасте была большая. Старшему, к примеру, шестьдесят... а младшенькому сорок. Вы тоже можете родить еще через лет пятнадцать.

Валера. **Только через мой труп!**» [6, с. 72];

(4) «Kyra. It was my first trip to London, I just walked in off the street.

Toby. You were eighteen.

Kyra. **Incredible!**» [10, p. 92];

косвенные экспрессивные акты:

(5) «Валя: Но ведь они у меня чистые!

Работник бассейна – женщина: Какие они чистые, раз одели! **Сколько там всего теперь!** А мы бассейн хлорим! У нас всё соблюдается!» [7, с. 51];

(6) «*Kyra. That ghashtly hamburger restaurant you had! You were in your chargrilled hamburger phase.*

Toby. Oh God, I'm ashamed! I mean, I'm ashamed of the lecture, I'm ashamed of those burgers as well» [10, p. 38].

Прямые экспрессивы, обнаруживаемые в примерах (3)–(4), служат исключительно прагматическим средством выражения эмоций, которые испытываются говорящим в момент общения. Косвенные экспрессивы, выделенные в примерах (5)–(6), не только фиксируют эмоциональное состояние адресанта, не удовлетворенного текущим положением дел, но и содержат в своей пропозиции указание на то, что оцениваемый объект по своим существенным характеристикам не соответствует норме своего естественного состояния в силу негативности своего проявления.

Заложенная в косвенных экспрессивных актах прагматическая двойственность (актуализация как иллюкутивного, так и информационного модулей) делает их конструктивным средством как инициации контекстуально обусловленных отрицательных эмоций (недовольства, раздражения), так и расширения представлений адресата о текущем положении дел. При этом говорящий собеседник устанавливает факт отклонения оцениваемого объекта от нормы, исходя из субъективного восприятия ситуации. Диалогические реплики, содержащие прямые и косвенные экспрессивы, фактически, обладают общим интонационным рисунком: их инициация сопровождается громкостью произнесения, высотным уровнем и диапазоном голоса, который не всегда контролируется субъектом речи.

Очевидно, что в сознании участников диалогического общения обнаруживаются определенные стереотипы относительно интонационного дифференцируемых эмоциях, которые формируются при непосредственном влиянии стандартов, принятых в конкретном социокультурном сообществе и языковом коллективе. Прагматически значимыми оказываются также и индивидуальные психологические особенности субъекта речи, предопределяемые его жизненным и лингвистическим опытом, темпераментом, возрастом, полом. Отражение в обыденном сознании указанных стереотипов, как представляется, подтверждает тезис о том, что между интонационными типами восклицательных высказываний и экспрессивных речевых актов и социальными типажам собеседников, которые владеют данными типами, существуют устойчивые ассоциации. Можно отметить, что с учетом специфики интонационного рисунка иницируемой диалогической реплики прямые и косвенные экспрессивы не могут быть последовательно дифференцированы. Однако типы восклицательных высказываний, форму которых приобретают рассматриваемые нами речевые акты, в сознании участников диалогической коммуникации ассоциируются с тем или иным интонационным рисунком [3, с. 57].

И. Розенгрэн выявляет специфику взаимосвязи между структурой, пропозициональным содержанием и интонационной моделью эмоционально иницируемых высказываний [11]. Для этих целей исследователь обращается к понятиям концептуальной и эмотивной системы субъекта речи, которые не получают отражения в грамматической структуре восклицательных высказываний. Указанные типы систем по-разному соотносятся с реальной действительностью.

Концептуальная система содержит наши текущие знания об объективном мире. В референтном плане отношение восклицательных высказываний к данной системе фиксируется наклонением предиката и пропозициональным содержанием.

Эмотивная система включает в себя текущее эмоциональное состояние субъекта речи (эмоциональную оценку предметов и состояний дел в реальном мире). Эмотивная система, в свою очередь, предполагает два измерения: положительные / негативные эмоции и интенсивность их проявления. Соответственно, эмоции могут получать выражение, как правило, в непропозициональной форме, т.е. непосредственно. Испытываемые субъектом речи эмоции отражаются в пропозициональном содержании иницируемого им высказывания, если он открыто заявляет об этом. Именно в этом случае диалогическое высказывание в референтном плане соотносится с концептуальной системой субъекта речи, а испытываемые им эмоции выражаются опосредованным образом. Ср.:

(7) «*Сидорин (пошел в атаку). Восхищаясь вашей принципиальностью, Павел Константинович. Сегодня на собрании вы раскрылись вовсю. То вы за правление, то против. Я-то думал, что вы, извините, большой ученый, а вы, извините, элементарный собственник»* [2, с. 39];

(8) «*Garry. Lloyd, let me just say one thing. Since we've stopped I've worked with a lot of directors, Lloyd. Some of them were geniuses. Some of them were bastards. But I've never met one who was so totally and absolutely... I don't know...*

Lloyd. Thank you, Garry, I'm very touched. Now will you get off the ... stage?» [9, p. 15].

Примеры (7)–(8) необходимо сравнить с примерами (9)–(10), в которых эмоции не выражаются в пропозициональном содержании восклицательных высказываний:

(9) *Аникеева пытается спихнуть Хвостова со стола. Сидорин с извинительной улыбкой помогает Аникеевой. Секретарь тянет Хвостова за ноги.*

Карпунин. Ничего себе кооперативчик. Ничего себе собранище! [15, с. 39];

(10) «*Amy. Did you try them?*

Esme. I did. That disgusting elderberry!..» [10, p. 72].

Сегменты диалогических реплик, выделенные в примерах (7)–(8), по существу, не являются экспрессивными речевыми актами, поскольку явно не выражают испытываемые субъектом речи эмоции. Это своего рода констативные речевые акты, в которых содержится информация о текущем эмоциональном состоянии говорящего, но посредством которых эмоции не выражаются.

Косвенные экспрессивные акты обладают иллюкутивной составляющей, будучи непосредственным способом выражения эмоционального состояния субъекта речи, которое предстает следствием того или иного состояния дел, реализуются как неявное указание на отклонение оцениваемого предмета от естественной нормы своих существенных характеристик. Другими словами, восклицательность, присущая данному типу речевых актов, не манифестируется их пропозициональным содержанием. В связи с этим, восклицательные высказывания, образующие разряд косвенных экспрессивных актов, не анализируются в синтаксической системе языка в соответствии с целью высказывания, т.е. на одном уровне с повествовательными, вопросительными и императивными высказываниями. Однако, как показывают наши наблюдения, производящей основой косвенных экспрессивных актов выступают, в том числе, констативные и императивные речевые акты (в разряд которых попадают побуждения и вопросы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. — 2015. — № 21. С. 30—33.
2. Брагиский Э., Рязанов Э. Гараж. — М.: Лань, 1994. — 209 с.
3. Зотова А.Б. Восклицательное предложение в аспекте теории речевых актов (на материале русского и английского текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Воронеж, 2007.
4. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе: дис. ... докт. филол. наук: 19.02.19. — Ростов-на-Дону, 2005.
5. Паничева П.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи: в свете антропоцентрической парадигмы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Ставрополь, 2004.
6. Петрушевская Л.С. Девочки, к вам пришел ваш мальчик. — М.: Астрель, 2012. — 324 с.
7. Пресняков В., Пресняков О. Лучшие пьесы. — М.: Эксмо, 2005. — 352 с.
8. Стаценко А.С. Интенционально-иллокутивный аспект эмоционально-оценочных средств английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2007.
9. Frayn M. Noises Off. A Play in Three Acts. — L.: Barnes and Noble, 2001. — 231 p.
10. Hare D. Selected Place. — L.: Faber and Faber, 2008. — 234 p.
11. Rosengren I. Expressive Sentence Types – A Contradiction in Terms. The Case of Exclamation // Modality in Germanic Languages. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 153—183.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ СЛОВАРЯ КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ Э.Д.ХИРША КАК СРЕДСТВО АККУМУЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО ФОНА В ЛЕКСИКЕ

Еранцева Мария Алексеевна

Аспирант, ассистент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, Астраханский государственный университет, г. Астрахань

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена ономастикону как средству аккумуляции культурной грамотности в словаре американского лингвиста Э.Д.Хирша. Автором рассматривается культурно-значимое поле фоновых знаний на примере ключевых имён собственных (антропонимов). В ходе проведённого лексико-семантического эксперимента определяются тематические группы прецедентных антропонимов.

ABSTRACT

The given article is devoted to the onomastykon as the mean of accumulation of cultural literacy in the dictionary written by American linguist E.D.Hirsch. The author considers a cultural-meaningful field of background knowledge on the pattern of key proper names (antroponyms). As the result of the conducted lexical-semantic experiment were determined thematic groups of precedent antroponyms.

Ключевые слова: культурная грамотность, ономастикон, аккумуляция, антропонимы, прецедентность, прецедентные имена собственные.

Keywords: cultural literacy, onomastykon, accumulation, antroponyms, precedence, precedent proper names.

В настоящее время в научно-образовательной среде чрезвычайно актуальным становится понятие культурной грамотности. Культурная грамотность – это система знаний, необходимая человеку для того, чтобы ориентироваться в современном мире. Она включает в себя знания во всех сферах человеческой деятельности. Очевидное снижение культурного уровня и оскудение ономастического словаря молодежи является проблемой универсальной, волнующей людей, занятых вопросами образования в России и в других странах. Это обусловлено в том числе и резким снижением уровня образования (прежде всего – гуманитарного), изменением круга чтения, вытеснением традиционной высокой культуры массовой культурой и шоу-бизнесом.

Настоящее исследование посвящено решению проблемы узнаваемости ономастикона современным носителем языка. «Необходимо узнавать, выяснять и исследовать всё то, культурно-значимое поле фоновых знаний, которое охватывают имена собственные» [3, с.172]. Феномен онимов как культурных кодов является основной характеристикой в ономастическом тезаурусе словаря культурной грамотности Э.Д.Хирша.

Термин «культурная грамотность» был введён в научный обиход во второй половине XX века, американским культурологом, автором «Словаря культурной грамотности: Что должен знать каждый американец» Э.Д. Хиршем. Словарь включает 5000 имен, высказываний, дат, терминов, имеющих отношение к национальной американской культуре, из

них 435 личных имён собственных (антропонимов). Предполагается, что культурно грамотный человек имеет представление о каждом из них. При отборе реалий Э.Д. Хирш опирался на частотность их употребления в национальных периодических изданиях. С его точки зрения, если какое-либо периодическое издание ссылается на событие, лицо или предмет, не давая им определения, то можно предположить, что большинство читателей знакомо с ними и, следовательно, они являются частью культурной грамотности нации.

Особый интерес представляют ключевые имена, а именно антропонимы под которыми мы понимаем уникальные для национальной культуры ономастические единицы, способные аккумулировать культурную информацию и функционировать как свёрнутые диахронические национальные культурные тесты.

Для определения картины общекультурных знаний молодёжного социума нами был проведен лексико-семантический эксперимент: ученикам выпускных 9-х и 11-х классов МБОУ «Лицей № 1» г. Астрахани, общее количество которых составило 250 учеников, была предложена анкета, включающая имена собственные из словаря культурной грамотности Э.Д.Хирша. Отобранными словами послужили

имена собственные, соотносимые с различными культурными сферами (в частности – Библия, мифология, фольклор, всемирная история, география, литература, политика, экономика, искусство, наука, религия). Согласно инструкции, школьники, прочитав предложенные имена собственные, должны были дать определения маркированным онима. В общей сложности для интерпретации учащимся было предложено 50 прецедентных имен из названных выше тем словаря культурной грамотности Э.Д.Хирша:

Все предложенные единицы можно условно объединить в 6 тематических групп: *музыканты* (композиторы, музыкальные группы), *авторы художественных произведений*, *герои художественных произведений*, *ученые*. В данном исследовании будут рассмотрены результаты опросов всех учащихся (срезовые характеристики). Первая тематическая группа, включающая в себя имена великих композиторов и названия известных музыкальных групп, оказалась наиболее знакомой аудитории. Так, в общей сложности было дано 247 верных полных ответа при 5 нулевых реакциях (прочерк, знак вопроса или ответ «не знаю») и 2 неверных ответа.

Таблица 1.

Сопоставительный анализ антропонима «Johann Sebastian Bach» в СКГ Э.Д.Хирша и ответах респондентов

Дефиниция по СКГ Э.Д.Хирша	Ответы респондентов
<p>1. Bach, Johann Sebastian (bahkh, bahk) An eighteenth-century German composer, organist, and choirmaster, commonly considered the greatest composer of the baroque era. His output was enormous and includes cantatas, concertos, oratorios, organ pieces, sonatas for solo instruments, and suites for both solo instruments and orchestra; all of it is marked by elaborate counterpoint. Some of Bach's best-known works are the six <i>Brandenburg Concertos</i>; the Toccata and Fugue in D-minor for organ; and an arrangement of a hymn, "Jesu, Joy of Man's Desiring," for chorus and orchestra [1, с.166].</p>	<p>* «Иоганн Себастьян Бах – музыкант, композитор» (370); *«Иоганн Себастьян Бах – великий композитор» (206); *«великий композитор» (121); * музыкант (162); * композитор (113); * «музыка» (3); * «звук» (1); * «Австрийский композитор» (1).</p>

Меньше всего затруднений вызвало имя **Bach** (Бах): «Иоганн Себастьян Бах – музыкант, композитор» (105), «Иоганн Себастьян Бах – великий композитор» (95), «великий композитор» (21). В 28 случаях даны односложные ответы: композитор (13), музыкант (12). Выделены следующие нерезультативные ответы: «музыка» (1), «звук» (1), прочерк (1). Ответ «Австрийский композитор» (1) является скорее ошибочным, чем нерезультативной (И.С. Бах – немецкий композитор). Такая статистика свидетельствует о крайне обобщенном представлении о композиторе: лишь в некоторых интерпретациях отмечается указание на национальную принадлежность, однако не зафиксировано ни определений временных границ жизни и творчества композитора, ни названий самых известных его произведений. Подобная ситуация наблюдается и с определением онима **Beethoven** (Бетховен): «Людвиг ван Бетховен – композитор,

музыкант» (92), «музыкант, композитор» (71), «немецкий композитор» (15), «великий композитор» (14), «композитор немецкий» (10). На данный оним дано 67 односложных ответов: «композитор» (40), «музыкант» (27). 5 ответов признаны нерезультативными: «музыка» (1), «клас. музыка» (1), «музыка-пианино» (1); количество пропусков – 2. Ответ «Австрийский композитор, написавший ряд знаменитых произведений» так же признана ошибочной (Л. ван Бетховен – немецкий композитор, несмотря на то, что он является представителем Венской классической школы). Более сложная ситуация возникла с определением **Tchaikovsky** (**Чайковский**). На данный стимул даны лишь 206 верных ответа, 33 из которых – односложные: «русский композитор» (24), «музыкант» (9). Зафиксировано 0 отказов; 1 ответ признан неверным, при этом из них 5 имеют отношение к музыке: «музыка» (1), «музыкант, оркестр» (1), «музыкант-скрипка»

(1), «музыкант, соната» (1), «музыка, соната 19» (1) (отметим, что в творческом наследии П.И. Чайковского всего 10 сонат). Остальные ответы свидетельствуют об абсолютном неведении информацией: «человек» (1), «человек, у которого внутренний мир состоит из контрастов» (1), «человек, занимавшийся чем-либо» (1), «герой» (1), «писатель» (1) «человек, продающий чай» (1), «поляк» (1). Британская «великолепная четверка» **The Beatles** также оказалась малоизвестной в молодежных кругах: верными можно признать лишь 150 полных ответа и 95 односложных при 5 нулевых реакциях: «английская музыкальная группа Битлз» (93), «английская музыкальная группа» (86), «музыканты» (63); обращают на себя внимание определения онима через музыкальные жанры, а также через подмену названий других музыкальных групп и музыкальных исполнителей 70-80-х гг. XX в., что, очевидно, свидетельствует об их интеграции в сознании подростков: «рок-музыка» (1), «музыка-рок» (1), «ритм-энд-блюз, Стинг» (1), «Rolling Stones» (1), «!RS!»

(1), «рок музыка RS» (1). Ошибочным является ответ «известная американская музыкальная группа» (1), который говорит о неразличении адъективов «английский» и «американский» по отношению к языку (англоязычный). Представляет особый интерес ответ «No. It's Beetls. Что тут еще надо говорить?!» (1), который в большей мере является эмоционально-экспрессивной реакцией на оним.

Тематическая группа «Авторы художественных произведений» вызвала больше затруднений. Сложности возникли с трактовкой онима **Hugo** (Гюго): из 243 полученного ответа ни один не является результативным. Так, большинство ответов сводится к лаконичным вариантам «писатель» (3), автор (2); в некоторых толкованиях отмечаются попытки определения национальной принадлежности, не являющиеся успешными: можно предположить, что испытуемыми не различаются В. Гюго и И. Гете, что находит отражение в таких дефинициях, как «немецкий писатель, написавший «Фауста»» (1), «немецкий писатель с душой философа» (1).

Таблица 2.

Сопоставительный анализ автора художественной литературы «Victor Hugo» в СКГ Э.Д.Хирша и ответах респондентов

Дефиниция по СКГ Э.Д.Хирша	Ответы респондентов
1. Hugo, Victor A nineteenth-century French author and leader of romanticism. He wrote poetry, plays, and novels; among his novels are <i>Les Miserables</i> and <i>The Hunchback of Notre Dame</i> [1, c.95].	* «писатель» (3); * «автор» (2); * «немецкий писатель, написавший «Фауста»» (1); * «немецкий писатель с душой философа» (1); * «Отверженные» (512); * «Собор Парижской богородицы» (110); * «Французский писатель, автор повести «Человек, который всегда смеется»» (1).

При этом частотными являются определения имени через названия художественных произведений: «Отверженные» (112), «Собор Парижской богородицы» (10); зафиксирована 1 реакция, представляющая собой более или менее полный ответ, но в котором допущены ошибки в жанровом определении и в названии произведения: «Французский писатель, автор повести «Человек, который всегда смеется»» (1). На оним **Homer** (Гомер) так же не было дано информативных ответов. Определяя период жизни поэта, школьники акцентируют внимание на античной эпохе, однако либо неверно определяют сферу его деятельности в целом, либо подменяют литературные понятия «поэзия» и «проза». Это делает возможным появление таких реакций, как «древнегреческий ученый» (115), «древнегреческий философ» (55), «древний философ» (46), «древнегреческий писатель» (9), «древнеримский писатель» (5), «античный писатель, создавший поэму «Илиаду»» (1). Нередко определение дается через название поэмы: «Илиада» (4), «Поэма «Илиада»» (3), «Поэмы, Илиада» (2). Примечательны единичные реакции «старик слепой» (1), «вор слепец» (1), свидетельствующие о владении фрагментарной, отрывочной, второстепенной информацией. Нерезультативными признаны ответы «автор «Истории»» (1), «Троя» (1), «персонаж из Симпсонов» (1).

На оним **the brothers Grimm** (братья Гримм) дано меньше всего отказов – 3, однако в целом реакции крайне обобщенные, схематичные: «сказочники» (74), «писатели» (43), «писатели, авторы произведений» (42), «сказочники зарубежной литературы» (40), «братья, которые пишут произведения (писатели)» (24), «братья-писатели, создавшие ряд книг, в том числе сказки» (8). Во многих случаях ученики стремятся привести примеры сказок – в этой связи можно отметить такие варианты, как «авторы многих зарубежных сказок, «Оловянный солдатик»» (3), «Гадкий утенок» (2), «Русалочка» (2), «сказ. персонажи: Карлсон» (1). Представленные варианты являются свидетельством смешения, контаминации в сознании школьников как произведений В. и Я. Гримм и Г.Х. Андерсена – это обуславливает реакцию «Андерсен» (1), – так и сказок других авторов. Нерезультативными признаны ответы «сказка», «сказки» (5), «сказки, рус. народ. сказки» (1), «муз. группа» (1).

Больше всего ответов вызвал оним «**Romeo and Juliet**» (**Ромео и Джульетта**) – всего 246, но при этом результативными можно признать только 196 ответа: «Название произведения В. Шекспира «Ромео и Джульетта»» (89), «название произведения Шекспира «Ромео и Джульетта»» (44), «название произведения «Ромео и Джульетта»» (30).

Таблица 3.

Сопоставительный анализ героев художественной литературы «Romeo and Juliet» в СКГ Э.Д.Хирша и ответах респондентов

Дефиниция по СКГ Э.Д.Хирша	Ответы респондентов
<p>1. Romeo and Juliet A tragedy by William Shakespeare about two “star-crossed lovers” whose passionate love for each other ends in death because of the senseless feud between their families. The line “Romeo, Romeo! Wherefore art thou Romeo?” is well known [1, с.138].</p> <p>* Figuratively, a “Romeo” is an amorous young man [1, с.138].</p>	<p>* «Название произведения В. Шекспира «Ромео и Джульетта»» (481);</p> <p>* «название произведения «Ромео и Джульетта»» (100);</p> <p>* «имена героев произведения» (40);</p> <p>* «герои рассказа» (1);</p> <p>* «роман» (15);</p> <p>* «произведение» (9);</p> <p>* «произведение В. Шекспира» (8);</p> <p>* «любовь двух сердец» (1);</p> <p>* «любовь сквозь время» (1);</p> <p>* «старый фильм» (1);</p> <p>* «Италия» (1).</p>

Все прочие ответы нельзя признать результативными. Наиболее частотными из них являются - «имена героев произведения» (14), «герои рассказа» (11), «роман» (10), «произведение» (9), «произведение В. Шекспира» (2), и единичными - «любовь двух сердец» (1), «любовь сквозь время» (1), «старый фильм» (1), «Италия» (1). Полученные результаты дают основание сделать вывод о крайне низком уровне читательской компетентности. Самым сложным для интерпретации среди ученых оказался **Deckardes** (Декарт): на данный стимул получено 10 отказов из 250, попытки иден-

тифицировать имя сводились к общим определениям, в тои числе – ошибочным: «философ» (150), «философия» (31), «философ, мыслитель» (29), «древнегреческий философ» (17), «биолог, из области анатомии и психологии» (12). В единичном варианте отмечена реакция «девиз думаю-живу» (1), которая, возможно, обусловлена цитатой из приведенного фрагмента: «Живу, значит, думаю, нам говорит Декарт, / Живу, значит, думаю, думаю о тебе». Трудности возникли и с определением онима **Marx** (Маркс).

Таблица 4.

Сопоставительный анализ антропонима «Karl Marx» в СКГ Э.Д.Хирша и ответах респондентов

Дефиниция по СКГ Э.Д.Хирша	Ответы респондентов
<p>1. Marx Karl A German scholar of the nineteenth century; the founder of Marxism, the fundamental theory of communism. Much of his work, including <i>Das Kapital</i> and <i>The Communist Manifesto</i>, was done with Friedrich Engels. Marx lived outside Germany most of his life, notably in London, where he wrote <i>Das Kapital</i>. He organized the first International in the 1860s [1, с.234;462].</p>	<p>* «Ученый немецкий, создатель многих теорий, основанных на классовом различии людей» (167);</p> <p>* «Немецкий мыслитель, философ. Создал учение под названием «марксизм». Этому учению следовал В.И. Ленин» (83);</p> <p>* «немецкий философ» (51);</p> <p>* «основатель «марксизма»» (48);</p> <p>* «он (не один) основал теорию социализма» (37);</p> <p>* «Карл Маркс – русский исторический деятель» (15);</p> <p>* «Энгельс» (9);</p> <p>* «Энгельс, экономика» (5);</p> <p>* «Энгельс, надстройки» (3);</p> <p>* «базис» (1).</p>

Из полученных 250 ответов верными можно признать 222: «Ученый немецкий, создатель многих теорий, основанных на классовом различии людей» (87), «Немецкий мыслитель, философ. Создал учение под названием «марксизм». Этому учению следовал В.И. Ленин» (73). Ответы «немецкий философ» (30), «основатель «марксизма»» (18), «он (не один) основал теорию социализма» (6) не содержат полной информации. Вариант «Карл Маркс – русский исторический

деятель» (4) признан нерезультативным. Ряд ответов основан на ассоциативной реакции: «Энгельс» (1), «Энгельс, экономика» (1), «Энгельс, надстройки» (1), «базис» (1).

В целом полученные результаты свидетельствуют о поверхностных знаниях, максимально обобщенных представлениях современных школьников о многих именах, представленных в тематических группах, что приводит к стремлению объяснить значения предложенных онимов

либо через ассоциативный ряд, либо через основанное на фонетической близости переосмысление слова, что по своей сути напоминает процесс народного этимологизирования. Нередко толкования основываются на контексте схоластических знаний, что также зачастую приводит к ошибочным результатам. Прецедентные онимы, дифференцируемые в связи с разной степенью непонимания их значения носителями языка, соотносятся с актуализированными в современной лингвистике понятием беспрецедентности. При этом под прецедентным именем, вслед за В.В. Красных, понимается индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату (значению), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [2, с. 48].

Таким образом, собранный языковой материал по ономастике, проведённая систематизация личных имён собственных, выявление прецедентных антропонимов в исследуемом словаре говорит нам о богатом лингвистическом и этимологическом статусах ономастикона словаря культурной грамотности Э.Д.Хирша.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Hirsh E. D., Jr, Kett J. F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy// What Every American Needs to Know. – Houghton Mifflin Company Boston, New York, 2002. – 647 p.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002 – 583с.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: АСТ- Астрель – Хранитель, 2007. – 287с.

УДК: 482-56

НАИМЕНОВАНИЯ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Илюкина Людмила Вячеславовна,

соискатель кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, заместитель директора МБОУ «Школа № 44» г. Рязани

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена лингвокультурологическому описанию наименований хлебобулочных изделий в говорах Сараевского района Рязанской области. В ходе исследования решены следующие задачи: рассмотрены номинации в ономастиологическом и структурно-семантическом аспектах, проанализирован объем лексического значения слов, зафиксированных автором в говорах Сараевского района, а также степень их распространенности и употребительности.

Данное исследование актуально, поскольку сделанные в его ходе наблюдения и выводы способствуют расширению и обогащению представлений о рязанских говорах, представляющих важный источник для исследования диалектного фонда языка.

ANNOTATION

The article is devoted to the description of bakery products in the dialects of the Sarajevo region of the Ryazan region. The study addressed the following tasks: review the nomination in onomasiological structural and semantic aspects, analyzed the volume of the lexical meaning of the words inscribed by the author in the dialects of the Sarajevo district, as well as their incidence and commonplace.

This study is important because it made in the course of the observations and conclusions contribute to the expansion and enrichment of ideas about Ryazan said to represent an important source for the study of language dialect Fund.

Ключевые слова: *пищевая номенклатура, рязанские говоры, лексемы, номинация, наименования хлебобулочных изделий.*

Keywords: *food nomenclature, Ryazan говора, lexemes, nomination, names of bakegoodss.*

Словарный состав современного русского языка включает в себя огромный запас слов и устойчивых словосочетаний, относящихся к различным по своему употреблению пластам лексики. Одним из таких пластов является диалектная лексика, которая представляет уникальный тип русской разговорной речи, отражающей многовековой опыт народной речевой и традиционной культуры. Богатый информативный потенциал диалекта делает естественным и необходимым его изучение с лингвокультурологической точки зрения. По мнению Е.В. Брысиной, исследование диалекта в данном аспекте «дает бесценный и неисчерпаемый матери-

ал для того, чтобы понять законы развития языка, ибо языковые особенности любого местного диалекта обусловлены не небрежностью речи его носителей, а строгими историческими закономерностями» [1, с.55]. Несмотря на обилие исследований, посвященных изучению диалектной лексики (С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина, М. Забылин, Д.К. Зеленин, Н.И. Костомаров, Л.С. Лаврентьева, Г.С. Маслова, Л. Нидерле, В.В. Похлёбкин, В.К. Соколова, М.Н. Шмелёва и др.), актуальной все же остается задача описания отдельных фрагментов региональных говоров. Работы Т.С. Жбанковой, Е.П. Осиповой, связанные с характеристикой названий ку-

шаний в рязанских говорах, выявляют синонимичку лексических диалектизм, особенности их словообразования и формообразования.

Предметом нашего исследования также является лексика некоторых рязанских говоров, входящая в тематическую группу «Пища». Впервые анализу подвергаются диалектные слова, бытующие на территории Сараевского района Рязанской области. В этом и заключается новизна исследования.

В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением наименований хлебобулочных изделий. Цель работы: проанализировать принципы номинации, выяснить семантику лексем, их употребление, а также степень распространенности и употребительности. Сбор материала проводился методом живой непосредственной беседы с носителями говоров. Опрос производился в соответствии с вопросником, разработанным Институтом лингвистических исследований РАН для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Хлеб является не только необходимым продуктом питания, но и частью культуры и религии. В лексеме *хлеб*, представляющей один из ключевых концептов русской лингвокультуры, отражаются особенности национального менталитета. «Являясь главным средством существования, ведущим продуктом питания, хлеб одухотворяется, наделяется магическими свойствами, становится предметом воспевания, восхваления» [2, с.83]. Именно поэтому о хлебе сложено много пословиц и поговорок: «Без хлеба куска, везде тоска», «Будет хлеб – будет обед», «Как хлеб на стол, так и стол престол», «Не в пору обед, как хлеба дома нет», «Плох обед, коли хлеба нет», «Слово к ответу, а хлеб к обеду» и т.д.

В дореформенную эпоху в пищевом рационе сараевских крестьян важное место занимали хлебные, мучные и зерновые блюда, поскольку основой экономики Рязанской губернии в это время было зерновое земледелие. Ведущая роль принадлежала ржи, а также овсу и гречихе, которые составляли около 90% высеваемых культур [3].

В Сараевском районе, как отмечают информаторы, пекли в основном ржаной хлеб и почти не употребляли белого хлеба, его ели только по праздникам. До конца 70-х годов XX века в основном хлеб пекли из заквашенного теста. Закваской служили дрожжи, квасная гуща, годился и кусок старого теста. Хлеба пекли на лопатах в русской печи или в поду печи. Лопаты выстилали капустными или дубовыми листьями и на них выкладывали тесто. Хлеб имел форму каравая, сверху его выглаживали мокрой ладонью. В.Е. Сарычева (1944 г.р.), уроженка д. Любимовка Троицкого с/с, поделилась воспоминаниями о том, как пекла хлебы ее мама: «*Маманя в дежки мясила теста, мачила кулак в холодной ваде и мясила, и мясила. Бывало, пальцым праткнет тесту, перекстить ие, вадичкай умоить и тряпачкай накроить, а патом и в печку, на под. Часоф в доме ни былО, маманя, бывало, 'покажить на палу крест. Када сонцэ будить в этом мести, тады хлеб вынимать из печки надать*».

Ситный хлеб, или *ситник*, получил свое название по ситной муке, то есть битой через сито. Он имел лучшие вкусовые качества по сравнению с решетным хлебом, мука для которого сеялась через решето. В старой пословице лукаво замечено «Ситный съел, так решетный цел». На территории района зафиксированы лексемы *ситник*, *хлеб сИтнай*, *хлеб решетнай*, *ржаник*, *решетник*, *хлеб оржаной*, этимология которых прозрачна. Хлеб, испеченный из пшеничной муки,

носит в сараевских говорах название *хлеб пшанишный* (фонетические варианты: *пышанишный*, *пышанишнай*). Хлеб, испеченный в поду печи, во многих селах называется *подОвик* или *хлебподОвый*. Как видим, в наименовании хлеба получили распространение как однословные номинации (*подовик*, *ситник*, *ржаник*, *решетник*), так и двусловные описательные конструкции (*хлеб ситнай*, *хлеб оржаной*, *хлеб подовой*, *хлеб пшанишнай*, *хлеб решетнай*).

Характерной особенностью сараевских говоров является то, в речи диалектоносителей понятие 'хлеб, испеченный в русской печи или в поду печи', определяется лексемой *хлеб* во мн. числе: *хлеба*, *хлебы* (оба варианта употребляются на территории района). Хлебы пекли из разной муки, иногда из картофеля. Отсюда название *хлеба картовные*. Многие сельские жители до сих пор выпекают хлеб дома, правда, уже не в русской печи, а в электрических хлебопечках. Однако диалектизм *хлеб свойский* в сараевских говорах и сегодня определяет понятие 'хлеб домашней выпечки'.

Интересны, на наш взгляд, и такие слова, как *заклек*, *заклекнуть*, зафиксированные на территории Сараевского района. Иллюстративный материал дает ясное представление об их значении: «*Кады хлел пикешь, у няво верхняя корка подымается, а мякиш никак: он весь какой-та чижельый, твердай, как каминь. Тесту не углядела, ана и заклекла*» (А.Е. Абрамова, 1939 г.р., с. Борец). Таким образом, глагол *заклекнуть* в сараевских говорах имеет значение 'стать плохим, заскорюзнуть, зачерстветь'. В словаре В.И. Даля отмечаем слово *заклекнуть* в значении 'завянуть, засохнуть, заскорюзнуть, зачерстветь' (кур., орл., ниж.). [4, т.1, с.586] На наш взгляд, лексема *заклекнуть* является однокоренной со словами *клякши*, *клякуши*, *лякуши*, бытовавшими на южной территории Московской области, значение которых, по мнению А.Ф. Войтенко, также связано с неудачно выпеченным хлебом [5, с.39].

С понятием 'хлеб' связаны следующие диалектизмы, зафиксированные в сараевских говорах: *краюха* и *краюшка* – большой ломоть хлеба; *коврега* – хлеб круглой формы; *оковалок*¹ – большой кусок хлеба. В словаре В.И. Даля находим, что *оковалок* – это часть говяжьего мяса у мясников [6, т. 1, с. 364]. Видимо, данные лексемы объединены общей микросемей «большой». Они встречаются также в Касимовском и Скопинском районах [7, с.162]. Значение слова *краюшка* в говорах показывает, что оно расширило свое первоначальное значение 'отломанный край хлеба'.

Вторым по значимости хлебобулочным изделием у сараевцев считаются пироги – кушанье, которое, по сути, представляет собой хлеб с начинкой. Русские люди относились к пирогу с таким же почтением, как и к самому хлебу. Так же, как и с хлебом, с пирогами связана масса традиций, пословиц и поговорок, народных сказаний. Историкам затрудняется точно сказать, когда именно на Руси появился первый пирог. Ясно одно: это случилось много сотен лет назад. Не вполне ясным признается и происхождение слова *пирог*. По одной из версий оно восходит к древнерусскому *пыро* 'пшеница'. Однако слова *пирог* и *пир* также имеют общий корень, и их сходство выглядит весьма вероятным [8]. Пироги – не только явление русского кулинарного искусства, но и часть русской культуры. Это неперенный атрибут любого праздничного стола, будь то свадьба, Новый год, именины

¹ *Оковалком* в сараевских говорах также называют большой кусок мяса или сала.

и т.д. Пироги почитались в России порой выше хлеба. Недаром русские пословицы гласят: «Не красна изба углами, а красна пирогами», «Красно гумно стогами, а стол – пирогами». Наличие пирога на русском столе говорило, прежде всего, о благосостоянии семьи, о ее достатке. *Пирог* — основное обозначение печеных изделий из муки с начинкой. В рязанских же говорах, по свидетельству Т.С. Жбанковой, значение слова *пирог* более широко, чем в литературном языке. Пирог – это хлеб, испеченный из сеяной муки: «Для пирога в диалектном понимании не обязательно быть начиненным чем-то, это любое домашнее печенье, кроме хлеба» [9, с.159]. А в сараевских говорах все же значение слова *пирог* близко к литературному: это изделие с начинками. Начинку для пирогов сараевские хозяйки готовят чаще всего из одного какого-либо вида продуктов: овощная начинка (капуста, картофель, морковь, репа, лук, щавель, горох), грибная (сухие, свежие, отварные, жареные, соленые грибы), начинка из разнообразных крутых каш с большим содержанием масла, а также из мяса, домашней птицы, дичи, творога, яиц. В р.п. Сараи, с.с. Телятники, Муравлянка, Борец бытует лексема *пирожки*, имеющая в значении уменьшительно-ласкательный оттенок. Во многих селах распространена лексема *вахрушка*, которой в литературном языке соответствует слово *ватрушка* (открытый пирог с творогом). Данное слово в речи диалектоносителей претерпело изменения в звуковом облике. В с.с. Желобово, Кутловы Борки, Борец Сараевского района готовят *капустники* – пшеничные пироги (а до середины XX века – ржаные) с начинкой из квашеной и свежей капусты. В русских памятниках XVI века *капустник* – пирог с капустой (10, вып.7, с.68); в том же значении данный номен зафиксирован и в словаре В.И. Даля (11, т.2, с.89) и в русских диалектах (волог., твер., новг., пск., арх.) [12, т. 13, с.60]. Также в сараевских говорах зафиксирована и лексема *луковник* – пирог с луком (с.с. Паники, Сысой). Номен *луковник* в значении ‘пирог с луком’ встречается в русских памятниках XVII века (13, вып.8, с.303); у В.И. Даля *луковник* также ‘пирог с луком’ [14, т.2, с.273]. По данным СРНГ ‘луковник’ пирог с луком’ бытует в тамбовских, псковских, рязанских, тверских, калининских, новгородских, пермских, уральских и др.). Рязанским говорам также известно и слово *луквенник* [15, т.17, с.189–190, с.215].

Бытует в сараевских говорах и слово *курник*. У сараевцев *курниками* называются пироги в виде длинной булки, начиненные пшенной кашей с мясом: «Я ноне курники якла, начинку сделала из кашки пшенной, мяску в ние нямого добавила» (М.И. Рыжова, 1928 г.р., с.Можары). В Михайловском и Милославском районах Рязанской области *курниками* называли пироги, в которых запекали курицу [16, с.158]. По свидетельству Е.П. Осиповой, *курник*, являясь обрядовым (свадебным) кушаньем, («поскольку курица являлась символом плодородия») может готовиться по разным рецептам: в качестве начинки используются орехи, яйца, мясо (например, в Сасовском районе Рязанской области) [17, с.55]. В других русских говорах *курник* – это пирожок с творогом [18, т.26, с.181]. Пироги с начинкой из калины в сараевских говорах называются *калинниками*. Как видим, сараевским говорам, как впрочем, и другим русским говорам, свойственно название пирогов именно по начинке. Образование лексем в данном случае происходит с помощью суффиксов *-ик* или *-ник*.

Во многих сараевских селах до сих пор пользуются почетом изделия из пресного теста, которые почти повсеместно

называют *преснушки*. В сс. Борец, Муравлянка, Троицкое зафиксирована лексема *вилюшки*, также обозначающая изделие из пресного теста. На наш взгляд, вполне объяснимо образование данного слова. В рязанских говорах бытует слово *вилюшка* в значении ‘вообще что-либо завитое, закрученное’ [19, с. 85]. В сараевских же говорах данная лексема имеет более конкретное значение и употребляется применительно к изделиям из муки. В селе Телятники нами зафиксированы и наименования *финтифлюшки*, *финтиклюшки* также обозначающие изделия из пресного теста. Здесь, как и в предыдущем случае имеет место номинация по форме изделия, поскольку в словаре В.И. Даля находим глагол *финтить* в значении ‘вилять’ [20, т.4, с.535]. Лексема *финтиклюшки* в значении ‘витое выпеченное изделие’ номинирует и в говорах Костромской области [21, с.19]. В с.с. Борец, Высокое, Телятники, Троицкое из пшеничной муки (а до середины XX века – и из ржаной муки) пекут *соченки* (лексема образована от прилагательного *сочный*) – пресные пышки квадратной формы, пропитанные молоком, сметаной или сливками и томленные в печи. Причем в Муравлянке *соченки* готовят несколько по-иному: это один большой пирог, разрезанный на кусочки, которые пропитывают сметаной и томят в духовом шкафу, а до конца 70-х годов XX века томили в печи. В с.Телятники данное кушанье называют *осоченки*.

В большинстве диалектов употребляется слово *пышка*. В сараевских говорах данная лексема бытует повсеместно. Их выпекают из пресного и кислого теста, в печи и на сковородах. Этим объясняется возникновение лексемы *пышки сковородные*. Пироги с начинками и без начинок выпекают из разного теста, делают их различной формы. До конца XX века, как свидетельствуют информаторы, украшения на изделиях делали в виде различных фигурок, насечек, полосок и точек кончиком ножа и другими острыми предметами. Ю.А. Фролов (1958 г.р.), уроженец села Муравлянка, вспоминает, что во времена его детства украшения на пышках делали кончиком ножа, вилкой и даже гребенкой для волос: получались небольшие красивые углубления или рисунки в виде клетки.

Таким образом, группа наименований хлебобулочных изделий достаточно многочисленна. Диалектные лексемы, входящие в нее, различны как по степени распространенности и употребительности, так и по объему выражаемого ими содержания. Отдельные слова, обозначающие хлебобулочные изделия, вышли из активного употребления в современных говорах, так как в настоящее время перестали готовить кушанья, обозначаемые ими (*хлеба картовные, решетный хлеб* и т.д.), они сохранились лишь в пассивном словоупотреблении представителей старшего поколения. Другие слова по-прежнему бытуют в современных сараевских говорах (*хлеб пшанишный, хлеб подовай, хлеб оржаной, хлеб свойский, хлеб ситный, капустник, луковник, калинник, курник, преснушки, вилюшки, вахрушки, соченки, осоченки*), поскольку многие из выше перечисленных кушаний и изделий, обозначаемых ими, по-прежнему любимы и почитаемы многими, изменилась лишь технология их приготовления.

Выделяем также и группу таких диалектных наименований, которые употребляются как в описываемом районе, в других районах Рязанской области (*краюха, краюшка, оковалок, курник*), так и в других российских регионах (*финтиклюшки, луковник, капустник* и др.).

Диалектные лексемы, обозначающие наименования хлебобулочных изделий, характеризуются использовани-

ем продуктивных словообразовательных моделей. Наиболее частотными из словообразующих суффиксов следует признать *-ик, -ник, -к, -енк, -ушк, -юшк*. По структурному признаку описываемые наименования подразделяются на однословные и двухсловные. Последние образуются по модели «существительное плюс прилагательное» (к ним относятся атрибутивные сочетания: *хлеб свойский, хлеб ситный, хлеб оржаной, хлеб решетной, хлеб пышанишной, пышки сковородные*).

В сараевских говорах отмечаем и явление полисемии: диалектизм *оковалок* употребляется в двух значениях: 'большой кусок мяса' и 'большой кусок хлеба'. Лексемы *вилушки, финтифлюшки* в рамках данной ЛСГ являются и семантическими синонимами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Брысина Е.В. Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание, 2012. № 2(16).
2. Лутовинова И.С. Слово о пище. СПб., 2005.
3. URL: <http://www.rodnaya-stogona.ru> (дата обращения: 28.01.2015)
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., Дрофа, 2011. - Т.1, Т.2, Т.4
5. Войтенко А.Ф. Что двор, то говор. М., 1993.
6. Жбанкова Т.С. Названия кушаний в рязанских говорах // Учёные записки Рязан. гос. пед. ин-та. Рязань, 1962. - Т. 30
7. URL: <http://www.dinoera.ru/novosti/> История русского пирога (дата обращения: 27.01.2015).
8. [СРЯ 11-12 вв.] – Словарь русского языка 11-12 вв./ гл. ред. С.Г. Бархударов: Вып 1-16. М., 1975-1990. - Вып. 7, Вып. 8.
9. [СРНГ] – Словарь русских народных говоров: в 38 т. М., Л., СПб., 1965-2004 - Т.13, Т.17, Т. 26
10. Осипова Е.П. О некоторых названиях пищи в рязанских говорах //Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, Наука, 2004.
11. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Осовецкого М., 1969.
12. Виноградова П.П. Лексика по теме «Печенье изделия из муки» в костромских говорах (ономазиологический, структурно-семантический и ареальный аспекты): автореф. дис. ... канд. филологических наук. Ярославль, 2013.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ И ИХ ВИДОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Кошкина Светлана Сергеевна

*магистр филологических наук, учитель-логопед
МОУ гимназии №3 Центрального района, Волгоград*

АННОТАЦИЯ

Цель работы состояла в установлении состава используемых в народных и литературных сказках тропов и фигур речи и выявлении их функций.

Метод. Исследование проводилось с использованием стилистического, контекстуального, сопоставительного анализа, приёма количественного подсчёта языковых фактов, что позволило выявить виды изобразительно-выразительных средств и их стилистические функции исходя из контекста употребления и эстетической системы художественного целого, а также соотношение видов изобразительно-выразительных средств в различных типах сказок.

Результат. В статье приводятся результаты комплексного анализа изобразительно-выразительных средств на материале русских народных и литературных сказок, устанавливается специфика отбора и закономерности использования изобразительно-выразительных средств в различных жанровых разновидностях сказки.

Выводы. Данный системный анализ изобразительно-выразительных средств в текстах русских народных и литературных сказок позволяет уточнить имеющиеся в стилистике представления о понятии изобразительно-выразительных средств, их функциях.

Результаты исследования рекомендуются использовать в курсах стилистики русского языка, устного народного творчества, истории русской литературы XIX века, спецкурсах теории художественной прозы, а также при изучении изобразительно-выразительных средств языка в школьной практике.

Ключевые слова: *Изобразительно-выразительные средства, тропы, фигуры, русские народные и литературные сказки.*

SUMMARY

The purpose of work consisted in establishment of structure of the ladders and figures of speech used in national and literary fairy tales and identification of their functions.

Method. Research was conducted with use of the stylistic, contextual, comparative analysis, reception of quantitative calculation of the language facts that allowed to reveal types of graphic means of expression and their stylistic functions proceeding from a context of the use and esthetic system of an art ensemble, and also a ratio of types of graphic means of expression in various types of fairy tales.

Result. Results of the complex analysis of graphic means of expression on material of the Russian national and literary fairy tales are given in article, specifics of selection and regularity of use of graphic means of expression in various genre kinds of the fairy tale are established.

Conclusions. This system analysis of graphic means of expression in texts of the Russian national and literary fairy tales allows to specify the ideas of concept of graphic means of expression, their functions which are available in stylistics.

Results of research are recommended to use in courses of stylistics of Russian, folklore, history of the Russian literature of the XIX century, special courses of the theory of art prose, and also when studying graphic means of expression of language in school practice.

Keywords: Graphic means of expression, tracks, figures, Russian national and literary fairy tales.

Изучение изобразительно-выразительных средств обычно проводится на материале художественных произведений русской и зарубежной литературы, в то время как тексты произведений устного народного творчества, особенно в сопоставлении с литературными произведениями той же жанровой разновидности, практически не являлись объектом специального изучения. Имеются отдельные работы, в которых изобразительно-выразительные средства речи рассматриваются либо на примере национальных сказок [Асаева 1985 :187, Кульсарина 2004:165], либо на материале отдельных литературных сказок [Сурат 1985: 239, Фролова 2002 :199], однако комплексного изучения изобразительно-выразительных средств в разных жанрах народных сказок, их видов и функций в сопоставлении с литературными сказками не проводилось.

Этим обусловлена **актуальность** данного исследования. В данной статье представлено комплексное исследование изобразительно-выразительных средств в русских народных и литературных сказках.

Объектом исследования являются изобразительно-выразительные средства русских народных и литературных сказок.

Предметом исследования является видовая и функциональная специфика изобразительно-выразительных средств в русских народных и литературных сказках.

Цель работы состояла в установлении состава используемых в народных и литературных сказках тропов и фигур речи и выявлении их функций.

Материалом для исследования послужили тексты 34 русских народных и литературных сказок (29 русских народных сказок, из которых 11 волшебных сказок, 15 сказок о животных, 3 социально-бытовые сказки) и 5 литературных сказок (4 сказки А.С. Пушкина и 1 сказка П.П. Ершова). В качестве единицы наблюдения избраны фрагменты текста (от слова до предложения), представляющие собой то или иное изобразительно-выразительное средство. Всего было проанализировано 1180 единиц в соответствующих микроконтекстах.

Анализируя специальную литературу, мы обнаружили, что существуют разные трактовки понятий 'тропы' и 'фигуры речи', в которых предлагаются разные классификации этих понятий. В данной статье при классификации тропов и фигур мы придерживаемся узкой академической точки зрения, представленной в литературоведческих и лингвистических словарях. Суммируя определения А.И. Горшкова, В.П. Москвина, Л. Тимофеева и Б.В. Томашевского, под тропом мы предлагаем понимать такое употребление слова в переносном значении, при котором образуется его семанти-

ческая двуплановость, имеющая эмоционально-оценочный смысл.

Вслед за учёными-стилистами А.И. Горшковым, И.Б. Голуб, Б.В.Томашевским, В.П.Москвиным мы учитывали, что структура тропа двупланова: 1) в тропях разрушается основное значение слова; обыкновенно за счёт этого разрушения прямого значения в восприятие вступают его вторичные признаки; 2) возникает эмоциональная окраска слова: тропы имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме, внушать те или иные чувства, имеют чувственно-оценочный смысл.

Так же, как и А.И.Горшков, под фигурой речи мы понимаем обобщённое название стилистических приемов, в которых слово, в отличие от тропов, не обязательно выступает в переносном значении. В своём исследовании мы исходили из того, что фигуры построены на особых сочетаниях слов, выходящих за рамки обычного, «практического» употребления и имеющих целью усиление выразительности и изобразительности текста.

В ходе изучения специальной литературы были установлены жанровые характеристики таких разновидностей русских народных сказок, как волшебные сказки, сказки о животных и социально-бытовые сказки. Вслед за В.Я. Проппом мы выделили постоянные признаки народной сказки (наличие традиционных формул зачина и концовки, наличие повторяющихся конструкций, разговорная речь, повторяющиеся приемы повествования, трёхступенчатое строение сюжета), которые всегда отмечены высокой концентрацией изобразительно-выразительных средств.

Особенностью волшебной сказки, при сохранении универсальных признаков народной сказки, становятся сюжетная схема, построенная на нарушении запрета, и моделирование сказочного двоemiрия.

Сказки о животных подчинены тому же закону переносимости действий с одних персонажей на другие, что и волшебные сказки: в них первично действие, сюжет, а вторичны действующие лица, но при этом основным объектом или субъектом повествования является животное.

Главное отличие бытовой сказки от волшебной и сказок о животных заключается в том, что она лишена двуплановости: ее действие разворачивается исключительно в этом мире и не переносится в «тридевятое царство, тридесятое государство». Поэтому в бытовой сказке не бывает утроенный, столь типичных для сказки волшебной. Бытовая сказка чужда так называемой формульности волшебной сказки, в ней нет вступительных и заключительных формул и общих мест.

Специфика жанра литературной сказки заключается в том, что по своим основным жанровым признакам она вос-

производит структуру волшебной сказки, но обогащает ее элементами художественного вымысла и стиля. В отличие от народных сказок, ориентированных на традицию устного исполнения, литературная сказка обладает иной коммуникативной моделью: она рассчитана именно на читателя, а не на слушателя.

Этот пробел отчасти мы попробовали восполнить в своём исследовании видов и функций изобразительно-выразительных средств в русских народных и литературных сказках.

Наши предположения о том, что в русских народных и литературных сказках широко используются изобразительно-выразительные средства, в частности тропы и фигуры, оправдались. В исследовании отмечается стабильный видовой состав изобразительно-выразительных средств в русских народных сказках, который обладает устойчивыми функциями.

Результат исследования и анализ материала подтверждает это предположение. Основными тропами в волшебной сказке являются эпитет (68%), сравнение (10%), гипербола (9%), метафора (5%), литота (4%) и олицетворение (3%).

Та же номенклатура образных стилистических средств представлена в сказках о животных, но с несколько иным количественным соотношением: эпитет (70%), метафора (12%), гипербола (9%), олицетворение (5%) и сравнение (2%).

В социально-бытовых сказках состав тропов менее представителен. Здесь ведущую функцию выполняют олицетворение (41%), эпитет (17%), гипербола (12%) и литота (9%).

Образность литературных сказок создаётся, прежде всего, эпитетами (40%) и метафорами (27%). Кроме того, в литературной сказке широко представлены олицетворение (11%), гипербола (10%) и сравнение (10%).

В результате анализа, установлено, что в народных волшебных сказках основную функцию создания образности и сказочного двоемирия берут на себя эпитет (обозначает доминантные признаки сказочных объектов), сравнение (устанавливает аналогии между объектами) и гипербола (обладает усиливающим эффектом).

В структуре сказок о животных с помощью эпитета создаются образы, характеризующие только постоянные доминантные признаки сказочных персонажей или – реже – ситуаций. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что сказки о животных выполняют скорее воспитательную функцию: их задача – формирование моделей бытового поведения на основании представлений о том, что такое добро и зло не в масштабах сказочного двоемирия, а на бытовом уровне. В этом смысле жанр сказки о животных сближается по своей коммуникативной установке с жанром социально-бытовой сказки.

Функция образности в социально-бытовых сказках сведена к минимуму: она лишь маркирует постоянные функции сказочного объекта и выражает некую степень оценки. На наш взгляд, это можно объяснить особой структурой и коммуникативной установкой социально-бытовых сказок: во-первых, они не моделируют двоемирия, как это происходит в волшебной сказке, а во-вторых, эти сказки направлены на непосредственное воспитательное воздействие и показывают человека в ситуации бытового общения.

Выявлено, что в литературных сказках представлен наиболее богатый спектр художественных функций тропов: эпитеты характеризуют постоянные качества сказочных

объектов; метафоры способствуют созданию яркой образности; олицетворение наделяет свойствами человека явления природы, небесные светила, животных и рыб, процессы и качественные состояния героев; сравнение создает аналогии, а гипербола обозначает протяженность сказочного времени и пространства, а также исключительность проявления свойств сказочного героя.

Рассмотрение частотности употребления тропов показывает, что основным способом создания образности во всех видах сказок является эпитет, хотя в литературной сказке его показатели ниже, чем в волшебной сказке и сказках о животных – всего 40% (против 68% и 70% соответственно).

На уровне употребления тропов народная волшебная сказка сближается с параметрами литературной, в основном повторяя и её номенклатуру изобразительно-выразительных средств языка, и их функцию. Напротив, в социально-бытовых сказках отмечается полная противоположность волшебной и литературной сказке как по количественному составу тропов и фигур, так и по их функциям. Промежуточное положение занимают сказки о животных, которые по составу и функциям тропов сходны с волшебными сказками, а по номенклатуре фигур речи сближаются с социально-бытовыми сказками.

При этом в литературных сказках происходит существенное перераспределение количественных и качественных показателей использования тропов. Если в народных волшебных сказках и сказках о животных основная нагрузка по созданию образности возложена на эпитеты (68% и 70% соответственно), то ведущая роль в создании образности и описания сказочного двоемирия в литературной сказке принадлежит не только эпитетам (40% от общего числа тропов), но и метафорам (27% от общего числа тропов), показатели которых в несколько раз ниже в народных сказках: в волшебной – 5%, в сказках о животных – 12%. Повышенная метафоризация литературной сказки связана, на наш взгляд, с особой коммуникативной установкой этого жанра не на устное исполнение сказки, а на ее чтение. Литературная традиция, таким образом, влияет на качественный состав образных средств в произведениях данного жанра.

Количественный состав тропов позволяет сделать вывод о том, что главную функцию в создании образности в народных сказках выполняют эпитеты, сравнения, олицетворения и гиперболы, а в литературной сказке – эпитеты и метафоры. Количество тропов в литературных сказках выше, чем в народных сказках, что обусловлено их коммуникативной установкой на прочтение.

С точки зрения стилистических ресурсов выразительности речи создаётся в волшебных сказках главным образом с помощью повторов (41%), параллелизма (14,5%), бессоюзия (9,6%), эллипсиса (9,6%) и антитезы (8,4%).

Аналогичная картина наблюдается и в сказках о животных. В них также основным средством создания выразительности речи служат повтор (57%), параллелизм (14,7%), эллипсис (9,4%) и антитеза (8%). При этом наблюдается почти полное совпадение количественных показателей использования фигур речи.

Номенклатура фигур речи в социально-бытовых сказках значительно сокращена, чем в волшебных и сказках о животных.

По нашим наблюдениям, в этом жанре используется 5 основных фигур речи: антитеза (40%), повтор (23%), параллелизм (23%), градация (7%), риторический вопрос (7%).

Наиболее частотными фигурами в литературной сказке являются инверсия (37%), повтор (16%), риторический вопрос (13%), параллелизм (13%), анафора (10%) и риторический вопрос (8%).

В своём исследовании мы доказали, что в структуре всех сказок повторы создают эффект длительности действия, его результативности или усиления; параллелизм устанавливает очередность действий или событий или обеспечивает их сопряженность по идентичности; бессоюзие и эллипсис придают устной речи стремительность и динамику, а антитеза выполняет функцию сопоставления конкретных представлений и понятий, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом. Анафора, риторический вопрос и риторическое восклицание используются в литературной сказке для активизации внимания слушателя (читателя).

Номенклатура фигур речи в литературных сказках в целом повторяет состав средств выразительности в сказках народных, однако отличается большим разнообразием и некоторым перераспределением функций фигур речи, а также их количественным составом. Так, в литературных сказках ведущую роль в создании выразительности речи играет инверсия (37%), которая позволяет логически и интонационно выделить нужные для авторского замысла слова, передает авторское отношение к происходящему, выполняет ритмообразующую и рифмообразующую функцию, оформляет словесно-образную картину и передает эмоциональное состояние героя. Как представляется, такое доминирование инверсии обусловлено коммуникативной установкой литературной сказки: она предназначена для чтения, а не для произнесения вслух и передается средствами поэтической речи, т.е. письменной формы литературного языка. Если количественные показатели параллелизма в литературных и народных сказках практически идентичны, то вот анафоре в литературной сказке отводится важная функция – поскольку авторы используют стихотворную форму речи.

Общее сопоставление количественных показателей тропов и фигур речи в сказках всех типов позволяет сказать, что наиболее широко изобразительно-выразительные средства языка и речи представлены в литературных сказках. В народной волшебной сказке тропы доминируют над фигурами, что связано с их функцией создания образности и моделирования сказочного двоимирия. В сказках о животных и социально-бытовых сказках на первый план выходят фигуры речи, которые поддерживают коммуникативную установку активного воздействия на слушателя.

В нашей статье впервые приводятся результаты комплексного анализа изобразительно-выразительных средств на материале русских народных и литературных сказок,

устанавливается специфика отбора и закономерности использования изобразительно-выразительных средств в различных жанровых разновидностях сказки.

Данный системный анализ изобразительно-выразительных средств в текстах русских народных и литературных сказок позволяет уточнить имеющиеся в стилистике представления о понятии изобразительно-выразительных средств, их функциях.

Результаты исследования рекомендуются использовать в курсах стилистики русского языка, устного народного творчества, истории русской литературы XIX века, спецкурсах теории художественной прозы, а также при изучении изобразительно-выразительных средств языка в школьной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асаева Н. А.. Поэтика и стиль осетинской волшебной сказки: диссертация . кандидата филологических наук, Владикавказ. 2004. – с.187.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис – Пресс, 2007. – с.448.
3. Горшков А. И. Русская словесность: От слова к словесности: Учеб. пособие для учащихся 10-11 классов школ, гимназий и лицеев гуманитар. направленности. М. Просвещение, 1996.– с.336.
4. Кульсарина Г. Г. Язык и стиль башкирских народных сказок: диссертация . кандидата филологических наук, Уфа, 2004. – с.165.
5. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частные классификации. Терминологический словарь.. Ростов-на-Дону, :Феникс, 2007. – с.940.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2004. – с.201.
7. Сурат И. З. Жанр стихотворной сказки в русской литературе 1830-х годов: диссертация кандидата филологических наук. Москва , 1985 – с.239 .
8. Томашевский Б. В. Стилистика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – с.288.
9. Фролова Л. А. Художественная природа сказки П. П. Ершова Конёк-Горбунок»: диссертация . кандидата филологических наук.; Владивосток , 2002. – с.199 .
10. Справочная литература
11. Словарь юного литературоведа. Web: <http://multisearch.ru/message/198452/>
12. Словарь литературоведческих терминов. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – с. 509 .

ТЕРМИНОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Мартынова Наталья Анатольевна

Доцент, канд. филол. наук., доцент кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орёл

Садегтдинова Ильмира Изифовна

Курсант -2го курса факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орёл

Тарасов Дмитрий Александрович

Курсант -2го курса факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орёл

АННОТАЦИЯ

Статья имеет целью рассмотреть характеристики терминологии гражданского права, а так же основные особенности развития данной отрасли права в России и за рубежом. Кроме того, особое внимание уделяется специфике терминологии гражданского права..

ABSTRACT

This article is devoted to the studying of civil law and the main points of development of this sphere of law in Russia and abroad. Moreover, great attention is paid to the terminology of Civil law.

Ключевые слова: *гражданское право, юридический термин, терминология.*

Key words: *civil law, legal term, system of terms.*

Гражданское право — это отрасль частного права. В объективном смысле гражданское право есть совокупность правовых норм, регулирующих имущественные отношения и корпоративные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, а также защищающих неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага. [1]

Гражданское право как определенная система правовых норм контролирует наиболее важные общественные отношения, которая затрагивает интересы всех без исключения людей, проживающих на территории Российской Федерации, интересы общества и государства. Исток данных отношений составляют отношения, возникающие в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ. В результате принятия Гражданского Кодекса РФ появился новый тип гражданского права и, следовательно, новая концептуальная основа данного права. Гражданское право является основной частью частного права и необходимым элементом правовой системы современного государства. Гражданскому праву, как и другим отраслям отечественного права, присущи значительные правовые особенности, которые отражают природу регулируемых им рыночных отношений, а также многолетнюю историю его развития. Эти особенности важны для правильного понимания и применения норм гражданского законодательства, а также определения направлений его дальнейшего развития и совершенствования.

Особенностью гражданского права является, прежде всего, широта его сферы действия - она захватывает отношения граждан бытового и личного характера, и отношения современного промышленного рынка. Это и является обширностью и сложностью гражданского законодательства, применение которого разнородности регулируемых отношений требует высокой юридической техники и профессионализма. Гражданскому праву характерны и другие не менее важные правовые особенности.

Исторические корни гражданского права, идут от Римской империи (I-III вв. н.э.). В Римской империи, юристами и судьями (преторами) были удачно разработаны многие для его обслуживания юридические институты, прежде всего система договоров. Влияние римского права пришло к нам в современное право в результате неизбежной правовой преемственности в развитии законодательства, активного изучения наследия римского права, в том числе и в России. От римского права к нам перешло как само наименование «гражданского права», так и многие его понятия термины.

Также повлияло большое влияние международно-правового регулирования. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. За последние десятилетия международно-правовое регулирование, стало все более заметно воздействовать на имущественные взаимоотношения граждан и юридических лиц. Такое воздействие осуществляется через систему многочисленных международных договоров, рекомендации авторитетных международных организаций, а также общепризнанные международные торговые обычаи. На нормы российского законодательства об имущественных и личных правах граждан и практику применения этих норм заметное влияние оказали международные соглашения и декларации о правах человека и его основных свободах, а также вступление в 1996 г. Российской Федерации в Совет Европы и ее присоединение к конвенциям этой организации.

В каждой отрасли права присущи определенные приемы и средства правового воздействия на составляющие ее предмет отношения с целью их развития и защиты. Особенности метода правового регулирования, присущие гражданскому праву, отражают требования рыночной экономики, которая успешно функционирует только при наличии у субъектов предпринимательской деятельности хозяйственной самостоятельности.

Гражданско-правовой метод характеризуют юридическое равенство участников регулируемых отношений, автономно, т.е. не зависимость воли каждого из них и их имущественную самостоятельность. Метод гражданского права иногда называют методом координации, правонаделения, дозволения, горизонтальных связей.

Таким образом, гражданское право это важнейшая отрасль права, нормы которой регулируют имущественные и личные неимущественные отношения граждан и юридических лиц, формирующиеся по инициативе их участников и преследующие цели удовлетворения их собственных интересов.

Сам термин «гражданское право» согласно к английской правовой системе является условным. Он не рассматривается судьями и законодательством, которые не принимают классического римского деления права на публичное и частное, как и вообще его отраслевого строения. С доктринальных же позиций оно складывается из ряда традиционных правовых институтов: реальной собственности, доверительной собственности, договора, деликтов и т. д. Гражданское право, как никакая другая часть правовой системы, развивалось эволюционно, без крутых поворотов, и поэтому достаточно эффективно. В 19 веке в Англии, когда гражданское право в целом своем содержании усовершенствовалась, такой важнейший его институт, как право собственности, знал еще специфическое средневековое деление имущества на «реальную» и «личную» собственность. Это разделение было связано с исторически сложившимися в Англии формами защиты имущественных интересов - «реальными» и «личными» исками. Также в 20 веке в условиях далеко зашедшей урбанизации английское законодательство все чаще сталкивается с вопросом о соотношении прав собственника на производственные помещения, дома и квартиры. Кроме того, созданные на основе актов парламента публичные корпорации использовали тот квалифицированный управленческий аппарат, который сложился еще в частном секторе. Публичные корпорации включались в систему рыночных отношений, но государство как собственник осуществляло политику цен на продукцию национализированных предприятий, предоставляла им систему заказов и т. д.

Изучение терминологии представляет интерес для лингвистов. А изучение терминологии гражданского права помогает понять данную отрасль права, в частности, и теорию права, в целом.

Горизонтальная терминология охватывает различные виды межотраслевых и отраслевых терминосистем. Межотраслевая терминология – это термины, используемые в нескольких отраслях права («материальная ответственность», «значительный ущерб», «проступок» и т.д.). Основным объемом юридических терминов приходится на межотраслевую терминологию, в то время как количество отраслевых терминов сравнительно невелико. Отличительной чертой отраслевой терминологии является то, что она основывается на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий, отражающих специфику конкретной сферы правовых отношений.

Несколько иную классификацию находим у Д.И. Милославской [3], которая выделяет следующие группы терминов:

1. общеупотребимые;
2. общеупотребимые, имеющие в нормативном акте более узкое, специальное значение;
3. сугубо юридические;
4. технические.

В юридической литературе также существует похожее деление, при котором выделяются три вида юридических терминов:

1. общеупотребительные термины, которые используются в обыденной речи и понятны всем (например, «адрес»);
2. специально-юридические термины, которые обладают особым правовым содержанием («Актив», «Акцепт», «Акционер» и т.п.). Такие термины служат для обозначения юридических понятий, выражения юридических конструкций, отраслевой типизации и т.д.;
3. специально-технические юридические термины, которые отражают область специальных знаний (например, «Учредительные документы юридического лица», «Государственная регистрация недвижимости» и т.п.)

Специально-юридическую терминологию нельзя ограничивать набором особо сложных юридических выражений и слов. [2]

Исследование классификации юридической терминологии позволяет выбрать адекватный вариант именованья явления при переводе профессионально ориентированных текстов.

Знание нормативно правовых актов, точность их понимания, а так же знание современного состояния терминологии и возможности беспрепятственного общения на нужном языке. А так же умение учитывать, когда перевод идет с иностранного языка на русский, а когда наоборот. Это тоже считается немало важной проблематикой перевода и требует особого внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зенин И.А., Гражданское право учебник 16-ое издание, автор 2012
2. Мартынова Н.А. Терминология как конститутивный элемент научного текста: сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного юридического дискурсов //В сборнике: Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 12 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ФГБОУ ВПО «ОГИИИ», ООО «Горизонт», 2014. – 330 с. С. 158-167.
3. Милославская Д. И. Юридические термины и их интерпретация [Электронный ресурс] // Ростовская электронная газета. 1999. N 21. – URL: <http://www.relga.rsu.ru/n27/rus271.htm>

ЮМОР В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Пацкин Михаил Юрьевич

Студент 2 курса, МГЛУ ЕАЛИ, ЕАЛИ9-3-21, г. Иркутск

АННОТАЦИЯ

Эта статья рассматривает различные аспекты юмора в японском языке. В данной статье автор пытается определить эти виды юмора.

ABSTRACT

The main goal of this article is to find different types of humour in Japanese language. Author tries to analyze those types.

Ключевые слова: Юмор, японский язык, каламбур

Keywords: Humour, Japanese language, pun.

Юмор – это форма комического, выражающая свое отношение к миру, осмеивающая поступки, характер и качества людей или предметов, однако, юмор несет в себе положительный оттенок, что отличает его от сатиры и иронии. Юмор, как одна из форм комического, показывает нам эстетическую ценность предметов или явлений. Юмор также можно назвать добродушным типом комизма, существующий для развлечения и для отдыха, но часто несущий и своеобразный интеллектуальный характер.

Перевод юмора сопровождается внеязыковыми и культурологическими проблемами, связанными с различием в менталитете разных стран и народов, и языковыми проблемами, которые выражаются в использовании определенных языковых средств, не имеющих аналога в других языках. Наибольшую трудность для перевода представляют шутки, основанные на игре слов. Характерным представителем данного рода шуток является каламбур.

Каламбур – стилистическая фигура, основанная на юмористическом использовании многозначных слов или омонимов.

По мнению В.С. Виноградова в основу каламбура входят опорный компонент, который является отправной точкой игры слов, и результатанта, которая обыгрывается таким образом, чтобы вызвать эффект комичности

Далее рассмотрим возможность-невозможность перевода юмора, основанного на игре слов. При переводе игры слов и каламбуров, построенных на рифме, возникают определенные сложности. Например, в следующем отрывке из произведения Хисаси Иноуэ «Люди Кирикири» наблюдается подобный каламбур: «男は度胸、女は愛嬌、でしょうか。その続きは、……漬物はラッキョウ、薬は三共、大学は立教で、クラシックはN響で、坊主はお経、これが世界の八大宗教» *Отоко-ва докё:, онна-ва айкё: дэсё:.* Сонно цудзуки-ва, ... цукэмоно-ва ракё:, кусури ва санкё:, дайгаку-ва риккё:, курасикку-ва Н-кё:, бо:дзу ва о-кё:, корэ-га сэкай-но хачидай сю:кё: – Говоря о мужчине, мы подразумеваем храбрость, о женщине – привлекательность. А также, ...говоря о соленьях, на ум приходит японский лук, о лекарствах – компания «Санкё», об университете – Риккё, о классике – симфония под каким-нибудь номером, о бонзе – сутра, а все вместе это «8 великих религий мира». В основе данного каламбура лежит одинаковое окончание слов (~きょう – кё:). Если переводить предложение обычным образом, первоначальная цель не будет достигнута, теряется игра слов. Однако нельзя отрицать, что в принципе, перевод игры слов является возможным

Зависимость от иноязычной формы опорного компонента, как правило, исчезает при переводе каламбуров, не связанных с именами собственными. Результирующий компонент также созвучен опорному, но игра слов создается переводчиком с помощью только нарицательных слов родного языка. Как в оригинале, так и в переводе такие каламбуры обычно основываются на омонимии, ошибках словоупотребления, «ложной» этимологизации, комических сопоставлениях созвучных слов и выражений. При переводе подобных каламбуров появляется возможность отступить от смыслового содержания, присущего в оригинале не только результанте, но и стимулятору.

Переводческий прием при передаче каламбура-созвучия сводится к поиску двух созвучных слов или выражений общенародного языка, которые могут стать компонентами каламбура. Одно из них, претендующее на роль стимулятора, подбирается как семантический эквивалент опорному компоненту иноязычного каламбура. Другое, выступающее в качестве результатанта, подыскивается по созвучию первому и употребляется в несвойственном себе смысле, в непривычном контексте. Иначе говоря, результатанта представляет собой обычное слово, значение которого комично искажено. Результирующий компонент русского каламбура может не являться смысловым эквивалентом соответствующего слова оригинала.

Дадзэрэ, игра слов, в основном используемая детьми, также строится на фонетическом созвучии опорного компонента и результатанта. В данном случае сообразно передавать игру слов в свойственной детям манере образовывать новые слова. Например, 布団が吹っ飛んだ *футон-га футтонда* – «матрас уматрасился!», アルミ缶の上にあるみかん *арумикан-но уэ-ни ару микан* – «мандаринка на алюминке».

Игра же, основанная на полисемии, в отличие от каламбуров-созвучий возникает благодаря тому, что одна и та же звуковая словесная форма может иметь различное смысловое содержание. Каждое слово многозначно и в определенной речевой ситуации могут реализовываться сразу два значения, присущих одной языковой форме, вследствие чего возникает каламбур. Она обладает собственными своеобразными характеристиками. По форме это либо то же самое опорное слово или словосочетание, употребленное в новом контексте и в новом значении, либо омонимичное слово или выражение. Стимулятор и результатанта могут совмещаться в одном звуковом комплексе, употребленном единожды, и реализоваться поочередно благодаря меняющемуся контексту. В таких случаях роль контекста огромна. Именно он обязывает воспринимать слово или оборот

в двух значениях, раскрывая двойное содержание единой словесной формы. Например, предложение 寝台車を手配する *синдайся-о тэхай суру* – «разыскивать спальный вагон», слушающий может воспринять как 死んだ医者を手配する *синда ися-о тэхай суру* – «разыскивать мертвого врача».

Не всегда является возможным сохранить буквальную словарную точность при переводе таких каламбуров. В таком случае целесообразно отказаться от передачи словарных соответствий между компонентами оригинального и переводческого каламбура, сохранив при этом саму игру слов как таковую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) – М.: Издательство института общего среднего образования РПО, 2001. – 224 с.
2. Дядькина Т.Е. Формы комического в японском языке. Молодые голоса востоковедения: материалы научно-практической конференции. Вып. 1 / Под общ. ред. канд. филол. наук, доц. К. В. Поляковой. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 97 с.
3. Шульман Г.А. Об информативной и познавательной роли юмора в соционике. – Психология и соционика межличностных отношений, №3, 2004.
4. 米原万里. 不実な美女か貞淑な醜女か. – 新潮社版, 2003.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС С ПОЗИЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Попова Таисия Георгиевна

*доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
Москва*

SCIENTIFIC-TECHNICAL DISCOURSE FROM THE POSITION OF INTERTEXTUAL RELATIONS

Popova Taisia

*Doctor of Philology, Professor
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow*

АННОТАЦИЯ

Научно-технический дискурс представлен с позиции интертекстуальных связей. В статье рассмотрена интертекстуальная ситуация в испанском научно – техническом дискурсе и ее компоненты. Интертекстуальный блок представлен в различных формах чужой речи: цитату, косвенную речь, чужая речь, различные ссылки, включения. Выявляются их функции, дискурсивные маркеры чужой речи и механизмы интертекстуальности научного дискурса.

Ключевые слова: научно-технический дискурс, интертекстуальные связи, интертекстуальная ситуация, цитация, функция, ссылки, маркеры.

ABSTRACT

Scientific-technical discourse is represented from the position of intertextual relations. The manuscript elaborates on intertextual situation in Spanish scientific-technical discourse and its components. Intertextual block is represented by different forms of another's speech: citation, reported speech, another's speech, various references, inclusions. Certain functions, discourse markers and mechanisms of intertextuality of scientific speech are defined.

Keywords: scientific-technical discourse, intertextual relations, intertextual situation, citation, functions, references, markers.

В данной статье научно – технический дискурс рассматривается с позиции интертекстуальных связей. Погруженный в ситуацию общения, любой случай заимствования и реализации элемента «чужого» текста превращается в интертекстуальную ситуацию, компонентами которой являются автор, включающий в создаваемый им текст, заимствованный элемент, сам текст адресата.

Интертекстуальность рассматривается как важнейшая категория текста, отражающая открытость другим смысловым системам, способность текста вступать в контакт с другими предшествующими текстами [6, с. 188]. Интертекстуальный блок состоит в различных формах чужой речи: заковыченную цитату, косвенную речь, референцию, то есть, указание на чужой текст, различные ссылки, включения и другие.

Существует прототипная единица интертекстуальной связи, в которой заключена полная информация, необходимая для установления текста-источника заимствования: «цитата в кавычках + именная ссылка + титульная ссылка + библиографическая ссылка» или, другими словами, цитата, маркированная кавычками, именной, титульной и библиографической ссылками [4, с. 16].

Цитирование является обязательным признаком научного текста. Цитата представляет собой эксплицитное интертекстуальное включение, актуализирующее интертекстуальные связи нового и исходного текстов. Цитата является маркером внутренней диалогичности текста.

Как известно, основные особенности цитаты «заключаются в дословности и точности передачи чужого слова во избежание искажений смысла» [1, с. 66]. Ее формальным признаком являются кавычки, (графическая маркировка), являющаяся «тем сигналом чужеродности, который отчетливо прочерчивает грань между своим и чужим текстом» [6, с. 205]. Цитаты определяются как вид интертекстуальной связи, при котором фрагмент текста-источника интегрируется в текст-носитель [4].

Цитаты, как способ введения в текст фрагментов других текстов, стали первыми среди интертекстуальных включений, которые подверглись изучению, и поэтому они считаются наиболее типичным средством реализации интертекстуальных связей. Главными дифференцирующими признаками цитации являются эксплицитная маркированность, структурно-семантическое тождество с текстом-источником, указание авторства. Цитация выступает важнейшим эксплицитным сигналом интертекстуальной связи между текстами.

На основании критериев формы и объема можно выделить три структурных типа прямой цитации - полную, редуцированную и сегментированную цитацию [5, с. 97].

Полная цитация в научных текстах в настоящее время встречается достаточно редко. Полная цитация представляет собой взятый дословно, без сокращений отрезок текста-источника, законченный в смысловом отношении. Цитаты определяются как вид интертекстуальной связи, при котором фрагмент текста-источника интегрируется в текст-носитель. Например: «Es importante conocer los preceptos que indica el profesor Karl Terzaghi, pionero de mecánica de suelos y de problemas en campo: “Entender los fenómenos de naturaleza es una tarea difícil que el ingeniero científico tiene que descubrir sin desesperación”» (Ingeniería. Investigación y Tecnología. V. I, № 5, 2000).

Редуцированная цитация сокращена в соответствии с целями цитирования текста-источника. Применение данного типа цитации основано на приеме синтаксического слияния цитации и авторской речи без специальных вводящих слов. Переход к цитации обозначается с помощью кавычек. Например: «La ingeniería inversa “es el acto de crear un conjunto de especificaciones para sistemas hardware por medio del análisis y dimensionamiento de un espécimen”» (Ingeniería. Ciencias ambientales, №44, 1999).

Сегментированная цитация имеет вид цитатных вставок, неразрывно связанных в структурно-смысловом отношении и воспроизводимых через небольшие интервалы. Обязательными условиями использования «прямых» цитат в научных работах являются маркеры, указывающие на введение заимствованного из другого отрывка (кавычки, курсив, ссылка на источник и его автора) «чужой» речи: Se habla del «efecto restaurador de la naturaleza» que permite a las personas

«limpiar la cabeza, recuperar la dirección de la atención...» (Interciencia. Revista de ciencia y tecnología de América Latina, v. 30, № 11, 2005). Одновременная отнесенность цитации к двум текстовым системам формирует условия для интертекстуального диалога.

Косвенная речь в отличие от цитации связана с большими содержательными трансформациями предтекста. Синтаксическая конструкция с косвенной речью на первый план выдвигает исследователя как второго говорящего. Использование авторами научных работ с косвенной речью способствует повышению диалогичности научного дискурса. Маркерами данного типа интертекстуальной связи являются вводные и вставные конструкции, лексические, синтаксические и лексико-синтаксические маркеры, такие как декларативные глаголы, или глаголы говорения, предложно-вербальные сочетания.

Форма косвенной речи представляет собой обработку чужого высказывания, в этом случае на первом плане оказывается не само чужое высказывание, а понимание его автором текста. По сравнению с цитированием косвенная речь свидетельствует о большей степени адаптации исходного текста. Интертекстуальные маркеры косвенной речи не имеют кавычек. Например: «*Lynd (1996) señala que en este caso no se requiere dedicar gastos de capital o de operación para la producción de enzimas dentro del proceso*» (Interciencia, 2005, vol. 30 № 11). В испанских научных текстах широко используется близкий к косвенной речи авторский пересказ чужого высказывания с отсылкой к источнику информации в форме вводных слов. Известно, что одним из основных способов языковой репрезентации субтекста старого знания является воспроизведение чужого высказывания в форме цитации, пересказа, прямой и косвенной речи. Вербальными маркерами ввода старого знания служат глаголы речи и мысли, предполагающие в своем окружении обязательную позицию для чужого высказывания: decir, explicar, estimar, afirmar, informar, definir, caracterizar, etc. Содержание чужой речи вводится в научный текст вводными маркерами (de acuerdo con, según tal o cual persona, según la definición, a juicio de, en autores como, etc).

Например: «*A juicio de los autores, todo lo arriba expresado se puede condensar en dos pensamientos*» (Ciencia y desarrollo, № 154, 2000). «*O'Brien et al. (2000) utilizaron herramientas de simulación para evaluar los costos del proceso de obtención de alcohol carburante mediante fermentación por lotes*» (Interciencia, 2005, vol. 30 № 11).

Авторитетность в научном дискурсе определяется как одна из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании цитат, ссылок на мнение известных личностей или результаты исследований. Авторы опираются на уже признанные авторитеты. Чаще всего чужое мнение привлекается для подтверждения правильности положений научной работы самого автора. Цитаты и ссылки играют ведущую роль для выражения категории авторитетности. Авторитет заключается в определенном способе влияния на адресата посредством выбора и реализации определенных дискурсивных стратегий.

Проведенный анализ цитат, используемых в испанском научном дискурсе, позволил выявить следующие ссылки на авторитет: цитирование знаменитых ученых, авторитетных специалистов; цитирование авторов, работы которых послужили базой для проведенного исследования; цитирование документов; цитирование противоположных точек зрения,

результатов, не совпадающих с исследованиями автора, и их критика или уточнение; цитирование словарей и специальной литературы.

В первичных испанских научных текстах косвенно-речевые средства выражения чужой речи преобладают над цитацией, что подтверждает творческий характер порождения текстовых произведений в науке, выражающий активное отношение к чужому тексту через его переосмысление и интерпретацию.

Ссылка представляет собой имплицитный тип цитирования, то есть свернутое привнесение интертекстуальной информации, в результате которого содержание чужого текста остается невыраженным в словесной форме [2, с. 86]. Ссылки представляют собой паратекстовый тип заимствования, при котором функции межтекстовых связей выполняют не фрагменты самого старого текста, а элементы паратекста, указывающие на оригинал.

В настоящем времени научно-технический текст имеет большое количество ссылок. Общие ссылки указывают только на название источника и года издания: «Las aplicaciones notificadas de estos métodos han aumentado en años recientes» (Evans, 1991; Hosni et al., 1993; Motavalli y Shamsaasef, 1994; Mirloy et al., 1996). (Ingeniería. Investigación y Tecnología, v. 1, № 5, 2000).

«Además son de los pocos métodos prácticos que ofrecen información acerca del origen, disponibilidad física-química y biológica, movilización y transporte de metales pesados en ambientes acuáticos» (Tessier y Campbell, 1987; Kerstény Forstner, 1991; Hriwitz, 1991; Landing y Lewis, 1991; Lewis y Landing, 1992; Martínez y Senior, 2001).

Ссылки в научном исследовании могут быть разбиты на три группы: именные, титульные, адресные. Именные ссылки - это интертекстуальный показатель, устанавливающий связь между текстом научной статьи и другим текстом посредством указания на имя автора заимствуемого текста. Титульные ссылки указывают на название соответствующего текста, адресные ссылки отсылают к дополнительным характеристикам издания (год, место, наименование издательства и т.д.) [4, с. 60]. Такие ссылки представляют собой ретроспективный фактор и указывают на сумму накопленных фактов, от которых автор отталкивается, начиная свою собственную исследовательскую работу. Авторам исследования важно показать связь нового знания со старым и обозначить преемственность между ними.

Прецеденты, будучи личностными знаками, способствуют упорядочению фактов науки, являются точками отсчета в изменении научной парадигмы, дают читателю и автору возможность систематизировать научное знание и ориентироваться в его фонде. Содержание предшествующего знания, актуального для авторской концепции, может и не получить в научном тексте эксплицитного выражения, оставаясь в то же время понятным подготовленному читателю. Это происходит в тех случаях, когда кванты старого знания - законы, гипотезы, теоремы - входят в дисциплинарный фонд той или иной науки под именами их авторов, пре-

вращаясь в терминированные понятия, владение которыми является условием профессиональной компетенции каждого ученого. Содержание дисциплинарного знания остается в подтексте и составляет имплицитную информацию, опирающуюся на общую профессиональную пресуппозицию автора и читателя.

В гносеологическом плане прецедент является типичным приемом сжатия старого знания с целью его сохранения, уплотнения и дальнейшего научного накопления. В связи с этим прецедентное знание является средством выражения научных констант, помогающих ориентироваться среди множества научных идей. Будучи свернутой речевой структурой, прецедентное знание вербализируется в виде дискретно-точечных включений, инкрустирующих ткань всего произведения. Например, рассмотрим прецедентные термины - эпонимы из испанско-русского словаря *onda de Lamb; onda de Love; frontera de Conrad; frontera de Mohorovicic; zona de Benioff; dispositivo de Schlumberger*. Прецедентное знание, как правило, не имеет специальных метатекстовых или графических демаркаторов, обязательных для старого знания. Он апеллирует к знаниям и памяти читателя, отражает общность апперцепционной базы отправителя и получателя научного сообщения.

В заключение следует отметить, что межтекстовые связи в научном тексте имеют особую значимость в сложившейся системе производства, передачи и хранения научной информации. Цитаты определяются как вид интертекстуальной связи, при котором фрагмент текста-источника интегрируется в текст-носитель. Ссылки и дискретно-точечные включения, инкрустирующие ткань всего произведения, определяются как вид интертекстуальной связи, при котором в тексте происходит указание на какой-либо формальный признак текста-источника.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Л. М. Научный текст как полилог. М.: СигналЪ, 2001. - 162 с.
2. Баженова Е. А. Способы экспликации функции и чужой речи в научном тексте // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Сб. науч. трудов. Пермь: Изд - во Перм. гос. ун-та, 1988, с. 83 - 91.
3. Должич Е. А., Попова, Т. Г. Интертекстуальные связи в испанском научном дискурсе. М.: РУДН, 2012.- 170 с.
4. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград. 1999 - 22 с.
5. Попова Т. Г., Руднева М. А. Научно-технический текст в современном ракурсе. Германия: **Palmarium Academic Publishing**, 2014 - 252 с.
6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009 - 248 с.

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА УНИВЕРСИТЕТА НА ЕГО ОФИЦИАЛЬНОМ САЙТЕ

Редькина Юлия Константиновна

*магистрант кафедры журналистики и медиакоммуникаций
Волгоградского государственного университета, Волгоград*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика интернет-коммуникации вуза как образовательного центра. Анализируются составные части имиджа вуза. Рассматриваются основные стратегии, применяемые для формирования имиджа на сайте. Автор приходит к выводу, что если стратегия позиционирования реализуется вполне успешно, то отстройка от конкурентов проводится недостаточно четко, что препятствует формированию уникального образа университета.

ABSTRACT

In the article the specificity of Internet communication of the University as an educational center. Analyzed part of the image of the University. Examines the main strategies used for forming the image on the website. The author comes to the conclusion that if the positioning strategy is being implemented quite successfully, the mission of the firm is carried out not clearly that hinders the formation of the unique image of the University.

Ключевые слова: *связи с общественностью, имидж вуза, сайт вуза, стратегия позиционирования, отстройка от конкурентов*

Keywords: public relations, the image of the University, the site of the University, positioning strategy and mission of the firm

Интерес к способам формирования имиджа особенно усилился в XXI веке в связи с обострением конкуренции между производителями товаров и услуг. Ведь чтобы победить в борьбе за потребителя, привлечь его на свою сторону, банк, фирма или общественная организация должны активно работать над формированием соответствующего имиджа в глазах всех тех целевых групп, с которыми данный субъект вступает в какие-либо контакты.

Университеты стали осознавать необходимость этой работы значительно позже, чем другие субъекты, поскольку в России традиционно абитуриенты боролись за право обучаться в вузе, в связи с чем ему самому не приходилось прикладывать существенных усилий по привлечению контингента. Однако в последнее десятилетие конкуренция между университетами стабильно повышается. Эта тенденция обусловлена, конечно, многими факторами, однако важнейшими из них являются два: объективное снижение общего количества абитуриентов вследствие влияния эффекта «демографической ямы», а также внедрение всевозможных рейтингов оценки качества образовательной деятельности. В связи с этим изучение специфики формирования имиджа вуза представляется весьма актуальным.

Под имиджем в пиарологии понимается сознательно сформированный образ объекта, который наделяет его дополнительными ценностями и дает возможность продуцировать те впечатления об объекте, отношение к нему и оценки его, которые необходимы самому создателю [3, с. 29].

Имидж вуза – понятие комплексное, включающее в себя не только имидж самой образовательной услуги, но и другие компоненты: имидж ректора, имидж профессорско-преподавательского состава, имидж студентов, а также визуальный, социальный и бизнес-имидж университета. Имидж образовательной услуги формирует в сознании потенциальных потребителей уникальные свойства услуги, которые представляют для них наивысшую ценность в жизни. Имидж руководства вуза формирует представление о намерениях, мотивах, способностях, установках, ценностных ориентациях вуза. Имидж преподавателей включает пред-

ставление о профессиональной компетентности и квалификации преподавателей, а также об их моральных качествах. Имидж потребителей образовательных услуг формируется на основе оценки информации о студентах и выпускниках вуза, их удовлетворенности качеством образования, востребованности на рынке труда. Визуальный имидж вуза формирует представления об организации, основанные на зрительных ощущениях, фиксирующих информацию об интерьере корпусов, лекционных аудиторий, фирменной символике организации. Социальный имидж вуза формирует представления у широкой общественности о социальных целях и роли вуза в экономической, социальной и культурной жизни общества, предоставление льгот студентам и сотрудникам. Бизнес-имидж вуза формирует представление об организации как о субъекте деловой активности. В качестве составляющих бизнес-имиджа вуза выступает деловая репутация, наличие докторантуры, аспирантуры и магистратуры, инновационные технологии, взаимодействие с работодателями.

В настоящее время для формирования имиджа университета все шире используется его официальный сайт, поскольку это весьма удобный, недорогой и эффективный способ формирования общественного мнения. Сайт является контролируемым средством коммуникации, с помощью которого вуз может генерировать такие формы взаимодействия с адресатом, которые в наибольшей степени отвечают его потребностям. При этом качество самого сайта также является признаком, формирующим имидж. Поэтому наличие трехмерной графики, хорошей навигации, большого количества удобных гиперссылок, профессионально сделанных и разнообразных видеоматериалов само по себе способно формировать имидж университета. Сегодня — это информационно насыщенные интернет-порталы, имеющие несколько языковых версий, обладающие разветвленной навигацией и связанные с социальными сетями.

Основное преимущество сайта перед другими каналами распространения информации состоит в том, что здесь в концентрированном виде может быть помещено такое количество имиджформирующей информации, которое необхо-

димо для получения устойчивого результата. Причем если информация, формирующую бизнес-имидж, адресат может получить и из других источников (СМИ, сотрудники вуза и т.п.), то информацию, формирующую визуальный имидж, адресат может получить только на сайте (в помещении университета посторонние не допускаются). Кроме того сайт имеет интерактивные элементы, т.е. предполагает ответную реакцию целевых групп с помощью рейтингов, опросов общественного мнения, форумов и т.п., что позволяет своевременно корректировать информационную политику вуза в соответствии с состоянием и ценностями адресата.

Однако проблема нередко состоит в том, что, увлекаясь отдельными направлениями, разработчики сайта забывают о необходимости формирования целостного образа вуза, способного не только привлечь внимание целевых групп отдельными элементами деятельности, но и сформировать единый имидж. Чтобы этого добиться, университету необходимо четко представлять себе, какой именно результат он хочет получить. После того, как цель сформулирована, необходимо разработать стратегию ее достижения [1, с. 12]. Ведь главным элементом, обеспечивающим положительный результат, является формирование правильного отношения к организации у различных целевых групп.

Чтобы проследить специфику формирования имиджа вуза, обратимся к изучению сайта Волгоградского государственного университета. Сайт имеет многоуровневую структуру, ориентированную на конкретные аудитории. Здесь активно освещается образовательная и научная деятельность университета, имеется постоянно обновляемая лента новостей, где публикуются заметки о вкладе университета, его сотрудников и студентов в развитие научного сообщества и общества в целом.

Как показывают наблюдения, основными стратегиям формирования имиджа университета являются позиционирование и отстройка от конкурентов.

Позиционирование состоит в таком отборе и компоновке информации, которые помогали бы создавать и поддерживать понятный общественности и целевым группам образ университета. В целом эта задача сводится к формированию в сознании целевых групп определенной системы позитивных имиджевых стереотипов.

Судя по сайту, к таким стереотипам относятся следующие:

1) На сайте формируется представление о ВолГУ как ведущем научном учреждении области. В связи с этим публикуется подробная информация в виде базовых посланий (см. об этом [2, с. 281]) о научных школах и научных направлениях, разрабатываемых учеными университета; о диссертационных советах, научных журналах и т.п.

2) Сайт стремится сформировать представление об университете как о высоко интеллектуальном заведении, студентам которого предоставлены все возможности не только для получения полноценного образования (УМНИК, электронная библиотека), но и для участия в различных научных мероприятиях. Здесь имеются такие рубрики: «Студенческое научное общество», «Малые инновационные предприятия», «Конференции и олимпиады», «Студенческое инновационное агентство», «Научно-образовательные центры». Реализации этой стратегии служат также разнообразные объявления о специальных мероприятиях, например, о работе «интеллектуальных сред», в рамках которых проводятся всевозможные коллоквиумы, дискуссии, обсуждения

острых научных проблем, куда приглашаются не только преподаватели, но и студенты, а также межвузовских и всероссийских научных конференциях, например о проведении *XX Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области*.

3) Сайт ВолГУ активно формирует представление о том, что университет стремится поддерживать тесные отношения со школами Волгограда, а также оказывает абитуриентам всевозможную помощь в выборе профессии и поступлении в университет. Для реализации этой стратегии на сайте помещаются материалы о совместной деятельности университета и школ, указываются мероприятия, в которых могут принять участие не только студенты, но и школьники. Например: *Уважаемые абитуриенты! 15 сентября в ВолГУ стартует Неделя европейских языков и культур, в рамках которой все желающие, обучающиеся в 9 – 11 классах, могут принять участие в олимпиаде по английскому языку «Welcome to applied linguistics»!*

Кроме того на сайте имеются объявления о работе подготовительных курсов и всевозможных воскресных школ для старшеклассников. например: *Волгоградский государственный университет приглашает школьников 8-9, 10-11 классов в Воскресную физическую школу. Занятия проводятся по субботам с 15.00, обращаться в ауд. 2-11, корпус К. Занятия бесплатные. Приглашаются все желающие.*

4) На сайте уделяется внимание тому, что университет занимает активную гражданскую позицию, принимает участие в общественной жизни города и области, привлекает студентов к этой работе. Для реализации этой стратегии помещаются сообщения об участии студентов университета в разнообразных патриотических мероприятиях: *В ВолГУ прошел Межрегиональный культурно-просветительский молодежный форум «Сталинградский рубеж», в котором приняли участие студенты Казанского (Приволжского) федерального университета, Уральского федерального университета, Санкт-Петербургского политехнического университета, Тюменского государственного университета, Волгоградского филиала Российского университета путей сообщения, Волгоградского государственного технического университета, Волгоградского государственного университета (5-9 ноября 2014).* Кроме того эту стратегию поддерживает описание деятельности Волонтерского центра «Прорыв».

5) Сайт активно формирует представление об университете как демократическом учреждении, в котором дорожат мнением студентов и сотрудников, привлекают студентов к определению направлений развития университета. Для реализации этой стратегии на сайте созданы всевозможные форумы, а также системы электронного мониторинга: «Удовлетворенность потребителей», «Преподаватель года» и др., в рамках которых студенты могут оценить работу любых структур университета и его филиалов, преподавателей, получить ответы на вопросы, относящиеся к работе университета в целом.

6) Сайт формирует представление о востребованности выпускников университета. Прежде всего это делается с помощью рубрик «Мы вами гордимся», «Выпускники на службе Alma mater», в которых рассказывается о наиболее успешных выпускниках. Другая линия реализуется в разделе «Трудоустройство выпускников», где сообщается о проблемах и достижениях в деле трудоустройства молодых специалистов. Кроме того публикуются сведения о ваканси-

ях для студентов, ищущих подработки, а также о вакансиях для выпускников. Здесь помещена газета «Студенческая вакансия», цель которой – всестороннее освещение вопросов трудоустройства студентов ВолГУ, формирование лояльности к ценностям и философии ВолГУ как региональному центру, образования, науки, культуры и инноваций.

Отстройка от конкурентов сводится к позиционированию субъекта как имеющего очевидные преимущества перед конкурентами. В связи с этим используется прием сопоставления (явного или скрытого) с помощью которого выявляются отличительные черты субъекта, возвышающие его на фоне конкурентов. В целях реализации этой стратегии университет должен четко сформулировать для абитуриентов, какие именно преимущества отличают студентов и выпускников университета от выпускников других вузов.

Реализация этой стратегии на сайте университета сводится практически только к подробному описанию побед студентов, сотрудников, команд, университета в целом и т.п. на всевозможных конкурсах и в рейтингах: *ВолГУ стал победителем в конкурсе программ подготовки кадров для оборонно-промышленного комплекса «Новые кадры ОПК»*; *Волонтерский корпус 70-летия победы стал лучшим в ЮФО*; *Издательство ВолГУ стало лауреатом 28-й Московской международной книжной выставки*; *ВолГУ вошел в топ-20 лучших экономических вузов России* и т.п.

Несомненно, что подобная тематика способствует формированию представления о преимуществах субъекта перед конкурентами. Однако эффективная отстройка от конкурентов требует приложения осознанных дополнительных усилий, формирующих представление об уникальности (или по крайней мере специфике) предлагаемых услуг. К сожа-

лению, подобные тактики не всегда присутствуют на сайте университета. Например, у нас есть уникальные и востребованные обществом специальности: журналист, переводчик, издатель и пр. Упоминание о них эффективно отстраивает университет от конкурентов. А какое преимущество перед выпускником педуниверситета получит студент, если он поступает на традиционную специальность «русский язык и литература»? Ответ на этот вопрос невозможно получить не только на сайте, но и из других PR-сообщений университета. Это же касается и некоторых других аспектов позиционирования университета: во всех вузах студенты занимаются спортом, имеют команду КВН и кружки художественной самодеятельности, везде проводятся научные конференции и конкурсы и т.п. Для успешного формирования своего имиджа университету необходимо четко сформулировать ту специфику, которая отличает именно классическое образование от всех прочих образовательных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т. В. Проблема разграничения рекламных и PR-текстов, помещаемых на сайте компании // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2013. № 18. – С. 11-14.
2. Анисимова Т. В. Об одном из параметров классификации PR-жанров // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11 (часть 2). – С. 280-281.
3. Теоретические основы PR-риторики: монография / Анисимова Т. В., Аксенова А. В., Мухина М. В., Рябова Е. С. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. – 367 с.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ ЛЕГЕНДЫ О МОКАЙМЕ ИЗ «САМАРКАНДСКИХ» ЛЕГЕНД А.М. ГОРЬКОГО

Русакова Марина Васильевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы, г. Душанбе, Республика Таджикистан

АННОТАЦИЯ: В данной статье раскрываются жанровые особенности легенды о Мокайме, входящей в состав так называемых «самаркандских» легенд М.Горького. На основе анализа показывается, что повествование о Мокайме было приближено писателем к одному из популярных жанров восточной средневековой прозы – хикаяту.

ABSTRACT: The article considers genre features of the legend of Mockima, which is part of the so-called “Samarkand” legends Gorky. On the basis of the analysis it is shown that the narrative of Mockima was approximated by the writer to one of the popular genres of the Eastern medieval prose – hikayat.

Ключевые слова: *Муканна, легенда, хикаят, новелла, жанровое своеобразие, мастерство писателя.*

Keywords: *Mukanna, the legend, hikayat, Novella, genre originality, skill of the writer.*

А.М. Горький – наиболее изученный писатель первой половины XX века. Однако до сих пор в литературоведении многие из его произведений вызывают споры, некоторые из шедевров писателя и вовсе не изучены, как например, «самаркандские» легенды А.М. Горького, которые, на наш взгляд, занимают особое место в творчестве писателя. Две легенды о Тамерлане и легенда о Мокайме, относящиеся нас к средневековому Востоку, объединённые исследователем Н.К. Пиксановым в монографии «Горький и национальные

литературы»(1946 г.) общим названием «самаркандские», были созданы в эпоху первой мировой войны.

Интерес к художественному своеобразию данных произведений вызывает тот факт, что впервые они были опубликованы писателем в 1915 году под заголовком «Рассказы», а через год, в 1916 году, - под названием «Легенды». Поскольку рамки статьи ограничены, то мы остановимся лишь на анализе первой из легенд – легенде о Мокайме.

Горьковский Мокайма, прозванный «занавешенным», не кто иной, как легендарный Муканна¹, сведения о котором писатель почерпнул из прочитанных им «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи и III главы книги «История Бухары, или Трансоксании» Г.Вамбери².

М.Горький, излагая по-своему историю Муканны³, опустил повествование о социальной принадлежности Муканны, его пути к власти, о сути восстания людей «в белых одеждах», о происхождении его прозвища, поскольку, как отмечает исследователь Л.Ульрих, в образе Мокаймы «...развенчана гордыня, попытка человека вознести себя выше всех земнородных, стать над пророком Моисеем, приравнять себя к богу»[10, с. 59]. Кроме того, «...разоблачение владык, обманывающих народ, опасного господства ничтожных правителей было нужным и важным делом в той борьбе, которую вел писатель в годы первой империалистической войны»[10, с. 62]. Горький в своём произведении даёт новое видение описанной в истории ситуации, выявляет её подлинно актуальный аспект.

Как отмечает исследователь Л.Ульрих, Горький «...в легенде о Мокайме повернул сюжет так, что человек, попытавшийся стать рядом с богом, оказался наказанным им... потому, что у этого человека...нет ничего значительного за душою. Он ничтожен. Он фанатик лжи, которую сам выдумал и которой пытается прикрываться»[10, с. 72]. Поэтому гибель героя не вызывает сожаления, финал легенды лишён трагической безысходности.

Особенностью горьковского произведения является то, что рассказ об этой исторической личности выдержан в восточном стиле. Стиль повествования, на наш взгляд, близок арабским сказкам «1001 ночи», которые писателю были знакомы издавна. Как отмечает академик И.Крачковский, Горький читал какое-то издание XVIII века[4, с. 303]. Возможно, и приподнятый тон, и величавость речи данной легенды объясняется именно чтением текста сказок, написанных высокопарным классицистическим стилем. Величавый стиль речи в легенде о Мокайме характеризуется обилием гипербола («...был на вершине славы своей и весь мир, от Багдада до Самарканда, от Кандахара до Мерва...», «...послал гонцов по всему Теркестану...», «...стража приняла её за сошедшую с неба...»), антитеза («...громко пел о подвигах его меча и тихо говорил о злодействах его...»), разнообразными метафорами и эпитетами («...когда янтарные угли его

покрылись холодной солью пепла...»), синтаксическими конструкциями с инверсиями («...был на вершине славы своей...»).

На связь легенды о Мокайме с «1001 ночью» указывает и свойственное повествованию арабских сказок перечисление действий героя, описанных в следующих друг за другом предложениях, соединённых союзом «и», союзными словами «тогда, так»: «И, когда эти дерзкие слова дошли до бога...», «И, желая наказать человека за гордость...», «И ещё более возгордился несчастный...», «Тогда он, слепой в душе, сказал...», «Тогда устрасился Хаким...», «Так и сделал он...», «Так рассказывают в Самарканде...». На сказочное происхождение указывают «цифровые нагнетения»: «Семь дней и ночей наслаждался любовью...», «Три дня и три ночи горел костёр...».

Отсюда же может быть объяснено первичное жанровое обозначение данного произведения «рассказом». Многие восточные произведения, в том числе и сказки «1001 ночи», предварялись формулой «Рассказывают...»⁴ для вящего убеждения читателей в истинности происходящего. Кроме того, известно, что в библиотеке писателя имела книга Саади «Гулистан»[10, с. 46]. Горький мог быть знаком и с переводом «Бустона». Как отмечает исследователь Р.Алиев по поводу знакомства русской публикой с «Бустоном» Саади: «Интерес к творчеству Саади в России возрос особенно в XIX и XX веках, когда окрепло русское востоковедение. Сравнительно полный, хотя и прозаический, перевод был опубликован в 1915 году в Петербурге неким Н. Урри. Этот перевод с немецкого языка особой ценности не представлял, он был далек от оригинала»[1, с. 11]. Главы этих книг также делятся на «рассказы».

На наш взгляд, при первом издании писатель мог назвать свои миниатюрные прозаические произведения «рассказами» и по аналогии с «Историей Бухары» Наршахи, который основные сведения о деятелях Востока перемежал краткими полупоэтическими «рассказами» о каких-либо происшествиях и фактах, в которых не назывались даты и не упоминались имена.

Кроме того, сам Наршахи, повествуя о событиях, связанных с Муканной, неоднократно ссылается на неких свидетелей происходящих событий: «Ахмад, сын Мухаммада, сына Насра, говорит, что Мухаммад, сын Джафара, в своей книге привёл этот рассказ, но не в полном виде. Ибрагим, автор книги «Известие о Муканне», и Мухаммад, сын Джарира, Табари, рассказывают, что Муканна был человек родом из окрестностей Мерва, из селения, которое называется Каза; имя его было Хашим, сын Хакима»[6, с. 84-85], или: «Мухаммад, сын Джафара, рассказывает со слов Абу-Али-Мухаммада, сына Харуна, который был из дихканов Кеша, и говорил, что его бабушка была в числе жён, которых Муканна взял для себя и держал в крепости. Она рассказывала...»[6, с. 95].

Вамбери в своём труде также использует эту словесную формулу: «Рассказывают, будто Моканна, покинутый самими верными из своих приверженцев...»[2, с. 55].

Исследователь Л.Ульрих, отмечает, что в горьковском «Самарканде лишь «рассказывают» о Мокайме. Такая мо-

¹ Хашим ибн-Хаким (ум. ок. 783/785) — глава антиараб. и антифеод. нар. движения в 70 — 80 гг. 8 в. в земледел. р-нах Ср. Азии, между рр. Кашкадарьей и Зеравшаном. Движение М. по форме носило религ. хар-р — М. объявлял своим приверженцам, имевшим «одеты в белые одежды», что в нем воплотилось божество. Наместники халифа, захватили в 783 (по др. источ. — в 785) штаб движения, находивш. в горной крепости; не желая живым попасть в руки врагов, М. покончил с собой. Восстание было подавлено. (Цит. по: *Древний мир. Энциклопедический словарь: В 2-х т. - М.: Центрполиграф. В. Д. Гладкий, 1998.*)

² В тексте Наршахи речь идёт о Муканне, у Вамбери — Моканна.

³ История Муканны стала известна в Европе в начале XIX века, когда её описал в поэме «Покровенный пророк Хорасана» (1817) англо-ирландский поэт-романтик Томас Мур. Х. Л. Борхес обратился к этому сюжету в раннем рассказе «Хаким из Мерва, красильщик в маске» (1934).

⁴ Так, например, каждый рассказ «Синдбаднаме» начинается со слова «Рассказывают...» (Энциклопедия персидско-таджикской прозы. - Душанбе: Главная редакция Таж. Сов. энциклопедии, 1986. - С., 136, 137, 150 и далее)

тивировка даёт возможность раскрыть содержание вне всякой зависимости от исторически достоверных фактов»[10, с. 57].

Переименование горьковских произведений в легенды связано, на наш взгляд, с тем, что писатель понимал, что не все его читатели знакомы с восточной литературой, с творчеством Саади, и им будет непонятно обозначение сюжета о легендарных событиях из жизни исторического лица «рассказом». Последующее переименование данного произведения в легенду также может быть объяснено легендарной основой излагаемых событий и тем, что жанровое обозначение произведения легендой давало автору возможность избежать так называемых «цензурных рогаток».

Легендой горьковское произведение можно назвать, поскольку оно небольшое по объёму, основано на реальных событиях. «Легенда повествует о каком-либо исключительно важном для персонажа событии, часто чудесном, которое изменяет систему его ценностей, перерождает его. Легенда обращается к универсальным законам бытия; ее события проецируются на все человечество и его историю»[9, с. 1-2].

К легенде горьковское произведение позволяет отнести её небольшой объём, новеллистичность сюжета, неординарность героя, экзотичность обстановки действия, «смертность» героя, повествование об исключительном, «чудесном», для героя событии.

Поскольку легенда о Мокайме содержит некоторые элементы восточных сказок, её можно отнести к группе фольклорных легенд, для которых «характерен сказовый, приподнятый тон, обилие повторяющихся синтаксических структур, национальный колорит, наличие рассказчика, трагичный финал. Типичная фабула – нравственное падение и последующее очищение... В центре повествования – решение, принимаемое героем, и последствия этого решения»[9, с. 5].

Однако в легенде о Мокайме «чуда» не происходит, Мокайма так и не вышел из огня, главное в сюжете - развенчание ореола чудесности главного героя – ослепительный облик Мокаймы является обманом: всего лишь ослепительным отражением солнца в многочисленных зеркалах. К тому же в этой легенде не происходит перерождения героя, некоей переоценки ценностей, поэтому герой бесславно умирает. Поэтому легендами горьковские произведения, на наш взгляд, являются лишь условно.

Новеллистичность сюжета горьковской легенды позволяет рассмотреть её в качестве новеллы. С новеллой легенду о Мокайме сближает специфическая архитектура, показ жизненных противоречий в сконцентрированном виде с резким и отчётливым противопоставлением героев: «В новелле часто имеется в виду конкретная историческая личность: происшествие, которое случается с нею, хотя и необычно, но вполне возможно. Такого типа новеллы много в «Кабус-нама», «Сиясат-нама», «Бахаристан» и др.»[5, с. 116].

Как отмечают исследователи, новелла была удобна писателям тем, что «можно было взять готовый сюжет, мотив и по-новому его осмыслить, используя новые средства художественной характеристики или же изменить сюжет, дать другую форму событию или персонажу»[5, с. 199], тем более, если в его основе, «удивительный исторический факт (но не переосмысленный преданием, не мифологизированный, а сохранённый в качестве достоверного благодаря мемуарам или хронике)»[8, с. 59].

Сопоставительный анализ легенды о Мокайме с «претекстами» - книгами Наршахи и Вамбери - показывает, что писатель минимизировал историческое повествование Наршахи и количество действующих лиц с целью создания лаконичного текста с ярко выраженной идеей, чётко выстроенной композицией и неожиданной развязкой. Такое построение текста легенды наводит на мысль, что М.Горький при создании этого произведения использовал жанровые особенности свойственной средневековой таджикско-персидской прозе группе произведений, обозначаемых термином «хикаят». Термин «хикаят» «... в равной мере обобщает притчу, басню и рассказ, и новеллу, и анекдот»[5, с. 34]; «хикаят является одной из художественных форм прозы, промежуточной между новеллой... и латифа... и одновременно близкой к притче»[5, с. 50].

С хикаятами легенду Горького сближает то, что это сюжетное произведение, содержащее мудрое изречение, занимающее в тексте центральное положение, сам текст иллюстрирует эту мысль с целью придать ей «большую убедительность и большую степень воздействия на слушателя»[5, с. 36].

Повествование о Мокайме сближается с хикаятом своеобразной композицией: в легенде чётко выражена основная идея, в краткой экспозиции сообщается самое важное: вводится персонаж, сообщается его имя, даётся краткая характеристика: «Рассказывают: Когда Хаким бен Хеким, прозванный Мокайма, что значит - Занавешенный, - когда этот сын судьбы и случая был на вершине славы своей и весь мир, от Багдада до Самарканда, от Кандахара до Мерва, громко пел о подвигах его меча и тихо говорил о злодействах его...». Сразу же за экспозицией возникает конфликт («И, когда эти дерзкие слова дошли до бога, бог улыбнулся, сказав: Ничтожен человек воображения, не изведавший восторга добрых деяний! И, желая наказать человека за гордость его, бог послал к нему женщину»), действие развивается динамично и выражено в диалогической форме⁵, развязка неожиданна. Завязка легенды знакомит читателя с главными персонажами (Бог, Мокайма и Бануки), определяет их позицию и подготавливает кульминацию.

Возможно, такую форму изложения материала писатель почерпнул из «Гулистана» Саади, в «рассказах» которого «сюжет предельно сжат, сконцентрирован, и именно в этой сконцентрированности содержится как бы пружина большого напряжения. В максимальной сжатости повествования – секрет эффекта многовекового неотразимого воздействия многих новелл Саади»[5, с. 235]. К тому же, некоторые «рассказы» в «Гулистане» имеют сходство с восточной притчей, анекдотом и новеллой и «содержат не только диалог, но и действие, и компоненты сюжета представлены более полно, причём новелла начинается прямо с завязки или обозначения ситуации»[5, с. 238].

Кроме того, горьковское повествование о Мокайме напоминает первые строки из рассказа 20 «Гулистана» Саади: «Если кто-либо обижает господ всевышнего и всеславного, чтобы завоевать сердца каких-то людей, то бог всевышний этих людей на него натравит и от него лик земли избавит» (у Горького Бог, чтобы наказать Мокайму, отправил к нему женщину), и последнее двуступенчатое из этого рассказа:

Недолго проживёт тиран-злодей,

Но вечен он в проклятиях людей[7, с. 75-76].

⁵ Легенда – более монологический, повествовательный жанр.

(Наршахи в своём повествовании о Муканне часто использует выражения типа «прах ему в рот», «проклятие ему»[6, с. 85-86]).

Как нам кажется, Горький воспроизвёл события из жизни Муканны в форме восточной новеллы - хикаята, содержащей элементы и легенды, и новеллы, и притчи, и рассказа, и анекдота, потому что она была характерна для средневековой восточной литературы, а сюжеты его легенд о Мокайме и особенно Тамерлане – именно на сюжеты средневековой истории Востока.

Как отмечает исследователь С.Махдиев, одной из распространённых тем в средневековой восточной литературе «является тема о лжепророках, о боге и богохульстве. Пророчества, предсказания будущего, опираясь на «откровения свыше», якобы получаемые угодными богу людьми: «праведниками» и «святыми», заполняют «священные книги», проповеди и поучения»[5, с. 257]. Исследователь подчёркивает, что именно «латифа и хикаят как реалистический жанр обличают и критикуют фантастические образы, сверхъестественные силы бога, пророка, проповедников и святых»[5, с. 258].

Таким образом, М.Горький провёл тщательную работу по отбору исторического материала для своего произведения, а также над стилем произведения. Острая социально-психологическая характеристика главного действующего лица, драматический сюжет, предельно сконцентрированная композиция, патетически приподнятое авторское повествование определяют своеобразную поэтику горьковской легенды о Мокайме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алиев Р. «Бустан» и его автор // Саади Ширази. Бустан.-Душанбе: Ирфон, 1968.-С. 3-11.
2. Вамбери А. (Герман) История Бохары (Бухары) или Трансоксании с древнейших времен до настоящего /

История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. В 2-х томах. [Электронный ресурс][1873, PDF]-Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1196455/>

3. Горький А.М. Легенда о Муканне. Легенды о Тамерлане // Полн.собр.соч.: В 25 т. -Т.11.-М., 1971. -С. 186-192.
4. Крачковский И.Ю. Арабская литература и арабы в произведениях Горького // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: В 6 т.-Т.3.-М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.-С. 298-303.
5. Махдиев Саъди Из истории прозы таджикско-персидской литературы.-Пенджикент: Иршод, 2000.-402 с.
6. Наршахи Мухаммад. История Бухары [Электронный ресурс] / Пер. с персид. Н.Ликошина; под ред. В.В. Баргольда.-Ташкент, 1897.-97 с.-Режим доступа: <http://www.sattor.com/russian/History%20of%20Bukhara%20by%20Narshakhi.pdf> или <http://www.twirpx.com/file/819815/>
7. Саади Мушрифаддин. Гулистан (Розовый сад) / Пер. с перс. Р.Алиева; пер. стихов А.Старостина; под ред. А.Бертельса и С.Шервинского.-М.: Худ. лит-ра, 1957.-323 с.
8. Теория литературных жанров: учеб.пособие для студ.учреждений высш.проф.образования / Под ред. Н.Д. Тамарченко.-2-е изд.-М.: Издательский центр «Академия», 2012.-256 с.
9. Тулякова Н.А. Вариации жанра авторской легенды в русской литературе [Электронный ресурс].-Режим доступа: www.hse.ru/data/2012/02/28/1208034714/Тулякова_вариации_жанра_авторской.pdf
10. Ульрих Л.Н. Горький и Узбекистан.-Ташкент: Изд-во худ. лит-ры им. Гафура Гуляма,1968.-135 с.

О ГИПЕРТЕКСТОВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: НОВЕЙШИЕ ЯВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рябкова Надежда Ивановна

Канд. филолог. наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург

Сметанин Сергей Егорович

Член Союза писателей России, редактор сайтов

«Сотворение мира», «Русская филология», «Литобуч», г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается тенденция гипертекстовости в современной разговорной быденной речи, осуществляемой с помощью средств электронной связи.

ABSTRACT

The article describes the tendency of hypertexting in the modern oral everyday speech, undertaken by means of electronic communication devices.

Ключевые слова: неофициальная коммуникация, гипертекст, гиперссылка, гипертекстовая разговорная речь.

Keywords: informal communication, hypertext, hyperlink, hypertext conversation.

Разговорная речь (речь быденная, осуществляемая в неформальном общении, в неофициальной обстановке) очень индивидуальна, поэтому представляет собой сложное явление, неоднородное с точки зрения использования языковых средств: её составляют литературные речевые единицы и нелитературные (территориальные диалектизмы, просторечие, профессионализмы, жаргонизмы), нейтральные и стилистически окрашенные элементы (обиходно-бытовые, литературно-просторечные, разговорно-просторечные, грубо-просторечные, разговорно-фамильярные) и т. д.

Характер устной и письменной разговорной речи, ее качества обусловлены многими факторами, среди которых тип речевой культуры говорящего / пишущего, уровень его образования, возраст, социальный статус и т. д.

В условиях современной речевой коммуникации, развивающейся под явным влиянием СМИ и интернета, разговорная речь переживает эволюцию. Изменились возможности письменной разговорной речи: из носителей электронного варианта письменной разговорной речи практически исчез пейджер, в технологиях изготовления мобильных телефонов произошёл качественный скачок – появилась возможность выходить в интернет с телефона, добавилась новизна к общению в интернет-форумах и гостевых книгах – письменное общение здесь подкрепилось массовым развитием сетевых блогов и системой их комментирования.

Кроме того, активно развивается система обмена электронными письмами (e-mail) и СМС-сообщениями. В связи с этим существенно изменилась сфера использования эпистолярного стиля: от бумажного письма современное общество все более переходит к электронному. Традиционная бумажная личная переписка, на расстоянии осуществляемая с помощью почтовых отправок через специальные учреждения связи, например, «Почту России», существенно сократилась, находится на грани исчезновения в молодежной среде начала 21-го века.

Письменная разговорная речь, осуществляемая с помощью средств электронной связи, активно развивается, переходя от стадии своего становления, закрепления в электронном разговорно-письменном общении в следующую – стадию использования в общении гипертекста.

Тед Нельсон, введший в 1965 году в обращение термин «гипертекст» (Ted Nelson. The Hypertext) для описания документов, которые выражают нелинейную структуру идей в противоположность линейной структуре традиционной речи, под гипертекстом подразумевал «не последовательное сочинение (non-sequential writing), а текст, который разветвляется и позволяет читателю выбирать [...]», «ряд кусков текста (a series of text chunks), соединенных линками, предлагающими читателю различные пути» [12].

К гипертекстовым явлениям обращались А. А. Зализняк, Ж. Женетт [2], В. П. Руднев, М. М. Субботин, J. Conklin [11], В. Л. Эпштейн, Р. Барт (Roland Barthes) [1], В. Г. Овчинников [6], Т. И. Рязанцева, А. А. Калмыков и другие, пытаясь найти этим явлениям оптимальное определение, в ряду которых: «Гипертекст – способ представления информации, совокупность блоков информации между которыми установлена система связей», позволяющая «переходить от одного блока информации к другому, варьируя последовательность ее обработки» [5]; «Гипертекст – это целостный текст, содержащий смыслы, раскрывающиеся при прочтении через произвольную актуализацию связей с другими текстами и с текстом социокультурной реальности в целом» [3, 4];

«Гипертекст – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [7]; «Гипертекст можно определить как нелинейную документацию, которая ветвится и взаимосвязывается, позволяя читателю исследовать содержащуюся в ней информацию в последовательности, которую он сам выбирает. Гипертекст позволяет связывать текст, аудио, фотографии, чертежи, карты, движущиеся картинки и другие формы информации в осмысленное целое, доступ к которому может осуществляться при помощи системы индексации, ориентированной на конкретные идеи, а не на конкретные слова в тексте» [10].

Под гипертекстом в данной работе понимается речевое произведение, состоящее из нескольких текстов, связанных в единое целое с помощью ссылок, читаемых с использованием возможностей электронной техники.

Связь текстов между собой организуется в интернет системе посредством гиперссылок. Гиперссылка является ключевым элементом гипертекста: именно в ней заключен предназначенный для машинного прочтения адрес источника информации, в котором содержится запрашиваемый реципиентом текст. Перейдя по указанной гиперссылке, читающий текст основного сообщения имеет возможность ознакомиться с другими текстами, иллюстрирующими, поясняющими, дополняющими или раскрывающими смысл того, что хотел сказать автор сообщения. При этом создается многоуровневое, интертекстуальное сообщение, компоненты которого организованы и навигационно [8], и семантически: гипертекст используется в нем в качестве точной цитаты. С помощью гипертекста создается, таким образом, прямой «диалог между текстами» (по М. М. Бахтину), интертекстуальность.

Гипертекст является стимулом формирования новых типов мышления: «Гипертекст – это соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания, и технической среды, технических средств, дающих возможность человеку осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [9].

Наряду с прямым обменом текстами и файлами, пользователи электронных ресурсов даже в бытовом общении пришли к использованию гиперссылок, гипертекста. Это существенно оптимизирует быденную коммуникацию, разговорную речь – появляется гипертекстовая разговорная речь. Под гипертекстовой разговорной речью понимается, во-первых, речевая деятельность в неофициальной, бытовой обстановке, осуществляемая с использованием гипертекста – текста, состоящего из нескольких текстов, связанных в единое целое с помощью ссылок, читаемых с использованием возможностей электронной техники; во-вторых, результат этой деятельности – речевое произведение, включающее гипертекст и создаваемое для неформального общения.

Известно, что речь XXI века, насыщенного огромным количеством различной информации, стремится к краткости формы при максимальной полноте содержания – это характерно для современной речи в целом и ее разговорного варианта в частности. Гипертекст оказывается очень удобным средством оформления и развития мысли, письменной речи, письменной разговорной в том числе, он лаконичен, прост в использовании: с помощью одного «клика» на гиперссылке читатель оказывается на нужном ресурсе – источнике информации (текстовой, графической и любой другой), озна-

комиться с которой рекомендует собеседник. Программное обеспечение интернет-сетей предусматривает обмен сообщениями и публикациями с автоматизированной привязкой к ним ссылок на графические, видео- и аудиофайлы, страницы.

Электронное письмо, неофициальное в том числе, часто включает гиперссылку как маркер гипертекста в качестве одного из компонентов сообщения:

1. 26 мая в 21:22. http://echo.msk.ru/blog/aillar/1554686-echo/?utm_source=infox.sg Почитай, немного за уши притянута, но интересно. Образчик психолингвистики [Из личной электронной переписки].

2. 18 июн. В 12:45. <http://wow-impulse.ru/news/24858-v-donecke-vpervye-nachalsya-stihijnyj-antivoennyj-miting.html>. Наконец-то [Из личной электронной переписки].

3. Тема: турнир Фирсова. Имя: Иван. Дата и время: 18.05.2015. 13:47. Сообщение: в группе в контакте есть результаты турнира http://vk.com/ummcthebest?w=wall-68436368_3468%2Fall [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

4. Тема: marsel. Имя: болельщик УГМК. Дата и время: 21.06.2015. 10:12. Сообщение: Marsel, ознакомьтесь, что пишут на сайте Евролиги/ ФИБА Европа: http://www.fibaeurope.com/euroleaguelwomen/compID_jr6ZiXqeGhMBtq1y_xqV83.season_2015.roundID_10359.coid_GpDyz9zaJLljhceR_7dqz3.articleMode_on [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

5. Тема: Новичок. Имя: Гость2. Дата и время: 01.07.2015. 16:15. Сообщение: Мы что ли Санчо Литл подписали? <http://basketfaul.com/makale/43782/sancho-lyttle-ekaterinburg-yolunda.html> [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

6. Тема: Кубок России 2015. Имя: Гость. Дата и время: 18.08.2015. 22:03. Сообщение: Подробней некуда: <http://basket.ugmk.com/ru/press/index.php?id15=17543> [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

7. Тема: Евролига. Имя: Гость. Дата и время: 13.10.2015. 12:07. Сообщение: Подскажите, пожалуйста, можно ли будет где-то посмотреть игру УГМК – Бурж (Франция) 14.10.2015 г.

Тема: Евролига. Имя: Гость. Дата и время: 13.10.2015. 12:07. Сообщение: Елена, возможно, здесь покажут – <http://www.youtube.com/watch?v=5D1iq-llq0E> [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

8. Тема: УГМК-Юниор. Имя: тоже Болельщик. Дата и время: 19.10.2015 18:27. Сообщение: По поводу анонсов: <http://basket.ugmk.com/ru/news/index.php?id15=17787> [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

9. 29.08.2015. 16:15. Андрей Тихомиров. Новый выпуск «Orenburger Allgemeine»: <http://gazetavseti.narod.ru/oa86.pdf>. Сайт: <http://gazetavseti.narod.ru/orenburgerallgemeine.htm> [Социальная сеть «Фейсбук» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/> (дата обращения: 26.10.2015)].

10. Татьяна Болотникова. 30.01.15. Законодательные <http://vkontakte.ru/club23548127> [Социальная сеть «Вкон-

такте» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/feed> (дата обращения: 26.10.2015)].

11. Тема: Российские сборные дисквалифицированы ФИБА. Имя: Гость. Дата и время: 29.07.2015. 16:38. Сообщение: <http://www.sport-express.ru/basketball/news/901536/> [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)]. В последнем случае тема сообщения выполняет функцию основного компонента сообщения, иллюстрируемого гипертекстом, доступным через гиперссылку.

Уже нередким явлением письменной разговорной речи, неофициального электронного послания оказывается сообщение, состоящее только из гиперссылки – прямого адреса гипертекста:

1. Без темы. 5 июн. в 12:57. <http://znak.com/moscow/articles/04-06-15-29/104010.html> [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

2. Без темы. 19 июн. в 11:55. <https://news.mail.ru/politics/22398700/?frommail=1> [Баскетбольный клуб УГМК. Официальный сайт. Гостевая [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.10.2015)].

3. 6 мар. 06:31. <http://www.duma72.ru/ru/> [Социальная сеть «Одноклассники» [Электронный ресурс]. URL: <http://ok.ru/> (дата обращения: 26.10.2015)].

В рассмотренных примерах текст сообщения и адрес гиперссылки полностью совпадают – это позволяет читателю «видеть» адрес гиперссылки и легче делать выводы относительно машинной части записи. Но такой речевой обмен уже почти вычёркивает человека из момента общения, посвященного чтению реквизитов письма.

Обмен гипотекстовыми сообщениями при письменном электронном общении перерастает, таким образом, в обмен гипертекстами. В случае электронной переписки этот обмен имеет односторонний и частный характер. Возможен обмен файлами (документами) в формате программы «Ворд» и «pdf», где текст снабжен гиперссылками, но остается гипотекстом с потенциальным выходом в мировой гипертекст.

Сохранение такого документа адресатом на компьютере ещё не даёт возможности обратного движения – возврата автора коммуникативного акта к уже переданному документу. В блогосфере, где гиперссылки оказываются «вмонтированными» в ленту сообщений, доступную посторонним, они уже частично представляют собой явление общественной коммуникации, автор текста при этом может редактировать уже отправленное и опубликованное сообщение.

Иное возможно в случае обмена файлами в гипертекстовом формате. Такие документы могут быть легко размещены на персональных бесплатных сайтах, доступ к которым ограничен только тем, что они не «прописаны» в поисковых машинах (не индексированы поисковыми системами), – при размещении же в сети интернета они могут играть роль полноценного гипертекста.

В электронной переписке и комментариях сетевых блогов всё чаще применяется обмен видеоссылками, ссылками на графику и иные документы. Пока в письмах и блогах почти не встречаются ссылки, в которых сетевой адрес прикреплен к произвольному тексту. Это ожидает нас впереди, так как технически для этого не существует никаких препятствий, дело только за компьютерной грамотностью пользователей.

В настоящее время гипертекстовая разговорная речь характеризуется максимальным отходом от некоторых признаков устной и письменной разговорной речи. В ней, а именно в той в её части, которая предназначена для прочтения электронной системой, абсолютно не характерны сокращения и приблизительное воспроизведение. Это происходит оттого, что малейшая ошибка в адресе гипертекста, читаемом и исполняемом программной частью машины, ведёт к тому, что цель ссылки не будет достигнута.

Нельзя не заметить, что меняется и устная разговорная речь. Опосредованная обращением к системам поиска, сайтам погоды, расписания транспорта, театральным представлениям, она приобретает характер гипертекстовости: связь между участниками коммуникации опосредуется необходимым включением коммуникантов (или одного из них) в гипертекстовое пространство, произведением некоторых действий с гипертекстом.

Гипертекстовая разговорная речь находится на ранней стадии развития. В условиях современной мировой сети изучение её, кроме овладения языком гипертекстовой разметки, требует умения привязывать адреса ссылок к документам в разных форматах и комментариям в блогах, не говоря уже о письмах электронной почты. Необходимо умение находить в сети ресурсы, дающие возможность размещения документов в открытом доступе, умение создавать там гипертекстовые документы и проводить мероприятия по облегчению их поиска в сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. – С. 14.
2. Женнет Ж. Палимпсесты: Литература второго уровня. М., 1982.
3. Калмыков А. А. Онтология коммуникации как социально-антропологическая проблема. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». № 1. М., 2007. – С. 47-61.
4. Калмыков А. А. Гипертекст мышления и коммуникативное пространство. // Человек: иллюстрированный научно-популярный журнал 2007 г. № 5 / Российская академия наук. М.: Наука, 2007. – С. 122-129 // Оптимальные коммуникации. Эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://jarki.ru/wpress/2011/02/16/1872/4/> (дата обращения: 23.10.2015).
5. Кроль В. М. Гипертекст // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009.
6. Овчинников В. Г. Автоматизированные ГТС: назначение, архитектура и перспективы развития // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1990. № 12.
7. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1991.
8. Рязанцева Т. И. Теория и практика работы с гипертекстом. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
9. Субботин М.М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации. М.: ВИНТИ, 1994. Т. 18.
10. Эпштейн В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipu.rssi.ru/publ/epsfn.ht> (дата обращения: 23.10.2015).
11. Conklin J. Hypertext: an introduction and survey // Computer, 1981. Vol. 20. № 9.
12. Nelson T. Literary machines. Sausalito, CA: Mindful Press, 1993.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГИДРОНИМОВ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Садовникова Ия Ивановна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, младший научный сотрудник сектора эвенской филологии, кандидат филологических наук, г. Якутск.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию гидронимов в эвенком языке. Гидронимическая лексика эвенов впервые рассматривается в лингвистическом плане. Материалом послужили полевые работы авторов.

SUMMARY: Article is devoted to research of gidronim in the Evenk language. The Gidronimicheskyy lexicon of Evens is for the first time considered in the linguistic plan. As material field works of authors served.

Ключевые слова: *эвены, топонимы, гидронимы.*

Keywords: *Evens, toponyms, gidronima.*

Необходимость научного исследования географических названий, представляющих собой определенную категорию слов в лексической системе любого языка, получила в настоящее время всеобщее признание.

Гидронимика тесно связана с историей общества, способствовавшего появлению географических названий определенной территории. Актуальность темы обусловлена отсутствием фронтального исследования и анализа эвенской

гидронимии, несущей ценнейшую лингвистическую, географическую, этнографическую и историческую информацию. До сих пор в основном исследовались частные вопросы гидронимики, анализировались отдельные названия, в большинстве случаев дается этимология топонимов.

Географическая лексика и терминология эвенского языка, отражающая визуально наблюдаемые объекты окружающей ближней и дальней среды – это наиболее богатая и

специфическая по содержанию, одновременно наиболее древняя часть эвенской лексики. В ней зримо отражена специфическая духовность предков современных эвенов, ставшая основой выделения их в самостоятельный этнос. Осуществляя лингвистический анализ, мы акцентируем внимание на выяснении семантики и этимологии слова, так как именно в них явственнее всего выражаются особенности мировосприятия и духовности. Современный эвенский язык и его диалекты располагают обширной системой гидронимических терминов.

В этой статье мы рассмотрим термины со значением водных объектов. *Бирандя* «большая горная река»; *окат* «река», *тәңэр* «озеро» и *биракчан* «небольшая горная речка» одно из общих понятий обозначающих реку, озеро и горную речку; *дюпка* «небольшая родниковая речка, питающаяся из родников, выходящих в долине основной реки»; *элэн* «небольшая, глубокая речка с ровными берегами, плавно текущая по равнине». Термин: *эе-н* «течение, спуск вниз по реке», *эендэй* «течь, струиться (о реке), плыть вниз по течению».

Проведенный анализ гидронимов эвенского языка показал, что основную часть эвенских гидронимов составляют семантически прозрачные названия. С учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов гидронимы разделяются на две большие семантические группы: гидронимы, отражающие физико-географические свойства водных объектов и окружающей их среды, и гидронимы, возникшие в результате человеческой деятельности. Их в свою очередь можно развить на отдельные подгруппы. Они, в основном, охватывают весь комплекс названий водных объектов. Названия водных объектов отражают: Быстроту, силу течения гидрообъекта: *Хо Эе-н* «быстрое течение», название реки п. Березовка; небольшой ручей *Тынытындя* образовано от слова *тиничин* «давление, прижимание», ручей впадает в правый приток р.Березовка.

1. Форму или очертание русла:

Река *Люнкидэ* образовано от слова *линкуткан* «висячие над головой», приток Буордаха (приток Момы), река, протекающая между узкими ущельями; река *Суонулдун* образовано от слова *суонут* «каркас для юрты», стоящему человеку на берегу этой реки кажется, что он стоит в юрте (приток Момы) и т.п.;

2. Почву, грунт:

Речка Булгут - приток Андыгычана (приток Момы): *Булгут* - от слова *булэ* «тина, топь, жижа, грязь, ил».

3. Растительный мир:

Озеро *Коңатанчи* «камышистая», название образовано от слова *коңат* «камыш», присоединением аффикса *-нчи*, выражающего обладание большим количеством. Например, река *Инемэкэткэн* - правый приток реки Колымы, название означает в переводе на русский язык «небольшой, одинокий хвойный лес», букв. «только хвойный лес». Река *Ирэкэгчэн* образовано от слова *ирэт* «молодая лиственница» с помощью аффикса со значением совокупности предметов *-кэг* и дополнительным присоединением аффикса с уменьшительным значением *-чэн*. Озеро *Тэнкэли*, образовано от слова

тэнкэ, что в переводе означает «лес, опушка леса», исходя от названия у озера произрастает лес. Река *Орбатанчи* означает «множество черной смородины», образовано от слова *орбат* «черная смородина» путем присоединения аффикса *-нчи*, выражающего обладание большим количеством предметов. *Орбатанчи* досл. «местность, где обильно растет черная смородина». Озеро *Буңэтэ* в переводе с эвенского означает «мохнатые деревья», название озера образовано от слова *буңэ* «мохнатая лиственница», присоединенным суффиксом прилагательных *-та* образующих форму, качества предмета.

Озеро *Бучунчи* означает «гнилые деревья», названия озера образовано от слова *бучуни* «гнилое дерево», присоединением аффикса *-нчи* выражающим обладание большим количеством.

Нинкатанчи озеро означает «высохшие деревья», от слова *нинкат* «высохшее дерево» путем присоединения аффикса *-нчи*, выражающего обладание большим количеством.

Хеваскан в переводе «высохшее, старое озеро», образовано от слова *хевас* «сухое, гнилое дерево», с помощью аффикса *-кан*, придает предмету уменьшительное значение. От рассыпающегося от гнили, превращающегося в труху старого дерева, эвены собирали труху для подстилки в люльку, маленьким детям.

Особое место занимают образно-метафорические: ручей *Бургачан* образовано от слова *бур* «камень искристый, кремль» (приток Березовки); ручей *Чиринкан* образовано от слова *чирит* «медь красная», ручей впадает в правый приток р.Березовка; ручей *Когычан* (приток Березовки), образовано от слова *когалда* «поплавок»; ручей *Усбиракчан* (приток Березовки), образовано от двух слов *ус* «злой, недобрый» и *биракчан* «небольшая горная речка»; ручей *Биалгыкан* (приток Березовки) образовано от слова *биалга* «бушующая»; река *Нолука* «волосы между копытами», река начинается после слияния двух притоков, а между ними стоит гора, на вершине которой растет высокая трава (приток Момы), Чөниде – образовано от *чөнидэй* – «вздыхать тяжело», означает «Большой вздох».

Их выявление дает большие возможности для исследования вопроса об отражении свойств объекта в названии, содержащем сравнение объекта с каким-либо предметом или явлением действительности.

Таким образом, рассматриваемая гидронимическая группа содержит один из наиболее древних слоев тезауруса языка эвенов, и представляет собой этапы развития топонимики в тесной связи с социолингвистическими факторами, определявшими на протяжении исторического времени формирование этнолингвистических особенностей языка. Определенная часть гидронимов отражает этапы познания и освоения природного мира на протяжении веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кейметинов В. А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии (часть I). Якутск, 1996. 186 с. – с. 127
2. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с. – с. 147

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ АРХЕТИПИЧНОЙ МЕТАФОРЫ: ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД

Семенова Елена Михайловна

Канд. фил. наук, доцент кафедры иностранных языков СПбГАУ, г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

В последнее время многие ученые рассматривают метафору не просто как лингвистический феномен, а как средство концептуализации мира, и, кроме того, как способ создания новых смыслов. В связи с этим определение статуса метафоры как лингво-культурологической категории не перестает быть актуальным.

Особый интерес представляет в этом смысле так называемая архетипичная метафора (термин М. Осборна), так как представляется, что обращение к устоявшимся ценностным ориентирам может помочь пролить свет на роль метафоры в процессе философского осмысления и понимания «бытия» человеком, носителем той или иной культуры.

Данная статья раскрывает сущность метафоры как онтологической категории, репрезентирующей способность человека к осмыслению бытия как единого целого, состоящего из множества дискретных элементов. Метафора рассматривается как феномен, позволяющий переживать коллективное бессознательное и «выводить» его на уровень индивидуального осмысления.

В статье выделяется базовая архетипичная модель американской лингвокультуры – ЦЕЛОСТНОСТЬ/ ДИСКРЕТНОСТЬ, являющаяся универсальной философской категорией, но обладающая своей спецификой в применении к «американскому образу мира».

В статье представлен лингво-когнитивный анализ метафорических образов, актуализирующих архетипичную бинарную оппозицию в научном и политическом дискурсе. Определены особенности функционирования метафор в разных лингво-культурологических контекстах.

Исследование показало, что один и тот же архетип может быть представлен посредством разных метафорических образов, имплицитный смысл которых детерминирован в результате «активации» автором бессознательного реципиента; метафора может рассматриваться как соединительное звено между коллективным бессознательным (базовой архетипической моделью) и сознанием реципиента (способом ее осмысления); в разных дискурсах одна и та же архетипическая оппозиция выполняет разные функции, которые определяются интенцией говорящего, ограниченного рамками конкретного «жанра».

ABSTRACT

Many scientists have been looking at metaphor not only as at a linguistic phenomenon but as a means of the world conceptualization, and, besides as the way to create new meanings. Subsequently, the determination of metaphor status as a lingo-cultural category seems to have been still topical.

Special interest is being paid nowadays to so-called archetypal metaphor (M. Osborn's term) as it seems that the addressing to universal axiological reference points can help throw the light to the role of metaphor in the process of philosophical comprehension and conceptualization of the "being" by the individual who belongs to this or that culture.

The article discovers the idea of metaphor as an epistemological and ontological category representing the person's ability to realize the «being» as the whole entity consisting of numerous distinct elements.

Metaphor is regarded as a phenomenon letting to feel the collective unconscious and lead it to the level of individual conceptualization.

The author distinguishes the basic archetypal American lingvocultural model UNIFORMITY/ DIVERSITY, which is regarded as a universal philosophical category revealing its own particularity while being applied to American world image notion.

The article represents lingvocultural analysis of metaphorical images actualizing archetypal binary opposition in scientific and political discourse. Besides the functional peculiarities of metaphor in different lingocultural contexts are determined.

The research showed that one and the same archetype can be represented through various metaphorical images the implicit sense of those can be determined as a result of a recipient's unconscious "activation" done by the speaker. Metaphor can be regarded as a link between collective unconscious (basic archetypal model) and a recipient's conscious (the way he conceptualizes it).

In different discourses one and the same archetypal opposition fulfills different functions which are determined by the speaker's intention limited by the definite "genre" borders.

Ключевые слова: архетип, онтологическая категория, метафора, метафорическая модель, «национальный образ мира», дискурс.

Key words: archetype, epistemological category, metaphor, metaphorical model, "national world picture", discourse.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема определения статуса метафоры как лингво-культурологической категории не теряет своей актуальности на протяжении последних лет, что обусловлено повышенным интересом ученых к рассмотрению данного явления как средства концептуализации и понимания мира с одной стороны, и как способа создания новых смыслов, с другой. Обращение к архетипичной метафоре (термин М. Осборна) вызвано интересом автора к роли лингвистики в процессе философско-психологического осмысления действительности.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МЕТАФОРЫ

Цель данной статьи – показать сущность метафоры, которая представляется нам не только и не столько лингвистической категорией, сколько средством философского осмысления бытия как единого целого, состоящего из множества частей.

Именно это уникальное свойство данного явления позволяет рассматривать метафору как онтогносеологическую категорию, способную раскрыть перед исследователем как общие принципы бытия, так и специфические особенности национального самосознания.

По мысли П.А. Флоренского, нельзя не признать, что «пять, или шесть, или семь чувств – семь врат знания... семь способов чувственного отношения к миру, суть семь метафизических осей самого мира. И если в чувствах находим глубокое различие, то это, конечно, потому, что в самой действительности мира уже содержатся эти семь параметров» [7, стр.32].

Таким образом, с давних времен сознание воспринималось как результат способности человека постигать мир системно, посредством всех органов чувств, т.е. как некий межмодальный синтез, что комментируется А.И. Пигалевым следующим образом: «Это означает, что восприятие основывалось на репрезентации одной модальности через соседство другой модальности, на переносе модальности, то есть на метафоре» [4, стр.39].

Современные формы восприятия мира, расширяя и делая бесконечными границы его познания за счет появления новых технологий и средств передачи информации (ТВ, радио, интернет и т.д.), одновременно деактуализируют необходимость «включать» личные чувства познающего субъекта. Будучи широко информированным, современный человек теряет способность к *переживанию* коллективного опыта своего народа, которое возможно благодаря метафоре.

Поскольку чувство, как писал Ортега-и-Гассет – это «способность воспринимать различия, которое схватывает разнообразное и переменчивое, но притупляется и слепнет перед устойчивым и неизменным» [3, стр. 207], то логично предположить, что и метафора, как средство чувственного восприятия мира, может рассматриваться как явление, позволяющее «схватить» вечно меняющиеся Части, составляющие в итоге единое Целое.

Таким образом, нам представляется, что метафора связана с целостным восприятием бытия, в которое изначально включен весь человек, со всеми его чувствами, а не только его рациональность. Соответственно, онтологической основой метафоры можно считать «изначальную сопряженность человека и мира, первичное единство вещей. Такое первичное отношение к бытию, выраженное метафорой, характеризуется, во-первых, представлением о тождественности,

о нерасчлененности субъекта и объекта, о глубинной связи человека и бытия, выраженным еще в положении Упанишад “Ты Одно во Всем”. Во-вторых, это отношение состоит в непосредственном ощущении глубочайшего единства всех вещей мира, представленного другой формулой Упанишад “Все есть Одно”» [5, стр. 62].

Продолжением этого направления философского осмысления метафоры служат, на наш взгляд, исследования Г. Гачева, посвященные разработке методологии изучения феномена национального единства, изложенные им в книге «Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос». По мнению ученого, «образ, способный связывать разнородное, оказывается адекватной гносеологической формой для познания национальной целостности» [1, стр. 7]. При этом исследователь должен снять с себя запреты на нарушение логики и позволить себе прибегнуть к образному мышлению. Теряя логическую обязательность, он выигрывает в содержании, обнаруживая «связь и взаимное лицемерие» в «разнородных элементах национальной целостности». «И главный элемент, и фокус, и инструмент такой работы - это мгновенный перенос (метафора) от subtilно-духовных явлений к грубо материальным вещам, минуя опосредствующие звенья, в которых велит увязнуть логика» [Там же: 8].

Исследуя особенности американского образа мира, Г. Гачев видит общую концепцию Космо-Психо-Логоса США следующим образом. Это мир, где труд преобладает над природой, мир, искусственно сотворенный переселенцами, а не естественно выросший из природы, как все культуры народов Евразии, где культура натуральна, а население является народом. В США же население не народ (в понятии «народность»), а съезд, собирательность иммигрантов. Здесь преобладает самостоятельность индивидов, а не единство. Это отражено в девизе США: «Из многих – одно».

Отметим, что поиск ключевых метафорических концептов, характерных для американского национального сознания, позволил нам вычленив базовую архетипическую модель американской лингвокультуры, которая полностью коррелирует с представленными выше рассуждениями – ЦЕЛОСТНОСТЬ/ ДИСКРЕТНОСТЬ (DIVERSITY/ UNIFORMITY).

Думается, что лингво-когнитивный анализ метафор, эксплицирующих данную оппозицию, позволит пролить свет на особенности функционирования архетипических метафорических образов в дискурсах, актуализирующих «американский образ мира» (термин Г. Гачева).

В исследованиях Лауры Лобевой, занимающейся проблемой мультикультурализма и национальных меньшинств в Пражском университете (Чехия), встречаем следующие размышления относительно происхождения американской нации:

«The shortages of the *melting pot* and *salad bowl* paradigms can be expressed in the following summarising parables: In the case of the *melting pot* the aim is that all cultures become reflected in one common culture, however this is generally the culture of the dominant group - I thought this was *mixed vegetable soup* but I can only taste tomato. In the case of the *salad bowl*, cultural groups should exist separately and maintain their practices and institutions, however, Where is the dressing to cover it all? Hopefully the solution may be offered by the concept of the *ethnic stew* where all the ingredients are mixed in a sort of pan-Hungarian goulash where the pieces of different kinds of meat still keep their solid structure» [10, стр.105].

В течение продолжительного периода времени формирование американской нации ассоциировалось с образом плавильного котла, в котором разные металлы (народы, переселившиеся на американский континент в поисках новой жизни), оказавшись под влиянием высоких температур (испытаний, выпавших на долю первооткрывателей), расплавились (утратили былую целостность) и образовали новое соединение (единую общность под названием «американский народ»).

Такое метафорическое осмысление происхождения АН (американской нации) указывает на то, что переселенцы были готовы отказаться от приверженности стране происхождения ради возможности начать новую жизнь и реализовать американскую мечту. Эта концептуализация соответствовала теории культурной ассимиляции и была актуальна вплоть до 1908 г. (волна иммиграции из стран Западной Европы), но с изменением социально-политической ситуации – введения ограничений на въезд в страну и нежеланием европейцев ассимилироваться с другими расами и народами, стала приобретать все более дискуссионный характер.

Сомнения относительно релевантности данной метафорической модели актуализируются в приведенном отрывке при помощи пропозиции «I thought this was *mixed vegetable soup* but I can only taste tomato», где словосочетание «mixed vegetable soup» репрезентирует идеальную модель государства, в котором все народы (vegetables) имеют равные возможности для самовыражения, представляя собой одно целое (soup), а фраза «but I can only taste tomato» эксплицирует разочарование, вызванное реальным положением дел в стране, где фактически доминирует одна (европейская) раса (tomato).

Актуальность сохранения культурной идентичности и стремление избежать утраты «корней» привело к появлению другого метафорического образа – «the salad bowl», который визуализирует концепт АН в терминах блюда, где смесь множества ингредиентов (культурное взаимодействие разных народов) предполагает сохранение индивидуального аромата и вкуса каждого отдельного компонента (наличие культурных особенностей, традиций и ценностей представителей всех переселившихся народов).

Такая метафорическая концептуализация «высвечивает» (термин Дж. Лакоффа) идею культурной дистинктивности (cultural distinctiveness), «затемняет» (термин Дж. Лакоффа) однако концептуальное основание феномена интеграции, являющегося неотъемлемой особенностью АН. Говоря метафорическим языком, непонятно чем заправлен салат (Where is the dressing to cover it all?).

В попытке преодолеть эти неточности Лаура Лобнева предлагает новую метафорическое осмысление, в котором АН вербализуется в терминах тушеного мяса с овощами, приготовленного по национальному рецепту (ethnic stew).

Основное отличие данной метафорической модели от ей предшествующих заключается в том, что она актуализирует иную концептуализацию феномена АН. А именно: в ходе приготовления (в процессе взаимодействия) компоненты блюда (народы и расы) видоизменяются, сохраняя специфические, присущие только им вкусовые качества (национальные особенности), одновременно придавая новый вкус приготовленному блюду (общности «новый народ»).

Рассматриваемая архетипическая оппозиция (DIVERSITY/ UNIFORMITY), наблюдается и при анализе политического риторического дискурса, в частности, про-

щального обращения президента Клинтона к американскому народу 18 января 2001 г.

“Third, we must remember that America cannot lead in the world unless here at home *we weave the threads of our coat of many colors into the fabric of one America*. As we become ever more diverse, we must work harder to unite around our common values and our common humanity. We must work harder to overcome our differences. In our hearts and in our laws, we must treat all our people with fairness and dignity, regardless of their race, religion, gender, or sexual orientation and regardless of when they arrived in our country, always moving toward the more perfect union of our founders’ dreams” [8, 2001].

“Создать одно ткацкое полотно из множества разноцветных нитей” – такова метафорическая концептуализация идеи объединения людей разных национальностей, пола, религиозной принадлежности и сексуальной ориентации в одну общность – американскую нацию. В ходе лингво-когнитивного анализа отрывка идентифицируются две метафорические модели: ЕДИНСТВО НАЦИЙ ЕСТЬ ТКАЦКОЕ ПОЛОТНО, ЛЮДИ ЕСТЬ НИТИ, первая из которых коррелирует с понятием UNIFORMITY, а вторая – с понятием DIVERSITY.

Единство американского народа, объединение вокруг национальных ценностей есть неперемное условие осуществления главной цели государства – быть ведущей державой, занимать позицию лидера в мире.

Директивную коннотацию высказыванию придают параллельные конструкции (“we must remember...”, “we must work harder...” (2), “we must treat all people...”), подчеркивающие безусловную необходимость реализации именно такого политического подхода к решению главной задачи государства. А именно – создать еще более совершенное общество “the more perfect union”, имеющее право диктовать свою волю другим странам “lead in the world”.

Если сопоставить метафорические образы, репрезентирующие архетипическую бинарную оппозицию DIVERSITY/ UNIFORMITY в научном (Л. Лобнева) и политическом (Б. Клинтон) дискурсах, то можно отметить следующее.

Л. Лобнева, исследуя феномен АН, подвергает анализу шесть метафорических образов, эксплицирующих универсальный базовый архетип, характерный для американской лингвокультуры DIVERSITY/UNIFORMITY. А именно: образ плавильного котла (melting pot), образ овощного супа (vegetable soup), образ чашки с салатом (salad bowl), образ «лидирующей» национальности (the tomato), образ национальной объединяющей идеи (the dressing), и образ тушеных овощей с мясом, приготовленных по национальному рецепту (ethnic stew). Такие «кулинарные» в большинстве своем метафоры имплицитно указывают на идею насущной потребности человека в пище, удовлетворение которой является неперемным условием поддержания его жизненных сил. При этом ученый привлекает внимание реципиента ко всем деталям, связанным с приготовлением блюд и их качеством, стремясь максимально объективно и аргументированно показать наличие ассоциативных связей между сферой-источником (наименования блюд) и сферой-целью (архетипическая оппозиция DIVERSITY/UNIFORMITY).

Стремление к единству при сохранении специфических национальных особенностей своего народа подсознательно воспринимается в приведенном контексте как необходимое условие выживания (по ассоциации с пищей, без которой жизнь в принципе невозможна).

Американский президент, призывая граждан Америки к единству, обращается к так называемой текстильной метафоре. Его аргументация носит прагматический характер (единство необходимо для сохранения США позиции мирового лидера) и имплицитно идею защищенности, связанной в подсознании субъекта с ткацким полотном, предназначенным для создания предметов одежды (the fabric). Соответственно, данная аргументация апеллирует как к социальным, так и физиологическим потребностям индивидуума (быть лидером и чувствовать себя защищенным), а ее автор ориентируется не столько на аналитические способности человека, актуальные для аутентичного восприятия первого отрывка, сколько на ценностную ориентацию члена социума («быть впереди планеты всей») и быть огражденным от опасностей – хорошо).

Выводы

Суммируя вышесказанное, подведем некоторые итоги.

1. Один и тот же архетип может быть представлен посредством разных метафорических образов, имплицитный смысл которых детерминирован в результате «активации» автором бессознательного реципиента;
2. Метафора может рассматриваться как соединительное звено между коллективным бессознательным (базовой архетипической моделью) и сознанием реципиента (способом ее осмысления);
3. Онтологическая сущность метафоры заключается в обеспечении вариативности понимания глубинных принципов бытия, позволяющих увидеть Единое в Разном.
4. В разных дискурсах одна и та же архетипическая оппозиция выполняет разные функции, которые определяются интенцией говорящего, ограниченного рамками конкретного «жанра».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гачев, Г. Д. (2007) Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Серия: Технологии культуры. М.: Академический Проект. 512 с.
2. Лакофф, Дж., Джонсон М. (2004) Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС. 256 с.
3. Ортега-и-Гассет, Х. (1991) Две главные метафоры // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство. С. 203–218.
4. Пигалев, А. И. (2007) Человек и проблема реальности // Человек в современных философских концепциях: Сб. научных статей по материалам IV международной конференции, проходившей в г. Волгограде с 28 по 31 мая 2007 года. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 36–44.
5. Полозова, И. В. (2003) Онтологические основы метафоры // Философские науки. № 4. С. 52–68.
6. Тарасова, О.И. (2010) О сущности метафоры // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Волгоград: Изд-во ВолГУ. Сер. 7, №2(12).С.26-30.
7. Флоренский, П. А. (2007) Имена. М.: Эксмо. 396 с.
8. Clinton, W. Farewell Address to the Nation (18 January 2001) [Электронный ресурс] URL: <http://www.americanrhetoric.com> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 20.06.2015).
9. Gloor LeAna, B. From the Melting Pot to the Tossed Salad Metaphor: Why Coercive Assimilation Lacks the Flavors Americans Crave [Электронный ресурс] URL: <http://www.hilo.hawaii.edu/academics/hohonu/documents/vol04x06fromthemeltingpot.pdf> /melting.htm [архивировано в WebCite] (дата обращения: 20.06.2015).
10. Laubeova, Laura. Melting Pot vs. Ethnic Stew. Encyclopedia of the Worlds Minorities [Электронный ресурс] URL: <http://www.tolerance.cz/courses/text> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 20.06.2015).

ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ленец Анна Викторовна

Доктор фил. наук, доцент кафедры немецкой филологии,
г. Ростов-на-Дону

Сергеева Диана Сергеевна

Аспирант кафедры немецкой филологии, г. Ростов-на-Дону

АННОТАЦИЯ

В статье предпринимается попытка рассмотрения исторической эволюции возникновения понятия коммуникативной стратегии в политическом дискурсе. Дается характеристика современной политической коммуникации. Обнаруживается связь политического дискурса и коммуникативных стратегий, которая обусловлена целями говорящих. Воспользовавшись классификацией целей Аристотеля, нами было установлено, что коммуникативные стратегии в политическом дискурсе обладают воздействующей функцией, что связывает их риторикой. Риторика – искусство планирования речи с целью воздействия на участников общения. Риторика зародилась в V в. до н.э. и сквозь века политические деятели искусно использовали ее в своих интересах. Лишь в XX в. появляется понятие коммуникативная стратегия, чему способствовали риторические, когнитивные, психологические, политические, экономические и др. предпосылки. В статье подробно рассматриваются вышеперечисленные основания. Приведена характеристика каждого из них.

ABSTRACT

The article considers the emergence of communicative strategy in political discourse. The characteristic of modern political communication is given there. The link between political discourse and communicative strategy which is caused by the speakers' purposes is found. Having used the Aristotle's classification of the purposes, we have established that communicative strategy in a political discourse possess the influencing function that connects them with rhetoric. Rhetoric is a skill to plan your speech for the purpose of impact on participants of communication. The rhetoric dates back to the V century BC and through centuries politicians skillfully exploited it. Only in the XX century thanks to rhetorical, cognitive, psychological, political, economic, etc. factors a notion of communicative strategy has appeared. The above-mentioned reasons are considered in detail in the article. The characteristic of each of them is provided.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии; риторика; причины; предпосылки; речевое воздействие; технология власти; управление поведением; политический дискурс.

Keywords: communicative strategy; rhetoric; reasons; factors; speech influence; power technology; behavior control; political discourse.

В эпоху рыночных отношений властные структуры и политические кандидаты постоянно находятся в поиске новых способов достижения успешного диалога с массовой аудиторией. Политическая коммуникация представляет собой одну из важнейших сфер человеческого общения, где в полной мере осуществляется воздействие собеседников друг на друга. Борьба за власть, реализация политических амбиций, выстраивание стратегического партнёрства, завоевание поддержки и отстаивание самоидентичности – все это осуществляется посредством политической коммуникации.

Целью настоящей статьи является анализ истоков и предпосылок изучения феномена коммуникативной стратегии в современном политическом дискурсе.

В современной лингвистике именно исследование политического дискурса вызывает всё больший интерес учёных (Чудинов, 2006; Шейгал, 2000). Интерес к изучению политического дискурса объясняется несколькими факторами: внутренними потребностями лингвистической теории, которая в разные периоды истории обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы, к речи; политологическими проблемами изучения политического мышления, его связи с политическим поведением; социальным заказом – попытками освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным сознанием [6, с. 245].

Именно воздействующий, манипулятивный потенциал является одним из определяющих признаков политической коммуникации. В связи с этим политическая коммуникация определяется лингвистами как «речевая деятельность, которая направлена на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [20, с. 9]. Политическая коммуникация подвергается анализу как один из видов институционального общения, которое характеризуется определенной системой профессионально-ориентированных знаков, то есть обладает своим собственным политическим языком. Язык политики, в свою очередь, по отношению к естественному языку функционирует в качестве подъязыка конкретного лингвокультурного сообщества [21, с. 27].

Политический дискурс относится к особому типу общения, который характеризуется высокой степенью внушения адресатам – гражданам сообщества – необходимости «политически правильных» действий и/или оценок. Действительно, любому политическому деятелю для достижения поставленных целей необходимо заручиться поддержкой различных политических сил и общества в целом. Данная

необходимость считается залогом наращивания суггестивного потенциала политической речи. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Поэтому эффективность политического дискурса зависит от выбранных коммуникативных стратегий.

Детальное исследование коммуникативных стратегий представлено в многочисленных исследованиях отечественных (Е.В. Денесюк (2000), М.Р. Докучаева (2005), О.С. Иссерс (2008), М.Л. Макаров (2003), О.Н. Паршина (2002), Н.Б. Руженцева (2004), Т.И. Попова (2001), А.А. Филинский (2003)) и зарубежных ученых (Chilton P.A. (1994), V. Clevenger (2003), M. Cook (2000), P. Ellingsworth (1992), J. Halliday (1999), Neuliep & Mattson (2005), R. Knox (2003), A. Wilkinson (2001)). В лингвистических работах по коммуникативным стратегиям определяются стратегии в речевом общении, описываются тактики и речевые акты/ходы, изучаются основные виды речевого воздействия на получателя, реконструируется речевое поведение коммуникантов.

В настоящей работе мы придерживаемся определения коммуникативной стратегии как совокупности ходов и действий в речевой коммуникации, используемых с целью достижения коммуникативных целей [9, с. 34], как общий план речевого поведения [19, с. 29] и как конечную цель, на которую направлен коммуникативный акт [11, с. 16]. Данный комплекс состоит из планирования процесса речевого общения, которое зависит от определенных условий, ситуаций и личностных особенностей коммуникантов, а также из реализации этого плана [10, с. 56]. Согласно мнению ученого, стратегии речевого поведения непосредственно связаны с основными этапами речевой деятельности – планированием и контролем, поэтому стратегия является когнитивным планом общения. План общения подвергается контролю со стороны коммуникантов для успешной реализации конкретных коммуникативных задач. При этом говорящим следует учитывать недостаток информации о действиях своего партнера [9, с. 103].

Стратегии в политическом дискурсе обусловлены целями, которые вызывают к жизни политическое общение. При определении коммуникативных целей мы воспользовались классификацией Аристотеля, которая не утратила своей актуальности и составляет основу многих современных концепций. Разумеется, она подверглась некоторым изменениям, но сам принцип классификации остается продуктивным. Как правило, политик стремится:

1. сагитировать определенную группу людей отдать свои голоса конкретному кандидату, движению, блоку, партии и т.п.;
2. приобрести авторитет или улучшить свою репутацию, «понравиться народу»;
3. убедить адресата в искренности говорящего и правильности его мнения, согласиться с его точкой зрения (например, что правительство функционирует хорошо, или что новые реформы не приживаются и т.п.);
4. сформировать определенное эмоциональное настроение, создать необходимый политический эмоциональный настрой адресата;
5. предоставить адресату новые сведения, новые понятия о предмете речи, сообщить адресату о своем отношении к какому-либо вопросу [5, с. 184].

Следует отметить, что политический дискурс характеризуется целью «информировать» собеседника со скрытой интенцией сформировать соответствующее интересам одного коммуниканта положительное или отрицательное отношение другого коммуниканта к какому-либо событию или явлению или изменить его взгляды и убеждения, оказать влияние на его образ мыслей. В связи с этим в политическом дискурсе постоянно присутствует воздействующая функция.

Искусством воздействия на адресата и правилом построения речи интересовались философы и политики в Древней Греции. Процветание демократии в афинском полисе (городе-государстве) сопровождалось распространением риторики. Народные собрания требовали навыка выступления с убедительными, настоятельными и логичными речами.

Древние греки прекрасно понимали всю силу и значимость слова. Слово рассматривалось как лучший способ выражения всевозможных процессов, протекающих в душе человека, как мощное орудие подчинения других людей своей воле и как способ живого общения. Софисты (преподаватели риторики и философии) постоянно подчеркивали силу слова, при помощи которого слабое и неосновательное мнение становится сильным, весомым в глазах публики. Цель оратора, как считали софисты, – не обнаружение истины, а умение убеждать аудиторию в правдивости и искренности своих слов. Горгий в речи „Похвала Елене“ заявлял, что слово это величайший повелитель. Сила слова настолько велика, что позволяет совершать чудеснейшие дела, при этом обладая совершенно незаметным и малым телом. Даже одно единственное слово способно нагнать страх, уничтожить печаль, вселить радость и пробудить сострадание [15, с. 138].

Совершенно противоположную точку зрения высказывал Сократ. Он полагал, что истина – выше человеческих суждений и является мерой всех вещей. Сократ осуждал стремление ораторов-софистов убеждать массовую аудиторию в чем угодно силой красноречия [16, с. 45-47].

Ораторское искусство в Древнем Риме стало процветать под влиянием греческой культуры. Римляне придавали огромное значение способности индивида искусно и вразумительно излагать свою точку зрения. Государственные вопросы также обсуждались в суде, сенате и народном собрании, где беспрепятственно мог выступить каждый свободный гражданин. Единственным необходимым требованием для участия человека в политической жизни было умение владеть словом. В этих социальных условиях искусство красноречия было довольно распространенным феноменом.

В новой религиозной обстановке риторика Средневековья, перенимая основные принципы классического ораторского искусства, обретает новые черты. Церковное красноречие становится преобладающим жанром, а задачи оратора состоят в пояснении и иллюстрировании априори известных положений. Ссылка и цитирование выдающихся личностей становятся наиболее важными составляющими выступлений.

Западноевропейское Возрождение способствовало началу Нового времени, которое отмечалось стремительным ростом культуры во всех областях. Вновь широкое распространение приобретает красноречие, получая при этом социально-политический характер. Присущее новой эпохе понимание задач риторики выразил французский физик и

философ Блез Паскаль (1623-1662). Красноречие, по его мнению, – это искусство излагать свои мысли таким образом, чтобы публика, к которой мы обращаемся, воспринимала нашу речь не только свободно, но и с удовольствием, и чтобы захватить и увлечь темой аудиторию и пробудить желание у каждого слушателя в нее вникнуть.

На современном этапе риторика представляет собой неотъемлемую часть гуманитарного воспитания каждого человека в не зависимости от выбранной им специальности. Поэтому риторика занимает прочное место в программе высших учебных заведений по всему миру. В различных научных направлениях и школах новейшего времени по-разному понимается предмет риторики. Так, риторику рассматривают как историю ораторского искусства (С.А. Минеева, М.Р. Львов), как теорию культуры речи (Н.А. Купина, Т.В. Матвеева), как стилистику текста (А.П. Сквородников, В.Н. Маров), как технику устного публичного выступления (И.А. Стернин, Л.К. Граудина), как методику обучения эффективному общению (С.И. Гиндин, Е.Н. Зарецкая), как совокупность коммуникативных стратегий, направленных на достижение определенной цели (Й. Коппершмидт, А.К. Авеличев). Возникает вопрос, почему же именно в XX веке возникает понятие коммуникативная стратегия? Существует ряд причин появления данного феномена, рассмотрим их более подробно.

Возникновение понятия стратегии в лингвистике приходится на конец 70-х – начало 80-х годов. Это связано, прежде всего, с расширением круга лингвистических интересов. Те феномены, которые считались недостаточно формальными или рассматривались как предмет смежных дисциплин, стали предметом изучения лингвистов. К подобным языковым явлениям относятся коммуникативные стратегии. Рассмотрим предпосылки изучения данного феномена.

Риторические предпосылки связаны с эффективностью речевого общения. Чтобы коммуникация была успешной необходимо провести планирование речи, т.е. стратегически выстроить коммуникацию таким образом, где бы учитывалась коммуникативная заинтересованность и настроенность на мир собеседника, близость мировоззрения говорящего и слушающего; внешние обстоятельства (присутствие посторонних, физическое состояние), знание норм этикетного речевого общения и так далее. Риторические аспекты имеют особое значение в тех сферах, где прогнозирование результата социально значимо, например, в политической коммуникации.

Косвенность общения, элементы непрямого коммуникации обусловлены эстетическим удовольствием, которое возникает у коммуникантов в процессе общения. При прямом выражении мысли могут теряться некоторые имплицитные смыслы, сигнализирующие о чувствах, отношениях, которые не менее важны, чем собственно информация [9, с. 181]. Этот факт свидетельствует об эстетических предпосылках для непрямого коммуникации при реализации той или иной стратегий.

Некоторые основания косвенного общения, относящиеся к сфере общественных конвенций и психологических качеств личности, обусловлены социологическими и психологическими предпосылками [9, с. 54]. С одной стороны, принцип «что у человека на уме, то и на языке» никогда не соблюдается человеком до конца, т.к. определенные интенции адресата изначально могут быть утаены [14, с. 164]. С другой стороны, не прямое выражение интенций говорящего

можно объяснить некоторой стеснительностью личности в связи с тем, что она может быть доведена до своих внешних проявлений [13, с. 64].

XX век – век персонификации личности, то есть роста индивидуальной неповторимости личности, увеличения непохожести каждого отдельного человека на других [14, с. 86]. Увеличение непохожести людей друг на друга ведет к затруднениям в общении между ними, что и обуславливает потребность в планировании речи, в коммуникативных стратегиях. Кроме того, коммуникативные стратегии связаны с мотивами и потребностями человека. Так, С.Л. Рубинштейн утверждает, что тот или иной интерес человека побуждает его к действиям, заставляет воздействовать на собеседника для достижения своей цели [17, с. 64-87]. «Сознание человека – это поле для осуществления коммуникативных стратегий», – считал основатель теории позиционирования Дж. Траут [18, с. 7].

Американский лингвист и философ, Дж. Сёрль, утверждал, что коммуникативное намерение может быть выражено по-разному, если система языка предоставляет говорящему возможность выбора [4, с. 79]. Выбор той или иной языковой единицы из огромного языкового разнообразия, как правило, не бывает случайным и определяется стратегией говорящего. В связи с этим следует говорить о лингвистических предпосылках возникновения коммуникативной стратегии.

Люди стремятся воздействовать друг на друга, навязать своё мнение, скрыть нежелательные факты, увернуться от ответа и тому подобное. В естественной коммуникации не представляется возможным достижение поставленной задачи, цели всего лишь единичного обращения к собеседнику. В связи с этим мы можем выделить коммуникативные предпосылки изучения феномена коммуникативной стратегии. По мнению американского социолингвиста С. Эрвина-Трипа, речь для коммуникантов – это способ достижения поставленной цели, поэтому в получаемых сообщениях они, прежде всего, стараются обнаружить целевую установку [2, с. 25-66]. Поскольку речевое общение вариативно, решение коммуникативной задачи достигается при помощи нескольких ходов. Действия участников коммуникации могут корректироваться в зависимости от ситуации общения, однако говорящие остаются в рамках одной сверхзадачи. Понятия сверхзадача и коммуникативных ходы соотносимы с понятиями коммуникативной стратегии и тактик.

Исследования свидетельствуют, что коммуниканты преследуют неречевые цели в любом акте речевого общения. В итоге эти цели воздействуют на сознание и деятельность реципиента. Р.Блакар придерживался мнения, что любая коммуникация предполагает «реализацию власти», т.е. речевое воздействие на восприятие и формирование мира другим индивидом [8, с. 92]. Такого рода воздействие служит когнитивным основанием для изучения коммуникативных стратегий.

Язык, являясь основным средством общения, имеет знаковый характер. В этом он схож с другими средствами коммуникации [12, с. 27]. Семиотические предпосылки появления коммуникативных стратегий связаны с асимметрией языковых знаков и нетождественностью их в плане содержания. Это проявляется в том, что в одной языковой форме может проявляться два или более значений, и, наоборот, одно значение может выражаться в нескольких формах [7, с. 46].

Э. Аронсон и Э. Пратканис в своей работе «Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление» выделяли экономические предпосылки, способствовавшие возникновению коммуникативных стратегий. Так, противоборство коммерческих организаций, противоборство ведущих кампаний, проблемы перепроизводства обусловили необходимость в появлении науки о рекламе, «раскручивании» и «навязывании» продукции, «завоевании» потребителей. Промышленной революции сопутствовало изобретение множества приспособлений и устройств – хлопкоочистительных машин, паровых машин, железных дорог, сборочных линий, механических ткацких станков и телеграфа, – которые привели к производству более широкого круга товаров для потребления массовой аудитории. Прошло всего несколько десятилетий, и продукция, прежде доступная только состоятельным слоям населения, стала необходимой для каждого человека. Стремительно растущий спектр товаров способствовал тому факту, что изделия стали не только причиной удовлетворения потребностей индивида, но и диктатором стиля и моды. Первыми, кто умело использовал стратегии убеждения покупателей, были коммивояжеры [1, с. 21].

Совсем мало времени прошло и стратегии маркетинга и рекламы, разработанные для реализации товаров, стали применяться и в политике для «продажи» политических идей и «раскручивания» кандидатов. Это обусловило возникновение политических предпосылок для коммуникативных стратегий.

Развитие свободы, демократии, появление идеи свободы личности, равенства людей потребовали инструментов убеждения равному равному. Люди низших сословий получили новые права, законы стали их защищать. Постепенно, права человека становятся важнейшей частью общественной жизни развитых государств. Народ перестал трепетать перед властью, более того, он стал ей возражать. В сложившихся условиях стало необходимо убеждать людей. В демократических государствах стало необходимо убеждать при выборах, в условиях плюрализма мнений и политической жизни, в условиях политической борьбы – политикам стало необходимо учиться убеждать людей в своей правоте и истинности благих намерений [3, с. 143-175].

Таким образом, мы рассмотрели историю возникновения и развития феномена коммуникативная стратегия. Коммуникативные стратегии всегда были и являются на сегодняшний день тем высококачественным средством управления человеческого поведения и представляют собой отлично разработанную технологию власти. Разумеется, в ходе исторической ретроспективы феномен коммуникативной стратегии изменяет свои формы, расширяет спектр технологий, совершенствует методы воздействия, а так же адаптируется к изменяющимся условиям действительности. Но неизменным остается ее основание – планирование речи с целью воздействия на коммуниканта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Anthony R. Pratkanis and Elliot Aronson. Age of propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion. NY.: W.H. Freeman and company, 2001. 21 с.
2. Ervin-Tripp S.M. Is Sybil there: Some American English directives. *Language in Society*, 1976. 25 – 66 с.
3. Mearsheimer J.J. Why leaders lie. The truth about lying in international politics. Oxford: University Press, 2011. 143 – 175 с.
4. Searle J.R. Mind, Language and Society: Philosophy in the Real World (summary of earlier work). NY.: Basic Books, 1999. 79 с.
5. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 184 с.
6. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 245 с.
7. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 46 с.
8. Blakar R.M.. Language as a means of social power. Paris, Mouton, 1979. 92 с.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. 34, 54 – 56, 103, 181 с.
10. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 832 с.
11. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 2002. 16 с.
12. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982. 21, 27 с.
13. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. 64 с.
14. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, теории и истории (Новое в гуманитарных науках). СПб.: ИГУП, 1999. 86 с.
15. Пруцков Г.В. Введение в мировую журналистику: от античности до конца 18 века. М.: Омега-Л, 2003. 138 с.
16. Рассолов М.М. История политических и правовых учений: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 45 – 47 с.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии/ С.Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2003. 64 – 87 с.
18. Траут Д. Новое позиционирование. СПб.: Питер, 2001. 7 с.
19. Черногрудова Е.П. Основы речевой коммуникации: учебное пособие. М.: Экзамен, 2008. 29 с.
20. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта, 2006. 9 с.
21. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Дис. доктора филологических наук: 10.02.19. Волгоград, 2000. 27 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ POUR + СЛОЖНЫЙ ИНФИНИТИВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Степанова Зоя Михайловна

Канд. филол. наук, доцент

Усяев Александр Николаевич

Старший преподаватель кафедры романо-германской филологии

Пензенский государственный университет, г. Пенза

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи - рассмотреть семантические особенности конструкции с предлогом *pour* + сложный инфинитив во французском языке. Логический, лексико-семантический и грамматический анализ соответствующих высказываний показал, что характерным семантическим признаком рассматриваемой конструкции является значение причины. В статье определяются семантические разновидности причины, а также другие отношения, реализуемые в данной конструкции.

ABSTRACT

The aim of this article is to examine the semantic peculiarities of the construction with the preposition *pour* + complex infinitive in French. The logical, lexical-semantic and grammatical analysis of the corresponding statements showed that the meaning of cause was a characteristic semantic feature of the examined construction. The article defines semantic varieties of cause, and other relations realized in this construction also.

Ключевые слова: : предлог *pour*, сложный инфинитив, французский язык, цель, причина, семантические разновидности причины.

Keywords: : preposition *pour*, complex infinitive, French, aim, cause, semantic varieties of cause.

Предлог *pour* – один из наиболее употребительных предлогов французского языка с чрезвычайно развитой полисемией. Однако в сознании говорящих на французском языке названный предлог прежде всего ассоциируется с понятием цели: *lutter pour la paix* – бороться за мир (т. е. чтобы был мир, для того, чтобы сохранить мир) [2, с. 44; 3, с. 71].

Как известно, предлог *pour* способен вводить: имя существительное (или местоимение); простой инфинитив; сложный инфинитив.

Объект данной работы – словосочетание, правым (зависимым) компонентом которого является сложный инфинитив с предлогом *pour*.

Задача данной статьи – рассмотреть семантические особенности названной выше конструкции.

Наблюдения над фактическим материалом, логический анализ высказываний с оборотом « *pour* + сложный инфинитив » (постановка логического вопроса) позволяют утверждать, что данная конструкция не способна выражать отношение цели. Этому можно дать грамматическое и логическое объяснение: все сложные глагольные формы имеют значение предшествования, а цель не предшествует действию, а следует за ним (цель направлена на будущее).

Из приведенного выше тезиса можно аргументированно заключить, что предлог *pour* в сочетании со сложным инфинитивом указывает не на цель, а на причину действия, т. к. причина всегда предшествует действию (следствию). Так оно и есть в действительности. Рассмотрим пример:

Mais vous pérez certes pour ne pas avoir demandé à la jeunesse de la France ses forces et son énergie, ses dévouements et son ardeur; pour avoir pris en haine les gens capables, pour ne pas les avoir triés avec amour dans cette belle génération, pour avoir choisi en toute chose la médiocrité (Balzac). – Но

вы наверняка погибнете, потому что не обратились к молодёжи Франции с призывом отдать отечеству свои силы и свою энергию, своё самоотвержение и свой пыл; потому что вы ненавидите людей одарённых, потому что вы не захотели любовно выискивать их среди прекрасного поколения, потому что вы всегда и везде выбираете только посредственность (Бальзак).

В данном развёрнутом высказывании конструкция с предлогом *pour* + сложный инфинитив встречается четыре раза – в качестве однородных обстоятельств причины, которые на русский язык не переведёшь иначе, как придаточными предложениями с причинным союзом *потому что*.

Таким образом, для рассматриваемой конструкции характерным семантическим признаком является значение причины (а не цели!), что вытекает из морфологической природы слова, вводимого предлогом: сложная форма инфинитива.

Но причина не однородна в семантическом плане (см. о семантических разновидностях причины в [1]). Чтобы определить, какие семантические разновидности причины реализуются в рассматриваемой конструкции, проанализируем её лексический состав.

Левый компонент может быть представлен глаголами или глагольными оборотами, обозначающими:

1. воздаяние: обвинение, наказание, извинение, поощрение, меры принуждения: *Elle me gronda amicalement pour avoir ainsi écourté mes vacances.* (Alain-Fournier) – Она меня пожурила... за то, что я таким образом укоротил свои каникулы. – *Il se fera renvoyer pour avoir transmis un message pareil.* (Yourcenar) – Paul avait été puni pour avoir favorisé

*la fraude. (Vaillant-Couturier) – Поля наказали за под-
сказывание;*

2. состояние субъекта (физическое, морально-психологическое): *Frédéric se sentait un grand mal de tête, pour avoir passé la nuit sans dormir (Flaubert).* – Фредерик испытывал сильную головную боль, так как провёл ночь без сна. – *Pour avoir voulu tout garder, elle risque aujourd’hui de tout perdre. (Maurois) – Elle se morfondait chaque jour pour avoir vendu sa vieillesse à ce prix. (Druon);*
3. действия субъекта (осознанные или, очень редко, произвольные): *Pour s’être découvert trois cheveux gris sur les tempes, elle parla de sa vieillesse (Flaubert).* – Обнаружив три седых волоска на висках, она заговорила о старости. – *Je me suis perdu pour avoir suivi des chemins non frayés. (Bazin).*

Кроме того, в позиции левого компонента рассматриваемой конструкции довольно часто выступают глаголы *connaître, reconnaître, savoir*: *Olivier la connaissait pour l’avoir vue dans la rue. (Sabatier) – Оливье знал её, так как не однажды видел её на улице.* – *Est-ce qu’elle savait qui il était pour l’avoir vu rôder à Orcenne? (Simenon).*

Правый компонент представлен сложной формой инфинитива глаголов самой разнообразной семантики.

Проведённый анализ лексического состава обоих компонентов конструкции позволил выявить наиболее распространённые семантические разновидности причины, выражаемые предлогом *pour* в анализируемой конструкции:

1. Причина воздаяния (поощрения или наказания): *...il la méprisait pour avoir manqué à sa parole (Rolland).* – *Je n’aime plus rien, et je te hais pour t’avoir aimé (Mérimée).* – *... dix ans de prison pour avoir sauvé une innocente enfant! (France).* – *Десять лет тюрьмы за спасение невинного ребенка! – ...punie pour avoir fait circuler une pétition contre le bombardement d’Hanoi... (Merle).*

Для ситуации воздаяния характерна разносубъектность действий: действие, выраженное глаголом левой части, и действие, передаваемое сложным инфинитивом, производятся разными лицами. Разносубъектность диктуется лексико-грамматической природой употребляемых глаголов (переходные глаголы типа *admirer, punir*). Субъект инфинитива либо совпадает с грамматическим субъектом при глаголе в пассивной форме, либо выражен прямым или косвенным дополнением глагола: *Il la gronda pour être sortie sans permission (Flaubert).* (= *Elle fut grondée*). – *Elle m’a fermé sa porte pour lui avoir dit que son père mangeait à notre table... (Balzac).* – *Она велела не принимать меня, так как я сказал, что отец её сидит с нами за одним столом.* – *fermer la porte à qn = chasser qn. (см. также примеры выше).*

2. Внутренняя причина состояния: *Pour avoir donné forme à sa nostalgie, il se sentit apaisé et ferma les yeux (Maurois).* – *Antoine qui était mort un soir au retour de l’école, pour s’être baigné dans un étang malsain (Alain-Fournier).*

3. Внутренняя причина осознанного действия: *Et je me rappelle que Millie, qui était très fière de moi, me ramena plus d’une fois à la maison, avec force taloches pour m’avoir ainsi*

rencontré sautant à cloche-pied, avec les garnements du village (Alain-Fournier).

4. Внутренняя причина произвольного действия: *Comme la vieille Mary s’approchait pour lui ajuster sa cravate, il lui prit la main et débita une phrase qui lui revenait en mémoire pour l’avoir maintes fois entendue en d’autres circonstances. (Aymé).*

Для ситуаций, передающих внутреннюю причину действия, состояния, характерна односубъектность: действие глагола и действие инфинитива совпадают в одном лице.

Как представляется, во всех рассмотренных фактах предлог *pour* реализует причинное значение под влиянием одного фактора – морфологической природы правого компонента (сложная форма инфинитива). Однако в состав предложений с оборотом «*pour* + сложный инфинитив» могут входить элементы, препятствующие интерпретации данной конструкции как причинной. Так предлог *pour* приобретает консекутивное значение в следующих случаях:

1. В левой части предложения содержится качественное прилагательное в сочетании с наречием степени *assez, trop*. Достаточная или слишком высокая степень качества, названного прилагательным, вызывает следствие, выраженное предлогом *pour* в сочетании с инфинитивом (простым или сложным). Сложная форма инфинитива подчёркивает, что действие-следствие уже реализовано: *Goriot était, avant la Révolution, un simple ouvrier vermicellier, habile, économe et assez entreprenant pour avoir acheté le fonds de son maître (Balzac).*

2. В левой части употребляется безличный глагол *falloir (il faut que...)*: *Je pensait qu’il faut que mademoiselle Préfère vous aime beaucoup pour être devenue tout d’un coup si bonne avec moi. (France) = ... c’est pourquoi elle est devenue...*

3. В отрицательной конструкции содержится частица *donc*: *- Oh, mon Dieu! S’écria-t-elle en pleurant, qu’a donc fait mon père au ciel pour avoir mérité de souffrir ainsi? (Balzac).*

Предлог *pour* в сочетании со сложным инфинитивом реализует уступительное значение, если в левой части высказывания употребляется компаратив: *Nous sommes des canards sauvages qui n’en volerons que plus haut, pour avoir plongé dans le ruisseau. (Rolland) = quoique nous ayons plongé...*

Таким образом, характерными семантическими особенностями рассматриваемой конструкции являются: полисемия; реализация значения причины (а не цели!) в некоторых её семантических разновидностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 208 с.
2. Тер-Авакян Г. А. Значение и употребление предлогов во французском языке: Пособие по грамматике для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1983. – 240 с.
3. Le Bidois G., Le Bidois R. Syntaxe du français moderne. T. 1. – Paris: Picard, 1971. – 417 p.

РЕАГИРОВАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ В КИТАЙСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Тарасова Вероника Валерьевна

Сибирский федеральный университет, преподаватель кафедры восточных языков, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ

Данная статья описаны типичные реакции в контексте коммуникативной ситуации реагирования в рамках взаимодействия преподавателя и студента в академическом дискурсе китайской лингвокультуры. К основным выводам и результатам исследования можно отнести следующее: 1) вербальное реагирование преподавателя представлено поощрительными репликами, репликами экспликации модальности, предположением, реагированием второго порядка; 2) вербальное реагирование студентов выражено в кратком подтверждении/ опровержении, репликах экспликации модальности, гипотетическом утверждении, моментальной догадке, синхронных суждениях, косвенной реакции, воплощенной в студенческом обсуждении; 3) невербальные реактивные действия преподавателя реализованы в контролирующем и регулятивном взгляде, сокращении дистанции общения, различных жестах (удержание поднятой руки, вытянутая рука в направлении студента, кивке головой), смехе; 4) невербальные реактивные действия студентов заключаются в «понимающем взгляде», выступающем как приоритетная диалогическая стратегия, конспектировании, молчании и смехе.

ABSTRACT

The present article demonstrates the typical reactions in the context of the feedback as a communicative situation within the framework of teacher and students interaction in the Chinese academic discourse. The main conclusions and findings are the following: 1) verbal teacher's response includes different forms of encouragement, remarks of modality explication, assumption and the reaction of the second order; 2) verbal students' response is expressed in brief approval/ denial, remarks of modality explication, hypothetical statement, instant conjecture, synchronously occurring judgments, indirect reaction which reflects in a student discussion; 3) non-verbal teacher's response is represented by control and regulatory glance, reduction of the communication distance, different gestures (holding raised hand, outstretched arm in the direction of the student, nod of head), laugh; 4) non-verbal students' response consists of 'understanding glance' as a priority dialogic strategy, taking notes, silence and laugh.

Keywords: academic discourse, Chinese linguaculture, communicative situation, typical communicative reaction, verbal reaction, non-verbal reaction.

Ключевые слова: академический дискурс, китайская лингвокультура, коммуникативная ситуация, типичная коммуникативная реакция, вербальное реагирование, невербальное реагирование.

Функциональная нагруженность реагирования в процессе коммуникации состоит в контроле, проверке и подтверждении или опровержении полученного сообщения, что является важным фактором для продолжения интеракции и построения прогноза её дальнейшего развития. В связи с этим особенно интересным представляется изучение реагирования в рамках коммуникации «преподаватель-студент», т.к. реакции участников общения – носителей определенной лингвокультуры – заключают в себе значимую информацию о поведенческих нормах, принятых в академическом сообществе. Помимо этого, феномен реагирования долгое время оставался недостаточно освещенным ввиду своего зависящего положения от реплики-стимула и предсказуемости [1, с. 660].

Объектом настоящего исследования является коммуникативная ситуация реагирования в академическом дискурсе, предметом изучения выступают реакции участников общения в рамках коммуникации «преподаватель-студент» в академическом дискурсе лингвокультуры Китая. Цель работы состоит в выявлении и описании типичных реакций в контексте коммуникативной ситуации реагирования в рамках взаимодействия преподавателя и студента в академическом дискурсе Китая.

Материалом для данного исследования послужили транскрипты видеоматериалов лекционных занятий в университетах Китая, размещенных в электронном архиве <http://www.icourses.cn/home> (общий объем проанализированных

текстов – 463 минуты). Рассмотрение феномена реагирования именно в рамках жанра лекции представляется крайне интересным, поскольку студент, который априори понимался как пассивный реципиент информации, выступает в роли активного слушателя и со-творца коммуникации. В дополнении к этому, образование в Китае базируется на трех конституентах: лекция, самоподготовка и домашнее задание.

В соответствии с поставленными задачами коммуникативная ситуация была определена вслед за Н.И. Формановской как «комплекс внешних условий общения и внутренних реакций общающихся, находящие отражение в каком-либо высказывании» [6, с. 57]. В фокус внимания исследователя при описании коммуникативной ситуации попадают такие аспекты, как коммуниканты, занимающие в социуме определенное положение и выполняющих определенные роли в момент общения, предметно-событийный фон, включающий в себя время, место и другие обстоятельства деятельности ситуации, а также сам акт речи, который обладает прагматической направленностью на адресата [4, с. 39-40].

Ввиду нарастающего интереса к диалогичности коммуникации и различным слушательским откликам коммуникативное реагирование является объектом междисциплинарного изучения. С позиций языкознания оно представляет собой фактор успешности интеракции, в ракурсе теории коммуникации это реактивные действия коммуницирующих субъектов, называемые обратной связью, с точки зрения психолингвистики реагирование реализуется в услов-

но-рефлекторной связи реплик участников общения. Нами реагирование понимается как реактивные действия коммуникантов, выстраиваемые по модели «стимул-реакция», целью которых является обеспечение эффективности и результативности коммуникации.

В данном исследовании описание коммуникативной ситуации реагирования в академическом дискурсе китайской лингвокультуры было осуществлено путем изучения каждого её отдельного параметра: коммуницирующих субъектов, предметно-событийного фона, а также типовых речевых и неречевых реактивных действий участников общения, которые легли в основу типологии реагирования. Преподаватель в китайской лингвокультуре, расцениваясь как «человек, несущий свет знания» и занимая высокое положение в обществе, осознает важность возложенной на него миссии. Он выбирает соответствующий стилистический код общения и осуществляет постоянный отбор лексических и грамматических средств и самоконтроль. Студент в силу специфики китайского обучения, состоящего преимущественно из лекций, редко имеет возможность вовлекаться в оживленные дискуссии. Исходя из того, что преподаватель – представитель уважаемой профессии, студент выражает свое глубокое уважение, например, вставая с места при развернутом ответе, не подвергая критике мнение лектора, аплодируя по завершении лекции. Китайский студент никогда не обращается к преподавателю по имени, в качестве обращения используется номинация “老师” («учитель»).

Предметно-событийный фон коммуникативной ситуации реагирования включает в себя такие факторы, как время, разделенное на первую и вторую половину дня, между которыми предусмотрен двухчасовой перерыв, место, представляющее собой большую, оборудованную презентационным комплексом аудиторию. Дополнительные обстоятельства протекания коммуникации реализованы в особой композиционной структуре лекции, состоящей из вступления, тематико-стимулирующего вопроса преподавателя к студенческой аудитории и его последующее обсуждение, объяснения нового материала, заключения.

Речевые и неречевые реактивные действия участников общения разделены на две группы: реакции преподавателя на действия студентов и реакции студентов на действия преподавателя. Вербальное реагирование преподавателя представлено поощрительными репликами, реализуемыми с помощью наречий “好”(«хорошо») и “对”(«правильно») в совокупности с различными усилительными наречиями и призванными в разной форме подтвердить прогресс студента, репликами экспликации модальности, образованными междометными репликами “哦”(«о»), “啊”(«а»), “恩”(«ага»), а также предположением в виде переспроса “是吧?” («не так ли») в качестве уточнения правильности понимания мысли обучаемого и реагированием второго порядка, заключающемся в облигаторном комментарии преподавателя с обязательной отсылкой к идее студента после инициирующего вопроса.

Вербальное реагирование студентов выражено в кратком подтверждении или опровержении (“是”/ “不是”(«да»/ «нет»), “有”/ “没有”(«есть»/ «нет»), “可以”/ “不可以”(«можно»/ «нельзя»)), репликах экспликации модальности, образованных междометной репликой “啊”(«а»), гипотетическом утверждении, сопровождающимся наличием метакommunikативных средств “我觉得”(«мне кажется»), “我猜”(«я полагаю») и необходимостью вставать с места, моментальной догадке при быстром интерактивном взаимодействии, синхронных суждениях различного рода и косвенной реакции, выраженной в студенческом обсуждении полупешотом.

К числу невербальных реактивных действий преподавателя относится контролирующей и регулятивный взгляд, позволяющий осуществлять мониторинг поведения студентов, а также активировать или подавлять реакции учащихся, сокращение дистанции общения при адресации вопроса или в качестве проявления интереса к ответам студентов, различные жесты (удержание поднятой руки как имитация того, что необходимо сделать студенту, вытянутая рука в направлении студента в качестве сигнала о готовности выслушать учащегося, кивок головой как демонстрация понимания преподавателем логики студента во время развернутого ответа), смех.

Невербальные реактивные действия студентов заключаются в «понимающем взгляде», выступающем как приоритетная диалогическая стратегия, конспектировании нарратива преподавателя, а также молчании, служащем знаком незнания или боязни озвучить предполагаемый ответ по причине стратегии «сохранения лица», заранее прогнозируемом преподавателем смехе, являющимся результатом реализации стратегии привлечения внимания.

Представленные результаты могут быть использованы в курсах теории коммуникации, межкультурной коммуникации, в практическом курсе китайского языка, а также в тренингах по академической мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Буторина Г.Г. Коммуникативная ситуация «побуждение-реакция» в современной англоязычной речи (на материале диалогов в английской и американской прозе XX века): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1993. 18 с.
3. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2006. 615 с.
4. Косова О.А. Коммуникативная ситуация отчуждения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2010. 198 с.
5. Межличностная коммуникация: теория и жизнь; под науч. ред. О.И. Матяш. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
6. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 408 с.

ФЕМИНИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Тарвердиева Сабина Ельмар гызы,

кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Бакинского славянского университета, Баку.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные тенденции жанрово- тематических особенностей женской прозы начала XXI века, эволюцию феминистской идеологии в контексте новой эры и нового времени. На первый план выдвигается Семья в ее многообразии взаимоотношений. Данную тенденцию можно наблюдать в творчестве многих писательниц современного периода.

SUMMARY

This article is devoted to the main historical and political processes, influencing the formation of feminist ideology. In addition, it deals with the genre and thematic peculiarities of women's prose in Russian literature at the beginning of the 21 century.

Ключевые слова: феминистская идеология, русская литература, женская проза.

Keywords: feminist ideology, Russian literature, women's prose

В процессе обновления и пересмотра в начале XXI века появилась качественно новая литература. В этой литературе феминистская идеология находит новое поле для развития. В этом смысле, чтобы определить особенности феминистской идеологии, следует определить особенности самого исторического момента. Эту же тенденцию отмечают критики. «Женская психология, особенности женского бытия в советском обществе нечасто становились объектом художественного анализа. Вероятно, не в последнюю очередь поэтому, что соцреализм априори должен был сосредоточиваться на общественном, коллективном, идеологическом, детали, на которые в большей степени обращают внимание женщины, советское искусство не слишком интересовало» [1, с. 259]. Начало XXI века обусловлено агрессией, разобщенностью прежних партнеров, началом новых войн и множеством неразрешенных проблем. Все это происходит на фоне экономического кризиса. И опыт женской литературы также меняется. Но, в отличие от середины XX века, в данный момент она обретает черты агрессивности, воинственности и непримиримости. Происходит радикализация форм борьбы. Следует отметить, что радикальный феминизм изначально возник как форма борьбы чернокожих женщин. Но с течением времени расовые различия внутри одного движения потеряла свою актуальность. Хотя, события в АБШ на сегодняшний день показывает обратное. Однако формы борьбы периодически применялись. Если в середине XX века радикализация выражалась в конфронтации между полами, то в начале XXI века мы говорим уже о радикализации форм борьбы. Следовательно, наблюдается переход от содержания к формам, тем самым как бы расширяются границы проблемы. Например, на сайте радикального феминистского движения «Street Fem» в статье «3-я волна, или почему я – не радикальная феминистка» отмечается: «Кризис идеологии, возникший после отказа от «социалистического пути», развязал руки религиозным фундаменталистам разного толка, которые стали навязывать обществу своё видение «нравственности». Мировой экономический кризис способствует возрастанию антииммигрантских, нацистских, фашистских настроений. Политика верхушки содействует всё большему и большему социальному расслоению обще-

ства. Капитализм возвращает в людях желание потреблять и потреблять без оглядки на то, как это потребление отражается на нашей планете и к чему это приведёт в ближайшем будущем» [11]. Именно, перечисленными историко-политическими и нравственно-этическими факторами, обуславливается радикализация феминистской идеологии в начале XXI века. Справедливости ради нужно отметить, что тенденция радикализации касается многих сфер общественной жизни. Литература отражает реальные жизненные ситуации и поэтому все негативные тенденции общества находят свое отражение в литературных материалах.

Таким образом, можно отметить, что тенденции начала XXI века формируют совершенно новые правила игры. Тем самым феминистская идеология начала XXI века, сохраняя традиционные формы выражения, обретает совершенно новые черты, характеризующее новое время и новую эпоху. Есть еще один парадокс женской литературы в начале XXI века. Редакторы, сомневаясь в успехе женских авторов, или же испуганные их количеством, просто не печатают многих очень интересных авторов. Но в начале XXI века им удается прорвать «блокаду». Печатаются Нина Горланова, Валерия Нарбикова, Елена Тарасова, Нина Садур и т.д. Одновременно происходит процесс массового печатания таких женских авторов, как Маринина и Донцова. Может возникнуть вопрос: как же так? Печатают одних, в то время как не печатают других. Все очень просто. В начале XXI века массовая литература стала всепоглощающей. Бум детективных произведений становятся неотъемлемой частью жизни. Маринина и Донцова писали именно детективы.

А если обратиться в основополагающему вопросу по поводу каких же типов женщин описывает литература в начале XXI века, то сделаем интересные выводы. Ведь, если говорить о полном раскрепощении, основной должен быть тема свободы, однако писательницы обращаются именно к теме дома, семьи роли женщин в круговороте внутрисемейных взаимоотношений. Первый тип, мать. Но пережив опыт советского периода эти образы матери в корне отличаются от прежних. Например, в произведении Маши Трауб «Плохая мать» героиней является женщина, которая в личном опыте материнства переигрывает в своей памяти свои не совсем

идеальные взаимоотношения со своей матерью. От ощущения ущербности заботы и любви по отношению к себе, она себя также считает плохой матерью. Героиня не только живет ощущением голода ребенка, который недополучил свою долю любви и заботы, она также и дочка, которая далека от идеала. Она ощущает себя ущербной и как Мать, и как Дочь, и как Ребенок. Следует отметить, что рассмотрение поколений бабушки-матери-дочки это традиционная линия сюжета в литературе начала XXI века. Вспомним также драму Л.Петрушевской «Три девушки в голубом» [7]. В этом произведении автор рассматривает образы сестер и их взаимоотношения на фоне будничных проблем.

Если обобщить, то мы видим, что в центре внимания оказывается семья. Причем семья в трех измерениях, в трех поколениях. Этот факт является не случайной. Ведь именно семья является отражением вековых патриархальных, традиционных правил. «Не случайно, на фоне советского официального государственного отношения к женскому, таким шоком оказалось литературное творчество Людмилы Петрушевской, представившей, в противоположность официальной риторике, целую череду трагических, несчастных женских судеб, женщину «со всеми потрохами», подвергающуюся унижительной репрессии со стороны советской патриархального общества» [7, с. 178]. Эти слова можно отнести не только творчеству Л.Петрушевской, но и многих других. Время показало, что политическая окрашенность здесь не имеет особого смысла. Какой бы политический строй не было установлено в обществе, в центре проблем оказывалась женщина в борьбе за выживание. Быт, социально-психологическое давление, долг перед детьми – все это становится заколдованным кругом современной героини. Общественно-политический строй может лишь усугубить переживания и проблемы современной женщины. Здесь проблема не в политике, а намного глубже, в стереотипах глубоко засевших в умах, в архетипах, диктующих определенную модель поведения, в сознании или же осознании процессов.

Но следует отметить, что такая трактовка была не у всех женских авторов. Например, в произведении «Медея и ее дети» Л.Улицкая также рассматривает внутрисемейные взаимоотношения [10]. Не являясь матерью, Медея становится

моральным центром для всей семьи. Пережив измену самими близкими людьми, она смогла сохранить свою веру в искренние отношения поколений. Загадочный треугольник матери, дочки и внука – следовательно, связь трех поколений становится причиной проблем, заложенных в глубоких пластах психики каждого героя. Но, если в произведении Л.Петрушевской эта связь отражается на уровне конфронтации, то в произведении Л.Улицкой эта связь выражается в принципе всепрощения и сплочения.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в начале XXI века проблема дома-очага становится основополагающей в литературе. Но это уже не те традиционные трактовки, а новое звучание. В творчестве многих писательниц ставится данная тема и в отражении данной проблемы так же выражается идеология в начале XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агеева.В. Феминистический дискурс украинского модернизма. М., Идея-Пресс, 2008.
2. Галова Е., Усманова А. Антология гендерной теории. Минск: Прометей, 2000.
3. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
4. Гримшоу Дж. Идея «женской этики»// Феминизм: Восток, Запад. Россия: Сб. статей. М.: Наука, 1993.
5. Жеребкина И. «Гендерные 90-е», Санкт-Петербург: Алатейя, 2003.
6. Клименкова Т.А. От феномена к структуре. М.: Наука, 1991.
7. Петрушевская Л. Три девушки в голубом. Комедия в 2-х частях. М.: Искусство, 1989.
8. Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. Самара, 1997.
9. Теория и история феминизма. Под. ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: Ф-Пресс, 1996.
10. Улицкая Л.Е. Медея и её дети. М.: Эксмо, 2007.
12. <http://radical-fem-msk.livejournal.com>.

СЕМАНТИКА ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАССКАЗЕ В. МАКАНИНА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННЫЙ»

Федорова Наталья Николаевна

К. филол. н., доц. кафедры социально-гуманитарных и философских дисциплин Сочинского государственного университета г. Сочи

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – анализ структуры и семантики парцеллированных конструкций в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный». Материал исследования извлекался методом сплошной выборки. Было выявлено и проанализировано около 60 примеров парцеллированных конструкций. Также методами исследования послужили лингвистическое описание, структурно-семантический анализ, текстовый филологический анализ и метод статистического анализа. Так как исследование парцелляции производилось на материале текста одного автора, это позволило охарактеризовать структуру и стилистику парцелляции в речевой деятельности одной языковой личности.

ABSTRACT

The purpose of the study is an analysis of the structure and semantics of constructions divided up in V. Makanin's story "Caucasian captured". The research material was extracted by the method of continuous sampling. About 60 examples of divided up designs were identified and analyzed. The linguistic description, structural and semantic analysis, text linguistics analysis method and statistical analysis were methods of research.

Ключевые слова: парцеллированная конструкция, базовая часть, значение, парцеллят, рассказ В. Маканина «Кавказский пленный».

Keywords: divided up design, the basic, the meaning, parcollet, V. Makanin's story "Caucasian captured".

Парцеллирование встречается в художественных произведениях разных эпох и стилей. Следует отметить, что в последнее время интерес к этому явлению со стороны лингвистов возрос. Мы считаем, что это связано с тенденцией использовать современными авторами в своих произведениях элементы разговорного стиля.

Парцеллированные слова или группы слов, будучи оторванными от базового предложения, приобретают определенную самостоятельность высказывания. С их помощью автор выделяет отдельные моменты сообщения. Такие элементы, оторванные от основного предложения, находятся после паузы, выделяются смыслом и интонацией. Каждый из элементов высказывания, стоящий после базового, будто бы появляется в сознании не сразу, а в момент обдумывания, словно «не умещается в одну смысловую плоскость» [1, с. 558].

В данной плоскости мы рассматриваем различные типы союзных групп, так как в семантике союзов заключены семантические и логические связи частей синтаксической конструкции.

По результатам исследования нами выявлено, что в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный» сочинительные союзы употребляются чаще, чем подчинительные, а наиболее предпочтительны автором соединительные союзы. Элементы парцеллированной конструкции связываются в рассказе чаще простыми союзами, чем составными и двойными. Частотное использование соединительных и противительных союзов является индивидуально-авторской особенностью текста В. Маканина.

Рассмотрев значение парцелляции в конструкциях, имеющих сочинительные союзы, мы пришли к выводу, что в основном сочинительные союзы в таких конструкциях сохраняют свое синтаксическое значение. Но почти всегда парцеллированная форма привносит дополнительный оттенок – значение союзной парцелляции.

Союз «и» добавляет оттенок завершения, замкнутого ряда: *Инстинкт велел прислушаться. И ждать.*

Союз «или» добавляет смысловой акцент; появляется новый вариант понимания целого высказывания, а не только его отдельного элемента. Деление высказывания проходит не по границе однородных членов, а по фиксации угла зрения на ситуацию: *...тебе подарок куплю. Косынку красивую. Или шаль тебе разыщу.*

Союз «но» в парцеллированной конструкции максимально актуализирует и акцентирует значение противопоставления. В результате появляется «двойная противительность»: одна – на уровне структурного членения высказывания, другая – на уровне семантики союза. Лексического наполнения парцеллята зачастую не требуется – антонимичность его значения и базовой части объясняется синтаксически: *Рубахин расслышал, конечно, насмешку. Но сказал сдержанно...*

Семантика парцеллированных конструкций с подчинительными союзами демонстрирует сохранение семантики союзов. Подчинительные соединения в таких конструкциях представлены, например, причинным союзом «потому что»: *Но почему боевики не взяли транзистор? Потому что улика. Нет. А потому, что слишком он старенький и дребезжащий.* Хотя причинно-следственная связь главного предложения и придаточной части очевидна, значение парцеллята не детерминировано напрямую базовым компонентом; смысл частей не обусловлен, а скорее параллелен. Именно союз, а не смысловые отношения частей высказывания, указывает на причинно-следственную связь.

В соподчинительных структурах можно наблюдать появление нового элемента смыслового содержания, развертывающего высказывание: *Кррругом–арри! И чтоб разбросали ту гору песка у въезда. И чтоб песок по всем дорожкам! – к дому и к огороду – грязь всюду, мать ее перемать, не пройдешь!..* Такие предложения с союзами синонимичны предложениям без союзов с повелительным наклоном глагола (ср.: *Разбросайте ту гору песка у въезда.*)

Полипредикативные единицы относятся к расчлененным, если есть союз, отражающий взаимосвязь частей высказывания.

В **бессоюзных** сложных предложениях (БСП) между предикативными частями возможно установление разных смысловых отношений, вытекающих из содержания соединяемых предложений. Поэтому к бессоюзной парцелляции относятся конструкции, состоящие из частей, смысловая связь между которыми очевидна для читателя.

Значение **пояснения** выявляется, если второе предложение раскрывает смысл первого (можно поставить вопрос *а именно?*): *Скулы и лицо вспыхнули, отчего еще больше стало видно, что он красив – длинные, до плеч, темные волосы почти сходились в овал. Складка губ. Тонкий, в нитку, нос.*

Парцеллированные бессоюзные предложения могут иметь значение **последовательности**: *Он затаил дыхание. Он оглядывает столь щедрое солнцем пространство. Он замечает у бугра маленький транзисторный приемник.*

Парцеллированные бессоюзные предложения приобретают значение **дополнения**, когда второе предложение привносит дополнительный смысл в первое, распространяя один из его членов (обычно сказуемое): *Вслушался. Было тихо.* (Ср. *Вслушался и понял, что было тихо.*)

Смысловая связь между частями парцеллированной конструкции может быть зафиксирована потенциальной подстановкой между этими частями союза соответствующей семантики. Примеры с возможными подчинительными союзами: – *Не забыла. За чай не волнуйся.* (Потенциальные союзы – **поэтому, так что**). Возможные значения: причина, следствие. *А Рубахин знает толкает тачку с песком. Кому что.* (Потенциальные союзы – **потому что, так как, ибо**). *Прихватим чурку – вот бы и отлично! Ты ж сам говорил...*

(При перестановке предложений местами потенциальный союз – **что**). Возможное значение: изъяснительное.

Примеры с возможной подстановкой сочинительных союзов: *Шли довольно быстро. Впереди пленный. Рядом полусонный Вовка.* (Варианты союза между вторым и третьим предложениями: **а, и**). *Из горной теснины выпрыгнул вдруг ручей. Еще более насторожила обоих открытая поляна, окрашенная солнцем до ослепляющей желтизны.* (Варианты союза между предложениями: **но, а, и**). Как видим, даже если союз отсутствует, читатель в состоянии сам сформулировать смысловые отношения между частями парцеллированной конструкции, хотя эти отношения часто являются вариативным и не всегда восстанавливаются с помощью контекста. Читателю предоставляется возможность заполнить «смысловую скважину» [2, с. 11] реструктурированием формальной организации и значения высказывания, что является функцией парцелляции бессоюзной конструкции. Читательское моделирование опирается на индивидуальность восприятия, так как тип отношений между частями парцеллированного БСП часто вариативен.

Таким образом, можно прийти к выводу, что смысловые отношения между базовой частью и парцеллятом опираются не только на семантику союзов, сохраняющих традиционное значение в парцеллированных конструкциях, но и на взаимодействие парцеллированной формы, структуры высказывания и интуитивного читательского восприятия значения конструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
2. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.

ЭЙДЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПЕТР I, А.Д. МЕНШИКОВ, М.В. ЛОМОНОСОВ, ЕКАТЕРИНА II, Е.Р. ДАШКОВА

Халина Наталья Васильевна

*докт. фил наук, профессор кафедры русского языка
как иностранного и восточного языкознания
Алтайского государственного университета, г. Барнаул*

АННОТАЦИЯ

В статье на материале текстов созданных Петром I, А.Д. Меншиковым, М.В. Ломоносовым, Екатериной II, Е.Р. Дашковой рассматриваются особенности русского литературного языка. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что XVIII в. – это период оформления новой этнической идентичности, синтезирующей достижения византийской культурной традиции и европейской цивилизованности.

ABSTRACT

In article on a material of texts created by Peter the great, A. D. Menshikov, M. V. Lomonosov, Catherine II, Dashkova considers the peculiarities of the Russian literary language. On the basis of the conducted analysis the author concludes that the XVIII century is the period of registration of a new ethnic identity, synthesizing the achievements of Byzantine culture and the European civilization.

Ключевые слова: философия языка, семиотика, история русского литературного языка

Keywords: philosophy of language, sociology of language, semiotic, history of Russian literary language

В художественных формах вербализации коммуникативной рациональности XVIII в. происходит алогическое становление и заполнение эйдоса, что определяет особенности этнокультурной идентификации жителя новой государственно-аксиологической общности «Российская Империя». Создается новое языковое сознание, базовой системой ориентации которого является система церковнославянского языка, моделируемая эйдетическими структурами и формирующая интенции социального субъекта. Эйдос определяется как явленная сущность предмета, идеально-оптическая картина смысла; «живое бытие предмета, пронизанное смысловыми энергиями, идущими из его глубины и складывающимися в цельную живую картину явленного лика сущности предмета» [5, с.496].

Эйдос XVIII в. представляет собой идеально-оптическую картину смысла семиотической системы «глаголический материальный мир», причем систему согласованных и связанных между собой образов [1]. Можно предположить, по мнению А.Бергсона, что в этой системе там и сям разбросаны *центры реального действия*, вокруг каждого из которых размещаются образы, зависящие от положения этого центра и меняющиеся вместе с ним. Следствием подобной связи является сознательное восприятие, амплитуда которого «строго соразмерна неоднозначности следующего за ним действия, и можно, таким образом, сформулировать следующий закон: *восприятие располагает пространством строго пропорционально времени, которым располагает действие*» [1, с.176].

В литературном языке России XVIII в. эйдос следует рассматривать в качестве смыслового изваяния системы церковнославянского языка как системы, регулирующей и нормирующей жизнедеятельность восточно-славянской лингвоментальной общности, обладающей единым материальным миром – системой образов и связанным с ней време-

нем действия. Литературный язык XVIII в. – это смысловая картина сущности церковнославянского языка, его бытие, совокупность семантических и понятийных категорий, или смысловых энергий, идущих из глубины византийской эпохи. Если в церковнославянском языке воплощен лик Спасителя, то в литературном языке России XVIII в. представлена живая картина явленного лика сущности воплощения лика Спасителя – центры реального действия системы образов и синоптические связи между ними. Причем характер синоптических связей определен требованиями моментами и имеет исключительно риторический вид, что предполагает изменение идеологического отношения к слову и, как следствие, текстуальных стратегий «агиография», «историческое повествование», «летописание».

Существо эйдетической логики, в задачи которой входит построение и пояснение материального мира, или системы образов, а, следовательно, и формирование системы нового типа этнокультурной идентификации, раскрывается при рассмотрении текстуальных стратегий Петра I, М.В.Ломоносова, А.Д.Меншикова, Е.Р.Дашковой. Экспонентами эйдетической логики следует признать *систему образов, или материальный мир; центры реального действия; образы, зависящие от центра; пространство восприятия; время действия*.

Система образов обнаружена в **Резолюции Петра I по поводу А.Д.Меншикова, вынесенной в декабре 1714**

В резолюции материальный мир, или система образов, построена по принципу высказывания-процесса как «хотеть-быть», а затем как «хотеть-делать» [2], «экономически» модализирующего моделируемый в соответствии с канонами книжной (письменной) культуры мир отношений. Первой модализирующей категорией, как считают А.Ж.Греймас и Ж.Фонтаний [3], является отрицание долженствования через хотение. Модальная категория в дальнейшем принимает вид семиотического квадрата:

<i>Долженствование</i>	_____	<i>Могущество</i>
<i>(точечное)</i>		<i>(бегающее)</i>
<i>Знание</i>	_____	<i>Хотение</i>
<i>(закрывающее)</i>		<i>(открывающее)</i>
Экономическая модальная категория, согласно <i>Резолюции Петра I</i> , может быть представлена в таком виде:		
<i>Подряд</i>	_____	<i>Имя</i>
<i>(первый и пр.)</i>		<i>(свое/подстава)</i>
<i>Прибыль</i>	_____	<i>Брать</i>
<i>(штраф)</i>		<i>(Взять)</i>

Также определяется несколько уровней ответственности (типа «отчислений»-мзды), зависящей от наполнения экономической пропорции: характер и «порядковый номер» подряда, под своим или чужим именем проходит, уровень прибыли. Первый уровень: первый подряд, свое имя, умеренная прибыль; второй уровень: непервый подряд, свое имя, высокая прибыль; третий уровень: непервый подряд + невыполненные подряды, чужое имя, любая прибыль + ранее полученные деньги под выполнение подрядов. Уровень ответственности обуславливает тип отчислений: 1 – ничего не брать; 2 – взять всю прибыль; 3 – взять всю прибыль + штраф + деньги, полученные под выполнение подрядов.

Центры реального действия представлены в инструкции Петра I, написанной за несколько недель до смерти и врученной В.Берингу 5 февраля 1725 г.: *надлежит делать боты с палубами, искать земли (земля часть Америки), доехать до какого города европейских владений/ или проехать от какого корабля европейского как оный куст (морской берег) называют, взять подлинную ведомость, поставить на карту, приехать сюда.*

Рассуждение об *образах, зависящих от центров*, можно обнаружить в «Кратком руководстве к красноречию» М.В.Ломоносова, главе второй «Об изобретении простых идей»: «Материя, сочинителю слова данная, обыкновенно бывает сложенная идея, которая называется тема. Простые идеи, из которых она составляется, называются терминами... От терминов темы произведены быть могут через силу воображения многие простые идеи, которые мы разделяем на первые, вторичные и третичные» [4, с. 104]. Так, к первым идеям, произведенным от термина «труд», М.В.Ломоносов относит *начало, середина и конец; пот, упокоение, пчелы*, вторичным идеям – *летание по цветам, собирание меда*. Для термина «препятства» выстраиваются ряды первичных (а) и вторичных идей (б) соответственно: а) *страх, зима, война, горы, пустыня, моря*; б) *бледность, трясение членов, как листья от ветра в осени; мороз, снег, град, дерева, лишенные плодов и листов, отдаление солнца; лютость неприятелей, мечи, копья, огонь, разорение, слезы разоренных; вышина, крутизна, расселины, пещеры, ядовитые гады; леса, болота, пески, скука, разбойники, звери; непостоянство, волнение, камни, пучина.*

Пространство восприятия определено в Посланиях А.Д.Меншикова и может быть отождествлено с риторической материей, которая, согласно М.В.Ломоносову, толкуемой как то, «о чем можно говорить». Подобное толкование риторической материи в некоторой степени сходно с толкованием Платоном ощущения (aisthēsis) как стремления души; движения ума; сообщения, делаемого телом душе и направляемого к пользе людей; из него рождается в душе внеразумная (alogos) познавательная способность, исходящая от тела [7].

Особенности *времени действия* представлены в Донесениях А.Д.Меншикова и Отчете Е.Р.Дашковой.

А.Бергсон отмечает, что реальность материи состоит в совокупности элементов и всякого рода их действий [1]. Риторическая материя, в которую преобразуется текстовая реальность русской православной культуры IX-XVIII вв., или Russian Story Space, обуславливает преобразование недискретного энергетического восточнославянского дискурса (жизнедеятельность которого поддерживалась функционированием системы церковнославянского языка) в дискретный спектр русского языка XVIII в. Для понимания лингвистических преобразований русской культуры уместно обратиться к объяснению изменений в физическом мире и материи, предлагаемыми в рамках фрактальной (дискретной) парадигмы и ее синергетического подхода.

В лингвистической ситуации России XVIII в. оператором является система церковнославянского языка и множество ее функций, подтверждения чему можно обнаружить в Донесениях Петру I А.Д.Меншикова.

В Донесении А.Д.Меншикова возможно обнаружить действия церковнославянского языка на собственную функцию, в результате чего происходит воспроизведение той же самой функции, умноженной на собственное значение церковнославянского языка. Действие системы «церковнославянский язык» состоит в воспроизведении онтологической категории I.X. и обучении системе семантических правил производства сообщений, которая, согласно Э.Верону, передается посредством коммуникативного измерения коннотации.

В Донесениях А.Д.Меншикова присутствуют измерение коннотации русского языка (*королевское величество, конференция, публика, именем Божиим*), измерение коннотации церковнославянского языка «редуцированная форма» (*За что королевское величество зело на своих генералов был гневен, что они не ускорили таким образом неприятеля догнать. А за наших людей и мужей отвагу, приехав ко мне сюда, изволил меня благодарить; показывает себя вашею к нему любовью весьма довольным*); измерение коннотации церковнославянского языка «умственное действие оперирования», или функция церковнославянского языка (*Надеюсь, что изволите мне поверить, что как родился, то еще никогда таких многотрудных дел не видел, понеже сами изволили те знать Флеменкову и прочих головы и души*). Также оформляется собственное значение церковнославянского языка: *К тому же они непрестанно больше в политических, нежели в военных делах обретаются, и по сему легко рассудить, каково мне с ними, не имеющему в тех делах никакого помощника.*

В Отчете Е.Р.Дашковой представлен дискретный энергетический (энергийный) спектр восточнославянского семантического континуума (семантической Вселенной), который образуется собственными значениями церковнославянского языка.

Расстояние между собственными значениями русского языка в Отчете Дашковой, являющимися производными от собственных значений семиотической системы, которая обслуживала умственные действия коммуникативной общности восточных славян, определяется, прежде всего, соотношением плюсквамперфектной, имперфектной и перфектной формами осмысления времени действия. Отсутствие в

русской грамматике XVIII в. реальных форм плюсквамперфекта, имперфекта и перфекта не препятствует осуществлению плюсквамперфектно-имперфектно-перфектной модализации истории событий. Субъект-оператор элементарных структур высказывания, субъект «виртуализированный», коим является Е.Р.Дашкова, наряду с другими способами существования субъекта синтаксиса поверхности – субъектом дискурса и нарративным субъектом [3], определяется в зависимости от его позиции на базе категории единения. Последовательные изменения в категории единения влияют на эволюцию модалной нагрузки: в зависимости от того, как модализирован объект (как «желаемый», «полезный» или «необходимый»), «субъект меняет свое модалное оснащение и проходит через ряд временных модалных идентичностей, которые выглядят следующим образом:

$C \rightarrow c_1, c_2, c_3, \dots c_n$

Здесь «1, 2, 3, ... n» являются последовательными модалными нагрузками» [3, с. 65].

Временными модалными идентичностями для русской когнитивной культуры XVIII в. являются имперфектная, плюсквамперфектная и перфектная.

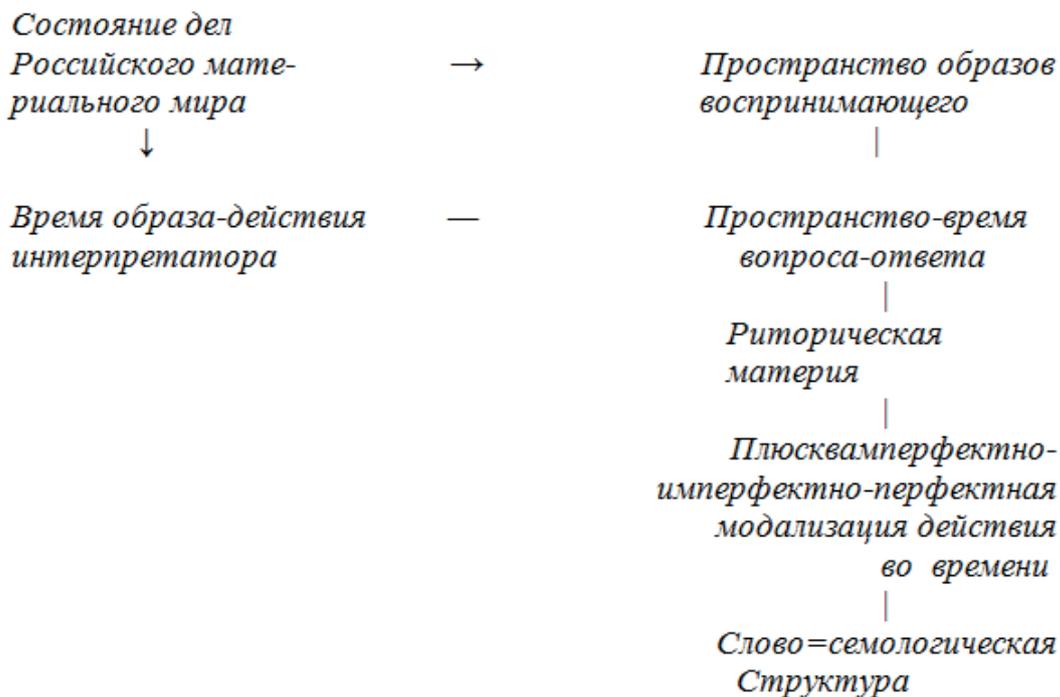
В Отчете Е.Р.Дашковой расстояние между значениями церковнославянского языка, таким образом, представлено плюсквамперфектной, имперфектной и перфектной модализациями времени действия. Сложная формально-грамматическая иерархия времен, определяющая семиотическое существование жителя России и удержание его в коммуникационном процессе истории, обретает статус понятийно-образной системы фундирующей культуру модално-деятельностной существования. А.Ж.Греймас, Ж.Фонтаний

отмечают, что субъекты состояния могут модализироваться и в соответствии с модалными ценностями, вложенными в объекты, и в зависимости от действия и на основании компетенции, что порождает противопоставление между модалной компетенцией и модалным существованием.

Объектами, обладающими модалными ценностями, для восточнославянской культуры являются, прежде всего, книжные памятники, памятники иконописи и архитектуры. Традиционно до XVIII в. каждое действие выверялось на предмет соответствия модално-ценностному объекту, что обеспечивало представление о стабильном состоянии материального мира, или системы образов, фундирующих православное миробытие – бытие-пребывание в сущем.

Существование мира, сопредельного с субъектом в момент речепроизводства и наделенного бытием, благодаря этому речепроизводству, и только на время его длительности (время существования мира тождественно протяженности=длительности речевого акта), требует особого способа изображения не онтологической категории, а отношения к ее реальной – в тексте – и виртуальной – в образной системе – актуализации. В качестве подобного изображения возможно признать «модалный синтаксис конфигураций страсти», внутренние конструктивные элементы которого репрезентированы в Отчете Е.Р.Дашковой.

В «Записках» Екатерины II получает выражение рационализация российского материального мира, или схема рационализации конфигурации страстей.

В семиологических структурах Нового времени упорядочивается реальная действительность, истолковываемая в православной традиции как осуществление идеи, результат отношения сущего к своему другому, конкретным воплощением чего является человек. Человек при этом есть существо, содержащее в себе божественную идею и осуществляющее эту идею посредством разумной свободы в материальной природе. Реальная действительность преобразуется в структурированную реальность, организующий принцип в которой, согласно позиции Х.Ортега-и-Гассета [6], точка зрения, отсюда бытие – это и не материя, и не дух, не какая-то субстанция, а «ракурс», «перспектива», в которой слиты акт сознания и предмет, точка зрения и пейзаж.

XVIII в. в России – время постижения сущности пустого пространства с помощью семиологических структур на основе эйдетической логики, коррелирующей с ощущением, которое понимается в духе Платона как стремления души, движения ума, внеразумной познавательной способности, исходящей от тела. Это период оформления новой этнической идентичности, синтезирующей достижения «прове-

ренной временем» византийской культурной традиции и нарождающейся, европейского типа, цивилизованности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. Соч. Т.1. – М.: Московский клуб, 1992. – 336 с.
2. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 483-550.
3. Греймас А.Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояний вещей к состоянию души. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 336 с.
4. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полн. собр. в 11 т. – Т.7: Труды по филологии. – М., Л., 1952.
5. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Наука, 1993. – 958 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
7. Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АННОТАЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНАЛОГИЧНЫМ ТИПОМ ТЕКСТА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Якобадзе Джюна Зурабовна

Учитель английского языка, ГБОУ СОШ №10, г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу англоязычной и русскоязычной медицинских аннотаций с точки зрения структуры и лексико-грамматического наполнения.

ABSTRACT

The article deals with a survey of English and Russian medical annotations in the context of their structure and lexico-grammatical content.

Ключевые слова: *анализ, структура, аннотация.*

Key words: *analysis, structure, annotation.*

Каждая аннотация характеризуется определенной структурой. В медицинской аннотации, следуя международной фармакопее (руководящий документ, используемый во всем мире при производстве фармацевтических продуктов), важно включить информацию о действующих и вспомогательных веществах препарата, дозированных формах и методах анализа фармацевтических продуктов. Обычно англоязычная медицинская аннотация имеет следующую структуру [www.medicines.org.uk]:

1. Package insert
2. Package leaflet
3. Name of the medical product
4. Qualitative and quantitative composition
5. Pharmaceutical form
6. Clinical particulars

7. Pharmaceutical properties
8. Pharmaceutical particulars
9. Producer
10. Address

За основу мы взяли англоязычную аннотацию и сопоставили ее с русскоязычным функциональным аналогом.

Сопоставление аннотаций на английском и русском языках – это обязательная часть деятельности медицинских текстов, поскольку аннотация – это тип текста, в котором полной эквивалентности не наблюдается, и все основано на большом количестве переводческих трансформаций.

1. Package insert

Данное словосочетание содержится в 100% англоязычных аннотаций. В русскоязычной аннотации мы находим соответствующее по функции словосочетание «*Инструкция*

по медицинскому применению лекарственного средства» в 80 %. Опускание данного словосочетания (20%) в русском языке может быть связано с очевидностью текста аннотации.

Если аннотация на русском языке неоригинальная, т.е. переведена с иностранного языка на русский язык, то в тексте содержится уточнение «Package insert for Russian language» (*Содержится аннотация на русском языке – перевод Якобадзе Д.*).

2. Package leaflet:

Information for the user

Please read this entire package leaflet carefully because it contains important information for you.

В русскоязычной аннотации к медицинским препаратам дословного соответствия данному пункту не встречается (*Пожалуйста, ознакомьтесь с аннотацией лекарственного препарата, т.к. в ней содержится важная информация по применению лекарственного препарата – перевод Якобадзе Д.*). Однако в русскоязычных аннотациях (40%) приводится следующий пункт: *Инструкция по применению лекарственного препарата для медицинского применения. В случае возникновения вопросов или ухудшения состояния, при применении лекарственного препарата обязательно проконсультируйтесь с врачом.*

Как следует из примера, содержание данного пункта выполняет сходную коммуникативную функцию, что и англоязычный фрагмент аннотации – обратить внимание адресата на важность информации, содержащейся в инструкции. В англоязычной аннотации это сообщение передается напрямую, а в русскоязычной аннотации это выражено имплицитно, через указание на возможное «ухудшение состояния при применении лекарственного препарата».

3. Name of medical product

Данный пункт англоязычной аннотации имеет сходство с пунктом аннотации на русском языке «*Торговое название препарата*», где указывается название препарата, под которым он продается.

Здесь целесообразно также отметить использование в русскоязычной аннотации подпункта «*Международное непатентованное название*», которое присваивается лекарственным препаратам. Их можно однозначно охарактеризовать химической номенклатурой, т.е. по основному определяемому веществу медицинского препарата.

4. Qualitative and quantitative composition

В данном разделе описывается состав лекарства, т.е. из каких химических веществ состоит препарат, описываются активные (действительные) и вспомогательные вещества. Данный раздел может соответствовать в русскоязычной аннотации разделу «Состав». Наличие данной информации в англоязычной и русскоязычной аннотациях позволяет говорить о функциональных аналогах этих фрагментов.

5. Pharmaceutical form

Настоящий пункт соответствует разделу русскоязычной аннотации «*Лекарственная форма*», в котором описывается форма лекарства. Например: таблетки, покрытые пленочной оболочкой (film coated tablets).

6. Clinical particulars

В русскоязычной аннотации данный пункт отсутствует: не представлен ни его функциональным аналогом, ни его дословным переводом (*Сведения клинического характера – перевод Якобадзе Д.*). В англоязычной аннотации шестой пункт имеет два подпункта, и к ним в русскоязычной аннотации были найдены соответствия.

6.1.1 *Therapeutic indications* содержит информацию о заболеваниях, при которых препарат применяется. По данной коммуникативной функции ему соответствует пункт «*Показание к применению*».

6.1.2 *Posology and method of administration* дает описание способов применения лекарственного препарата и его дозировку. В русскоязычной аннотации данному пункту соответствует отдельный раздел «*Способ применения и дозы*».

6.2 Contraindications

Пункт 6.2 предоставляет информацию о случаях, при которых препарат принимать воспрещается и соответствует отдельному разделу русскоязычной аннотации «*Противопоказания*».

6.3 Special warning and precautions for use

В пункте 6.3 описываются условия, при которых стоит обратить особое внимание в ряде случаев при применении лекарственного препарата. В аннотации на русском языке данный пункт соответствует разделу «*С осторожностью*».

В этом пункте также следует отметить лексические единицы «warning» и «precautions» в англоязычной аннотации, которые на русском языке обозначают «предвещающий синдром» и «профилактика, предупредительное мероприятие» соответственно. Из данного примера, следует, что реципиент, читая этот пункт, уже будет понимать, как может повлиять на его организм то или иное лекарственное средство, если его принять при каких-то особых случаях и какие меры профилактики могут быть предприняты в том или ином случае.

6.4 *Interactions with other medicinal products and other forms of interaction*

Настоящий пункт соответствует пункту русскоязычной аннотации «*Взаимодействие с другими лекарственными средствами и другие формы взаимодействия*». В этом пункте описывается, что может вызвать применяемый лекарственный препарат при взаимодействии с другими лекарствами.

Как следует из сравнения, в данном пункте обе аннотации проявляют полное сходство.

6.5 Fertility, pregnancy and lactation

Пункт 6.5 соответствует разделу русскоязычной аннотации «*Беременность и период лактации*». В настоящем фрагменте аннотации говорится о влиянии лекарственного препарата на беременность и лактацию. Лексическая единица «fertility» означает «деторождение» в русском языке, в медицинском тексте данный термин обычно трактуется как «женщина, способная к деторождению». В контексте медицинской аннотации к лекарственному препарату такая трактовка делает его избыточным, поскольку «lactation» («период лактации») предполагает физиологически, что этому предшествовало рождение ребенка.

6.6 Effects on ability to drive and use machines

Пункт 6.6, который можно перевести как «*Влияние на способность вождения транспортных средств и управления механизмом*» (перевод Якобадзе Д.) в аннотациях на русском языке не выделяется отдельно, а помещается в пункт «*Побочные действия*», т.к. в настоящем пункте опи-

сываются побочные действия, которые могут быть вызваны лекарственным препаратом и результаты которых могут негативно повлиять на вождение транспортных средств.

6.7 Undesirable effects

В данном пункте содержится описание возможных реакций организма на принятие лекарственного препарата и имеет соответствие в русском языке «Побочные действия». Целесообразно отметить также синонимичное словосочетание, которое может быть использовано в англоязычной аннотации «Side effects» (30%), что ближе по значению к клишированному словосочетанию в русскоязычной аннотации (Побочные эффекты), но не передает характера побочных действий, а именно их нежелательности (undesirable).

6.8 Overdose

Настоящий пункт раздела 6 сообщает информацию о реакции организма в случае передозировки лекарственным препаратом, а также о возможных действиях, которые следует предпринять в данном случае. Данный пункт соответствует в русском языке разделу «Передозировка», что является его буквальным переводом.

7. Pharmaceutical properties

Данный раздел, как и раздел 6 имеет несколько подпунктов. Раздел 7 соответствует разделу «Фармакология» в аннотации на русском языке. Настоящий пункт сообщает о действии физиологически активных веществ на биологические системы.

7.1 Pharmacodynamic properties

Настоящий пункт соответствует пункту «Фармадинамика» в русскоязычной аннотации и предоставляет информацию о механизме действия лекарства, его связи между концентрацией с другими лекарственными веществами и достигнутым действием лекарственного препарата на организм человека.

7.2 Pharmacokinetic properties

Пункт 7.2 описывает, как быстро препарат всасывается в организм (объем на мг) и соответствует русскоязычному пункту «Фармакокинетика». В англоязычной аннотации используются устойчивые словосочетания, типичные фармакологии: «pharmacological properties» и «pharmacodynamic properties», «pharmacokinetic properties» в которых представлены определения, выраженные прилагательными и определяемые слова, выраженные существительными. В русскоязычной аннотации им соответствуют термины «фармакология» и «фармадинамика», «фармакокинетика» соответственно.

7.3 Preclinical safety data

В настоящем пункте сообщается об эффективности и безопасности лекарственного препарата, на русский язык переводится как «данные доклинических исследований» (перевод Якобадзе Д.) и в тексте русскоязычной аннотации опускается.

8. Pharmaceutical particulars

В русскоязычной аннотации данный раздел (фармацевтические характеристики – перевод Якобадзе Д.) не выделяется отдельно. Этот раздел англоязычной аннотации имеет следующую структуру:

8.1 List of excipients

В русскоязычной аннотации данный пункт «Вспомогательные вещества» (перевод Якобадзе Д.) не выделяется

отдельно, а входит в раздел «Состав» и следует после описания активных веществ лекарственного препарата.

8.2 Incompatibilities

В пункте 8.2 сообщается информация об ослаблении, потере лечебного действия или об усилении побочного или токсического эффекта лекарственных средств в результате их взаимодействия. Настоящий пункт соответствует разделу русскоязычной аннотации «Несовместимость с лекарственными препаратами». Как следует из данного сопоставления, лексическая единица «incompatibilities» в контексте медицинской аннотации к лекарственным препаратам имеет только одно трактование – «несовместимость с лекарственными препаратами», поэтому не требует уточнения.

8.3 Shelf life

Пункт 8.3 указывает на срок употребления лекарственного препарата, а также в этом пункте предупреждают пациента о прекращении использования лекарственного препарата по истечению срока годности. Сочетание «shelf life» имеет ряд синонимов в английском языке: «beyond-use date»; «storage life»; «expire date» и др., но в текстах фармакологического характера используется только словосочетание «shelf life», что указывает на максимальный срок хранения «на полке» и годность лекарственного препарата. В русскоязычной аннотации данному пункту соответствует раздел «Срок годности», в котором сема «Хранение на полке» отсутствует.

8.4 Special precautions for storage

Настоящий пункт сообщает информацию о правильном хранении лекарственного препарата и соответствует русскоязычному сочетанию «Условия хранения».

8.5 Nature and contents of container

Пункт 8.5 описывает вид таблеток, количество и вид упаковки, в которой представлен лекарственный препарат и имеет соответствующее словосочетание в аннотации на русском языке «Форма выпуска».

8.6 Special precautions for disposal and other handling of the product

В разделе 8.6 содержится информация по отпуску лекарственного препарата по рецепту или без рецепта из аптек. В русскоязычной аннотации данный пункт соответствует разделу «Условия отпуска».

9. Producer

Раздел 9, соответствующий в аннотации на русском языке пункту «Производитель», содержит информацию о производителе: его полное наименование. Например: Д-р Реддис'с Лаборатория Лтд; Wintrop Pharmaceuticals UK Limited.

10. Address

В разделе «Адрес» сообщается о подробном адресе места производства лекарственного препарата.

Таким образом, структура англоязычной и русскоязычной медицинской аннотации не имеет категорических расхождений, что подтверждает положение клишированности текстов научно-медицинской тематики (аннотаций), а также говорит о международной маркированности правил оформления данного типа текста. Незначительные отличия наблюдаются в расположении какой-либо информации о лекарственном препарате по разным подпунктам медицинской аннотации, но содержание информации в обеих анно-

тациях сохранено и предоставляет полную информацию о лекарственном препарате. Некоторое своеобразие наблюдается в интерпретации лексических единиц. Например, использование общеупотребительной лексики «properties» и «particulars» - «свойства» и «характеристики» соответственно, которые в англоязычном медицинском тексте применяются в устойчивых терминологических словосочетаниях «Pharmacodynamic properties» «Pharmaceutical particulars». Отметим также лексические единицы «disposal» и «handling», что в русском языке в контексте общеупотребительной лексики означают «размещение» и «обращение» соответственно. Как лексика медицинского текста на русский язык переводятся как «предписание» и «обработка» и в тексте фармакологии имеют значение «применение» и «назначение» соответственно. Данные лексические единицы в

тексте фармакологической тематики используются в следующем сочетании «Special precautions for disposal and other handling of product», что на русском языке означает «Особые указания по применению и меры предосторожности». Данные лексические единицы передают важность правильного применения и хранения лекарственного средства, чтобы оно сохраняло свою активность и не становилось токсичным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М., 2008 – 240с.
2. Kupova J. Loan translations from English into Russian. Moscow State University named after M.V.Lomonosov, 2012 – 75 p.
3. www.medicines.org.uk
4. vidal.ru

АРХИТЕКТУРА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАХЕОМЕТРИЧЕСКОЙ СЪЕМКИ ПРИ ОБСЛЕДОВАНИИ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

Миллер Константин Александрович

*главный специалист, ООО «Сибирская экспертная организация»,
г. Прокопьевск*

Легаев Вадим Расимович

эксперт, ООО «Сибирская экспертная организация», г. Прокопьевск

Ишкин Егор Сергеевич

эксперт, ООО «Сибирская экспертная организация», г. Прокопьевск

АННОТАЦИЯ

Определены преимущества применения тахеометрической съемки при обследовании зданий, рассмотрены методы определения кренов и осадок зданий, использование полученных данных для объяснения причин образования появления дефектов и повреждений, выполнения чертежей и проектов усиления.

ABSTRACT

Determine advantages of using of geodetic surveying at inspection buildings, reviewed the method determination of slope and subsidence buildings, use the data to explain the causes of cracks in brick walls, execution of drawings and projects.

Ключевые слова: *обследование зданий, геодезическая съемка, пространственная модель здания или сооружения, крены и осадки зданий.*

Keywords: *inspection of buildings, geodetic surveying, 3d model of a building or structure, slope and subsidence buildings*

В настоящее время инженерно-геодезические работы стали неотъемлемой частью не только строительства, сопровождая все его этапы, но и оказались незаменимыми при проведении обследования зданий и сооружений. Геодезическая съемка может применяться как для изучения конструкций в данный момент времени, для составления подробных чертежей зданий и сооружений, так и для наблюдения за развитием осадок и кренов зданий.

При выполнении работ по обследованию зданий и сооружений, согласно СП 13-102-2003 Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений, неотъемлемыми частями является выполнение полного комплекса обмерных работ, составление дефектных ведомостей, определение характеристик материалов и выполнение поверочных расчетов с целью установления достаточности несущей способности элементов конструкций.

Зачастую, проектная и исполнительная документация на промышленные здания и сооружения, построенные до 2000г. отсутствует, что дополнительно усложняет выполнение обмерных чертежей и формирование расчетной модели здания или сооружения.

При выполнении обследования зданий правильной формы задача во многом упрощается, чего не скажешь про сооружения транспортных галерей, эстакад и прочих сооружений, геометрические параметры и углы наклона которых индивидуальны. В этом случае практически незаменимыми

являются современные геодезические приборы, как например тахеометр HILTI POS 18. С помощью тахеометра, выполняя съемку, с одной или нескольких станций и, выполняя последующую обработку полученных данных в программе Hilti Profis Layout, можно получить пространственную модель сооружения в формате «dwg». Проецирование полученных моделей на вертикальные, горизонтальные и наклонные плоскости позволяет получить подробные и достоверные схемы расположения элементов конструкций.

Кроме того, с помощью тахеометра можно не просто построить геометрическую схему конструкций здания или сооружения, но и измерять сечения элементов. Измерения таким способом лучше выполнять для элементов конструкций сечением свыше 100 мм.

Поверочные расчеты конструкций здания выполняют на основании и с учетом уточненных обследованием: геометрических параметров здания и сооружений, их конструктивных элементов - пролетов, высот, геометрических размеров; фактических сопряжений несущих конструкций, их реальной расчетной схемы. Все эти данные легко можно получить, выполнив инженерно-геодезическую съемку объекта.

С помощью пространственной графической модели можно построить пространственную расчетную схему, которая будет более точно отображать геометрию здания или соору-

жения, что позволит с большей точностью оценить напряженно-деформированное состояние конструкций.

При недостаточной несущей способности или при выявлении дефектов, снижающих несущую способность элементов каркаса зданий и сооружений, как правило, необходимо выполнение усиления элементов конструкций. А при разработке документации на усиление проектировщик в первую очередь отталкивается от обмерных чертежей, и от того насколько точно они отражают фактическую схему конструкций, зависит качество и трудоемкость выполнения работ по усилению конструкций.

Так же тахеометрическая съемка дает отличные результаты при наблюдении за развитием осадок и кренов зданий и сооружений. Для выполнения наблюдений за осадками зданий и сооружений, чаще всего применяют глубинные реперы, закладываемые в коренные породы. Для закрепления точек, при периодическом наблюдении за осадками, на конструкциях зданий и сооружений закладывают осадочные марки. С помощью полученных значений осадок и кренов зданий и сооружений можно довольно точно определить причину возникновения деформаций конструкций и грунтов основания, объяснить появление и характер развития трещин в конструкциях.

Из-за воздействия ветровых нагрузок, температурных деформаций, связанных с неравномерным нагревом зданий и сооружений, осадок фундаментов, ось сооружения может отклоняться от вертикального положения. Для определения крена сооружения, вершину сооружения по отвесной линии проецируют на основную горизонтальную плоскость и измеряют отклонение проекции вершины от центра осно-

вания. При использовании тахеометрической съемки, выполняется съемка всего объекта, а измерение величин отклонений параметров выполняется в программе Hilti Profis Layout.

С развитием геодезических приборов, инженерно-геодезические изыскания все шире применяются при обследовании зданий и сооружений. С помощью полученных данных можно не просто охарактеризовать имеющиеся крены и осадки зданий и сооружений, но и, зачастую, объяснить появление и развитие трещин в кирпичных стенах.

Безусловно, тахеометрическая съемка не является альтернативой обмерным работам, но в совокупности дает более полную картину пространственной модели здания или сооружения. Позволяет выполнить подробные графические материалы и создать более точную расчетную модель здания или сооружения, в независимости от его сложности, а также упрощает работу при разработке и реализации проектов усиления строительных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГОСТ 31937-2011. Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния.
2. Курс инженерной геодезии / Под ред. В.Е. Новака. - М.: Недра, 1989.
3. СП 13-102-2003. Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений.
4. Федеральный закон РФ от 30.12.2009 №384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

ВОЕННЫЕ НАУКИ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (ОПК) РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Военкова (Воложанина) Наталья Ивановна

Магистр экономики ГУУ,

Ведущий экономист АО «Концерн «Моринформсистема-Агат», г. Москва

АННОТАЦИЯ

Представлены аргументы, обосновывающие необходимость совершенствования процесса планирования и управления хозяйственно-экономической деятельности предприятий ОПК в России. Рассмотрены и выделены основные проблемы в процессе планирования хозяйственно-экономической деятельности предприятий ОПК в России и рекомендации по их решению.

Ключевые слова: *планирование, управление, обеспечение финансовой устойчивости, мониторинг финансовой устойчивости, современные инструменты и методы.*

ABSTRACT

The arguments proving necessity the management process of the planning of economic activity of the military-industrial complex, enterprises in Russia. A modern evaluation development during planning of economic activity of enterprises in Russia is discussed. The article considers the main problems during planning of economic activity of the military-industrial complex in Russia and recommendations solutions to their.

Keywords: *planning of economic activity, planning, management, ensuring financial stability, monitoring of financial stability, modern tools and techniques.*

«Оборонно-промышленный комплекс является наукоемкой высокотехнологичной сферой отечественного машиностроения, в состав которого в настоящее время включено около 1400 организаций, расположенных в 64 регионах России. В нем сосредоточены высококвалифицированные кадры, большая часть передовых технологий военного, двойного и гражданского назначения» [1].

Ряд проблем в ОПК, таких как сокращение объемов государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ), недофинансирование текущих перспективных разработок, необходимость повышения конкурентоспособности и стимулирования инновационной деятельности, требуют разработки новых эффективных инструментов и методов управления, методов планирования и контроля в области обеспечения стабильного развития предприятий ОПК.

В последние годы в этой области подготовлены и приняты на государственном уровне важнейшие основополагающие документы, которые открывают перспективы качественно нового этапа инновационного развития оборонно-промышленного комплекса (ОПК): Военная доктрина, Стратегия национальной безопасности, Основы военно-технической политики, Основы государственной политики в области развития ОПК, Государственная программа вооружения на 2011-2020 годы и другие.

Государство минимизировало последствия финансового кризиса для оборонно-промышленного комплекса.

«Важнейшими мерами государственной поддержки организаций ОПК являются государственные закупки, НИОКР и государственные капитальные вложения. Используются и другие меры господдержки (взносы в уставный капитал организаций, различного вида субсидии, направленные в том числе: на техническое перевооружение и стимулирование спроса на выпускаемую продукцию, развитие экспорта высокотехнологичной продукции, поддержку текущей деятельности организаций ОПК с целью предупреждения банкротства и федеральным казенным предприятиям, а также государственные гарантии по кредитам). Так, в 2009-2010 годах общий объем государственной финансовой адресной поддержки в различных формах получили около 150 стратегических организаций ОПК. Ее объем составил более 120 млрд. рублей». [2].

Основные тенденции развития предприятий ОПК связаны непосредственно с качеством планирования хозяйственно-экономической деятельности.

При планировании хозяйственной деятельности необходимо учитывать взаимосвязи всех экономических процессов на предприятии. Так, нарушение требований одного из экономических законов неизбежно расстраивает механизм планирования. Например, недоучет закона распределения по труду (заниженный или неоправданно завышенный рост заработной платы) ослабляет действие закона неуклонно-

го роста производительности труда, поскольку для систематического роста производительности труда необходима дифференциация ставок и окладов в соответствии с количеством и качеством затрачиваемого труда.

При планировании следует обратить внимание на следующие экономические законы и закономерности:

1. Перед составлением финансово-хозяйственного плана необходимо провести глубокий и всесторонний анализ достигнутого уровня экономического развития, а также текущего состояния предприятия, сложившихся темпов роста, экономических тенденций на рынке, ресурсов, затрат и результатов производства детально и в целом. План на очередной период нельзя составлять по достигнутому уровню, сложившимся темпам и пропорциям. Планирование от фактического, достигнутого уровня имеет ряд серьезных недостатков. Акцент нужно ставить на наметившиеся тенденции, учитывать их в плане на будущий период, сопоставляя с достигнутым уровнем.

В процессе анализа достигнутого уровня развития предприятия необходимо изучить сложившиеся причинные связи в развитии экономических процессов. Это первый этап использования экономических законов при планировании хозяйственной деятельности предприятия. На этом этапе выявляются потребности предприятия при данных условиях и ресурсах производства.

2. Прогнозирование, или иными словами предвидение, научно-технического, экономического развития в планируемом периоде. Научное прогнозирование базируется на анализе сложившихся и развивающихся в будущем тенденций; оно подготавливает обоснования для планирования главных направлений развития предприятия, научно-технических, экономических процессов. На этапе прогнозирования выявляются альтернативы решения той или иной хозяйственно-экономической проблемы предприятия в предстоящем периоде. Это становится возможным благодаря дальнейшему анализу изменений в формах оценки текущего состояния и их проявления в будущем.

Прогнозирование особо важная часть при мониторинге финансовой устойчивости предприятия. Мониторинг, а иными словами, непрерывный процесс наблюдения и контроля, на основании которого составляется комплексная оценка (на определенный период), анализ и прогноз финансовой устойчивости предприятия наиболее четко показывает состоятельность предприятия в рыночной экономике и его возможность противостоять кризисным явлениям, а также его способность к развитию и успешному функционированию. Следует отдельно отметить, что мониторинг – непрерывный процесс, так как предприятие находится в динамике, в процессе изменений, под влиянием внутренних и внешних факторов.

3. Определение целей планирования и методов отслеживания изменений в структуре экономики предприятия, находятся в постоянном развитии и динамике. В настоящее время разрабатывается такой документ на предприятии как «Концепция...» или «Стратегия развития предприятия». Правильная постановка целей и задач при планировании невозможна без всестороннего учета воздействия экономических законов, принципов и экономических закономерностей. Также, следует обратить внимание на очередность и последовательность принятия решений, при возникновении экономических проблем.

4. Разработка плановых заданий по развитию отдельных направлений деятельности предприятия. При этом намечаются пути, средства и способы решения поставленных задач, приводится в действие вся система плановых и экономических рычагов для достижения лучших результатов в решении главной задачи плана.

5. Организация и контроль выполнения намеченных планов при участии не только всех заинтересованных лиц предприятия, но и каждого сотрудника в частности. Здесь особое внимание стоит уделить кадровому планированию, кадровой политике предприятия и штатной структуре.

6. Чуть подробнее остановимся на системном (комплексном) подходе к решению хозяйственно-экономических проблем предприятия при планировании. Системный подход в данном контексте рассматривается как система общественных отношений, элементы которой тесно между собой связаны и активно взаимодействуют.

Необходимость системного подхода обусловлена единством доктрины экономики страны, усложнением связей между отраслями и экономическими районами по мере развития производительных сил. С ростом масштабов производства усиливаются процессы специализации производства. В то же время возрастают тенденции к интеграции, что требует планомерного согласования всех хозяйственных связей. В этих условиях возрастает значение координации хозяйственной деятельности отраслевых и территориальных органов управления в целом, как например в холдинге, увязки планов развития отдельных направлений и проектов, комплексного решения хозяйственно-экономических проблем.

Темпы роста и структура производства определяются прежде всего исходя из требований основного экономического закона и закона планомерного, пропорционального развития. Большое значение имеют планирование и учет трудо-затрат, повышение эффективности производства, применение рациональной системы оплаты труда и его стимулирования, мотивации персонала и т. д. Принимая то или иное решение в процессе разработки хозяйственного плана, следует учитывать все возможные взаимосвязи и последствия.

Все эти процессы тесно связаны. Например, планирование темпов роста промышленного производства учитывает многообразие различных факторов экономического и социального развития. В отдельные годы темпы роста промышленности по сравнению с предыдущим годом несколько снижаются, а в последующие повышаются. Следует отслеживать факторы внутренние и внешние, которые приводят к изменениям ситуации.

Например, предприятия в определенные годы относительного снижения темпов роста производства работали хуже. Анализ выполнения плана за эти годы показывает, что на снижении темпов роста промышленного производства сказались главным образом процессы уменьшения ввода в действие производственных мощностей в ряде направлений, в том числе из-за перераспределения капитальных вложений, изменения в структуре импорта и ряд других факторов. Для того чтобы повысить темпы роста, был принят ряд мер по изменению объемов и структуры капитальных вложений, ускорению строительства отдельных объектов, развитию новых направлений деятельности и т. д.

Системный подход к решению различных проблем управления предприятием вытекает также из принципа единства всех планов, согласования всех плановых заданий и их корректировок. Например, планирование производительности труда предполагает анализ и учет различных производственных и непроизводственных факторов. В то же время обоснование плановых проектировок по труду органически связано с планированием других показателей развития предприятия. Поэтому в практике планирования учитываются различные факторы, влияющие на рост производительности труда.

В перспективных комплексных планах (так называемых «Концепциях...» и «Стратегиях развития предприятия») определяются направления технического прогресса и совершенствования производства, внедрения научной организации труда и управления, социального развития коллективов. Стратегия, экономическая стратегия предприятия начинается с постановки задач, с выдвижения фундаментальных, долговременных целей; включает в себя и четкое определение средств и путей, которые ведут к поставленным целям. Это - динамичное и пропорциональное развитие производства, повышение его эффективности, ускорение научно-технического прогресса, рост производительности труда, единство и взаимосвязь целей и средств их достижения.

Системный анализ используется как метод решения отдельных, особенно сложных проблем в связи с концентрацией производства, разработкой крупных технических систем при участии различных направлений науки, необходимостью решения комплексных проблем в масштабах холдинга или конкретного предприятия.

Системный подход имеет более широкую сферу применения, так как здесь речь идет не только о предвидении вероятных изменений, не только о количественном анализе тех или иных процессов и о предвидении путем сопоставления мнения экспертов возможных изменений в будущем, а о более глубоком использовании системного подхода в плановом регулировании экономики предприятия, структуры и темпов роста производства, с учетом внешних и внутренних факторов на макро- и микро-уровнях.

В исследованиях по системному анализу, как правило, недостает качественного анализа, благодаря которому становится возможным глубоко проникать в сущность явлений, в их причинные связи и взаимную обусловленность. Широко используются математические методы бизнес-моделирования, экономические подходы и методологии.

Системный подход позволяет решать такие вопросы как: с чего начать новое направление, как мобилизовать на развитие промышленности ресурсы и источники накопления, решить проблему кадров и т. д. Системный подход весьма необходим при разработке мер, обеспечивающих ускорение научно-технического прогресса. Так, было бы неверно считать, что ускорение развития науки и техники зависит, прежде всего, от увеличения ассигнований на эти цели. Рост расходов на развитие науки, в том числе на приобретение оборудования, играет, конечно, важную роль. В нашей стране расходуются крупные средства на науку, и объем этих затрат ежегодно растет. Однако простое увеличение расходов без проведения других нужных мер не может служить надежной гарантией повышения эффективности научных исследований. Поэтому порой многие перспективные проекты остаются недофинансированными.

На практике нередко бывает так, что не комплексное решение той или иной проблемы объясняют недостатком средств или неподготовленностью условий. Но при этом упускают из виду, что частичное решение в конце концов увеличивает затраты и снижает эффективность мероприятий. Такие факты нередко встречаются при проектировании и строительстве новых промышленных предприятий или реконструкции производства, когда своевременно не вводятся взаимосвязанные мощности. В результате сроки ввода и освоения новых производственных мощностей затягиваются, возникают трудности с кадрами и рано или поздно приходится нести дополнительные расходы. Как правило, в этих случаях фактические затраты оказываются гораздо большими, чем при комплексном строительстве.

При разработке планов нужно учитывать все возможные альтернативы, т. е. различные пути достижения поставленных целей, с тем, чтобы выбрать оптимальный вариант. Это одно из исходных положений системного подхода, основанного на критериях не только удовлетворения потребностей, но и степени развития производства, с экономической эффективностью предприятия.

Комплексный подход к развитию предприятия способствует быстрой окупаемости капитальных вложений, достижению хороших экономических показателей в производстве. В то же время если организующие строительство и эксплуатацию новых объектов комплекса (например, холдинга), не координируют свою работу, в том числе сроки строительства и освоения предприятий сопряженных отраслей, то возникают вновь экономические проблемы, от недоработанности, в связи с человеческим фактором порой, при этом необходимо менять кадровую политику, что относится к совершенствованию системы планирования и управления предприятием.

Значение необходимости обеспечения финансовой устойчивости предприятий через системный подход непрерывно растет, также это необходимо осуществлять в тесной координации плановой и хозяйственной деятельности соответствующих министерств и ведомств. Это предъявляет особые требования и к органам общегосударственного управления и планирования, если речь идет о государственных предприятиях.

Например, для предприятий ОПК РФ, для улучшения планирования первостепенное значение имеет последовательное применение комплексного метода в соответствии с инструкциями соответствующих министерств и ведомств. Заинтересованные министерства и территориальные органы также принимают активное участие в разработке долгосрочных стратегий предприятий при планировании отрасли.

Таким образом, при обеспечении финансовой устойчивости предприятия необходимо учитывать экономические законы, принципы и закономерности, при планировании хозяйственной деятельности конкретного предприятия, и оценивая его положение в целом на рынке. Практика планирования показывает, что наряду с определением целей или задач плана не менее важно наметить эффективные пути их реализации, согласовать цели со средствами их достижения. Разработка конкретных путей осуществления поставленных целей дает вместе с тем возможность уточнить и сами цели, а также сроки их достижения. С помощью глубокого анализа сложившейся обстановки, научного подхода к опре-

делению реальных возможностей и перспектив развития мы можем решить экономические проблемы предприятия и обеспечить его финансовую устойчивость. В настоящее время большую роль играет процесс совершенствования планирования и управления с учетом более эффективного использования экономических рычагов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Электронные источники и интернет-ресурсы.
2. ЦАМТО. Центр анализа мировой торговли оружием. {Электронный ресурс}: <http://www.armstrade.org>, раздел отчета, посвященный оборонно-промышленному комплексу. Новости от 25 января 2012 года, среда- Режим доступа: (дата обращения 16.02.2015). Источник тот же.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал
№ 10 (19) / 2015
Часть 3

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природо-ресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Художник: Косыгин В.Т

Верстка: Кислюк В.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия